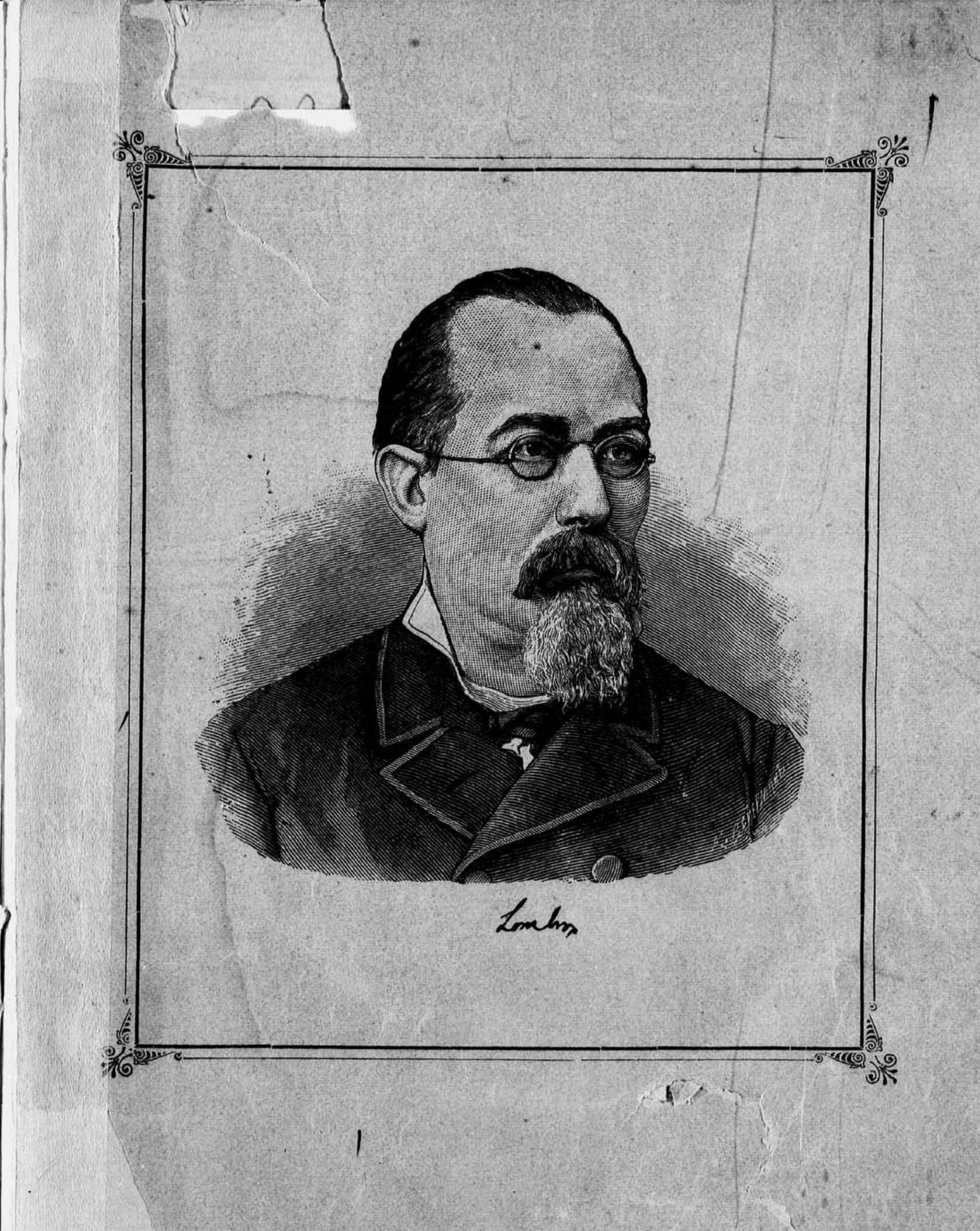

[Ц]ензур. Спб., 13 Марта 1885 г. Тип. Тов. „Обществ. Польза", Б. Подъяч., № 39.

Ц. ЛОМБРОЗО.

ГЕНІАЛЬНОСТЬ И ПОМѢШАТЕЛЬСТВО

ПАРАЛЛЕЛЬ МЕЖДУ ВЕЛИКИМИ ЛЮДЬМИ И ПОМѢШАННЫМИ.

Съ портретомъ автора, таблицами и рисунками.

Переводъ съ 4-го итальянскаго изданія

Ю. Тетюшиновой.

Изданіе Ф. Павленкова.

Цѣна 2 руб.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Товарищества «Общественная Польза», Б. Подъяч., № 39.

1885.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

ПРЕДИСЛОВІЕ АВТОРА КЪ ТРЕТЬЕМУ ИЗДАНІЮ.

Признаніе тѣсной связи и множество соотношеній между геніальностью и помѣшательствомъ глубоко укоренилось теперь среди ученыхъ. Это произошло благодаря отчасти научнымъ трудамъ Верга, Моро, Шиллинга и Маудсли, отчасти—изслѣдованіямъ череповъ великихъ людей, сдѣланнымъ Брока, Канестрини, Тюрнеромъ, Фогтомъ, Купфнеромъ, Катрфажемъ и Мантегацца. До нѣкоторой степени этому содѣйствовала, можетъ быть, и моя книга, выходящая теперь третьимъ изданіемъ, но особенно большую услугу оказало въ этомъ случаѣ распространеніе множества журналовъ-дневниковъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, начавшихъ издаваться въ Италіи почти всѣми лучшими больницами для умалишенныхъ.

Чуть не каждый номеръ этихъ любопытныхъ дневниковъ заключалъ въ себѣ новыя фактическія данныя въ подтвержденіе вѣрности тезиса, столько времени считавшагося нелѣпымъ парадоксомъ, а именно, что душевно-больные лишь въ рѣдкихъ случаяхъ обнаруживаютъ то полное разстройство умственныхъ способностей, которое приписываетъ имъ толпа, и что, напротивъ, самый недугъ нерѣдко вызываетъ у нихъ необыкновенную живость ума. Впрочемъ, хотя эта теорія уже не считается въ настоящее время нелѣпой или ложной, однако многіе еще называютъ ее безплодной, жестокой и практически непримѣнимой. Я не спорю, что она должна казаться печальной; но вѣдь въ явленіяхъ природы не мало печальнаго съ нашей точки зрѣнія,—напримѣръ, фактъ одновременнаго произрастанія крапивы и розы, фіалки и полыни.

Однако, развѣ ботаникъ возмущается подобнымъ явленіемъ, отрицаетъ его? Нѣтъ, онъ принимаетъ его къ свѣдѣнію, изучаетъ, описываетъ и, конечно, никто не поставитъ ему этого въ вину.

Оспаривать пользу и важное практическое значенiе новѣйшихъ изслѣдованiй въ области психiатрiи можетъ лишь тотъ, кому неизвѣстны ихъ результаты, кто не знаетъ, что именно, благодаря такимъ изслѣдованiямъ, удалось не только опредѣлить, хотя отчасти, сущность и происхожденiе генiальности, но и разсѣять на вѣки то роковое заблужденiе, на основанiи котораго помѣшанными, а слѣдовательно и невмѣняемыми, считались только субъекты, окончательно потерявшiе разсудокъ, вслѣдствiе сего тысячи невинныхъ жертвъ психическаго разстройства были преданы въ руки палачей.

Проф. Ц. Ломброзо.

Туринъ, 29 октября.
1876 г.

ПРЕДИСЛОВIЕ АВТОРА КЪ ЧЕТВЕРТОМУ ИЗДАНIЮ.

Когда, много лѣтъ тому назадъ, находясь какъ-бы подъ влiянiемъ экстаза (raptus), во время котораго мнѣ точно въ зеркалѣ съ полной очевидностью представлялись соотношенiя между генiальностью и помѣшательствомъ, я въ 12 дней написалъ первыя главы этой книги [1]), то, признаюсь, даже мнѣ самому не было ясно, къ какимъ серьезнымъ практическимъ выводамъ можетъ привести созданная мною теорiя. Я не ожидалъ, что она дастъ ключъ къ уразумѣнiю таинственной сущности генiя и къ объясненiю тѣхъ странныхъ религiозныхъ манiй, которыя являлись *иногда ядромъ великихъ историческихъ событiй*, что она поможетъ установить новую точку зрѣнiя для оцѣнки художественнаго творчества генiевъ путемъ сравненiя произведенiй ихъ въ области искусствъ и литературы съ такими-же произведенiями помѣшанныхъ и, наконецъ, что она окажетъ громадныя услуги судебной медицинѣ.

Въ такомъ важномъ практическомъ значенiи новой теорiи убѣдили меня мало-по-малу какъ документальныя работы Адрiани, Паоли, Фриджерiо, Максима Дюкана, Рива и Верга относительно развитiя артистическихъ дарованiй у помѣшанныхъ, такъ и громкiе процессы послѣдняго времени—Манжiоне, Пассананте, Лазаретти, Гито, доказавшiе всѣмъ, что манiя писательства не есть только своего рода психiатрическiй курьезъ, но прямо особая форма душевной болѣзни, и что одержимые ею субъекты, повидимому, совершенно нормальные, являются тѣмъ болѣе опасными членами общества, что сразу въ нихъ трудно замѣтить психическое разстройство, а между тѣмъ они бываютъ способны на крайнiй фанатизмъ и подобно религiознымъ маньякамъ, могутъ вызывать даже историческiе перево-

---

[1]) *Генiальность и помѣшательство.* «Введенiе къ курсу психiатрической клиники, читанному въ Павiанскомъ университетѣ». Миланъ, 1863 г.

вороты въ жизни народовъ. Вотъ почему—заняться вновь разсмотрѣніемъ прежней темы на основаніи новѣйшихъ данныхъ и въ болѣе широкомъ объемѣ показалось мнѣ дѣломъ чрезвычайно полезнымъ. Не скрою, что я считаю его даже и смѣлымъ, въ виду того ожесточенія, съ какимъ риторы науки и политики, съ легкостью газетныхъ барзописцевъ и въ интересахъ той или другой партіи, стараются осмѣять людей, доказывающихъ вопреки бреднямъ метафизиковъ, но съ научными данными въ рукахъ, полную невмѣняемость, вслѣдствіе душевной болѣзни, нѣкоторыхъ изъ такъ называемыхъ «преступниковъ» и психическое разстройство многихъ лицъ, считавшихся до сихъ поръ, по общепринятому мнѣнію, совершенно здравомыслящими.

На язвительныя насмѣшки и мелочныя придирки нашихъ противниковъ мы, по примѣру того оригинала, который для убѣжденія людей, отрицавшихъ движеніе, двигался въ ихъ присутствіи,—отвѣтимъ лишь тѣмъ, что будемъ собирать новые факты и новыя доказательства въ пользу нашей теоріи.—Что можетъ быть убѣдительнѣе фактовъ и кто станетъ отрицать ихъ?—Развѣ одни только невѣжды, но торжеству ихъ скоро наступитъ конецъ.

Проф. Ц. Ломброзо.

Туринъ, 1 января
1882 г.

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ РУССКОМУ ИЗДАНІЮ.

Сочиненіе Ломброзо «Геніальность и Помѣшательство» уже отчасти извѣстно русской публикѣ по журнальнымъ отзывамъ и отчетамъ. Появившіяся объ этой книгѣ рецензіи на столько выдвинули ее изъ ряда другихъ, ей подобныхъ, что попытка перевести психіатрическій этюдъ итальянскаго ученаго на русскій языкъ не нуждается ни въ оправданіи, ни въ поясненіяхъ.

Считаемъ только нужнымъ оговориться, что въ силу неизбѣжныхъ обстоятельствъ въ книгѣ мѣстами сдѣланы кое-какія незначительныя сокращенія и выпущены тѣ, интересныя только для спеціалистовъ, подробности, которыя обыкновенно очень пугаютъ «профановъ». Такихъ подробностей, впрочемъ, не особенно много въ сочиненіи Ломброзо, имѣющемъ чисто публицистическій характеръ и предназначенномъ столько-же для ученыхъ, сколько и для «большой публики». Сокращенія коснулись, главнымъ образомъ, мелкихъ судебно-медицинскихъ подробностей и цитатъ изъ литературныхъ произведеній помѣшанныхъ, почти непереводимыхъ на чужой языкъ, а также отчасти того фактическаго матеріала, который имѣетъ значеніе лишь для соотечественниковъ автора и зачастую даже затемняетъ смыслъ доказываемыхъ имъ положеній. Кромѣ того, исключена помѣщенная въ приложеніи статья о «Географическомъ распредѣленіи художниковъ въ Италіи и научныхъ изслѣдователей во Франціи»—какъ слишкомъ уже загроможденная именами второстепенныхъ и третьестепенныхъ «полезностей», сухая по изложенію и представляющая исключительно мѣстный интересъ.

Эти сокращенія желательно было-бы пополнить данными изъ русской жизни, но ихъ нѣтъ въ рукахъ частныхъ лицъ, а тѣ врачи-психіатры, къ которымъ издатель обращался съ прось-

бой снабдить переводъ соотвѣтствующими примѣчаніями, не могли этого сдѣлать *успѣшно*: одни — по неимѣнію свободнаго времени, другіе—вслѣдствіе незнанія итальянскаго языка или несогласія съ главными положеніями автора.

Цѣль и практическое значеніе своихъ изслѣдованій Ломброзо выяснилъ съ достаточной полнотой въ двухъ предисловіяхъ къ различнымъ изданіямъ книги и въ самомъ текстѣ ея. Какъ ни обширна поставленная имъ себѣ задача, однако въ недавнее время ее еще больше расширилъ нѣмецкій психіатръ Радстокъ и нашелъ возможнымъ примѣнить къ малоизслѣдованной психіатрами, но особенно важной для общества отрасли знанія—къ педагогіи.

Небольшая брошюра Радстока, появившаяся въ прошломъ году подъ заглавіемъ «Genie und Wahnsinn», посвящена тому-же вопросу, какъ и сочиненіе Ломброзо, но представляетъ самостоятельное изслѣдованіе, въ которомъ нѣтъ даже ссылокъ на труды итальянскихъ психіатровъ. Между тѣмъ Радстокъ указываетъ въ ней приблизительно на тѣ-же факты изъ жизни геніальныхъ людей и проводитъ тѣ-же параллели между геніальностью и помѣшательствомъ, какъ и миланскій профессоръ и только въ практическомъ примѣненіи подобныхъ изслѣдованій видитъ еще одной цѣлью больше, а именно—считаетъ ихъ полезными для самообразованія талантливыхъ личностей и для руководства педагогамъ. Вотъ заключительныя страницы его брошюры:

«Изслѣдованія относительно точекъ соприкосновенія между геніальностью и помѣшательствомъ, помимо научнаго интереса, имѣютъ и практическія цѣли. Многіе изъ высоко-даровитыхъ людей, ознакомившись съ жизнью своихъ великихъ предшественниковъ, могутъ почерпнуть изъ нея не одинъ поучительный примѣръ. Кромѣ того, указанія на опасности, сопряженныя съ выдающимися способностями, должны послужить для геніевъ *предостереженіемъ* и вызвать въ нихъ сознаніе необходимости избѣгать всякихъ возбужденій и противодѣйствовать, насколько возможно, вредному вліянію аффектовъ. Исторія даетъ не мало примѣровъ того, какъ люди эксцентрическіе, склонные къ всевозможнымъ излишествамъ, выходили потомъ на прямую дорогу, единственно благодаря энергической борьбѣ съ своими страстями и настойчивости въ достиженіи этой цѣли. Но подобное самовоспитаніе представляетъ все-таки слишкомъ большія трудности, особенно въ зрѣломъ возрастѣ. Гораздо легче могутъ достигнуть хорошихъ результатовъ родители и воспитатели молодаго поколѣнія, для которыхъ поэтому

особенно важно знакомство съ нормальными и болѣзненными проявленіями мозговой дѣятельности. Прежде всего родители должны знать, что примѣръ ихъ имѣетъ на дѣтей огромное вліяніе, подобно тому какъ истерія матери всегда переходитъ къ дочерямъ, и всѣ дурныя привычки родителей, всѣ психическія ненормальности ихъ непремѣнно отражаются на дѣтяхъ, между прочимъ, даже въ силу безсознательнаго подражанія. Затѣмъ, воспитателямъ никогда не слѣдуетъ добиваться того, чтобы изъ ихъ питомцевъ вышли такъ называемыя „феноменальныя дѣти“ (Wunderkinder) и для этой цѣли обременять мозгъ ихъ непосильными занятіями, вслѣдствіе чего обыкновенно задерживается физическое развитіе ребенка и является предрасположеніе къ душевнымъ болѣзнямъ. Такъ-же вредно дѣйствуетъ на дѣтей непомѣрная требовательность, суровость обращенія и отсутствіе ласки, благодаря чему ребенокъ, не находящій удовлетворенія своему любящему сердцу среди окружающихъ, получаетъ склонность къ фантазированію и мечтательности. Но едва-ли не губительнѣе еще отражается на дѣтяхъ излишняя снисходительность родителей, дающая полный просторъ развитію упрямства, прихотей и ничѣмъ не сдерживаемыхъ капризовъ ребенка. Изъ такихъ дѣтей обыкновенно выходятъ люди, неспособные ни къ самообладанію, ни къ упорной борьбѣ съ невзгодами жизни: они или гибнутъ при первомъ-же столкновеніи съ суровой дѣйствительностью, или превращаются въ бездушныхъ эгоистовъ.

„Такъ какъ психическимъ страданіямъ всего болѣе подвержены именно даровитыя, геніальныя личности, то ихъ-то и необходимо съ дѣтства оберегать по возможности отъ разнородныхъ вредныхъ вліяній, отъ всего, что слишкомъ сильно дѣйствуетъ на нервную систему: всякія возбужденія, страсти, порывы должны быть сдерживаемы насколько возможно, самолюбіе слѣдуетъ поставить въ должныя границы, а тщеславіе и самомнѣніе — искоренять самымъ тщательнымъ образомъ. Воспитатель обязанъ не допустить богато одаренный умъ до раздвоенности или односторонности и привить своему питомцу любовь къ серьезнымъ добродѣтелямъ.

«Не менѣе важныя основы правильнаго воспитанія составляютъ также самообладаніе и сила воли—качества, дающія человѣку возможность противустоять какимъ-бы то ни было вреднымъ вліяніямъ и нерѣдко даже побороть первые приступы душевной болѣзни, хотя-бы и наслѣдственной. Однако твердая воля пріобрѣтается медленно путемъ долгаго упражненія, да и самый характеръ складывается не сразу, изъ отдѣльныхъ,

внезапно возникающихъ влеченій и намѣреній, но исподволь и, главнымъ образомъ, вслѣдствіе *привычки*. Гербартъ справедливо замѣтилъ, что какъ у мыслительныхъ функцій нашихъ, такъ и у воли есть своя память, благодаря которой обычныя, часто повторяющіяся проявленія воли требуютъ меньшаго напряженія, чѣмъ рѣдкія, исключительныя. Своего полнаго развитія характеръ достигаетъ конечно, лишь при столкновеніи съ жизненными бурями, но основа его кладется у домашняго очага.»

Психологія и психіатрія являются такимъ образомъ, по мнѣнію Радстока, надежными руководительницами въ дѣлѣ воспитанія; но для ознакомленія публики съ ненормальностями мозговой дѣятельности у геніевъ и помѣшанныхъ можетъ послужить не столько его собственная брошюра, представляющая лишь собраніе противорѣчащихъ одинъ другому фактовъ, сколько вполнѣ обработанное и прекрасно изложенное изслѣдованіе Ломброзо.

К. Тетюшинова.

I.

Введеніе и историческій обзоръ.

Въ высшей степени печальна наша обязанность — помощью неумолимаго анализа разрушать и уничтожать одну за другой тѣ свѣтлыя, радужныя иллюзіи, которыми обманываетъ и возвеличиваетъ себя человѣкъ, въ своемъ высокомѣрномъ ничтожествѣ; тѣмъ болѣе печальна, что въ замѣнъ этихъ пріятныхъ заблужденій, этихъ кумировъ, такъ долго служившихъ предметомъ обожанія, мы ничего не можемъ предложить ему кромѣ холодной улыбки состраданія. Но служитель истины долженъ неизбѣжнымъ образомъ подчиняться ея законамъ. Такъ, въ силу роковой необходимости, онъ приходитъ къ убѣжденію, что любовь есть въ сущности ничто-иное, какъ взаимное влеченіе тычинокъ и пестиковъ... а мысли — простое движеніе молекулъ. Даже геніальность — эта единственная державная власть, принадлежащая человѣку, предъ которой не краснѣя можно преклонить колѣна, — даже ее многіе психіатры поставили на одномъ уровнѣ съ наклонностью къ преступленіямъ, даже въ ней они видятъ только одну изъ тератологическихъ (уродливыхъ) формъ человѣческаго ума, одну изъ разновидностей сумасшествія. И, замѣтьте, что подобную профанацію, подобное кощунство позволяютъ себѣ не одни лишь врачи и не исключительно только въ наше скептическое время.

Еще Аристотель, этотъ великій родоначальникъ и учитель всѣхъ философовъ, замѣтилъ, что подъ вліяніемъ приливовъ

крови къ головѣ „многіе индивидуумы дѣлаются поэтами, пророками или прорицателями, и что Маркъ Сиракузскій писалъ довольно хорошіе стихи пока былъ маніакомъ, но, выздоровѣвъ, совершенно утратилъ эту способность“.

Онъ же говоритъ въ другомъ мѣстѣ: „замѣчено, что знаменитые поэты, политики и художники были частью меланхолики и помѣшанные, частью — мизантропы, какъ Беллерофонтъ. Даже и въ настоящее время мы видимъ тоже самое въ Сократѣ, Эмпедоклѣ, Платонѣ и другихъ, и всего сильнѣе въ поэтахъ. Люди съ холодной, изобильной кровью (букв. желчь) бываютъ робки и ограниченны, а люди съ горячей кровью—подвижны, остроумны и болтливы“.

Платонъ утверждаетъ, что „бредъ совсѣмъ не есть болѣзнь, а напротивъ, величайшее изъ благъ, даруемыхъ намъ богами; подъ вліяніемъ бреда, дельфійскія и додонскія прорицательницы оказали тысячи услугъ гражданамъ Греціи, тогда какъ въ обыкновенномъ состояніи онѣ приносили мало пользы, или же совсѣмъ оказывались безполезными. Много разъ случалось, что когда боги посылали народамъ эпидеміи, то кто-нибудь изъ смертныхъ впадалъ въ священный бредъ и, дѣлаясь подъ вліяніемъ его пророкомъ, указывалъ лекарство противъ этихъ болѣзней. Особый родъ бреда, возбуждаемаго Музами, вызываетъ въ простой и непорочной душѣ человѣка способность выражать въ прекрасной поэтической формѣ подвиги героевъ, что̀ содѣйствуетъ просвѣщенію будущихъ поколѣній“.

Демокритъ даже прямо говорилъ, что не считаетъ истиннымъ поэтомъ человѣка, находящагося въ здравомъ умѣ. *Excludit sanos, Helicone poetas.*

Вслѣдствіе подобныхъ взглядовъ на безуміе, древніе народы относились къ помѣшаннымъ съ большимъ почтеніемъ, считая ихъ вдохновленными свыше, что̀ подтверждается, кромѣ истори-

ескихъ фактовъ, еще и тѣмъ, что слово *mania* — по-гречески, *navi* и *mesugan* — по еврейски, а *nigrata*—по-санскритски, означаютъ и сумасшествіе, и пророчество.

Феликсъ Платеръ утверждаетъ, что зналъ многихъ людей, которые, отличаясь замѣчательнымъ талантомъ въ разныхъ искусствахъ, въ то-же время были помѣшанными. Помѣшательство ихъ выражалось нелѣпой страстью къ похваламъ, а также странными и неприличными поступками. Между прочимъ, Платеръ встрѣтилъ при дворѣ пользовавшихся большой славой архитектора, скульптора и музыканта, несомнѣнно сумасшедшихъ. Еще болѣе выдающіеся факты собраны Ф. Газони въ Италіи, въ „*Больницѣ для неизлечимыхъ душевнобольныхъ*„ Сочиненіе его переведено (на итальянскій языкъ) Лонгоалемъ, въ 1620 году. Изъ болѣе близкихъ къ намъ писателей Паскаль постоянно говорилъ, что величайшая геніальность граничитъ съ полнѣйшимъ сумасшествіемъ и впослѣдствіи доказалъ это на собственномъ примѣрѣ. То-же самое подтвердилъ и Гекартъ (Hecart) относительно своихъ товарищей, ученыхъ и въ то-же время помѣшанныхъ, подобно ему самому. Наблюденія свои онъ издалъ въ 1823 г. подъ названіемъ: „*Стултиціана или краткая библіографія сумасшедшихъ, находящихся въ Валенсьенѣ, составленная помѣшаннымъ*. Тѣмъ же предметомъ занимались Дельпьеръ, страстный библіофилъ, въ своей интересной „*Histoire littéraire des fous*“, 1860 года, Форгъ —въ прекрасномъ очеркѣ, помѣщенномъ въ *Revue de Paris*, 1826 года, и неизвѣстный авторъ въ „Очеркахъ Бедлама“ (*Sketches in Bedlam*, Лондонъ, 1873 г.).

За послѣднее время Лелю — въ *Démon de Socrate*, 1856 г. и въ *Amulet de Pascal*, 1846 г., Верга—въ *Lipemania del Tasso* 1850 г. и Ломброзо въ *Pazzia di Cardano*, 1856 г., доказали, что многіе геніальные люди, напр. Свифтъ, Лютеръ,

Карданъ, Бругамъ и др. страдали умопомѣшательствомъ, галлюцинаціями или были мономанами впродолженіе долгаго времени. Моро, съ особенной любовью останавливающійся на фактахъ наименѣе правдоподобныхъ, въ своемъ послѣднемъ сочиненіи *Psychologie morbide* и Шиллингъ въ своихъ *Psychiatrische Briefe*, 1863 года, пытались доказать при помощи тщательныхъ, хотя и не всегда строго научныхъ изслѣдованій, что геній есть во всякомъ случаѣ нѣчто въ родѣ нервной ненормальности, нерѣдко переходящей въ настоящее сумасшествіе. Подобные же выводы, приблизительно, сдѣланы Гагеномъ въ его статьѣ „О сродствѣ между геніальностью и безуміемъ“ (*Ueber die Verwandschaft Genies und Irresein*. Berlin, 1877) и отчасти также Юргенъ Мейеромъ (Jurgen Meyer) въ его прекрасной монографіи „Геній и Талантъ“. Оба эти ученые, пытавшіеся болѣе точно установить физіологію генія, пришли путемъ самаго тщательнаго анализа фактовъ къ тѣмъ-же заключеніямъ, какія высказалъ болѣе ста лѣтъ тому назадъ, скорѣе на основаніи опыта, чѣмъ строгихъ наблюденій, одинъ итальянскій іезуитъ Беттинелли, въ своей, теперь уже совершенно забытой, книгѣ *Dell'entusiasmo nelle belle arti*. Миланъ, 1769 г.

II.

Сходство геніальныхъ людей съ помѣшанными въ физіологическомъ отношеніи.

Какъ ни жестокъ и печаленъ такого рода парадоксъ, но, разсматривая его съ научной точки зрѣнія, мы найдемъ, что въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ онъ вполнѣ основателенъ, хотя съ перваго взгляда и кажется нелѣпымъ.

Многіе изъ великихъ мыслителей подвержены, подобно помѣшаннымъ, судорожнымъ сокращеніямъ мускуловъ и отличаются рѣзкими, такъ называемыми „хореическими“ тѣлодвиженіями. Такъ, о Ленау и Монтескье разсказываютъ, что на полу у столовъ, гдѣ они занимались, можно было замѣтить углубленія отъ постояннаго подергиванія ихъ ногъ. Бюффонъ, погруженный въ свои размышленія, забрался однажды на колокольню и спустился оттуда по веревкѣ, совершенно безсознательно, какъ будто въ припадкѣ сомнамбулизма. Сантейль, Кребильонъ, Ломбардини имѣли странную мимику, похожую на гримасы. Наполеонъ страдалъ постояннымъ подергиваніемъ праваго плеча и губъ, а во время припадковъ гнѣва, также и икръ. „Я, вѣроятно, былъ очень разсерженъ, сознавался онъ самъ однажды послѣ горячаго спора съ Лоу,—потому что чувствовалъ дрожаніе моихъ икръ, чего со мной давно уже не случалось“.

Петръ Великій былъ подверженъ подергиваніямъ лицевыхъ мускуловъ, ужасно искажавшихъ его лицо.

„Лицо Кардучи, говоритъ Мантегаца, по временамъ напоминаетъ собою ураганъ: изъ глазъ его сыплятся молніи, а дрожаніе мускуловъ походитъ на землетрясеніе.

Амперъ не могъ иначе говорить, какъ ходя и шевеля всѣми членами. Извѣстно, что обычный составъ мочи и въ особенности содержаніе въ ней мочевины замѣтно измѣняется послѣ маніакальныхъ приступовъ. Тоже самое замѣчается и послѣ усиленныхъ умственныхъ занятій. Уже много лѣтъ тому назадъ Гольдингъ Бѣрдъ сдѣлалъ наблюденіе, что у одного англійскаго проповѣдника, всю недѣлю проводившаго въ праздности и только по воскресеньямъ съ большимъ жаромъ произносившаго проповѣди, именно въ этотъ день значительно увеличивалось въ мочѣ содержаніе фосфорно-кислыхъ солей, тогда какъ въ другіе дни оно было крайне ничтожно. Впослѣдствіи Смитъ многими наблюденіями подтвердилъ тотъ фактъ, что при всякомъ умственномъ напряженіи увеличивается количество мочевины въ мочѣ, и въ этомъ отношеніи аналогія между геніальностью и сумасшествіемъ представляется несомнѣнной.

На основаніи такого ненормальнаго изобилія мочевины или скорѣе на основаніи этого новаго подтвержденія закона о равновѣсіи между силой и матеріей, управляющаго всѣмъ міромъ живыхъ существъ, можно вывести еще и другія болѣе изумительныя аналогіи: напр. сѣдина и облысѣніе, худоба тѣла, а также плохая мускульная и половая дѣятельность, свойственныя всѣмъ помѣшаннымъ, очень часто встрѣчаются и у великихъ мыслителей. Цезарь *боялся* блѣдныхъ и худыхъ Кассіевъ. Даламберъ, Фенелонъ, Наполеонъ были въ молодости худы какъ скелеты. О Вольтерѣ Сегюръ пишетъ: „Худоба доказываетъ, какъ много онъ работаетъ; изможденное и согбенное тѣло его служитъ только легкой, почти прозрачной оболочкой, сквозь которую какъ будто видишь душу и геній этого человѣка“.

Блѣдность всегда считалась принадлежностью и даже украшеніемъ великихъ людей. Кромѣ того мыслителямъ наравнѣ съ помѣшанными свойственны: постоянное переполненіе мозга кровью (гипперемія), сильный жаръ въ головѣ и охлажденіе конечностей, склонность къ острымъ болѣзнямъ мозга и слабая чувствительность къ голоду и холоду.

О геніальныхъ людяхъ, точно такъ-же какъ и о сумасшедшихъ, можно сказать, что они всю жизнь остаются одинокими, холодными, равнодушными къ обязанностямъ семьянина и члена общества. Микель-Анжело постоянно твердилъ, что *его искусство замѣняетъ ему жену*. Гёте, Гейне, Байронъ, Челлини, Наполеонъ, Ньютонъ хотя и не говорили этого, но своими поступками доказывали еще нѣчто худшее.

Не рѣдки случаи, когда вслѣдствіе тѣхъ же причинъ, которыя такъ часто вызываютъ сумасшествіе, т. е. вслѣдствіе болѣзней и поврежденій головы, самые обыкновенные люди превращаются въ геніальныхъ. Вико въ дѣтствѣ упалъ съ высочайшей лѣстницы и раздробилъ себѣ правую темянную кость. Гратри, вначалѣ плохой пѣвецъ, сдѣлался знаменитымъ артистомъ послѣ сильнаго ушиба головы бревномъ. Мабильонъ, смолоду совершенно слабоумный, достигъ извѣстности своими талантами, которые развились въ немъ вслѣдствіе полученной имъ раны въ голову. Галль, сообщившій этотъ фактъ, зналъ одного датчанина полуидіота, умственныя способности котораго сдѣлались блестящими послѣ того, какъ онъ, 13-ти лѣтъ, свалился съ лѣстницы головою внизъ *). Нѣсколько лѣтъ тому назадъ одинъ

*) Покойный митрополитъ московскій Макарій, отличавшійся замѣчательно свѣтлымъ умомъ, былъ до того болѣзненнымъ и тупымъ ребенкомъ, что совершенно не могъ учиться. Но въ семинаріи кто-то изъ товарищей, во время игры, прошибъ ему голову камнемъ и послѣ того способности Макарія сдѣлались блестящими, а здоровье совершенно поправилось. *Пр. пер.*

кретинъ изъ Савойи, укушенный бѣшеной собакой, сдѣлался совершенно разумнымъ человѣкомъ въ послѣдніе дни своей жизни. Докторъ Галле зналъ ограниченныхъ людей, умственныя способности которыхъ необыкновенно развились вслѣдствіе болѣзней мозга (midollo).

„Очень можетъ быть, что моя болѣзнь (болѣзнь спиннаго мозга) придала моимъ послѣднимъ произведеніямъ какой-то ненормальный оттѣнокъ„ —говоритъ съ удивительной прозорливостью Гейне въ одномъ изъ своихъ писемъ. Нужно, впрочемъ, прибавить, что болѣзнь отразилась такимъ образомъ не только на его послѣднихъ произведеніяхъ, и онъ самъ сознавалъ это. Еще за нѣсколько мѣсяцевъ до усиленія своей болѣзни, Гейне писалъ о себѣ (*Correspondance inédite.* Paris. 1877): „Мое умственное возбужденіе есть скорѣе результатъ болѣзни, чѣмъ геніальности:—чтобъ хотя немного утишить мои страданія, я сочинялъ стихи. Въ эти ужасныя ночи, обезумѣвъ отъ боли, бѣдная голова моя мечется изъ стороны въ сторону и заставляетъ звенѣть съ жестокой веселостью бубенчики изношеннаго дурацкаго колпака“.

Биша и фонъ-деръ Колькъ замѣтили, что у людей съ искривленной шеей умъ бываетъ живѣе, чѣмъ у людей обыкновенныхъ. У Конолли былъ одинъ больной, умственныя способности котораго возбуждались во время операцій надъ нимъ, и нѣсколько такихъ больныхъ, которые проявляли особенную даровитость въ первые періоды чахотки и подагры. Всѣмъ извѣстно, какимъ остроуміемъ и хитростью отличаются горбатые; Рокитанскій пытался даже объяснить это тѣмъ, что у нихъ аорта, давъ сосуды, идущіе къ головѣ, дѣлаетъ изгибъ, вслѣдствіе чего является расширеніе объема сердца и увеличеніе артеріальнаго давленія въ черепѣ.

Этой зависимостью генія отъ патологическихъ измѣненій отчасти можно объяснить любопытную особенность геніальности по сравненію съ талантомъ, въ томъ отношеніи, что она является чѣмъ-то безсознательнымъ и проявляется совершенно неожиданно.

Юргенъ Мейеръ говоритъ, что талантливый человѣкъ дѣйствуетъ строго обдуманно; онъ знаетъ, какъ и почему онъ пришелъ къ извѣстной теоріи, тогда какъ генію это совершенно неизвѣстно: всякая творческая дѣятельность безсознательна.

Гайднъ приписывалъ таинственному дару, ниспосланному свыше, созданіе своей знаменитой симфоніи „Сотвореніе міра.“ — „Когда работа моя плохо подвигалась впередъ, говорилъ онъ, я, съ четками въ рукахъ, удалялся въ молельню, прочитывалъ Богородицу—и вдохновеніе снова возвращалось ко мнѣ“.

Итальянская поэтесса Милли, во время созданія, почти невольнаго, своихъ чудныхъ стихотвореній, волнуется, кричитъ, поетъ, бѣгаетъ взадъ и впередъ и какъ будто находится въ припадкѣ эпилепсіи.

Тѣ изъ геніальныхъ людей, которые наблюдали за собою, говорятъ, что подъ вліяніемъ вдохновенія они испытываютъ какое-то невыразимо-пріятное лихорадочное состояніе, во время котораго мысли невольно родятся въ ихъ умѣ и брызжутъ сами собою, точно искры изъ горящей головни.

Это прекрасно выразилъ Данте въ слѣдующихъ трехъ строкахъ:

.... I mi son un che, quando
Amore spira, noto ed in quel modo
Che detta dentro vo significando
(Вдохновляемый любовью, я говорю то,
что она подсказываетъ мнѣ).

Наполеонъ говорилъ, что исходъ битвъ зависитъ отъ одного мгновенія, отъ одной мысли, временно остававшейся бездѣятельной; при наступленіи благопріятнаго момента, она вспыхи-

ваетъ, подобно искрѣ, и въ результатѣ является побѣда (Моро).

Бауеръ говоритъ, что лучшія стихотворенія Ку были продиктованы имъ въ состояніи близкомъ къ умопомѣшательству. Въ тѣ минуты, когда съ устъ его слетали эти чудныя строфы, онъ былъ не способенъ разсуждать даже о самыхъ простыхъ вещахъ.

Фосколо сознается въ своемъ *Epistolario*, лучшемъ произведеніи этого великаго ума, что творческая способность писателя обусловливается особымъ родомъ умственнаго возбужденія (лихорадки), котораго *нельзя вызвать по своему произволу*.

„Я пишу свои письма, говоритъ онъ, не для отечества и не ради славы, но для того внутренняго наслажденія, какое доставляетъ намъ упражненіе нашихъ способностей“.

Беттинелли называетъ поэтическое творчество сномъ съ открытыми глазами, безъ потери сознанія, и это, пожалуй, справедливо, такъ какъ многіе поэты диктовали свои стихи въ состояніи, похожемъ на сонъ.

Гёте тоже говоритъ, что для поэта необходимо извѣстное мозговое раздраженіе и что онъ самъ сочинялъ многія изъ своихъ пѣсенъ, находясь какъ бы въ припадкѣ сомнамбулизма.

Клопштокъ сознается, что когда онъ писалъ свою поэму, вдохновеніе часто являлось къ нему во время сна.

Во снѣ Вольтеръ задумалъ одну изъ пѣсенъ Генріады, Сардини—теорію игры на флажолетѣ, а Секендорфъ—свою прелестную пѣсню о Фантазіи. Ньютонъ и Карданъ во снѣ разрѣшали математическія задачи.

Муратори во снѣ составилъ пентаметръ на латинскомъ языкѣ много лѣтъ спустя послѣ того, какъ пересталъ писать стихи. Говорятъ, что во время сна Лафонтенъ сочинилъ басню „Два Голубя“, а Кондильякъ закончилъ лекцію, начатую наканунѣ.

Кубла Кольриджа и *Фантазія* Гольде были сочинены во снѣ.

Моцартъ сознавался, что музыкальныя идеи являются у него невольно, подобно сновидѣніямъ, а Гофманъ часто говорилъ своимъ друзьямъ: „Я работаю сидя за фортепіано съ закрытыми глазами и воспроизвожу то, что подсказываетъ мнѣ кто-то со стороны“.

Лагранжъ замѣчалъ у себя неправильное біеніе пульса, когда писалъ, у Альфіери-же въ это время темнѣло въ глазахъ.

Ламартинъ часто говорилъ: „Не я самъ думаю, но мои мысли думаютъ за меня“.

Альфіери, называвшій себя барометромъ—до такой степени измѣнялись его творческія способности смотря по времени года,—съ наступленіемъ сентября *не могъ* противиться овладѣвавшему имъ *невольному побужденію*, до того сильному, что онъ долженъ былъ уступить и написалъ шесть комедій. На одномъ изъ своихъ сонетовъ онъ собственноручно сдѣлалъ такую надпись: „*Случайный. Я не хотѣлъ его писать*“. Это преобладаніе безсознательнаго въ творчествѣ геніальныхъ людей замѣчено было еще въ древности.

Сократъ первый указалъ на то, что поэты создаютъ свои произведенія не вслѣдствіе старанія или искусства, но благодаря нѣкоторому природному инстинкту. Такимъ же образомъ прорицатели говорятъ прекрасныя вещи, совершенно не сознавая этого.

„Всѣ геніальныя произведенія, говоритъ Вольтеръ въ письмѣ къ Дидро, созданы инстинктивно. Философы цѣлаго міра вмѣстѣ не могли бы написать Армиды Кино или басни „Моръ звѣрей“, которую Лафонтенъ диктовалъ, даже не зная хорошенько, что изъ нея выйдетъ. Корнель написалъ своихъ Горацієвъ такъ-же инстиктивно, какъ птица вьетъ гнѣздо“.

Такимъ образомъ величайшія идеи мыслителей, подготовлен-

ныя такъ сказать уже полученными впечатлѣніями и въ высшей степени чувствительной организацiей субъекта, родятся внезапно и развиваются настолько же безсознательно, какъ и необдуманные поступки помѣшанныхъ. Этой-же безсознательностью объясняется непоколебимость убѣжденiй въ людяхъ, усвоившихъ себѣ фанатически извѣстныя убѣжденія. Но какъ только прошелъ моментъ экстаза, возбужденія, геній превращается въ обыкновеннаго человѣка или падаетъ еще ниже, такъ какъ отсутствіе равномѣрности (равновѣсія) есть одинъ изъ признаковъ геніальной натуры. Дизраэли отлично выразилъ это, когда сказалъ, что у лучшихъ англійскихъ поэтовъ, Шекспира и Драйдна, можно встрѣтить и самые плохіе стихи. О живописцѣ Тинторето говорили, что онъ бываетъ то выше Караччи, то ниже Тинторето.

Овидіо вполнѣ правильно объясняетъ неодинаковость слога Тассо его-же собственнымъ признаніемъ, что когда исчезало вдохновеніе, онъ путался въ своихъ сочиненіяхъ, не узнавалъ ихъ и не въ состояніи былъ оцѣнить ихъ достоинства.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что между помѣшаннымъ во время припадка и геніальнымъ человѣкомъ, обдумывающимъ и создающимъ свое произведеніе, существуетъ полнѣйшее сходство.

Припомните латинскую пословину „Aut insanit homo, aut versus fecit“ (Или безумецъ или стихоплетъ).

Вотъ какъ описываетъ состояніе Тассо врачъ Ревелье-Паратъ: „пульсъ слабый и неровный, кожа блѣдная, холодная, голова горячая, воспаленная, глаза блестящіе, налитые кровью, безпокойные, бѣгающіе по сторонамъ. По окончаніи періода творчества, часто самъ авторъ не понимаетъ того, что онъ минуту тому назадъ излагалъ“.

Марини, когда писалъ *Adone*, не замѣтилъ, что сильно обжогъ себѣ ногу. Тассо въ періодъ творчества казался совершенно помѣшаннымъ. Кромѣ того, обдумывая что-нибудь, многіе искусственно вызываютъ приливъ крови къ мозгу, какъ напр. Шиллеръ, ставившій ноги въ ледъ, Питтъ и Фоксъ, приготовлявшіе свои рѣчи послѣ неумѣреннаго употребленія портера и Паизіелло, сочинявшій не иначе какъ укрывшись множествомъ одѣялъ. Мильтонъ и Декартъ опрокидывались головою на диванъ, Боссюэтъ удалялся въ холодную комнату и клалъ себѣ на голову теплыя припарки; Куйасъ (Cujäs) работалъ лежа внизъ лицомъ на коврѣ. О Лейбницѣ сложилась поговорка, что онъ мыслилъ только въ горизонтальномъ положеніи—до такой степени оно было необходимо ему для умственной дѣятельности. Мильтонъ сочинялъ, запрокинувъ голову назадъ, на подушку, а Тома (Thomas) и Россини лежа въ постели; Руссо обдумывалъ свои произведенія подъ яркимъ полуденнымъ солнцемъ съ открытой головой.

Очевидно, всѣ они инстиктивно употребляли такія средства, которыя временно усиливаютъ приливъ крови къ головѣ въ ущербъ остальнымъ членамъ тѣла. Здѣсь кстати упомянуть о томъ, что многіе изъ даровитыхъ и въ особенности геніальныхъ людей злоупотребляли спиртными напитками. Не говоря уже объ Александрѣ Великомъ, который подъ вліяніемъ опьяненія убилъ своего лучшаго друга и умеръ послѣ того какъ десять разъ осушилъ кубокъ Геркулеса, — самого Цезаря солдаты часто приносили домой на своихъ плечахъ. Сократъ, Сенека, Алкивіадъ, Катонъ, а въ особенности Септимій Северъ и Махмудъ II, до такой степени отличались невоздержностью, что всѣ умерли отъ пьянства вслѣдствіе бѣлой горячки. Запоемъ страдали также Коннетабль Бурбонскій, Авицена, о которомъ говорятъ, что онъ посвятилъ вторую половину своей жизни на то, чтобы доказать всю безполезность научныхъ свѣдѣній, прі-

обрѣтенныхъ имъ въ первую половину, и многіе живописцы, напр. Караччи, Стенъ (Steen), Барбателли и цѣлая плеяда поэтовъ,—Мюрже, Жераръ де Нерваль, Мюссе, Клейстъ, Майлатъ и во главѣ ихъ Тассо, писавшій въ одномъ изъ своихъ писемъ: „Я не отрицаю, что я безумецъ; но мнѣ пріятно думать, что мое безуміе произошло отъ пьянства и любви, потому что я дѣйствительно пью много“.

Не мало пьяницъ встрѣчается и въ числѣ великихъ музыкантовъ, напр. Дюссекъ, Гендель и Глюкъ, говорившій, что „онъ считаетъ вполнѣ справедливымъ любить золото, вино и славу, потому что первое даетъ ему средство имѣть второе, которое, вдохновляя, доставляетъ ему славу“. Впрочемъ, кромѣ вина онъ любилъ также водку и, наконецъ ,опился ею.

Замѣчено, что почти всегда великія созданія мыслителей получаютъ окончательную форму или по крайней мѣрѣ выясняются подъ вліяніемъ какого-нибудь спеціальнаго ощущенія, которое играетъ здѣсь, такъ сказать, роль капли соленой воды въ хорошо устроенномъ вольтовомъ столбѣ. Факты доказываютъ, что всѣ великія открытія были сдѣланы подъ вліяніемъ органовъ чувствъ, какъ это подтверждаетъ и Молешоттъ. Нѣсколько лягушекъ, изъ которыхъ предполагалось приготовить цѣлебный отваръ для жены Гальвани, послужили къ открытію гальванизма. Изохроническія (одновременныя) качанія люстры и паденіе яблока натолкнули Ньютона и Галилея на созданіе великихъ системъ. Алфіери сочинялъ и обдумывалъ свои трагедіи, слушая музыку. Моцартъ при видѣ апельсина вспомнилъ народную неаполитанскую пѣсенку, которую слышалъ пять лѣтъ тому назадъ, и тотчасъ-же написалъ знаменитую кантату къ оперѣ *Донъ Жуанъ*. Взглянувъ на какого-то носильщика, Леонардо задумалъ своего Іуду, а Торвальдсенъ нашелъ подходящую позу для сидящаго ангела при видѣ кривляній своего натурщика. Вдохновеніе впервые осѣнило Сальватора Розу въ то время, когда онъ любовался видомъ Позилипо, а Гогартъ нашелъ типы для своихъ каррикатуръ въ тавернѣ, послѣ того какъ одинъ пьяница разбилъ тамъ ему носъ въ дракѣ. Мильтону, Бэкону, Леонарду и Варбуртону необходимо было слышать звонъ колоколовъ для того чтобы приняться за работу; Бурдалу, передъ тѣмъ какъ диктовать свои безсмертныя проповѣди, всегда наигрывалъ на скрипкѣ какую-нибудь арію. Чтеніе одной оды Спенсера возбудили въ Коулеѣ склонность къ поэзіи, а книга Сакробозе заставила Гаммада пристраститься къ астрономіи. Разсматривая рака, Ваттъ напалъ на мысль объ устройствѣ чрезвычайно полезной въ промышленности машины, а Гиббонъ задумалъ писать исторію Греціи послѣ того, какъ увидѣлъ развалины Капитолія *).

Но вѣдь точно также извѣстныя ощущенія вызываютъ помѣшательство или служатъ исходной точкой его, являясь иногда причиной самыхъ страшныхъ припадковъ бѣшенства. Такъ напр. кормилица Гумбольдта сознавалась, что видъ свѣжаго нѣжнаго тѣла ея питомца возбуждалъ въ ней неудержимое желаніе зарѣзать его. А сколько людей были вовлечены въ убійство, поджогъ или разрываніе могилъ при видѣ топора, пылающаго костра и трупа!

Слѣдуетъ еще прибавить, что вдохновеніе, экстазъ всегда переходитъ въ настоящія галлюцинаціи, потому что человѣкъ видитъ тогда предметы, существующіе лишь въ его воображеніи. Такъ, Гросси разсказывалъ, что однажды ночью, послѣ того какъ онъ долго трудился надъ описаніемъ появленія призрака.

*) Гете создалъ свою теорію развитія черепа по общему типу спинныхъ позвонковъ во время прогулки, когда, толкнувъ ногою валявшійся на дорогѣ черепъ овцы, увидѣлъ, что онъ раздѣлился на три части.

Пр. Пер.

Прина, онъ увидѣлъ этотъ призракъ передъ собою и долженъ былъ зажечь свѣчу, чтобы избавиться отъ него. Балль разсказываетъ о сынѣ (successore) Рейнольса, что онъ могъ дѣлать до 300 портретовъ въ годъ, такъ какъ ему было достаточно посмотрѣть на кого-нибудь впродолженіи получаса, пока онъ набрасывалъ эскизъ, чтобы потомъ уже это лицо постоянно было передъ нимъ, какъ живое. Живописецъ Мартини всегда видѣлъ передъ собою картины, которыя писалъ, такъ что однажды, когда кто-то всталъ между нимъ и тѣмъ мѣстомъ, гдѣ представлялось ему изображеніе, онъ попросилъ этого человѣка посторониться, потому что для него невозможно было продолжать копированіе, пока существовавшій лишь въ его воображеніи оригиналъ былъ закрытъ. Лютеръ слышалъ отъ сатаны аргументы, которыхъ раньше не могъ придумать самъ.

Если мы обратимся теперь къ рѣшенію вопроса—въ чемъ именно состоитъ физіологическое отличіе геніальнаго человѣка отъ обыкновеннаго, то, на основаніи автобіографій и наблюденій, найдемъ, что по большей части вся разница между ними заключается въ утонченной и почти болѣзненной впечатлительности перваго. Дикарь или идіотъ мало чувствительны къ физическимъ страданіямъ, страсти ихъ немногочисленны, изъ ощущеній-же воспринимаются ими лишь тѣ, которыя непосредственно касаются ихъ въ смыслѣ удовлетворенія жизненныхъ потребностей. По мѣрѣ развитія умственныхъ способностей, впечатлительность растетъ и достигаетъ наибольшей силы въ геніальныхъ личностяхъ, являясь источникомъ ихъ страданій и славы. Эти избранныя натуры болѣе чувствительны въ количественномъ и качественномъ отношеніи, чѣмъ простые смертные, а воспринимаемыя ими впечатлѣнія отличаются глубиною, долго остаются въ памяти и комбинируются различнымъ образомъ. Мелочи, случайныя обстоятельства, подробности, незамѣтныя для обыкновеннаго человѣка, глубоко западаютъ имъ въ душу и перерабатываются на тысячу ладовъ, чтобы воспроизвести то, что обыкновенно называютъ *творчествомъ*, хотя это только *бинарныя* и *кватернарныя* комбинаціи ощущеній.

Галлеръ писалъ о себѣ: „Что осталось у меня кромѣ впечатлительности, этого могучаго чувства, являющагося слѣдствіемъ темперамента, который живо воспринимаетъ радости любви и чудеса науки? Даже теперь я бываю тронутъ до слезъ, когда читаю описаніе какого-нибудь великодушнаго поступка. Свойственная мнѣ чувствительность, конечно, и придаетъ моимъ стихотвореніямъ тотъ страстный тонъ, котораго нѣтъ у другихъ поэтовъ“.

„Природа не создала болѣе чувствительной души, чѣмъ моя“, писалъ о себѣ Дидро. Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: „Увеличьте число чувствительныхъ людей и вы увеличите количество хорошихъ и дурныхъ поступковъ“. Когда Альфіери въ первый разъ услышалъ музыку, то былъ, по его словамъ, „пораженъ до такой степени, какъ будто яркое солнце ослѣпило мнѣ зрѣніе и слухъ; нѣсколько дней послѣ того я чувствовалъ необыкновенную грусть, не лишенную пріятности: фантастическія идеи толпились въ моей головѣ, и я способенъ былъ писать стихи, если бы зналъ тогда, какъ это дѣлается“.... Въ заключеніи онъ говоритъ, что ничто не дѣйствуетъ на душу такъ неотразимо могущественно, какъ музыка. Подобное же мнѣніе высказывали: Стернъ, Руссо и Ж. Зандъ.

Корради доказываетъ, что всѣ несчастія Леопарди и самая его философія были вызваны излишней чувствительностью и неудовлетворенной любовью, которую онъ въ первый разъ испыталъ на 18-мъ году. И дѣйствительно, философія Леопарди принимала болѣе или менѣе мрачный оттѣнокъ, смотря по состоя-

нію его здоровья, пока наконецъ грустное настроеніе не обратилось у него въ привычку.

Урквиціа падалъ въ обморокъ, услышавъ запахъ розы!

Стернъ, послѣ Шекспира наиболѣе глубокій изъ поэтовъ психологовъ, говоритъ въ одномъ письмѣ: „Читая біографіи нашихъ древнихъ героевъ, я плачу о нихъ, какъ будто о живыхъ людяхъ... Вдохновеніе и впечатлительность—единственныя орудія генія. Послѣдняя вызываетъ въ насъ тѣ восхитительныя ощущенія, которыя придаютъ большую силу радости и вызываютъ слезы умиленія".

Извѣстно, въ какомъ рабскомъ подчиненіи находились Альфіери и Фосколо у женщинъ, не всегда достойныхъ такого обожанія. Красота и любовь Форнарины служили для Рафаэля источникомъ вдохновенія не только въ живописи, но и въ поэзіи. Нѣсколько его эротическихъ стихотвореній до сихъ поръ еще не утратили своей прелести.

А какъ рано проявляются страсти у геніальныхъ людей! Данте и Альфіери были влюблены 9 лѣтъ, Руссо—11-ти, Карронъ и Байронъ—8-ми. Съ послѣднимъ уже на 16-мъ году сдѣлались судороги, когда онъ узналъ, что любимая имъ дѣвушка выходитъ замужъ. „Горе душило меня, — разсказываетъ онъ, — хотя половое влеченіе мнѣ было еще незнакомо, но любовь я чувствовалъ до того страстную, что врядъ-ли и впослѣдствіи испыталъ болѣе сильное чувство". На одномъ изъ представленій Кина съ Байрономъ случился припадокъ конвульсій.

Лорри видѣлъ ученыхъ, падавшихъ въ обморокъ отъ восторга при чтеніи сочиненій Гомера.

Живописецъ Франчіа (Francia) умеръ отъ восхищенія, послѣ того какъ увидѣлъ картину Рафаэля.

Амперъ до такой степени живо чувствовалъ красоты природы, что едва не умеръ отъ счастія, очутившись на берегу Женевскаго озера. Найдя рѣшеніе какой-то задачи, Ньютонъ былъ до того потрясенъ, что не могъ продолжать своихъ занятій. Гей-Люссакъ и Дэви послѣ сдѣланнаго ими открытія начали въ туфляхъ плясать по своему кабинету. Архимедъ, восхищенный рѣшеніемъ задачи, въ костюмѣ Адама выбѣжалъ на улицу съ крикомъ: *эврика!* (нашелъ!) Вообще, сильные умы обладаютъ и сильными страстями, которыя придаютъ особенную живость всѣмъ ихъ идеямъ; если у нѣкоторыхъ изъ нихъ многія страсти и блѣднѣютъ, какъ-бы замираютъ со временемъ, то это лишь потому, что мало по малу ихъ заглушаетъ преобладающая страсть къ славѣ или къ наукѣ.

Но именно эта слишкомъ сильная впечатлительность геніальныхъ или только даровитыхъ людей является въ громадномъ большинствѣ случаевъ причиною ихъ несчастій, какъ дѣйствительныхъ, такъ и воображаемыхъ.

„Драгоцѣнный и рѣдкій даръ, составляющій привиллегію великихъ геніевъ, пишетъ Мантегацца, сопровождается однако-же болѣзненной чувствительностью ко всѣмъ даже самымъ мелкимъ внѣшнимъ раздраженіямъ: каждое дуновеніе вѣтерка, малѣйшее усиленіе жара или холода превращается для нихъ въ тотъ засохшій розовый лепестокъ, который не давалъ заснуть несчастному сибариту". Лафонтенъ, можетъ быть, разумѣлъ самаго себя когда писалъ:

„Un souffle, une ombre, un rien leur donne la fièvre" *).

Геній раздражается всѣмъ, и что для обыкновенныхъ людей кажется просто булавочными уколами, то, при его чувствительности, уже представляется ему ударомъ кинжала.

*) Малѣйшее дуновеніе вѣтра, ничтожное облачко, каждый пустякъ вызываетъ у нихъ лихорадку.

*

Буало и Шатобріанъ не могли равнодушно слышать похвалъ кому-бы то ни было, даже своему сапожнику.

Когда Фосколо разговаривалъ однажды съ госпожей S. (пишетъ Мантегацца), за которой сильно ухаживалъ, и та зло подсмѣялась надъ нимъ, онъ пришелъ въ такую ярость, что закричалъ: „Вамъ хочется убить меня, такъ я сейчасъ же у вашихъ ногъ размозжу себѣ черепъ". Съ этими словами онъ со всего размаха бросился головою внизъ на уголъ камина. Одному изъ стоявшихъ вблизи удалось однакоже удержать его за плечи и тѣмъ спасти ему жизнь.

Болѣзненная впечатлительность порождаетъ также и непомѣрное тщеславіе, которымъ отличаются не только люди геніальные, но и вообще ученые, начиная съ древнѣйшихъ временъ; въ этомъ отношеніи тѣ и другіе представляютъ большое сходство съ мономаніаками, страдающими горделивымъ помѣшательствомъ.

„Человѣкъ—самое тщеславное изъ животныхъ, а поэты—самые тщеславные изъ людей," писалъ Гейне, подразумѣвая, конечно, и самого себя. Въ другомъ письмѣ онъ говоритъ: „Не забывайте, что я—поэтъ и потому думаю, что каждый долженъ бросить всѣ свои дѣла и заняться чтеніемъ стиховъ".

Менке разсказываетъ о Филельфо, какъ онъ воображалъ, что въ цѣломъ мірѣ даже въ числѣ древнихъ никто не зналъ лучше его латинскій языкъ. Аббатъ Каньоли до того гордился своей поэмой о битвѣ при Аквилеѣ, что приходилъ въ ярость, когда кто-нибудь изъ литераторовъ не раскланивался съ нимъ. „Какъ, вы не знаете Каньоло?"—спрашивалъ онъ.

Поэтъ Люцій не вставалъ съ мѣста при входѣ Юлія Цезаря въ собраніе поэтовъ, потому что считалъ себя выше его въ искусствѣ стихосложенія.

Аріостъ, получивъ лавровый вѣнокъ отъ Карла V, бѣгалъ

точно сумасшедшій по улицамъ. Знаменитый хирургъ Порта, присутствуя въ Ломбардскомъ Институтѣ при чтеніи медицинскихъ сочиненій, всячески старался выразить свое презрѣніе и недовольство ими, каково-бы ни было ихъ достоинство, тогда какъ сочиненія по математикѣ или лингвистикѣ онъ выслушивалъ спокойно и внимательно.

Шопенгауэръ приходилъ въ ярость и отказывался платить по счетамъ, если его фамилія была написана черезъ два *п*.

Бартезъ потерялъ сонъ съ отчаянія, когда при печатаніи его „Генія" (Génie), не былъ поставленъ знакъ надъ *е*. Уайстонъ, по свидѣтельству Араго, не рѣшался издать опроверженіе *ньютоновской хронологіи* изъ боязни, какъ-бы Ньютонъ не убилъ его.

Всѣ, кому выпадало на долю рѣдкое счастіе жить въ обществѣ геніальныхъ людей, поражались ихъ способностью перетолковывать въ дурную сторону каждый поступокъ окружающихъ, видѣть всюду преслѣдованія и во всемъ находить поводъ къ глубокой, безконечной меланхоліи. Эта способность обусловливается именно болѣе сильнымъ развитіемъ умственныхъ силъ, благодаря которымъ даровитый человѣкъ болѣе способенъ находить истину и въ то-же время легче придумываетъ ложные доводы въ подтвержденіе основательности своего мучительнаго заблужденія. Отчасти, мрачный взглядъ геніевъ на окружающее зависитъ, впрочемъ, и оттого, что, являясь новаторами въ умственной сферѣ, они съ непоколебимой твердостью высказываютъ убѣжденія, несходныя съ общепринятымъ мнѣніемъ, и тѣмъ отталкиваютъ отъ себя большинство дюжинныхъ людей.

Но все-таки главнѣйшую причину меланхоліи и недовольства жизнью избранныхъ натуръ составляетъ законъ динамизма и равновѣсія, управляющій также и нервной системой, законъ,

по которому вслѣдъ за чрезмѣрной тратой или развитіемъ силы является чрезмѣрный упадокъ той-же самой силы, — законъ, вслѣдствіе котораго ни одинъ изъ жалкихъ смертныхъ не можетъ проявить извѣстной силы безъ того, чтобы не поплатиться за это въ другомъ отношеніи и очень жестоко, наконецъ тотъ законъ, которымъ обусловливается неодинаковая степень совершенства ихъ собственныхъ произведеній.

Меланхолія, уныніе, застѣнчивость, эгоизмъ—вотъ жестокая расплата за высшія умственныя дарованія, которыя они тратятъ подобно тому какъ злоупотребленія чувственными наслажденіями влекутъ за собою разстройство половой системы, безсиліе и болѣзни спиннаго мозга, а неумѣренность въ пищѣ сопровождается желудочными катаррами.

Послѣ одного изъ тѣхъ экстазовъ, во время которыхъ поэтесса Милли обнаруживаетъ до того громадную силу творчества, что ея хватило бы на цѣлую жизнь второстепеннымъ итальянскимъ поэтамъ, она впала въ полу-паралитическое состояніе, продолжавшееся нѣсколько дней. Магометъ по окончаніи своихъ проповѣдей впадалъ въ состояніе полнаго отупѣнія и однажды самъ сказалъ Абу-Бекру, что толкованіе трехъ главъ корана довело его до одурѣнія.

Гете, самъ холодный Гете, сознавался, что его настроеніе бываетъ то черезъ чуръ веселымъ, то черезъ чуръ печальнымъ.

Вообще я не думаю, чтобы въ цѣломъ мірѣ нашелся хотя одинъ великій человѣкъ, который, даже въ минуты полнаго блаженства, не считалъ-бы себя, безъ всякаго повода, несчастнымъ и гонимымъ, или хотя временно не страдалъ-бы мучительными припадками меланхоліи.

Иногда чувствительность искажается и дѣлается односторонней, сосредоточиваясь на одномъ какомъ-нибудь пунктѣ.

Нѣсколько идей извѣстнаго порядка и нѣкоторыя особенно излюбленныя ощущенія мало по малу пріобрѣтаютъ значеніе главнаго (специфическаго) стимула, дѣйствующаго на мозгъ великихъ людей и даже на весь ихъ организмъ.

Гейне, самъ признававшій себя неспособнымъ понимать простыя вещи, Гейне, разбитый параличемъ, слѣпой и находившійся уже при послѣднемъ издыханіи, когда ему посовѣтовали обратиться къ Богу, прервалъ хрипѣніе агоніи словами: „*Dieu me pardonnera—c'est son métier*,“ закончивъ этой послѣдней ироніей свою жизнь, эстетически-циничнѣе которой не было въ наше время. Объ Аретино разсказываютъ, что послѣднія слова его были: „*Guardatemi dai topi or che son unto*.“

Малербъ, совсѣмъ уже умирающій, поправлялъ грамматическія ошибки своей сидѣлки и отказался отъ напутствія духовника потому, что онъ нескладно говорилъ.

Богуръ (Baugours), спеціалистъ грамматики, умирая сказалъ: «Je vai ou je va mourir„—то и другое правильно.„

Сантени (Santenis) сошелъ съ ума отъ радости, найдя эпитетъ, который тщетно пріискивалъ долгое время. Фосколо говорилъ о себѣ: „Между тѣмъ какъ въ однихъ вещахъ я въ высшей степени понятливъ, относительно другихъ пониманіе у меня не только хуже, чѣмъ у всякаго мущины, но хуже чѣмъ у женщины, или у ребенка“.

Извѣстно, что Корнель, Декартъ, Виргилій, Аддисонъ, Лафонтенъ, Драйденъ, Манцони, Ньютонъ, почти совершенно не умѣли говорить публично.

Пуассонъ говорилъ, что жить стоитъ лишь для того, чтобы заниматься математикой. Даламберъ и Менажъ, спокойно переносившіе самыя мучительныя операціи, плакали отъ легкихъ уколовъ критики. Лючіо де-Лансеваль смѣялся, когда ему отрѣзывали ногу, но не могъ вынести рѣзкой критики Жофруа.

Шестидесятилѣтній Линней, впавшій въ паралитическое и безсмысленное состояніе, послѣ апоплексическаго удара, пробуждался отъ сонливости, когда его подносили къ гербарію, который онъ прежде особенно любилъ.

Когда Ланьи лежалъ въ глубокомъ обморокѣ и самыя сильныя средства не могли возбудить въ немъ сознанія, кто-то вздумалъ спросить у него, сколько будетъ квадратъ 12-ти, и онъ тотчасъ-же отвѣтилъ: 144.

Себуйа, арабскій грамматикъ, умеръ съ горя отъ того, что съ его мнѣніемъ относительно какого-то грамматическаго правила не соглашался калифъ Гарунъ-аль-Рашидъ.

Слѣдуетъ еще замѣтить, что среди геніальныхъ или скорѣе ученыхъ людей часто встрѣчаются тѣ узкіе спеціалисты, которыхъ Вахдакофъ (Wachdakoff) называетъ *монотипичными* субъектами; они всю жизнь занимаются однимъ какимъ-нибудь выводомъ, сначала занимающимъ ихъ мозгъ и затѣмъ уже охватывающимъ его всецѣло: такъ, Бекманъ впродолженіе цѣлой жизни изучалъ патологію почекъ, Фреснеръ—луну, Мейеръ — муравьевъ, что представляетъ огромное сходство съ мономанами.

Вслѣдствіе такой преувеличенной и сосредоточенной чувствительности,—какъ великихъ людей, такъ и помѣшанныхъ чрезвычайно трудно убѣдить или разубѣдить въ чемъ бы то ни было. И это понятно: источникъ истинныхъ и ложныхъ представленій лежитъ у нихъ глубже и развитъ сильнѣе, нежели у людей обыкновенныхъ, для которыхъ мнѣнія составляютъ только условную форму, родъ одежды, мѣняемой по прихоти моды или по требованію обстоятельствъ. Отсюда слѣдуетъ съ одной стороны, что не должно никому вѣрить безусловно, даже великимъ людямъ, а съ другой стороны, что моральное леченье мало приноситъ пользы помѣшаннымъ.

Крайнее и одностороннее развитіе чувствительности, безъ сомнѣнія, служитъ причиною тѣхъ странныхъ поступковъ, вслѣдствіе временной анестезіи *) и анальгезіи **), которыя свойственны великимъ геніямъ наравнѣ съ помѣшанными. Такъ, о Ньютонѣ разсказываютъ, что однажды онъ сталъ набивать себѣ трубку пальцемъ своей племянницы и что когда ему случалось уходить изъ комнаты, чтобы принести какую-нибудь вещь, онъ всегда возвращался, не захвативъ ея. О Тюшерелѣ говорятъ, что одинъ разъ онъ забылъ даже, какъ его зовутъ.

Бетховенъ и Ньютонъ, принявшись—одинъ за музыкальныя композиціи, а другой за рѣшеніе задачъ, до такой степени становились нечувствительными къ голоду, что бранили слугъ, когда тѣ приносили имъ кушанья, увѣряя, что они уже пообѣдали.

Джіоія въ припадкѣ творчества написалъ цѣлую главу на доскѣ письменнаго стола, вмѣсто бумаги.

Аббатъ Беккарія, занятый своими опытами, во время служенія обѣдни произнесъ забывшись: „*Ite, experientia facta est* (А все-таки опытъ есть фактъ)“.

Дидро, нанимая извощиковъ, забывалъ отпускать ихъ и ему приходилось платить имъ за цѣлые дни, которые они напрасно простаивали у его дома; онъ же часто забывалъ мѣсяцы дни, часы, даже тѣхъ лицъ, съ кѣмъ начиналъ разговаривать, и точно въ припадкѣ сомнамбулизма произносилъ цѣлые монологи передъ ними.

Подобнымъ же образомъ объясняется, почему великіе геніи не могутъ иногда усвоить понятій, доступныхъ самымъ дюжиннымъ умамъ и въ то-же время высказываютъ такія смѣлыя

*) Потеря осязательной чувствительности.
**) Потеря болевой чувствительности.

идеи, которыя большинству кажутся нелѣпыми. Дѣло въ томъ, что бо́льшей впечатлительности соотвѣтствуетъ и бо́льшая ограниченность мышленія (concetto). Умъ, находящійся подъ вліяніемъ экстаза, не воспринимаетъ слишкомъ простыхъ и легкихъ положеній, несоотвѣтствующихъ его мощной энергіи. Такъ, Монжъ, дѣлавшій самыя сложныя дифференціальныя вычисленія, затруднялся въ извлеченіи квадратнаго корня, хотя эту задачу легко рѣшилъ бы всякій ученикъ.

Гагенъ считаетъ оригинальность именно тѣмъ качествомъ, которое рѣзко отличаетъ геній отъ таланта. Точно также Юргенъ Мейеръ говоритъ: „Фантазія талантливаго человѣка воспроизводитъ уже найденное, фантазія генія — совершенно новое. Первая дѣлаетъ открытія и подтверждаетъ ихъ, вторая изобрѣтаетъ и создаетъ. Талантливый человѣкъ — это стрѣлокъ, попадающій въ цѣль, которая кажется намъ трудно достижимой, геній попадаетъ въ цѣль, которой даже и не видно для насъ. Оригинальность — въ натурѣ генія.“

Беттинелли считаетъ оригинальность и грандіозность главными отличительными признаками генія. „Потому-то, говоритъ онъ, поэты и назывались прежде *trovadori*“ (изобрѣтатели).

Геній обладаетъ способностью угадывать то, что̀ ему не вполнѣ извѣстно, напр. Гёте подробно описалъ Италію, еще не видавши ея. Именно вслѣдствіе такой прозорливости, возвышающейся надъ общимъ уровнемъ, и благодаря тому, что геній, поглощенный высшими соображеніями, отличается отъ толпы въ своихъ поступкахъ или даже, подобно сумасшедшимъ (но въ противуположность талантливымъ людямъ) обнаруживаетъ склонность къ безпорядочности, — геніальныя натуры встрѣчаютъ презрѣніе со стороны большинства, которое, не замѣчая промежуточныхъ пунктовъ въ ихъ творчествѣ, видитъ только разнорѣчіе сдѣланныхъ ими выводовъ съ общепризнанными и странности въ ихъ

поведеніи. Еще не такъ давно публика освистала „Севильскаго Цирюльника“ Россини и „Фиделіо“ Бетховена, а въ наше время той же участи подверглись Боито (Мефистофель) и Вагнеръ. Сколько академиковъ съ улыбкой состраданія отнеслись къ бѣдному Марцоло, который открылъ совершенно новую область филологіи; Болье (Bolyai), открывшаго четвертое измѣреніе и написавшаго анти-Эвклидову геометрію, называли геометромъ сумасшедшихъ и сравнивали съ мельникомъ, который вздумалъ бы перемалывать камни для полученія муки. Наконецъ, всѣмъ извѣстно, какимъ недовѣріемъ были нѣкогда встрѣчены Фультонъ, Колумбъ, Папинъ, а въ наше время Піатти, Прага и Шлиманнъ, который отыскалъ Иліонъ тамъ, гдѣ его и не подозрѣвали, и показавъ свое открытіе ученымъ академикамъ, заставилъ умолкнуть ихъ насмѣшки надъ собой.

Кстати, самыя жестокія преслѣдованія геніальнымъ людямъ приходится испытывать именно отъ ученыхъ академиковъ, которые въ борьбѣ противъ генія, обусловливаемой тщеславіемъ, пускаютъ въ ходъ свою „ученость“, а также обаяніе ихъ авторитета, по преимуществу признаваемаго за ними, какъ дюжинными людьми, такъ и правящими классами, тоже по большей части состоящими изъ дюжинныхъ людей.

Есть страны, гдѣ уровень образованія очень низокъ, и гдѣ поэтому съ презрѣніемъ относятся не только къ геніальнымъ, но даже къ талантливымъ людямъ. Въ Италіи есть два университетскихъ города, изъ которыхъ всевозможными преслѣдованіями заставили удалиться людей, составлявшихъ единственную славу этихъ городовъ. Но оригинальность, хотя почти всегда безцѣльная, нерѣдко замѣчается также въ поступкахъ людей помѣшанныхъ, въ особенности-же въ ихъ сочиненіяхъ, которыя только вслѣдствіе этого получаютъ иногда оттѣнокъ геніальности, какъ напр. попытка Бернарди, находив-

шагося въ флорентійской больницѣ для умалишенныхъ въ 1529 г., доказать, что обезьяны обладаютъ способностью членораздѣльной рѣчи (linguaggio). Между прочимъ геніальные люди отличаются наравнѣ съ помѣшанными наклонностью къ безпорядочности и полнымъ невѣдѣніемъ практической жизни, которая кажется имъ такой ничтожной въ сравненіи съ ихъ мечтами.

Оригинальностью же обусловливается склонность геніальныхъ и душевно больныхъ людей придумывать новыя, непонятныя для другихъ слова или придавать извѣстнымъ словамъ особый смыслъ и значеніе, что мы находимъ у Вико, Карраро, Альфіери, Марцоло и Данте.

III.

Вліяніе атмосферныхъ явленій на геніальныхъ людей и на помѣшанныхъ.

На основаніи цѣлаго ряда тщательныхъ наблюденій, производившихся непрерывно впродолженіи трехъ лѣтъ въ моей клиникѣ, я вполнѣ убѣдился, что психическое состояніе помѣшанныхъ измѣняется подъ вліяніемъ колебаній барометра и термометра. Такъ, при повышеніи температуры до 25°, 30° и 32° (стоград. терм.), въ особенности если оно происходитъ сразу, число маніакальныхъ припадковъ у сумасшедшихъ увеличивалось съ 29 до 50; точно также, въ тѣ дни, когда барометръ начиналъ рѣзко колебаться и показывалъ максимумъ повышенія, число припадковъ быстро увеличивалось съ 34 до 46. Изученіе 23,602 случаевъ сумасшествія доказало мнѣ, что развитіе умопомѣшательства совпадаетъ, обыкновенно, съ повышеніемъ температуры весною и лѣтомъ и даже идетъ параллельно ему, но такъ, что весенніе жары, вслѣдствіе контраста послѣ зимняго холода, дѣйствуютъ еще сильнѣе лѣтнихъ, тогда какъ сравнительно ровная теплота августовскихъ дней оказываетъ менѣе губительное вліяніе. Въ слѣдующіе же затѣмъ болѣе холодные мѣсяцы замѣчается минимумъ новыхъ заболѣваній. Прилагаемая таблица показываетъ это вполнѣ наглядно:

	Помѣшанныхъ.	Тепла.		Помѣшанныхъ.	Тепла.
Іюнь	2701	21°,29	Октябрь	1637	12°,77
Май	2642	16°,75	Сентябрь	1604	19°,00
Іюль	2614	23°,75	Декабрь	1529	1°,01
Августъ	2261	21°,92	Февраль	1490	5°,73
Апрѣль	2237	16°,12	Январь	1476	1°,63
Мартъ	1829	6°,60	Ноябрь	1452	7°,17

Полнѣйшая аналогія съ этими явленіями замѣчается и въ тѣхъ людяхъ, которыхъ—трудно сказать, благодѣтельная или жестокая,—природа болѣе щедро одарила умственными способностями. Рѣдкіе изъ этихъ людей не высказывали сами, что атмосферныя явленія производятъ на нихъ громадное вліяніе. Въ своихъ личныхъ сношеніяхъ и въ письмахъ они постоянно жалуются на вредное дѣйствіе на нихъ измѣненій температуры, съ которымъ они должны иногда выдерживать ожесточенную борьбу, чтобы уничтожить или смягчить роковое вліяніе дурной погоды, ослабляющей и задерживающей смѣлый полетъ ихъ фантазіи. „Когда я здоровъ и погода ясная, я чувствую себя порядочнымъ человѣкомъ", писалъ Монтэнь. — „Во время сильныхъ вѣтровъ, мнѣ кажется, что мозгъ у меня не въ порядкѣ", говорилъ Дидро. Джіордани, по словамъ Мантегацца, за два дня предсказывалъ грозы. Мэнъ Биранъ (Maine Biran), философъ спиритуалистъ по преимуществу, пишетъ въ своемъ дневникѣ: „Не понимаю, почему это въ дурную погоду и умъ, и воля у меня совершенно не тѣ, какъ въ ясные, свѣтлые дни".

„Я уподобляюсь барометру, писалъ Альфіери, и большая или меньшая легкость работы всегда соотвѣтствуетъ у меня атмосферному давленію,—полнѣйшая тупость (stupidita) нападаетъ на меня во время сильныхъ вѣтровъ, ясность мысли у меня безконечно слабѣе вечеромъ нежели утромъ, а въ серединѣ зимы и лѣта творческія способности мои бываютъ живѣе, чѣмъ въ остальныя времена года. Такая зависимость отъ внѣшнихъ вліяній, противъ которыхъ я почти не въ силахъ бороться, смиряетъ меня".

Изъ этихъ примѣровъ уже очевидно вліяніе колебаній барометра на геніальныхъ людей и большая аналогія въ этомъ отношеніи между ними и помѣшанными; но еще замѣтнѣе, еще рѣзче оказывается вліяніе температуры.

Наполеонъ, сказавшій, что „человѣкъ есть продуктъ физическихъ и нравственныхъ условій", не могъ выносить самого легкаго вѣтра и до того любилъ тепло, что приказывалъ топить у себя въ комнатѣ даже въ іюлѣ мѣсяцѣ. Кабинеты Вольтера и Бюффона отапливались во всякое время года. Руссо говорилъ, что солнечные лучи въ лѣтнюю пору вызываютъ въ немъ творческую дѣятельность, и онъ подставлялъ подъ нихъ свою голову въ самый полдень.

Байронъ говорилъ о себѣ, что боится холода точно газель. Гейне увѣрялъ, что онъ болѣе способенъ писать стихи во Франціи, чѣмъ въ Германіи, съ ея суровымъ климатомъ. „Громъ гремитъ, идетъ снѣгъ, — пишетъ онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ,—въ каминѣ у меня мало огня и письмо мое холодно".

Спалланцани, живя на Эолійскихъ островахъ, могъ заниматься вдвое больше, чѣмъ въ туманной Павіи. Леопарди, въ своемъ *Эпистоларіо* говоритъ: „Мой организмъ не выноситъ холода, я жду и желаю наступленія царства Ормузда".

Джусти писалъ весною: „Теперь вдохновеніе перестанетъ прятаться.... если весна поможетъ мнѣ, какъ и во всемъ остальномъ".

Джіордани не могъ сочинять иначе какъ при яркомъ свѣтѣ солнца и въ теплую погоду.

Фосколо писалъ въ ноябрѣ: „я постоянно держусь около камина (огня), и друзья мои надъ этимъ смѣются; я стараюсь придать моимъ членамъ теплоту, которую поглощаетъ и пере-

рабатываетъ внутри себя мое сердце". Въ декабрѣ онъ уже писалъ: „Мой природный недостатокъ — боязнь холода — заставила меня держаться вблизи огня, который жжетъ мнѣ вѣки".

Мильтонъ уже въ своихъ латинскихъ элегіяхъ сознается, что зимою его муза дѣлается безплодной. Вообще, онъ могъ сочинять только отъ весенняго до осенняго равноденствія. Въ одномъ изъ своихъ писемъ онъ жалуется на холода въ 1798 году и выражаетъ опасеніе, какъ бы это не помѣшало свободному развитію его воображенія, если холодъ будетъ продолжаться. Джонсону, который разсказываетъ объ этомъ, можно довѣрять вполнѣ, потому что самъ онъ, лишенный фантазіи и одаренный только спокойнымъ, холоднымъ критическимъ умомъ, никогда не испытывалъ вліянія временъ года или погоды на свою способность къ труду, и въ Мильтонѣ считалъ подобныя особенности результатомъ его страннаго характера. Сальваторъ Роза, по словамъ леди Морганъ, смѣялся въ молодости надъ тѣмъ преувеличеннымъ значеніемъ, какое будто-бы оказываетъ погода на творчество геніальныхъ людей, но, состарѣвшись, оживлялся и получалъ способность мыслить лишь съ наступленіемъ весны; въ послѣдніе годы жизни онъ могъ заниматься живописью исключительно только лѣтомъ.

Читая письма Шиллера къ Гёте, изумляешься тому, что этотъ великій, гуманный и геніальный поэтъ приписывалъ погодѣ какое-то необыкновенное вліяніе на свои творческія способности. „Въ эти печальные дни, писалъ онъ въ ноябрѣ 1817 года, подъ этимъ свинцовымъ небомъ, мнѣ необходима вся моя энергія, чтобы поддерживать въ себѣ бодрость; приняться же за какой-нибудь серьезный трудъ я совершенно неспособенъ. Я снова берусь за работу, но погода до того дурна, что нѣтъ возможности сохранить ясность мысли". Въ іюлѣ 1818 года, онъ говоритъ напротивъ: „Благодаря хорошей погодѣ, я чувствую себя лучше, лирическое вдохновеніе, которое менѣе всякаго другаго подчиняется нашей волѣ, не замедлитъ явиться". — Но въ декабрѣ того-же года онъ снова жалуется, что необходимость окончить *„Валленштейна"* совпала съ самымъ неблагопріятнымъ временемъ года, „поэтому, говоритъ онъ, я долженъ употреблять всевозможныя усилія, чтобы сохранить ясность мысли". Въ маѣ Шиллеръ писалъ: „Я надѣюсь сдѣлать много, если погода не измѣнится къ худшему. Изъ всѣхъ этихъ примѣровъ можно уже съ нѣкоторымъ основаніемъ сдѣлать тотъ выводъ, что высокая температура, благопріятно дѣйствующая на растительность, способствуетъ, за немногими исключеніями, и продуктивности генія, подобно тому, какъ она вызываетъ болѣе сильное возбужденіе въ помѣшанныхъ.

Если бы историки, исписавшіе столько бумаги и потратившіе столько времени на подробнѣйшее изображеніе жестокихъ битвъ или авантюристскихъ предпріятій, осуществленныхъ королями и героями, если-бы эти историки съ такой же тщательностью изслѣдовали достопамятную эпоху, когда было сдѣлано то или другое великое открытіе, или когда было задумано замѣчательное произведеніе искусства, то они почти навѣрное убѣдились бы, что наиболѣе знойные мѣсяцы и дни оказываются самыми плодовитыми не только для всей физической природы, но также и для геніальныхъ умовъ.

При всей кажущейся неправдоподобности такого вліянія, оно подтверждается множествомъ несомнѣнныхъ фактовъ.

Данте сочинилъ свой первый сонетъ 15 іюня 1282 года; весною 1300 года онъ написалъ *„Vita nuova"*, а 3-го апрѣля началъ писать свою великую поэму.

Петрарка задумалъ *„Africana"* въ мартѣ 1338 года. Громадная картина Микель-Анжело, которую Челлини, самый

компетентный судья въ этой области, назвалъ удивительнѣйшимъ изъ произведеній геніальнаго живописца, была скомпанована и окончена въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, съ апрѣля по іюль 1506 года.

Мильтонъ задумалъ свою поэму весною.

Галилей открылъ кольцо Сатурна въ апрѣлѣ 1611 года.

Лучшія вещи Фосколо были написаны въ іюлѣ и августѣ.

Стернъ первую изъ своихъ проповѣдей написалъ въ апрѣлѣ, а въ маѣ, сочинилъ знаменитую проповѣдь о Заблужденіяхъ совѣсти.

Новѣйшіе поэты: Ламартинъ, Мюссе, Гюго, Беранже, Каркано, Алеарди, Маскерони, Занелла, Арканжели, Кардуччи, Милли, Белли, имѣли обыкновеніе обозначать почти на всѣхъ своихъ мелкихъ и лирическихъ стихотвореніяхъ, когда именно каждое изъ нихъ было сочинено. Пользуясь этими драгоцѣнными указаніями, мы составили слѣдующую таблицу:

Мѣсяцы.	Ламартинъ.	В. Гюго.	Мюссе и Беранже.	Каркано, Арканжели, Занелла, Кардуччи, Маскерони, Алеарди.	Милли.	Белли.	Байронъ.	Сумма
Январь. . .	11	20	8	10	28	21	1	99
Февраль . .	6	25	6	11	16	13	1	78
Мартъ . . .	18	19	4	22	16	14	3	96
Апрѣль. . .	9	46	1	11	35	16	1	122
Май. . . .	16	57	13	16	30	4	1	137
Іюнь. . .	5	52	3	11	25	7	3	106
Іюль. . . .	9	38	9	14	24	2	—	96
Августъ . .	25	35	9	20	16	4	—	109
Сентябрь . .	16	38	4	26	17	17	1	119
Октябрь . .	5	40	3	12	12	5	3	80
Ноябрь. . .	12	29	8	10	20	22	—	101
Декабрь . .	10	10	7	12	25	18	—	82

Распредѣляя по мѣсяцамъ сочиненія Альфіери, мы видимъ, что въ августѣ онъ написалъ Гарціа, въ іюлѣ—Марію Стюартъ; въ маѣ—Заговоръ сумасшедшихъ (Congiura di'Pazzi), двѣ книги о Тираніи и о Государѣ (Principe); въ іюнѣ — Виргинію, Лорентино, Альцеста и Панегирикъ Траяну; въ сентябрѣ — Софонизбу, Ажиде (Agide), Мирру и 6 комедій; въ мартѣ—Саула, въ апрѣлѣ—Антигону, въ февралѣ—Меропу; зимою—обоихъ Брутовъ и діалогъ о Добродѣтели. Двѣ первыя трагедіи его были задуманы въ мартѣ и маѣ.

Изъ автографовъ Джусти, я могъ съ точностью опредѣлить время первоначальнаго созданія многихъ мелкихъ поэмъ этого поэта, но когда именно онѣ получили окончательную отдѣлку— трудно сказать, до такой степени въ нихъ много поправокъ.

Стихотвореніе Джусти „Балъ“ (или „Современная демократія“, какъ оно вначалѣ называлось), было написано въ ноябрѣ, „Сатира на лжелибераловъ“ —въ октябрѣ; маленькая поэма „Къ другу“—въ іюнѣ, „Ave Maria»—въ мартѣ.

Вольтеръ написалъ „Танкреда“—въ августѣ.

Байронъ окончилъ въ сентябрѣ 4-ю пѣсню „*Pelligrinaggio*“, въ іюнѣ пророчество Данте, а лѣтомъ въ Швейцаріи— „Шильонскаго Узника“, „Мракъ“ и „Сонъ“.

Изъ переписки Шиллера съ Гёте видно, что онъ осенью составилъ планъ трагедій „Донъ Карлосъ“, „Валленштейнъ“, „Заговоръ Фіески“ и „Вильгельмъ Тель“. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ были написаны имъ: „Лагерь Валленштейна“ и „Эстетическія письма“. Зимою онъ задумалъ трагедію „Луиза Миллеръ“, въ іюнѣ—„Коринѳскую невѣсту“, „Балъ и Баядерки“, “Чародѣй“ (Mago), „Водолазъ“, „Перчатка“, „Поликратовъ перстень“, „Журавли“; въ іюнѣ началъ писать „Іоанну д'Аркъ“.

Гёте набросалъ осенью три лирическихъ стихотворенія, въ

*

апрѣлѣ началъ писать „Вертера“; въ маѣ—„Искателя кладовъ“, „Строфы“, „Миньону“ и еще лирическое стихотвореніе; въ іюнѣ и іюлѣ: „Челлини“, „Алексисъ“, „Эфрозина“, „Метаморфозы растеній“ и „Парнасъ“; зимою: „Ксеніи“, „Германъ и Доротея“, „Диванъ“ и „Незаконная Дочь“. Въ первыхъ числахъ марта 1788 года, когда, по словамъ самаго Гете, нѣсколько дней значили для него больше цѣлаго мѣсяца, онъ написалъ, кромѣ многихъ лирическихъ пьесъ, еще и окончаніе къ Фаусту.

Россини въ февралѣ сочинилъ почти всю оперу Семирамида, а въ ноябрѣ написалъ послѣднюю часть „Stabat Mater“.

Моцартъ сочинилъ оперу „Митридатъ“ въ октябрѣ.

Бетховенъ написалъ свою девятую симфонію въ февралѣ.

Доницетти въ сентябрѣ сочинилъ оперу „Лючія“ можетъ быть и всю, но навѣрное знаменитый отрывокъ Tu che a Dio spiegasti l'ale. Точно также осенью онъ написалъ оперу „Дочь полка“, весною—„Линду“, лѣтомъ—*Rita*, зимою—„Донъ Паскуале“ и *Miserere*.

Канова сдѣлалъ модель своего перваго произведенія (Орфей и Эвридика) въ октябрѣ.

Микель-Анжело работалъ надъ своей картиной „Милосердіе“ съ сентября по октябрь 1498 года, рисунокъ библіотеки онъ составилъ въ декабрѣ, а деревянную модель гробницы папы Юлія—въ августѣ.

Леонардо да Винчи задумалъ конную статую Сфорцы и началъ писать свое сочиненіе „О свѣтѣ и тѣни“ 23 апрѣля 1490 года.

Первая мысль объ открытіи Америки явилась у Колумба въ концѣ мая и въ началѣ іюня 1474 года; когда онъ задумалъ отыскать западный путь въ Индію.

Галилей открылъ въ апрѣлѣ 1611 года, одновременно съ Шейнеромъ или, можетъ быть, раньше его, пятна на солнцѣ; а годомъ раньше, въ декабрѣ или скорѣе въ сентябрѣ,—такъ какъ наблюденіе было сдѣлано три мѣсяца раньше, чѣмъ появилось его описаніе, — онъ открылъ аналогію между фазами луны и Венеры. Въ маѣ 1609 года, Галилей изобрѣлъ телескопъ, а въ іюлѣ 1610 года открылъ тѣ двѣ звѣзды, которыя впослѣдствіи оказались самыми свѣтлыми точками въ кольцѣ Сатурна. Это послѣднее открытіе онъ съ обычнымъ своимъ остроуміемъ кратко выразилъ въ стихѣ:

„Altissimum planetam tergeminum observavi“ *).

Кеплеръ въ маѣ 1618 г. открылъ законы движенія міровыхъ тѣлъ.

Въ августѣ 1546 г. Фабриціусъ открылъ первую періодически измѣняющуюся звѣзду.

Въ октябрѣ и апрѣлѣ (1666—7) Кассини открылъ пятна, указывающія на вращеніе Венеры, а въ октябрѣ, декабрѣ и мартѣ (1671—2—84)—четырехъ спутниковъ Сатурна. Еще два изъ нихъ были открыты Гершелемъ въ мартѣ 1789 года.

Одинъ изъ спутниковъ Сатурна былъ открытъ Гюйгенсомъ 25 марта 1655 г., а другой — Дове и Бондомъ въ ночь на 19 сентября 1848 г.

Два спутника Урана были открыты въ 1787 году Гершелемъ; онъ *подозрѣвалъ*, что существуетъ и третій спутникъ, который въ октябрѣ 1847 года былъ найденъ Струве и Ласселемъ, открывшими 14 сентября этого года также и послѣдняго спутника Урана—Аріель.

Спутника Нептуна Лассель впервые увидѣлъ въ ночь на 8 іюля 1847 года.

Уранъ былъ открытъ Гершелемъ въ мартѣ 1781 года. Тотъ-же астрономъ наблюдалъ въ апрѣлѣ вулканы на лунѣ.

*) Наблюдалъ тройное лицо высочайшей планеты.

Брадлей открылъ въ сентябрѣ 1728 года законы аберраціи (кажущееся движеніе неподвижныхъ звѣздъ). Замѣчательно, что на это открытіе навело его наблюденіе колебаній вымпела (флюгера) при каждомъ поворотѣ барки на Темзѣ.

Любопытныя открытія Энке и Вико (1735—8), относительно Сатурна, были сдѣланы въ мартѣ и апрѣлѣ.

Изъ кометъ, открытыхъ Гамбардомъ, три онъ нашелъ въ іюлѣ, двѣ—въ мартѣ и маѣ и по одной—въ январѣ, апрѣлѣ, іюнѣ, августѣ, октябрѣ и декабрѣ.

Спутниковъ Марса Галль открылъ въ августѣ.

Общее число 175 мелкихъ планетъ открытыхъ *впродолженіе* 1877 года и 247 кометъ, открытыхъ *до* 1864 года распредѣляется по мѣсяцамъ такимъ образомъ:

	Мелкія планеты.	Кометы.
Въ январѣ	11	24
» февралѣ	10	10
» мартѣ	13	24
» апрѣлѣ	23	25
» маѣ	14	14
» іюнѣ	7	15
» іюлѣ	10	37
» августѣ	19	21
» сентябрѣ	29	15
» октябрѣ	18	22
» ноябрѣ	18	22
» декабрѣ	3	17
	175	247

Открытіе Скіапарелли относительно падающихъ звѣздъ было сдѣлано въ августѣ 1866 г.

Изъ дневника Мальпиги видно, что въ іюлѣ онъ сдѣлалъ свое замѣчательное открытіе, касающееся добавочныхъ почекъ, а въ іюнѣ относительно скученныхъ железъ *). Любопытенъ тотъ фактъ, что у Мальпиги нѣкоторые мѣсяцы особенно богаты

*) Такъ называются железы, состоящія изъ собранія лимфатическихъ клѣточекъ, не имѣющихъ общей оболочки. Онѣ расположены подъ слизистой оболочкой кишекъ и полости рта. *Пр. пер.*

новыми работами, напр. въ 88 и 90-мъ годахъ — январь, а въ 71 — іюнь, впродолженіе котораго сдѣлано 3 открытія. Первая мысль объ устройствѣ барометра явилась у Торричелли въ маѣ 1644 года, какъ это видно изъ его *письма къ Ричи* отъ 11 іюня; въ мартѣ того-же года онъ сдѣлалъ чрезвычайно важное для того времени открытіе, относительно лучшаго способа приготовленія стеколъ для телескоповъ.

Первые опыты Паскаля надъ равновѣсіемъ жидкостей были произведены въ сентябрѣ 1645 года.

Въ мартѣ 1752 года Франклинъ сдѣлалъ первые опыты съ громоотводами, которые однако устроилъ окончательно только въ сентябрѣ. Гете говоритъ, что самыя оригинальныя идеи относительно теоріи цвѣтовъ явились у него въ маѣ; его прекрасные опыты надъ растеніями были произведены въ іюнѣ.

Александръ Вольта изобрѣлъ свой *электрическій столбъ* въ началѣ зимы 1799—800 года; мнѣніе, будто это изобрѣтеніе сдѣлано весною—ошибочно, такъ какъ 20 марта 1805 г. Вольта только сообщилъ о немъ Королевскому Обществу въ Лондонѣ. Весною 1775 года былъ изобрѣтенъ имъ *электрофоръ*. Въ первыхъ числахъ ноября 1774 года онъ-же сдѣлалъ открытіе относительно отдѣленія водорода при броженіи органическихъ веществъ и осенью 76 г. изобрѣлъ свой заряжающійся водородомъ пистолетъ, хотя біографы относятъ это изобрѣтеніе къ веснѣ 76 года. Къ этому-же году относится изобрѣтеніе *эвдіометра*, сдѣланное, по всей вѣроятности весною, приблизительно въ маѣ мѣсяцѣ. Въ апрѣлѣ того-же 1777 года Вольта написалъ профессору Барлетта знаменитое письмо (хранящееся въ Ламбардскомъ Институтѣ), гдѣ сдѣлано предсказаніе относительно *электрическаго телеграфа*. Весною 1788 года онъ устроилъ свой *электрометръ-конденсаторъ*, описаніе котораго издалъ въ августѣ.

Луиджи Бруньятелли изобрѣлъ искусство *гальванопластики* въ ноябрѣ 1806 года, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ письмо, найденное адвокатомъ Вольта въ бумагахъ своего знаменитаго предка; изобрѣтеніе это приписывалось и Якоби, и Спенсеру, и Де-ла Риву, хотя они только усовершенствовали его въ 1835 и 40 годахъ.

Никольсонъ открылъ окисленіе металловъ помощію Вольтова столба, лѣтомъ 1800 года.

Первыя работы Гальвани надъ дѣйствіемъ атмосфернаго электричества на нервы холоднокровныхъ животныхъ были сдѣланы имъ, какъ онъ самъ писалъ, 26 апрѣля 1776 года. Въ сентябрѣ 1786 года, онъ произвелъ первые опыты надъ судорожными сокращеніями лягушекъ безъ посредства постояннаго электрическаго источника, съ помощью одного только металлическаго проводника, откуда и получила начало теорія гальванизма. Въ ноябрѣ 1780 года Гальвани приступилъ къ опытамъ надъ сокращеніями лягушекъ посредствомъ электричества.

Изъ рукописей Лангранжа, видно, что первое представленіе о варіаціонномъ вычисленіи явилось у него 12 іюня 1755 года и что *Аналитическую механику* онъ задумалъ 19 мая 1756 г. Рѣшеніе задачи о вибрирующихъ струнахъ онъ нашелъ въ ноябрѣ 1759 года.

Разсматривая рукописи Спалланцани, которыя частію мнѣ удалось достать въ подлинникѣ изъ общественной библіотеки Реджіо, и пользуясь сдѣланными для меня изъ нихъ профессоромъ Тамбурини выписками, я пришелъ къ тому заключенію, что опыты Спалланцани надъ *плѣсенью* были начаты 26 сентября 1770 года. 8 мая 1780 года онъ предпринялъ, говоря его собственными словами: „*Изученіе животныхъ цепенѣющихъ на холодѣ*", а въ 1776 году, въ апрѣлѣ или маѣ нашелъ въ самкахъ зародыши ранѣе? оплодотворенія (партеногенезисъ). Позднѣе, 2-е апрѣля 1780 года является самымъ богатымъ днемъ въ его жизни по части опытовъ или дедукцій относительно *овуляціи*. „Я убѣдился, — собственноручно написалъ въ этотъ день Спалланцани послѣ того какъ сдѣлалъ 43 опыта, — что сѣмя (sperma) получаетъ способность оплодотворенія черезъ извѣстный промежутокъ времени послѣ своего выхода, что слизь половыхъ органовъ (succo vescicolare) можетъ оплодотворять точно также, какъ и сѣмя и что вино и уксусъ мѣшаютъ оплодотворенію".

7 мая 1780 года онъ сдѣлалъ открытіе, что для оплодотворенія достаточно безконечно малаго количества сѣмени.

Судя по одному письму Спалланцани къ Бонне, можно думать, что весною 1771 года у него явилась мысль изучить вліяніе сокращеній сердца на кровообращеніе, а въ маѣ 1781 года, въ записной книжкѣ его былъ намѣченъ планъ 161 новаго опыта надъ искусственнымъ оплодотвореніемъ лягушекъ.

Изъ рукописей Лейбница видно, что 29 октября 1675 года онъ впервые употребилъ знакъ интеграла, вмѣсто принятаго въ то время обозначенія Кавальери.

Изъ письма Гумбольдта къ Варнгагену видно, что предисловіе къ Космосу начато имъ въ октябрѣ.

Въ декабрѣ Дэви открылъ іодъ, а въ апрѣлѣ 97 года выполнилъ опыты надъ дѣйствіемъ закиси азота.

Въ ноябрѣ 1796 года Гумбольдтъ произвелъ свои первыя наблюденія надъ электрическимъ угремъ, а въ мартѣ 1793 г. опыты надъ раздражительностью органической ткани.

Въ іюлѣ 1801 года Гей-Люссакъ открылъ фтористыя соединенія въ костной остовѣ рыбъ и тогда же окончилъ анализъ квасцовъ.

Въ сентябрѣ 1876 года Джаксонъ употребилъ сѣрный эфиръ для приведенія больныхъ въ безчувственное состояніе при хирургическихъ операціяхъ.

Въ октябрѣ 1840 года Армстронгъ изобрѣлъ первую гидроэлектрическую машину.

Матеуччи сдѣлалъ въ іюлѣ 1830 года первые опыты надъ гальваноскопіей лягушекъ, весною 1836 года—надъ электрическими скатами, въ іюлѣ 1837 — надъ электровозбудимостью мускуловъ въ маѣ 1835 г.—надъ разложеніемъ кислотъ; въ маѣ 1837 г. онъ изслѣдовалъ роль электричества въ метеорологическихъ явленіяхъ, а въ іюнѣ 1833 года—вліяніе теплоты на электричество и магнитизмъ.

Если у читателя достало терпѣнія просмотрѣть этотъ длинный списокъ различныхъ открытій, то онъ могъ убѣдиться, что у многихъ великихъ людей была какъ бы своя спеціальная хронологія, т. е. свои излюбленные мѣсяцы и времена года, въ которые они преимущественно обнаруживали склонность дѣлать наибольшее число наблюденій или открытій и создавать лучшія художественныя произведенія. Такъ, у Спалланцани эта склонность проявлялась весною, у Джусти и Арканжели—въ мартѣ, у Ламартина—въ августѣ, у Каркано, Байрона и Альфіери — въ сентябрѣ, у Мальпиги и Шиллера — въ іюнѣ и іюлѣ, у Гюго—въ маѣ, у Беранже — въ январѣ, у Белли—въ ноябрѣ, у Милли —въ апрѣлѣ, у Вольта —въ концѣ ноября и въ началѣ декабря, у Гальвани—въ апрѣлѣ, у Гамбарда — въ іюлѣ, у Петерса—въ августѣ, у Лютера —въ мартѣ и въ апрѣлѣ, у Ватсона—въ сентябрѣ.

Вообще, самыя разнообразныя произведенія геніальныхъ людей—литературныя (эстетическія), поэтическія, музыкальныя, скульптурныя а также научныя открытія, время созданія которыхъ намъ удалось узнать съ точностью, можно подвести подъ

своего рода хронологію, составивъ изъ нихъ какъ бы календарь духовнаго міра, какъ это видно изъ слѣдующей таблицы:

МѢСЯЦЫ.	Произведенія по части изящ. искусствъ и литературы.	Открытія въ области астрономіи.	Изобрѣтенія въ области физики, химіи и математики.	Сумма.
Январь	101	37	—	138
Февраль	82	21	1	104
Мартъ	103	45	4	151
Апрѣль	134	52	5	191
Май	149	35	9	193
Іюнь	125	24	4	153
Іюль	105	52	5	162
Августъ	113	42	—	155
Сентябрь	138	47	5	190
Октябрь	83	45	4	132
Ноябрь	103	42	5	150
Декабрь	86	27	2	115

Изъ этой таблицы мы видимъ, что для художественнаго творчества наиболѣе благопріятнымъ мѣсяцемъ оказывается май, за нимъ слѣдуютъ сентябрь и апрѣль, тогда какъ наименѣе производительными мѣсяцами были февраль, октябрь и декабрь. То-же самое замѣтно отчасти и по отношенію къ астрономическимъ открытіямъ, только для послѣднихъ преобладающее значеніе имѣетъ апрѣль и іюль. Открытія въ точныхъ наукахъ, какъ наибольшее число эстетическихъ работъ, а вслѣдствіе того и общее число всѣхъ произведеній, преобладаютъ точно такъ-же въ маѣ, апрѣлѣ и сентябрѣ, т. е. втеченіи не особенно жаркихъ мѣсяцевъ, когда барометрическія колебанія болѣе часты сравнительно съ самыми жаркими и холодными мѣсяцами.

Сгруппировавъ эти числа по временамъ года,—что дастъ намъ возможность воспользоваться еще нѣкоторыми другими данными

относительно работъ, сдѣланныхъ неизвѣстно въ какомъ именно мѣсяцѣ, — мы увидимъ, что максимумъ художественныхъ и литературныхъ произведеній приходится:

На весну, а именно	387
Затѣмъ слѣдуетъ лѣто	346
И осень	335
Тогда какъ минимумъ бываетъ зимою	280

Подобнымъ же образомъ изъ великихъ открытій въ области физики, химіи и математики:

Наибольшее число было сдѣлано весною, а именно	21
Нѣсколько меньшее осенью	15
Значительно меньшее лѣтомъ	9
И, након., самое ничтожное число зимою	5

Астрономическія открытія, которыя мы отдѣлили отъ предъидущихъ на томъ основаніи, что время, когда онѣ сдѣланы, извѣстно съ бóльшей точностью, (что особенно важно для нашей цѣли), точно также распредѣляются неравномѣрно по временамъ года:

Осенью ихъ сдѣлано	135
Весною	131
Но зимою значительно меньше	83
И опять нѣсколько больше лѣтомъ	120

Взявъ же общее число 1867 великихъ произведеній, мы найдемъ, что значительно большая часть ихъ приходится на весну (539) и осень (485), тогда какъ лѣтомъ число ихъ падаетъ до 475 и зимою — до 368.

Преобладаніе умѣренно теплыхъ мѣсяцевъ здѣсь вполнѣ очевидно и выражается не только количественно, но даже качественно, хотя въ этомъ смыслѣ еще нельзя сдѣлать вполнѣ точнаго вывода, вслѣдствіе малочисленности данныхъ. Несомнѣнно однако, что именно въ весенніе мѣсяцы совершилось

открытіе Америки и были изобрѣтены: гальванизмъ, барометръ, телескопъ и громоотводъ; весною-же Микель-Анджелло задумалъ свою знаменитую картину, Данте началъ писать „Божественную Комедію", Леонардо—свое сочиненіе о Свѣтѣ, Гете — своего Фауста, Кеплеръ открылъ законы движенія небесныхъ тѣлъ, а Мильтонъ задумалъ свою поэму.

Прибавлю еще, что въ тѣхъ немногихъ случаяхъ, когда созданія великихъ людей можно прослѣдить почти день за днемъ, дѣятельность ихъ зимою постоянно оказывается усиленной въ болѣе теплые дни и ослабѣвающей—въ холодные. Такъ, просматривая дневники Спалланцани (хранящіеся въ библіотекѣ Реджіо) и преимущественно тѣ, которые онъ велъ въ 1777, 78, 80, 81-мъ годахъ, когда имъ были начаты изслѣдованія плѣсени, пищеваренія и оплодотворенія, я насчиталъ:

50	дней, въ которые дѣлались наблюденія	въ мартѣ.
65	» » » »	въ апрѣлѣ.
143	» » » »	въ маѣ.
41	» » » »	въ іюнѣ.
33	» » » »	въ августѣ.
24	» » » »	въ сентябрѣ.
Затѣмъ число такихъ дней уменьшилось до	17	въ декабрѣ.
» » »	10	въ ноябрѣ.
» » »	18	въ январѣ.
» » »	17	въ іюлѣ.
» » » и до	2	въ февралѣ.

Воспользовавшись интереснымъ дневникомъ Мальпиги, который онъ велъ впродолженіи 34 лѣтъ, ежедневно записывая свои наблюденія, и распредѣливъ его открытія по мѣсяцамъ, мы найдемъ такую послѣдовательность въ числѣ дней, богатыхъ открытіями:

Въ іюлѣ ихъ было	71 день.	Въ апрѣлѣ	33 дня.
» іюнѣ »	66 »	» мартѣ	31 »
» маѣ »	42 »	» августѣ	28 »
» октябрѣ »	40 »	» ноябрѣ	20 »
» январѣ »	36 »	» декабрѣ	13 »
» сентябрѣ »	34 »		

Вообще, изъ 436 наблюденій едва только 81, т. е. менѣе пятой части, приходится на холодные мѣсяцы.

Изъ разсмотрѣнныхъ Герарди рукописей Гальвани оказывается, что преобладающую роль въ его работахъ игралъ апрѣль мѣсяцъ. Такъ, въ мартѣ (1781) и въ январѣ (1774) онъ написалъ только по одному сочиненію: о катарактѣ и о гигіенѣ глаза, тогда какъ въ апрѣлѣ—четыре, а именно:

Въ апрѣлѣ 1772 года	два сочиненія о косточкахъ барабанной полости.
» » 1776 » »	объ органѣ слуха.
» » 1777 » »	о мускульныхъ движеніяхъ и о строеніи уха.

Я предвижу, какую массу опроверженій вызовутъ мои обобщенія: мнѣ укажутъ на малочисленность данныхъ и на недостаточную ихъ достовѣрность, меня укорятъ за попытку ввести въ узкую область статистики и поставить рядомъ высокія проявленія умственнаго творчества, повидимому всего менѣе поддающіяся логикѣ цифръ и не допускающія сравненія между собою. Въ особенности же не понравится моя попытка послѣдователямъ той школы, которая думаетъ ограничиться въ статистикѣ однимъ только употребленіемъ крупныхъ цифръ, часто предпочитая ихъ количества качеству и a priori не допускаетъ пользованія ими для какихъ бы то ни было выводовъ, забывая, что цифры въ сущности тѣ-же факты поддающіеся синтезу, подобно всѣмъ другимъ фактамъ и что эти цифры не имѣя сами по себѣ никакого значенія, не представляли бы ни малѣйшаго интереса, если-бы мыслители не пользовались ими для своихъ обобщеній или выводовъ.

Относительно малочисленности данныхъ я замѣчу, что при всей недостаточности приведенныхъ мною 1867 фактовъ, они все-таки убѣдительнѣе простыхъ гипотезъ или признаній отдѣльныхъ авторовъ, признаній, которымъ однако эти факты нисколько не противорѣчатъ и потому могутъ служить если не для неоспоримыхъ, то, по крайней мѣрѣ, для приблизительныхъ выводовъ. Кромѣ того, они могутъ вызвать рядъ новыхъ, болѣе, краснорѣчивыхъ психометеорологическихъ наблюденій, хотя геніальныя произведенія не настолько многочисленны, чтобы ими легко было наполнить большія таблицы.

Съ другой стороны, я вполнѣ согласенъ съ тѣмъ, что хронологическое совпаденіе многихъ явленій обусловливается случайными обстоятельствами, повидимому не имѣющими ничего общаго съ нашимъ психическимъ состояніемъ. Такъ, напр., натуралистамъ всего удобнѣе производить свои опыты и наблюденія въ теплые мѣсяцы. Поэтому обиліе открытій, дѣлаемыхъ весною и осенью является въ значительной степени слѣдствіемъ большей равномѣрности въ распредѣленіи дней и ночей, большей ясности погоды и отсутствія какъ изнурительнаго зноя, такъ и сильнаго холода.

Точно такъ же нельзя не убѣдиться, что всѣ эти обстоятельства не оказываютъ безусловнаго вліянія на творческую дѣятельность. Это видно напр. изъ того, что хотя у анатомовъ никогда не бываетъ недостатка въ трупахъ и работать надъ ними особенно удобно въ зимніе холода, тѣмъ не менѣе открытія въ этой области дѣлаются преимущественно въ теплое время года. Наоборотъ—длинныя, ясныя зимнія ночи (во время которыхъ всего менѣе сказывается вліяніе рефракціи), и теплыя лѣтнія ночи должны бы особенно благопріятствовать астрономическимъ наблюденіямъ, а между тѣмъ maximum ихъ бываетъ весною и осенью.

Наконецъ, кому неизвѣстно, что, благодаря статистическимъ изслѣдованіямъ, значеніе случайныхъ обстоятельствъ оказывается ничтожнымъ даже въ такихъ явленіяхъ, какъ смерть,

самоубійство и рожденіе? Замѣчаемую въ нихъ правильность можно объяснить только вліяніемъ одной общей причины, которая заключается ни въ чемъ иномъ, какъ въ метеорологическихъ факторахъ.

Далѣе, я позволилъ себѣ соединить въ одну группу художественныя произведенія и естественно-научныя открытія на томъ основаніи, что для тѣхъ и другихъ одинаково необходимъ тотъ моментъ психическаго возбужденія и усиленной чувствительности, который сближаетъ между собою самые отдаленные или разнородные факты и придаетъ имъ жизнь; вообще тотъ оплодотворяющій моментъ, справедливо называемый творческимъ, когда натуралистъ и поэтъ стоятъ гораздо ближе одинъ къ другому, чѣмъ это казалось бы съ перваго взгляда. И въ самомъ дѣлѣ, какая смѣлая, богатая фантазія, какое творческое воображеніе проявляется въ опытахъ Спаланцани, въ первыхъ работахъ Гершеля или въ двухъ великихъ открытіяхъ Скіапарелли и Леверье, сдѣланныхъ сначала на основаніи гипотезъ и впослѣдствіи помощію вычисленій и новыхъ наблюденій превратившихся въ аксіомы! — Литтровъ, говоря объ открытіи Весты, замѣчаетъ, что оно было сдѣлано не вслѣдствіе одной случайности или исключительно только геніальнаго ума, но благодаря генію, которому благопріятствовалъ случай. Открытую Піацци звѣзду гораздо раньше его видѣлъ Захъ (Zacch), но онъ не обратилъ на нее вниманія, потому-ли что былъ менѣе геніаленъ, чѣмъ Пацціи, или потому, что въ эту минуту не обладалъ такой прозорливостью, какъ онъ. Для открытія солнечныхъ пятенъ не требовалось, по словамъ Секки, ничего кромѣ времени, терпѣнія и удачи, но чтобы создать вѣрную теорію этого явленія необходимъ былъ истинный геній. Сколько ученыхъ физиковъ, переѣзжая черезъ рѣку, наблюдали колебаніе вымпела на баркѣ и однакоже вывести изъ этого законы аберраціи удалось только одному Брадлею! говоритъ Араго. А сколько людей, — прибавлю я — видѣли типичныя фигуры носильщиковъ, и все-таки *Іуду* не создалъ никто кромѣ Леонарда, какъ никто изъ видѣвшихъ апельсины не написалъ каватины, за исключеніемъ Моцарта.

Болѣе серьезнымъ можно считать то возраженіе, что почти всѣ произведенія великихъ умовъ, и въ особенности современныя открытія въ физикѣ, являются не результатомъ мгновеннаго вдохновенія, а скорѣе слѣдствіемъ цѣлаго ряда непрерывныхъ и медленныхъ изысканій со стороны жившихъ въ прежнее время ученыхъ, такъ что новѣйшій изобрѣтатель есть въ сущности только компиляторъ, къ трудамъ котораго непримѣнима хронологія, такъ какъ приведенныя нами числа опредѣляютъ скорѣе время окончанія того или другаго произведенія, чѣмъ тотъ моментъ, когда оно было задумано. Но такого рода возраженія относятся не исключительно только къ нашей задачѣ: подъ ту же категорію можно подвести и почти всѣ остальныя проявленія человѣческой дѣятельности, даже наименѣе произвольныя. Оплодотвореніе напр. и то зависитъ отъ хорошаго питанія организма и отъ наслѣдственности; самая смерть и сумасшествіе лишь повидимому обусловливаются непосредственными или случайными причинами, но въ сущности онѣ находятся въ полнѣйшей зависимости съ одной стороны отъ атмосферныхъ явленій, а съ другой — отъ органическихъ условій; во многихъ случаяхъ, можно сказать, что смерть и сумасшествіе бываютъ подготовлены заранѣе, и время наступленія ихъ съ точностью обозначено въ моментъ самаго рожденія индивида.

IV.

Вліяніе метеорологическихъ явленій на рожденіе геніальныхъ людей.

Убѣдившись въ громадномъ вліяніи метеорологическихъ явленій на творческую дѣятельность геніальныхъ людей, мы легко поймемъ, что и на рожденіе ихъ климатъ и строеніе почвы должны также оказывать могущественное дѣйствіе.

Несомнѣнно, что раса (напр. въ латинской и греческой расѣ больше великихъ людей, чѣмъ въ другихъ), политическія движенія, свобода мысли и слова, богатство страны, наконецъ близость литературныхъ центровъ, — все это оказываетъ большое вліяніе на появленіе геніальныхъ людей, но несомнѣнно также, что не меньшее значеніе имѣютъ въ этомъ отношеніи температура и климатъ.

Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно просмотрѣть и сравнить отчеты о рекрутскихъ наборахъ въ Италіи за послѣдніе годы. Изъ этихъ отчетовъ видно, что къ областямъ дающимъ, очевидно, благодаря своему прекрасному климату хотя и независимо отъ вліянія національности, наибольшее число солдатъ высокаго роста и наименьшій процентъ бракованныхъ, принадлежатъ именно тѣ, въ которыхъ всегда было много даровитыхъ людей, какъ напр. Тоскана, Лигурія и Романья.

Напротивъ, въ тѣхъ провинціяхъ, гдѣ процентъ молодыхъ

людей высокаго роста, годныхъ къ военной службѣ меньше — Сардинія, Базиликата и Аостская долина — число геніальныхъ личностей замѣтно понижается. Исключеніе составляетъ лишь Калабрія и Вальтеллина, гдѣ даровитые люди не рѣдки, не смотря на низкій ростъ большинства населенія, но это замѣчается только въ мѣстностяхъ, открытыхъ съ юга или лежащихъ на возвышенности, вслѣдствіе чего тамъ не развиваются ни кретинизмъ, ни малярія, такъ что этотъ фактъ нисколько не противорѣчитъ высказанному нами положенію.

Уже издавна замѣчено было какъ простонародьемъ, такъ и учеными, что въ гористыхъ странахъ съ теплымъ климатомъ особенно много бываетъ геніальныхъ людей. Народная тосканская поговорка гласитъ: у горцевъ ноги толстыя, а мозги нѣжные". Веджеціо писалъ: „климатъ вліяетъ не только на физическое, но и на душевное здоровье; Минерва избрала своимъ мѣстопребываніемъ городъ Аѳины за его благорастворенный воздухъ, вслѣдствіе чего тамъ родятся мудрецы". Цицеронъ тоже не разъ упоминаетъ о томъ, что въ Аѳинахъ, благодаря теплому климату, родятся умные люди, а въ Ѳивахъ, гдѣ климатъ суровый, — глупые. Петрарка, въ своемъ „Epistolario", составляющемъ нѣчто вродѣ автобіографіи этого поэта, постоянно указываетъ на то, что лучшія изъ его произведеній были написаны или, по крайней мѣрѣ, задуманы посреди излюбленныхъ имъ прелестныхъ холмовъ Валь-Кіуза. По свидѣтельству Вазари, Микель-Анджело говорилъ ему: „если мнѣ удалось создать что-нибудь дѣйствительно хорошее, то я обязанъ этимъ чудному воздуху вашего роднаго Ареццо". Муратори писалъ одному итальянцу: „*Воздухъ* у васъ удивительный и я увѣренъ, что, именно благодаря ему, въ вашей странѣ столько замѣчательно даровитыхъ людей". Маколей говоритъ, что Шотландія, одна изъ бѣднѣй-

шихъ странъ Европы, занимаетъ въ ней первое мѣсто по числу ученыхъ и писателей; ей принадлежатъ: Беда, Михаилъ Скоттъ, Неперъ—изобрѣтатель лагориѳмовъ, затѣмъ Бухананъ, Вальтеръ Скоттъ, Байронъ, Джонстонъ и отчасти Ньютонъ.

Безъ сомнѣнія, именно въ этомъ вліяніи атмосферныхъ явленій слѣдуетъ искать объясненія того факта, что въ горахъ Тосканы, преимущественно въ провинціяхъ Пистойи, Бути и Вальдонтани, между пастухами и крестьянами встрѣчается столько поэтовъ и въ особенности импровизаторовъ, въ томъ числѣ есть даже и женщины, какъ напр. пастушка, о которой говоритъ Джульяни въ своемъ сочиненіи *„О языкѣ, на которомъ говорятъ въ Тосканѣ“*, или необыкновенная семья Фредіани, гдѣ и дѣдъ, и отецъ, и сыновья—всѣ поэты. Одинъ изъ членовъ этой семьи живъ еще до сихъ поръ и сочиняетъ стихи, не хуже великихъ тосканскихъ поэтовъ прежняго времени. Между тѣмъ крестьяне той-же національности, живущіе на равнинахъ, не отличаются, насколько мнѣ извѣстно, такими талантами.

Во всѣхъ низменныхъ странахъ, какъ напр. въ Бельгіи и Голландіи, а также въ окруженныхъ слишкомъ высокими горами мѣстностяхъ, гдѣ вслѣдствіе этого развиваются мѣстныя болѣзни —зобъ и крестинизмъ, какъ напр. въ Швейцаріи и Савоіи, —геніальные люди чрезвычайно рѣдки, но еще меньше бываетъ ихъ въ странахъ сырыхъ и болотистыхъ. Немногіе геніи, которыми гордится Швейцарія — Бонне, Руссо, Тронкинъ (Trnochin), Тиссо, де-Кандоль и Бурла-маки,—родились отъ французскихъ или итальянскихъ эми-грантовъ, т. е. при такихъ условіяхъ, когда раса могла парализовать вліяніе мѣстныхъ неблагопріятныхъ условій.

Урбино, Пезаро, Форли, Комо, Парма дали больше знаменитыхъ геніальныхъ людей, чѣмъ Пиза, Падуя и Павія, — древнѣйшіе изъ университетскихъ городовъ Италіи, гдѣ однако не было ни Рафаэля, ни Браманте, ни Россини, ни Морганьи, ни Спалланцани, ни Муратори, ни Фаллопія, ни Вольта — уроженцевъ пяти первыхъ городовъ.

Переходя затѣмъ отъ общихъ къ болѣе частнымъ примѣрамъ, мы убѣждаемся, что Флоренція, гдѣ климатъ очень мягокъ, а почва чрезвычайно холмиста, доставила Италіи самую блестящую плеяду великихъ людей. Данте, Джіотто, Маккіавелли, Люлли, Леонардо, Брунелеско, Гвиччіардини, Челлини, Беато Анжелико, Андреа дель Сарто, Николини, Каппони, Веспучи, Вивіани, Боккачіо, Альберти и Донати — вотъ главныя имена, которыми имѣетъ право гордиться этотъ городъ.

Напротивъ, Пиза, находящаяся въ научномъ отношеніи, какъ университетскій городъ, въ неменѣе благопріятныхъ условіяхъ, чѣмъ Флоренція, дала сравнительно съ нею даже значительно меньшее число выдающихся генераловъ и политиковъ, что̀ и было причиною ея паденія, не смотря на помощь сильныхъ союзниковъ. Изъ великихъ-же людей Пизѣ принадлежатъ только: Никола Пизанскій, Джіунта и Галилей, родители котораго были однако флорентійцы. А между тѣмъ Пиза отличается отъ Флоренціи единственно своимъ низменнымъ мѣстоположеніемъ.

Наконецъ, какое богатство геніальными людьми представляетъ гористая провинція Ареццо, гдѣ родились: Микель-Анджело, Петрарка, Гвидо-Рени, Реди, Вазари и трое Аретини. Далѣе, сколько даровитыхъ личностей были родомъ изъ Асти (Альфіери, Оджеро, С. Бруноне, Белли, Натта, Гвальтіери, Котта, Солари, Аліоне, Джорджіо и Вентура) и раскинувшагося на холмахъ Турина (Роландъ, Калуза, Джіоберти, Бальбо, Беретта, Марокетти, Лагранжъ, Божино и Кавуръ).

Въ гористыхъ частяхъ Ломбардіи и въ приозерныхъ мѣстностяхъ Бергамо, Брешіи и Комо, число великихъ людей точно также гораздо значительнѣе, чѣмъ въ низменныхъ. Въ первыхъ мы встрѣчаемъ имена: Тассо, Маскерони, Доницетти, Тарталья, Угони, Вольта, Парини, Аппіани, Маи, Плинія, Каньола и др., тогда какъ въ низменной Ломбардіи едва можно насчитать шесть такихъ именъ—Альчіато, Беккарія, Оріани, Каваллери, Азелли и Бокачини. Холмистая Верона произвела Маффеи, Павла Веронезе, Катула, Фракасторо, Біанкини, Саммикели, Тирабоски, Лорнья, Пиндемонте; богатая-же и ученѣйшая Падуя, лишь кое-гдѣ представляющая нѣсколько освѣщенныхъ солнцемъ холмовъ, дала Италіи только Тита Ливія, Чезаротти, Петра д'Абано и немногихъ другихъ.

Если низменная область Реджіо можетъ похвалиться такими знаменитостями изъ своихъ уронженцевъ, какъ Спалланцани, Аріосто, Корреджіо, Секки, Нобили, Валлиснери, Божардо, то она отчасти обязана этимъ встрѣчающимся въ ней озареннымъ солнцемъ холмамъ; трое послѣднихъ изъ этой плеяды родились именно въ холмистомъ Скандіано; Генуя и Неаполь, находящіеся въ особенно благопріятныхъ условіяхъ (теплый климатъ, близость моря и гористое мѣстоположеніе) могутъ быть поставлены наравнѣ съ Флоренціей, если не по числу своихъ геніальныхъ уроженцевъ, то по ихъ значенію; здѣсь родились: Колумбъ, Доріа, Вико, Караччіоло, Перголезе, Женовези, Чирилло (Cirillo), Филанжери и пр.

Далѣе, интересно прослѣдить, какое вліяніе оказываетъ умѣренно теплый климатъ, особенно если къ нему присоединяются еще и національныя качества—на развитіе музыкальныхъ талантовъ. Просматривая сочиненіе Клемана „Знаменитые музыканты“ (Clément. Les Musiciens célèbres 1868), я нашелъ, что изъ 110 великихъ композиторовъ 36, т. е. болѣе трети — принадлежатъ Италіи, и что 19 или болѣе половины этихъ послѣднихъ — уроженцы Сициліи (Скарлата, Пачини, Беллини) и Неаполя съ его окрестностями. Такое явленіе очевидно обусловливается вліяніемъ греческой расы и теплаго климата. Къ неаполитанцамъ принадлежатъ: Жомелли, Страделла, Пиччини, Лео, Дуни, Саккини, Карафа, Паэзіелло, Чимароза, Цингарелли, Меркаданте, Траэта, Дуранте, двое Риччи и Петрелла. Изъ остальныхъ 17-ти музыкантовъ, лишь немногіе могутъ считать своей родиной Верхнюю Италію: Доницетти, Верди, Аллегри, Фрескобальди, двое Монтеверди, Саліери, Марчелло и Паганини. Послѣдніе трое — уроженцы приморскихъ мѣстностей; всѣ же остальные родомъ изъ центральной Италіи: въ Римѣ родились Палестрина и Клементи, въ Перуджіо и Флоренціи—Спонтини, Люлли, Перголези.

Громадное значеніе климата и почвы сказывается не только по отношенію къ выдающимся артистамъ во всѣхъ родахъ искусства, но даже и по отношенію къ наименѣе знаменитымъ изъ нихъ. Я убѣдился въ этомъ, составивъ при содѣйствіи почтеннаго проф. Кунье карту Италіи съ указаніемъ распространенія въ ней живописцевъ, скульпторовъ и музыкантовъ за два послѣднихъ столѣтія, причемъ съ удивительной правильностью выразилось преобладающее число художниковъ въ гористыхъ, жаркихъ провинціяхъ средней Италіи, каковы Флоренція и Болонья, и въ приморскихъ — Венеція, Неаполь, Генуя.

Такъ напр. въ	Болоньи	живописцевъ	262,	музыкантовъ	95
»	Флоренціи	»	252	»	70
»	Венеціи	»	138	»	124
»	Миланѣ	»	127	»	95
»	Римѣ	»	100	»	127
»	Генуѣ	»	100	»	30
»	Неаполѣ	»	95	»	216

Косвенное вліяніе окружающей природы на рожденіе геніальныхъ людей представляетъ нѣкоторую аналогію съ вліяніемъ ея на развитіе умопомѣшательства.

Общеизвѣстный фактъ, что въ гористыхъ странахъ жители болѣе подвержены сумасшествію, чѣмъ въ низменныхъ, подтвержденъ вполнѣ психіатрической статистикой. Кромѣ того новѣйшія наблюденія доказываютъ, что эпидемическое безуміе встрѣчается гораздо чаще въ горахъ, чѣмъ въ долинахъ. Припомните возникшія уже въ недавніе годы и на нашихъ глазахъ психическія эпидеміи въ Монте Аміата (Лазаретти), въ Буска и Черногоріи. Не слѣдуетъ также забывать, что холмы Іудеи были колыбелью многихъ пророковъ, и что въ горахъ Шотландіи появились люди, одаренные ясновидѣніемъ (Seconda Vista); тѣ и другіе принадлежатъ къ числу геніальныхъ безумцевъ и полупомѣшанныхъ прорицателей.

V.

Вліяніе расы и наслѣдственности на геніальность и помѣшательство.

Аналогичность вліянія атмосферныхъ явленій на геніальныхъ людей и на помѣшанныхъ будетъ еще замѣтнѣе, если мы разсмотримъ ее вмѣстѣ съ вліяніемъ расы. Прекрасный примѣръ въ этомъ отношеніи представляютъ намъ евреи.

Въ своихъ монографіяхъ „*Uomo bianco e l'uomo di colore*“ и „*Pensiero e Meteore*“ я уже указалъ на тотъ фактъ, что вслѣдствіе испытанныхъ евреями въ средніе вѣка жестокихъ преслѣдованій (результатомъ чего явились истребленія слабыхъ индивидовъ, т. е. своего рода подборъ), а также вслѣдствіе умѣреннаго климата, европейскіе евреи достигли такой степени умственнаго развитія, что пожалуй даже опередили Арійское племя, тогда какъ въ Африкѣ и на Востокѣ они остались на томъ же низкомъ уровнѣ культуры, какъ и остальные семиты. Кромѣ того, статистическія данныя показываютъ, что среди евреевъ даже болѣе распространено общее образованіе, чѣмъ среди другихъ націй *),

*) Въ 1861 году въ Италіи было 645 человѣкъ неграмотныхъ на 1000 католиковъ и только 58—на тысячу евреевъ.

Въ 1867—68 годахъ на 100 учащихся приходилось окончившихъ курсъ:

что они занимаютъ выдающееся положеніе не только въ торговлѣ, но и во многихъ другихъ родахъ дѣятельноси, напр. въ музыкѣ, журналистикѣ, литературѣ, особенно сатирической и юмористической, и въ нѣкоторыхъ отрасляхъ медицины. Такъ, въ музыкѣ евреямъ принадлежатъ такіе геніи какъ Мейерберъ, Галеви, Гузиковъ, Мендельсонъ и Оффенбахъ; въ юмористической литературѣ: Гейне, Сафиръ, Камерини, Ревере, Калиссъ, Якобсонъ, Юнгъ, Вейль, Фортисъ и Гозланъ; въ изящной словесности: Ауэрбахъ, Компертъ и Агиляръ; въ лингвистикѣ: Асколи, Мункъ, Фіорентино, Луццато и др.; въ медицинѣ: Валентинъ, Германъ, Гайденгайнъ, Шиффъ, Касперъ, Гиршфельдъ, Штиллингъ, Глугеръ, Лауренсъ, Траубе, Френкель, Кунъ, Конгеймъ и Гиршъ; въ философіи: Спиноза, Зоммергаузенъ и Мендельсонъ, а въ соціологіи: Лассаль и Марксъ. Даже въ математикѣ, къ которой семиты вообще мало способны, можно указать изъ числа евреевъ на такихъ выдающихся спеціалистовъ, какъ Гольдшмитъ, Беоръ и Маркусъ.

Въ техн. школахъ	католиковъ	67 на 100
	евреевъ	78 » —
Въ лицеяхъ	католиковъ	54 » —
	евреевъ	96 » —
» *гимназіяхъ*	католиковъ	53 » —
	евреевъ	100 » —

Въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ Пруссіи приходился въ 1849 году, 1 учащійся на 467 католиковъ, 1—на 243 протестанта и 1 на 53 еврея.

Въ Италіи евреевъ, занимающихся земледѣліемъ, на 1000 человѣкъ приходится — 0,7, духовныхъ—9,3; торговцевъ и промышленниковъ—177; ремесленниковъ—4; собственниковъ—56; рентьеровъ и пр.—13; женщинъ, не имѣющихъ опредѣленныхъ занятій—560; рудокоповъ—0; нищихъ—3,5; лицъ такъ называемыхъ либеральныхъ профессій—27,6; чиновниковъ—120; слугъ—16.

Если признать справедливымъ мнѣніе Бокля, что богатство составляетъ первое условіе культуры, то значительное число ученыхъ между евреями можно приписать большей матеріальной обезпеченности ихъ сравнительно съ другими націями.

Слѣдуетъ еще замѣтить, что почти всѣ геніальные люди еврейскаго происхожденія обнаруживали большую склонность къ созданію новыхъ системъ, къ измѣненію соціальнаго строя общества; въ политическихъ наукахъ они являлись революціонерами, въ теологіи — основателями новыхъ вѣроученій, такъ что евреямъ въ сущности обязаны если не своимъ происхожденіемъ, то по крайней мѣрѣ своимъ развитіемъ, съ одной стороны нигилизмъ и соціализмъ, а съ другой — христіанство и мозаизмъ, точно также какъ въ торговлѣ они первые ввели векселя, въ философіи — позитивизмъ, а въ литературѣ — *неогуморизмъ* (neo-umorismo). И въ тоже время именно среди евреевъ встрѣчается вчетверо и даже вшестеро больше помѣшанныхъ, чѣмъ среди ихъ согражданъ, принадлежащихъ къ другимъ національностямъ.

Извѣстный ученый Серви вычислилъ, что въ Италіи въ 1869 году одинъ сумасшедшій приходился на 391 еврея, т. е. почти вчетверо больше, чѣмъ среди католиковъ. Тоже самое подтвердилъ въ 1879 году Верга, по вычисленіямъ котораго процентъ помѣшанныхъ между евреями оказался еще значительнѣе. Такъ,

среди католиковъ	приходится 1 сумасшедшій	на 1775	челов.
» протестантовъ	» »	» 1725	»
» евреевъ	» »	» 384	»

Тиггесъ (Tigges), изучившій болѣе 3100 душевно-больныхъ, говоритъ въ своей статистикѣ помѣшательства въ Вестфаліи, что оно распространяется среди ея населенія въ такой пропорціи:

Отъ 1 до 3 на	7,000 жителей	между евреями
» 1 » 11 »	14,000 »	» католиками
» 1 » 13 »	14,000 »	» лютеранами.

Наконецъ, для 1871 года Майръ нашелъ число помѣшанныхъ:

Въ Пруссіи . . .	8,7 на 40,000 христіанъ	и	14,1 на 10,000 евреевъ.
» Баваріи . . .	9,8 » — »		25,2 » — »
Во всей Германіи .	8,6 » — »		16,1 » — »

Какъ видите, это—поразительно большая пропорція, особенно если принять во вниманіе, что хотя въ еврейскомъ населеніи и много стариковъ, чаще всего подвергающихся помѣшательству отъ старости, но за то чрезвычайно мало алкоголиковъ.

Такая роковая привиллегія еврейской расы осталась однако незамѣченной со стороны антисемитовъ, составляющихъ язву современной Германіи. Если бы они обратили вниманіе на этотъ фактъ, то, конечно, не стали-бы такъ негодовать на успѣхи, дѣлаемые несчастной еврейской расой, и поняли-бы, какъ дорого приходится евреямъ расплачиваться за свое умственное превосходство даже въ наше время, не говоря уже о бѣдствіяхъ, испытанныхъ ими въ прошломъ. Впрочемъ, врядъ-ли тогда евреи были болѣе несчастливы, чѣмъ теперь, когда они подвергаются преслѣдованіямъ именно за то, что́ составляетъ ихъ славу.

Значеніе расы въ развитіи геніальности, а также и помѣшательства, видно изъ того, что какъ то, такъ и другое почти совершенно не зависятъ отъ воспитанія, тогда какъ наслѣдственность оказываетъ на нихъ громадное вліяніе.

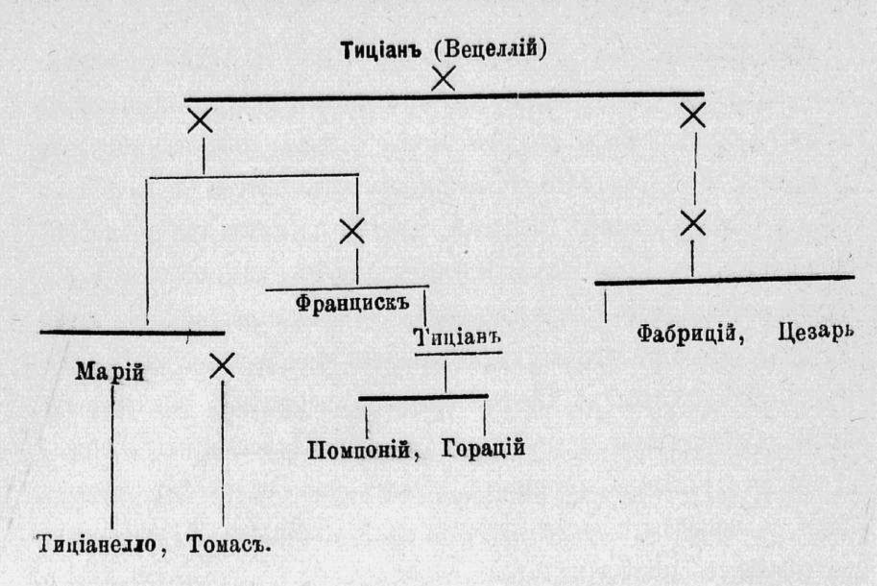
„Посредствомъ воспитанія можно заставить плясать медвѣдей, говоритъ Гельвецій *), но нельзя выработать геніальнаго человѣка“.

*) Просматривая біографіи даровитыхъ людей, мы находимъ только одинъ случай, когда родители не только не противодѣйствовали поэтическимъ склонностямъ своего сына, но всѣми способами развивали и поддерживали ихъ: это были родители Шапелена, пользующагося дурной славой творца «Pucelle».

Несомнѣнно, что помѣшательство лишь въ рѣдкихъ случаяхъ является слѣдствіемъ дурнаго воспитанія, тогда какъ вліяніе наслѣдственности въ этомъ случаѣ такъ велико, что доходитъ до 88 на 100 по вычисленіямъ Тиггеса и до 85 на 100 по вычисленіямъ Гольджи. Что-же касается геніальности, то Гальтонъ и Рибо (De l'Hérédité, 1878) считаютъ ее всего чаще результатомъ наслѣдственныхъ способностей, особенно въ музыкальномъ искусствѣ, дающемъ такой громадный процентъ помѣшанныхъ. Такъ, среди музыкантовъ замѣчательными дарованіями отличались сыновья Палестрины, Бенды, Дюссека, Гиллера, Моцарта, Эйхгорна; семейство Баховъ дало 8 поколѣній музыкантовъ, изъ которыхъ 57 человѣкъ пользовались извѣстностью.

Между живописцами мы встрѣчаемъ наслѣдственные таланты у фонъ-деръ-Вельда, Ванъ-Эйка, Мурильо, Веронези, Беллини, Караччи, Корреджіо, Міерисъ (Mieris), Бассано, Тинторетто, а также въ семьѣ Кальяри, состоявшей изъ дяди, отца и сына, и особенно въ семьѣ Тиціана, давшей цѣлый рядъ живописцевъ, какъ это видно изъ приложенной здѣсь родословной таблицы (стр. 62), заимствованной мною изъ неисчерпаемаго источника свѣдѣній по этой части—изъ книги Рибо „De l'Hérédité“.

Между поэтами можно указать на Эсхила, у котораго два сына и племянники были также поэты; Свифта—племянника Драйдна; Лукана — племянника Сенеки, Тассо — сына Бернарда; Аріосто, братъ и племянникъ котораго было поэты; Аристофана съ двумя сыновьями, тоже писавшими комедіи; Корнеля, Расина, Софокла, Кольриджа, сыновья и племянники которыхъ обладали поэтическимъ талантомъ.

Изъ натуралистовъ составили себѣ извѣстность члены семействъ: Дарвина, Эйлера, Декандоля, Гука, Гершеля, Жюсье, Жоффруа Сентъ-Илера. Сыновья самого Аристотеля (отецъ котораго былъ ученый медикъ), Никомахъ и Каллисѳенъ, а также племянники его извѣстны своей ученостью.

Сынъ астронома Кассини былъ тоже знаменитымъ астрономомъ, племянникъ его 22-хъ лѣтъ уже сдѣлался членомъ Академіи наукъ, внучатный племянникъ—директоромъ Обсерваторіи, а правнучатный племянникъ составилъ себѣ извѣстность какъ натуралистъ и филологъ. Затѣмъ вотъ генеалогическая таблица Бернулли начиная съ

Всѣ они составили себѣ имя въ той или другой отрасли естественныхъ наукъ. Еще въ 1829 году одинъ изъ Бернулли, былъ извѣстенъ какъ химикъ, а въ 1863 году умеръ другой членъ той-же семьи — Христофоръ Бернулли, занимавшій должность профессора естественныхъ наукъ въ Базелѣ.

Гальтонъ, часто смѣшивающій талантливость съ геніальностью (недостатокъ, отъ котораго и я не всегда могъ отдѣлаться), говоритъ въ своемъ прекрасномъ изслѣдованіи, что шансовъ родствсниковъ знаменитыхъ людей, сдѣлавшихся или имѣющихъ сдѣлаться выдающимися, относятся какъ $15^1/_2$ къ 100—для отцовъ; $13^1/_2$: 100 —для братьевъ; 24 : 100—для сыновей. Или же, если придать этимъ, равно какъ и остальнымъ отношеніямъ, болѣе удобную форму, мы получимъ слѣдующіе результаты:

Въ первой степени родства: шансы отца — 1 : 6; шансы каждато брата — 1 : 7; каждаго сына 1 : 4. Во второй степени: шансы каждаго дѣда — 1 : 25; каждаго дяди — 1 : 40; каждаго внука — 1 : 29. Въ третьей степени: шансы каждаго члена приблизительно 1 : 200, за исключеніемъ двоюродныхъ братьевъ, для которыхъ — 1 : 100.

Это значитъ, что изъ шести случаевъ въ одномъ отецъ знаменитаго человѣка есть вѣроятно и самъ — человѣкъ выдающійся; въ одномъ случаѣ изъ семи братъ знаменитаго человѣка также отличается выдающимися способностями; въ одномъ случаѣ изъ четырехъ сынъ наслѣдуетъ выдающіяся надъ общимъ уровнемъ свойства отца и т. д.

Впрочемъ, цифры эти въ свою очередь сильно измѣняются смотря по тому, примѣняемъ-ли мы ихъ къ геніальнымъ артистамъ, дипломатамъ, воинамъ и пр. Тѣмъ не менѣе даже эти громадныя цифры не могутъ дать намъ новыхъ доказательствъ въ пользу полной аналогіи между вліяніемъ наслѣдственности

на развитіе геніальности и помѣшательства, потому что послѣднее проявляется, къ сожалѣнію, съ гораздо большей силой и напряженностью, чѣмъ первое (какъ 48 къ 80). Далѣе, хотя законъ, выведенный Гальтономъ, вполнѣ вѣренъ относительно судей и государственныхъ людей, но за то подъ него совсѣмъ не подходятъ артисты и поэты, у которыхъ вліяніе наслѣдственности съ чрезвычайной силой отражается на братьяхъ, сыновьяхъ и въ особенности на племянникахъ, тогда какъ въ дѣдахъ и дядяхъ оно менѣе замѣтно. Вообще, это вліяніе сказывается въ передачѣ помѣшательства вдвое сильнѣе и напряженнѣе, чѣмъ въ передачѣ геніальныхъ способностей и притомъ почти въ одинаковой степени для обоихъ половъ, тогда какъ у геніевъ наслѣдственныя черты переходятъ къ потомкамъ мужскаго пола въ пропорціи 70 къ 30 сравнительно съ потомками женскаго пола *). Далѣе, большинство геніальныхъ людей не передаютъ своихъ качествъ потомкамъ еще и потому, что остаются бездѣтными **), вслѣдствіе вырожденія, подобно тому какъ мы видимъ это въ аристократическихъ семействахъ ***).

---

*) По статистическимъ свѣдѣніямъ 1861 г. во Франціи на 1000 чел. помѣшанныхъ обоего пола, изъ 264 человѣкъ муж. пола и 266 женскаго наслѣдовали эту болѣзнь:

Изъ первыхъ 128 отъ отца, 110 отъ матери, 26 отъ обоихъ родителей.
Изъ вторыхъ 100 » » 139 » » 36 » » » (Ribot).

**) Шопенгауеръ, Декартъ, Лейбницъ, Мальбраншъ, Контъ, Кантъ, Спиноза, Микель Анджело, Ньютонъ, Фосколо, Альфіери, Лассаль, Гоголь, Лермонтовъ, Тургеневъ остались холостыми, а изъ женатыхъ многіе великіе люди были несчастливы въ супружествѣ, напр. Сократъ, Шекспиръ, Данте, Байронъ, Пушкинъ, Мароцло и пр.

***) Гальтонъ самъ указываетъ на то, что изъ числа 31 Пера, возведеннаго въ это достоинство въ концѣ царствованія Георга IV, 12 фамилій прекратились совершенно, и преимущественно тѣ, члены которыхъ женились на знатныхъ наслѣдницахъ.– Изъ 487 семействъ, причисленныхъ

Наконецъ, за немногими исключеніями, вродѣ фамилій Дарвина, Бернулли, Кассини, С. Илера и Гершеля, какую ничтожную часть своихъ дарованій и талантовъ передавали обыкновенно геніальные люди своимъ потомкамъ и какъ еще преувеличивались эти дарованія, благодаря обаянію имени славнаго предка! Что значитъ напр. Тиціанелло въ сравненіи съ Тиціаномъ, какой нибудь Никомахъ—съ Аристотелемъ, Горацій Аріосто—съ его дядей, великимъ поэтомъ, или скромный профессоръ Христофоръ Бернулли рядомъ съ его знаменитымъ предкомъ Яковомъ Бернулли!

Помѣшательство, напротивъ, всего чаще передается по наслѣдству все, цѣликомъ... Мало того, оно какъ будто даже усиливается съ каждымъ новымъ поколѣніемъ. Случаи наслѣдственнаго умопомѣшательства у всѣхъ сыновей и племянниковъ,— нерѣдко въ той самой формѣ какъ у отца или дяди,—встрѣчаются на каждомъ шагу. Такъ напр. всѣ потомки одного знатнаго гамбуржца, причисляемаго къ великимъ военнымъ геніямъ, сходили съ ума по достиженіи ими 40-лѣтняго возраста; наконецъ, въ живыхъ остался только одинъ членъ этой несчастной семьи, состоявшій на государственной службѣ, и сенатъ запретилъ ему жениться. Въ 40 лѣтъ онъ тоже помѣшался. Рибо разсказываетъ, что въ Коннектикутскую больницу

къ Бернской буржуазіи, съ 1583 по 1654-й годъ, къ 1783 году остались въ живыхъ только 168; точно также изъ 112 членовъ Общиннаго Совѣта въ 1615 году остались 58.—При видѣ гранда Испаніи, говоритъ Рибо, можно съ увѣренностью сказать, что видишь передъ собою выродка. Почти все французское, а также итальянское дворянство сдѣлалось теперь слѣпымъ орудіемъ духовенства, что составляетъ не послѣднюю причину непрочности итальянскихъ учрежденій. — А въ числѣ правителей (королей) Европы какъ мало такихъ, которые походили-бы на своихъ знаменитыхъ когда-то предковъ и наслѣдовали-бы отъ нихъ что нибудь кромѣ трона да обаянія нѣкогда славнаго имени!

для умалишенныхъ послѣдовательно поступали 11 членовъ одной и той-же семьи.

Затѣмъ, вотъ еще исторія семьи одного часовщика, сошедшаго съ ума вслѣдствіе ужасовъ революціи 1789 г. и потомъ выздоровѣвшаго: самъ онъ отравился, дочь его помѣшалась и окончательно сошла съ ума, одинъ братъ вонзилъ себѣ ножъ въ животъ, другой началъ пить и умеръ отъ бѣлой горячки, третій пересталъ принимать пищу и умеръ отъ истощенія; у здоровой сестры его одинъ сынъ былъ помѣшанный и эпилептикъ, другой не бралъ груди, двое маленькихъ умерли отъ воспаленія мозга, и дочь, тоже страдавшая упомѣшательствомъ, отказалась принимать пищу.

Наконецъ, самое неоспоримое доказательство въ пользу нашей теоріи представляетъ прилагаемое здѣсь родословное дерево семьи Берти, давшей несравненно большее число помѣшанныхъ, чѣмъ семья знаменитаго Тиціана дала геніальныхъ живописцевъ. (См. родослов. дерево на стр. 74 и 75).

Изъ этой любопытной генеалогической таблицы видно, что въ 4-хъ поколѣніяхъ изъ 80 потомковъ одного помѣшаннаго меланхолика 10 человѣкъ сошли съ ума и почти всѣ страдали той-же самой формой психическаго растройства — меланхоліей, а 19 человѣкъ — нервными болѣзнями, слѣдовательно 36%. Кромѣ того мы замѣчаемъ, что болѣзнь все болѣе развивалась въ послѣдующихъ поколѣніяхъ, захватывая самый нѣжный возрастъ и проявляясь съ особенной силой въ мужской линіи, гдѣ помѣшательство явилось уже въ первомъ поколѣніи, тогда какъ въ женской линіи—только въ 3-мъ и въ пропорціи едва лишь 1 къ 4. Въ 1-мъ и 4-мъ колѣнѣ помѣшанныхъ и нервозныхъ много во всѣхъ семьяхъ, во 2-мъ колѣнѣ, напротивъ, преобладаютъ здоровые члены, которые встрѣчаются и въ 3-мъ, а затѣмъ уже страшная болѣзнь охватываетъ все большее число жертвъ, имѣющихъ ту или другую форму душевныхъ страданій.—Врядъ-ли у геніальныхъ людей найдется семья настолько-же плодовитая и въ такой же степени испытавшая на себѣ роковое, прогрессивно возрастающее вліяніе наслѣдственности!

Но есть случаи, когда это вліяніе проявляется еще съ бо́льшею силою, что́ особенно замѣтно по отношенію къ алькоголикамъ (помѣшаннымъ отъ пьянства). Такъ напр. отъ одного родоначальника пьяницы Макса Юке произошли втеченіи 75 лѣтъ 200 человѣкъ воровъ и убійцъ, 280 несчастныхъ, страдавшихъ слѣпотой, идіотизмомъ, чахоткой, 90 проститутокъ и 300 дѣтей преждевременно умершихъ, такъ что вся эта семья стоила государству, считая убытки и расходы, болѣе милліона долларовъ.

И это далеко не единичный фактъ. Напротивъ, въ современныхъ медицинскихъ изслѣдованіяхъ можно встрѣтить примѣры еще болѣе поразительные.

Тарге въ своей книгѣ „О наслѣдственности алькоголизма“ приводитъ нѣсколько подобныхъ случаевъ. Такъ, онъ раскасываетъ, что четыре брата Дюфе были подвержены несчастной страсти къ вину, очевидно вслѣдствіе вліянія наслѣдственности; старшій изъ нихъ бросился въ воду и утонулъ, второй повѣсился, третій перерѣзалъ себѣ горло и четвертый бросился внизъ съ третьяго этажа.

У Тарге мы заимствуемъ и еще нѣсколько фактовъ въ томъже родѣ:

Нѣкто Р... имѣлъ отъ здоровой жены такое потомство:

м. п. пьяница, ж. п. пьяница, ж. п. бѣшенство и манія къ убійству, ж. п. здоровая, ж. п. развратная.

ж. п. безстыдная, ж. п. разгульная, слабоумный эпилептикъ и склонный къ пьянству, 1 2 3 4 5 здоровые, воръ, пившій запоемъ.

м. п. здоровый, впослѣдствіи страдалъ водянкой головнаго мозга.

У нѣкоего П. С., умершаго отъ размягченія мозга вслѣдствіе пьянства, и жены его, умершей отъ брюшной водянки, тоже, можетъ быть, вызванной пьянствомъ, были дѣти:

Сынъ здоровый. Дочь здоровая вышедшая замужъ за здороваго.

идіотка, порочный, порочный, слѣпой отъ рожденія и глупый, слѣпой отъ рожденія, здоровый

Одинъ пьяница, женатый на развратной женщинѣ, имѣлъ:

Сына чудака и оригинала, умершаго отъ бѣлой горячки,

и сына до такой степени трусливаго, что онъ убѣгалъ даже при видѣ ножницъ и потомъ сошелъ съ ума; дѣти его:

Одинъ умеръ молодымъ, здоровый. страдавшій водянкой мозга.

Эти примѣры доказываютъ, что въ алкоголизмѣ легко возможенъ атавизмъ — скачекъ назадъ черезъ одно поколѣніе, такъ что дѣти пьяницъ остаются здоровыми, а болѣзнь отражается на внукахъ.

Вотъ еще послѣдній примѣръ.

У пьяницы Л. Берт., умершаго отъ апоплексіи, былъ одинъ только сынъ, тоже пьяница, у котораго родились дѣти:

Л. пьяница, игрокъ и Л. Б. здоровый

и Л. Р. дочь, подверженная сонамбулизму и галлюнаціямъ, вышла замужъ за Ж. здороваго.

Ж. Р. идіотка А. Р. истеричная | Р. Р. санамбула.
П. Р. подверженная галлюцинаціямъ
и рахитичная (худосочная)
4 умерли въ раннемъ дѣтствѣ.

Морель сообщаетъ объ одномъ пьяницѣ, у котораго было семеро дѣтей, что одинъ изъ нихъ сошелъ съ ума 22-хъ лѣтъ, другой былъ идіотъ, двое умерли въ дѣтствѣ, 5-й былъ чудакъ и мизантропъ, 6-я—истеричная, 7-й—хорошій работникъ, но страдалъ разстройствомъ нервовъ.—Изъ 16 дѣтей другаго пьяницы 15 умерли въ дѣтствѣ, а послѣдній, оставшійся въ живыхъ, былъ эпилептикъ.

Иногда у людей, находящихся, повидимому, въ здравомъ умѣ, помѣшательство проявляется отдѣльными чудовищными безумными поступками.

Такъ, одинъ судья, нѣмецъ, выстрѣломъ изъ револьвера убилъ свою долгое время хворавшую жену и увѣрялъ потомъ, что поступилъ такъ изъ любви къ ней, желая избавить ее отъ страданій, причиняемыхъ болѣзнью; онъ былъ убѣжденъ, что не сдѣлалъ ничего дурного и пытался покончить такимъ же образомъ съ своей матерью, когда она заболѣла. Эксперты дол-

гое время колебались, считать-ли этого человѣка душевно больнымъ, и пришли къ заключенію о его умопомѣшательствѣ на основаніи того, что дѣдъ и отецъ у него были пьяницы.

Не только пьянство запоемъ, но вообще употребленіе спиртныхъ напитковъ приводитъ къ ужаснымъ послѣдствіямъ... Флеммингъ и Демо доказали, что не одни пьяницы передаютъ своимъ дѣтямъ наклонность къ помѣшательству и преступленіямъ, но что даже совершенно трезвые мужчины, находившіеся въ моментъ совокупленія подъ вліяніемъ винныхъ паровъ, пораждали дѣтей — эпилептиковъ, паралитиковъ, помѣшанныхъ, идіотовъ и главнымъ образомъ микроцефаловъ, или слабоумныхъ, весьма легко терявшихъ разсудокъ *).

Такимъ образомъ какая-нибудь лишняя рюмка вина можетъ сдѣлаться причиною величайшихъ бѣдствій для многихъ поколѣній!

Какая-же тутъ возможна аналогія въ сравненіи съ рѣдкой и почти всегда неполной передачей геніальныхъ способностей даже ближайшему потомству?

Правда, роковое сходство между сумашествіемъ и геніальностью въ этомъ случаѣ менѣе замѣтно, но за то именно законъ наслѣдственности обнаруживаетъ тѣсную связь между ними въ томъ фактѣ, что у многихъ помѣшанныхъ родственники обладаютъ геніальными способностями и что у громаднаго большинства даровитыхъ людей дѣти и родные бываютъ эпилептиками, идіотами, маньяками и наоборотъ, въ чемъ

*) Флеммингу и Демо удалось констатировать 5 происшедшихъ подобнымъ образомъ случаевъ эпилепсіи, 2 случая сумашествія, 2—общаго паралича, 1—идіотизма и множество случаевъ микроцефализма. Частое появленіе микроцефализма, какъ результатъ наслѣдственнаго алькоголизма, вполнѣ понятно, если припомнить тѣ измѣненія, какія всегда являются въ мозгу каждаго пьяницы, напр. атрофія и мозговой склерозъ (развитіе соединительной ткани).

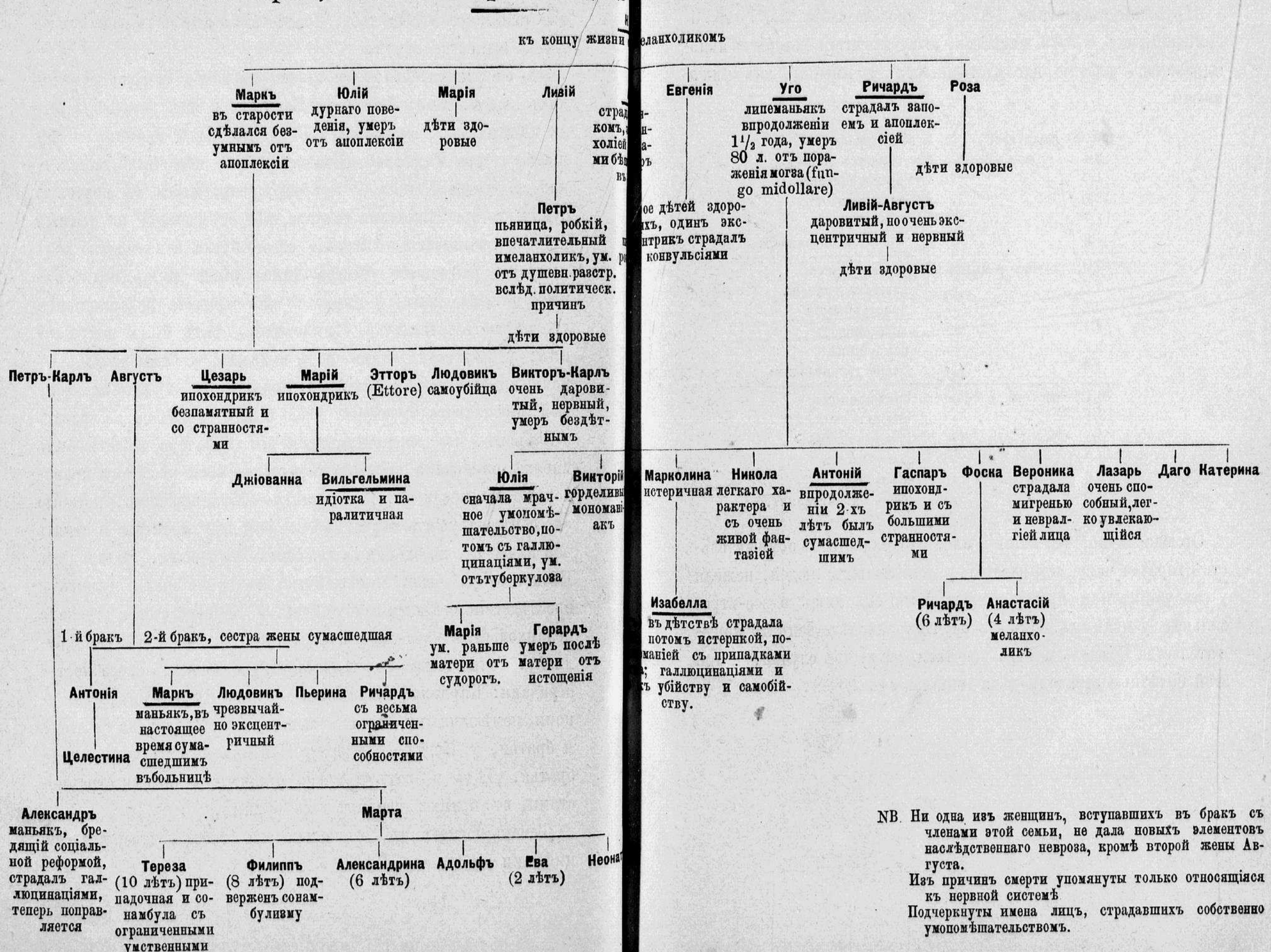
читатель можетъ убѣдиться, просмотрѣвъ еще разъ родословное дерево семейства Берти.

Но еще поучительнѣе въ этомъ отношеніи біографіи великихъ людей. Отецъ Фридриха Великаго и мать Джонсона были помѣшанные, сынъ Петра Великаго былъ пьяница и маніакъ; сестра Ришелье воображала, что у нея спина стеклянная, а сестра Гегеля,—что она превратилась въ почтовую сумку; сестра Николини считала себя осужденной на вѣчныя муки за еретическія убѣжденія своего брата и нѣсколько разъ пыталась ранить его. Сестра Ламба убила въ припадкѣ бѣшенства свою мать; у Карла V мать страдала меланхоліей и умопомѣшательствомъ, у Циммермана братъ былъ помѣшанный; у Бетховена отецъ былъ пьяница; у Байрона мать — помѣшанная, отецъ безстыдный развратникъ, дѣдъ—знаменитый мореплаватель; поэтому Рибо имѣлъ полное право сказать о Байронѣ, что „эксцентричность его характера можетъ быть вполнѣ оправдана наслѣдственностью, такъ какъ онъ происходилъ отъ предковъ, обладавшихъ всѣми пороками, которые способны нарушить гармоническое развитіе характера и отнять всѣ качества, необходимыя для семейнаго счастія. Дядя и дѣдъ Шопенгауера были помѣшанные, отецъ-же былъ чудакъ и впослѣдствіи сдѣлался самоубійцей. У Кернера сестра страдала меланхоліей, а дѣти были помѣшанные и подвержены санамбулизму. Точно также разстройствомъ умственныхъ способностей страдали: Карлини, Меркаданте, Доницетти, Вольта; у Манцони помѣшанными были — сыновья, у Виллъмена — отецъ и братья, у Конта—сестра, у Пертикари и Пуччинотти—братья. Дѣдъ и братъ д'Азеліо отличались такими странностями, что о нихъ говорилъ весь Туринъ.

Теперь посмотримъ, насколько эти факты подтверждаются цифрами (далѣе стр. 74).

РОДОСЛОВ[...]Е ДЕРЕВО

Семейства Берти, члены котораго страда[...] аслѣдственнымъ умопомѣшательствомъ.

Прусская статистика 1877 г. насчитываетъ на 10,676 помѣшанныхъ 6,369 человѣкъ, въ сумашествіи которыхъ явно выразилось вліяніе наслѣдственности, а именно, изъ нихъ имѣли:

69,0%	родителей	помѣшанныхъ
12,4	»	пившихъ запоемъ,
1,0	»	преступниковъ,
18,0	»	алькоголиковъ,
1,7	»	самоубійцъ.
6,3	»	очень талантливыхъ.
86,0%	дѣдовъ и дядей . . .	помѣшанныхъ
6,7	» »	пившихъ запоемъ
0,1	» »	преступниковъ
3,1	» »	алкоголиковъ
2,7	» »	самоубійцъ
1,3	» »	очень талантливыхъ.
76,1%	сестеръ и братьевъ	помѣшанныхъ
13,1	» »	пившихъ запоемъ
0,1	» »	преступниковъ
3,3	» »	алкоголиковъ
2,3	» »	самоубійцъ
3,6	» »	очень талантливыхъ.

Отсюда видно, что вліяніе наслѣдственности въ помѣшательствѣ гораздо чаще встрѣчается у геніальныхъ людей, нежели у самоубійцъ или преступниковъ и что оно лишь вдвое-втрое сильнѣе у пьяницъ. Изъ 22 случаевъ наслѣдственнаго помѣшательства Обанель и Торе констатировали два случая, когда этой болѣзнью страдали дѣти геніальныхъ людей.

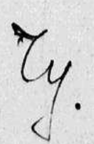
VI.

Геніальные люди, страдавшіе умопомѣшательствомъ: Гарингтонъ, Боліанъ, Кодацци, Амперъ, Контъ, Шуманъ, Тассо, Карданъ, Свифтъ, Ньютонъ, Руссо, Ленау, Шехени (Szèckeni), Шопенгауэръ.

Приведенные здѣсь примѣры аналогичности сумашествія съ геніальностью если и не могутъ служить доказательствомъ полнаго сходства ихъ между собою, то, по крайней мѣрѣ, убѣждаютъ насъ въ томъ, что первое не исключаетъ присутствія второй въ одномъ и томъ-же субъектѣ и объясняютъ намъ, почему это является возможнымъ.

Въ самомъ дѣлѣ, не говоря уже о многихъ геніяхъ, страдавшихъ галлюцинаціями болѣе или менѣе продолжительное время, какъ Андраль, Челлини, Гёте, Гоббсъ, Грасси, или потерявшихъ разсудокъ въ концѣ своей славной жизни, какъ напр. Вико и другіе, немалое число геніальнѣйшихъ людей было въ тоже время и мономаніаками или всю жизнь находились подъ вліяніемъ галлюцинацій. Вотъ нѣсколько примѣровъ такого совпаденія.

Мотанусъ (Motanus), всегда жаждавшій уединенія и отличавшійся странностями, кончилъ тѣмъ, что считалъ себя пре-

вратившимся въ ячменное зерно, вслѣдствіе чего не хотѣлъ выходить на улицу изъ боязни, чтобы его не склевали птицы.

Другъ Люлли постоянно говорилъ о немъ въ его оправданіе: „не обращайте на него вниманія, онъ не обладаетъ здравымъ смысломъ, онъ всецѣло—геній".

Гаррингтонъ воображалъ, что мысли вылетаютъ у него изо рта въ видѣ пчелъ и птицъ, и прятался въ бесѣдку съ метлой въ рукѣ, чтобы разгонять ихъ.

Галлеръ, считая себя гонимымъ людьми и проклятымъ отъ Бога за свою порочность, а также за свои еретическія сочиненія, испытывалъ такой ужасный страхъ, что могъ избавляться отъ него только громадными пріемами опія и бесѣдой съ священниками.

Амперъ сжегъ свой трактатъ о „Будущности Химіи" на томъ основаніи, что онъ написанъ по внушенію сатаны.

Мендельсонъ страдалъ меланхоліей. Литтре въ старости сошелъ съ ума. Великій голландскій живописецъ Вонъ-Гос (Von Goes) думалъ, что онъ одержимъ бѣсомъ.

Уже въ наше время сошли съ ума: Фарини, Бругэмъ, Соути, Гуно, Говоне, Гуцковъ, Монжъ, Фуркруа, Лойдъ, Куперъ, Роккіа, Риччи, Феничіа, Энгель, Перголези, Нерваль, Батюшковъ, Мюрже, Б. Коллинзъ, Технеръ, Гольдерлинъ, Фонъ-деръ-Вестъ, Галло, Спедальери, Беллинжери, Сальери, физіологъ Мюллеръ, Ленцъ, Барбара, Фюзели, Петерманъ, живописецъ Витъ Гамильтонъ, Поэ, Улихъ (Uhliche), а также, пожалуй, Мюссе и Боделенъ.

Знаменитый живописецъ Фонъ-Лейденъ воображалъ себя отравленнымъ и послѣдніе годы своей жизни провелъ не вставая съ постели.

Карлъ Дольче, религіозный липеманіакъ (липеманія—мрачное помѣшательство), даетъ, наконецъ, обѣтъ брать только

священные сюжеты для своихъ картинъ и посвящаетъ свою кисть Мадоннѣ, но потомъ для изображенія ея пишетъ портретъ съ своей невѣсты—Бальдуини. Въ день своей свадьбы онъ исчезъ и послѣ долгихъ поисковъ его нашли распростертымъ передъ алтаремъ Богоматери.

Томмазо Лойдъ, авторъ прелестнѣйшихъ стихотвореній, представляетъ въ своемъ характерѣ странное сочетаніе злости гордости, геніальности и психическаго разстройства. Когда стихи выходили у него не совсѣмъ удачными, онъ опускалъ ихъ въ стаканъ съ водой, „чтобы очистить ихъ", какъ онъ выражался. Все, что случалось ему найти въ своихъ карманахъ или что попадалось ему подъ руки,—все равно была-ли это бумага, уголь, камень, табакъ—онъ имѣлъ обыкновеніе примѣшивать къ пищѣ и увѣрялъ, что уголь очищаетъ его, камень минерализируетъ и пр.

Гоббсъ, матеріалистъ Гоббсъ, не могъ остаться въ темной комнатѣ безъ того, чтобы ему тотчасъ-же не начали представляться привидѣнія.

Поэтъ Гольдерлинъ, почти всю жизнь страдавшій умопомѣшательствомъ, убилъ себя въ припадкѣ меланхоліи въ 1835 году.

Моцартъ былъ убѣжденъ, что итальянцы собираются отравить его. Мольеръ часто страдалъ припадками сильной меланхоліи. Россини,—двоюродный братъ котораго, идіотъ, страстно любящій музыку, живъ еще и до сихъ поръ,—сдѣлался въ 1848 году настоящимъ липеманіакомъ, вслѣдствіе огорченія отъ невыгодной покупки для себя дворца. Онъ вообразилъ, что теперь его ожидаетъ нищета, что ему даже придется просить милостыню и что умственныя способности оставили его; въ этомъ состояніи онъ не только утратилъ способность писать музыкальныя произведенія, но даже не могъ

слышать разговоровъ о музыкѣ. Однако успѣшное лѣченіе почтеннаго доктора Сансоне изъ Анконы мало по малу снова возвратило геніальнаго музыканта его искусству и друзьямъ.

На Кларка чтеніе историческихъ сочиненій производило такое впечатлѣніе, что онъ воображалъ себя очевидцемъ и даже дѣйствующимъ лицомъ давнопрошедшихъ историческихъ событій. Блэкъ и Баннекеръ представляли себѣ дѣйствительно существующими фантастическіе образы, которые они воспроизводили на полотнѣ, и видѣли ихъ передъ собой.

Знаменитый профессоръ П.... тоже нерѣдко подвергался подобнымъ иллюзіямъ и воображалъ себя то Конфуціемъ, то Тамерланомъ.

Шуманъ, предвѣстникъ того направленія въ музыкальномъ искусствѣ, которое извѣстно подъ названіемъ „музыки будущаго“, родившись въ богатой семьѣ, безпрепятственно могъ заниматься своимъ любимымъ искуствомъ, и въ своей женѣ, Кларѣ Вицекъ, нашелъ нѣжную, вполнѣ достойную его подругу жизни. Несмотря на то, уже на 24 году, онъ сдѣлался жертвою липеманіи, а 46 лѣтъ совсѣмъ почти лишился разсудка: то его преслѣдовали говорящіе столы, обладающіе всевѣденіемъ, то онъ видѣлъ не дававшіе ему покоя звуки, которые сначала складывались въ аккорды, а затѣмъ и въ цѣлыя музыкальныя фразы. Бетховенъ и Мендельсонъ изъ своихъ могилъ диктовали ему различныя мелодіи. Въ 1854 году Шуманъ бросился въ рѣку, но его спасли, и онъ умеръ въ Боннѣ. Вскрытіе обнаружило у него образованіе остеофитовъ,—утолщеній мозговыхъ оболочекъ и атрофію мозга.

Великій мыслитель Огюстъ Контъ, основатель позитивной философіи, впродолженіи десяти лѣтъ лѣчился у Эскироля отъ психическаго разстройства и затѣмъ по выздоровленіи безъ всякой причины прогналъ жену, которая своими нѣжными

попеченіями спасла ему жизнь. Передъ смертью онъ объявилъ себя *апостоломъ* и *священнослужителемъ* матеріалистической религіи, хотя раньше самъ проповѣдывалъ уничтоженіе всякаго духовенства. Въ сочиненіяхъ Конта, рядомъ съ поразительно глубокими положеніями, встрѣчаются чисто безумныя мысли, вродѣ той напр. что настанетъ время, когда оплодотвореніе женщины будетъ совершаться безъ посредства мущины.

Хотя Мантегацца и утверждаетъ, что математики не подвержены подобнымъ психозамъ, но это мнѣніе ложно. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно вспомнить, кромѣ Ньютона, о которомъ я буду говорить болѣе подробно, Архимеда, затѣмъ страдавшаго галлюцинаціями Паскаля и спеціалиста чистой математики чудака Кодацци. Алькоголикъ, скупой до скряжничества, равнодушный ко всѣмъ окружающимъ, онъ отказывалъ въ помощи даже своимъ родителямъ, когда тѣ чуть не умирали съ голода. Въ тоже время онъ былъ до того тщеславенъ, что, еще будучи молодымъ, ассигновалъ извѣстную сумму на сооруженіе себѣ надгробнаго памятника и не позволялъ оспаривать своихъ мнѣній даже насчетъ покроя платья. Наконецъ, помѣшательство Кодацци выразились въ томъ, что онъ придумалъ способъ сочинять музыкальныя мелодіи посредствомъ вычисленія.

Всѣ математики преклоняются передъ геніальностью геометра Болье (Bolyai), отличавшагося однако безумными поступками. Такъ напр. онъ вызвалъ на дуэль 13 молодыхъ людей, состоявшихъ на государственной службѣ, и въ промежуткахъ между поединками развлекался игрою на скрипкѣ, составлявшей единственную движимость въ его домѣ. Когда ему назначили пенсію, онъ велѣлъ напечатать бѣлыми буквами на черномъ фонѣ пригласительные билеты на свои похороны и сдѣлалъ самъ

для себя гробъ (подобныя странности я наблюдалъ еще у двоихъ математиковъ, недавно умершихъ). Черезъ семь лѣтъ онъ снова напечаталъ второе приглашеніе на свои похороны, считая, вѣроятно, первое уже недѣйствительнымъ, и въ духовномъ завѣщаніи обязалъ наслѣдниковъ посадить на его могилѣ яблоню, въ память Евы, Париса и Ньютона. И такія штуки продѣлывалъ великій математикъ, исправившій геометрію Эвклида!

Карданъ, о которомъ современники говорили, что это умнѣйшій изъ людей и въ тоже время глупый, какъ ребенокъ, Карданъ, первый изъ смѣльчаковъ, рѣшившійся критиковать Галена, исключить огонь изъ числа стихій и назвать помѣшанными колдуновъ и католическихъ святыхъ, этотъ великій человѣкъ былъ самъ душевно-больнымъ всю свою жизнь. Кстати прибавлю, что сынъ, двоюродный братъ и отецъ его тоже страдали умопомѣшательствомъ.

Вотъ какъ описываетъ себя онъ самъ: „Заика, хилый, съ слабой памятью, безъ всякихъ знаній, я съ дѣтства страдалъ гипнофантастическими галлюцинаціями“. Ему представлялся то пѣтухъ, говорившій съ нимъ человѣческимъ голосомъ, то самый тартаръ, наполненный костями и все, что бы ни явилось въ его воображеніи, онъ могъ увидѣть передъ собой, какъ нѣчто дѣйствительно существующее, реальное. Съ 19 до 26-ти лѣтняго возраста Карданъ находился подъ покровительствомъ особаго духа, вродѣ того, что нѣкогда оказывалъ услуги его отцу, и этотъ духъ не только давалъ ему совѣты, но даже открывалъ будущее. Однако и послѣ 26-ти лѣтъ сверхъестественныя силы не оставляли его безъ своего содѣйствія: такъ, однажды, когда онъ прописалъ не то лекарство, какое слѣдовало, рецептъ, вопреки всѣмъ закономъ тяготѣнія, подпрыгнулъ на столѣ и тѣмъ предупредилъ его объ ошибкѣ.

Какъ ипохондрикъ, Карданъ воображалъ себя страдающимъ всѣми болѣзнями, о какихъ только онъ слышалъ или читалъ: сердцебіеніемъ, ситофобіей *), опухолью живота, недержаніемъ мочи, подагрой, грыжей и пр.; но всѣ эти болѣзни проходили безъ всякаго леченія или только вслѣдствіе молитвъ Пресвятой Дѣвѣ. Иногда ему казалось, что мясо, которое онъ употреблялъ въ пищу, пропитано сѣрой или растопленнымъ воскомъ, въ другое время онъ видѣлъ передъ собою огни, какіе-то призраки, — и все это сопровождалось страшными землетрясеніями, хотя окружающіе не замѣчали ничего подобнаго.

Далѣе Карданъ воображалъ, что его преслѣдуютъ и за нимъ шпіонятъ всѣ правительства, что противъ него ополчился цѣлый сонмъ враговъ, которыхъ онъ не зналъ даже по имени и никогда не видѣлъ и которые, какъ онъ самъ говоритъ, чтобы опозорить и довести его до отчаянія, осудили на смерть даже нѣжно любимаго имъ сына. Наконецъ, ему представилось, что профессора университета въ Павіи отравили его, пригласивъ спеціально для этой цѣли къ себѣ, такъ что если онъ остался цѣлъ и невредимъ, то единственно лишь благодаря помощи св. Мартина и Богородицы. И такія вещи высказывалъ писатель, бывшій въ теологіи смѣлымъ предшественникомъ Дюпюи и Ренана!

Карданъ самъ сознавался, что обладаетъ всѣми пороками, — склоненъ къ пьянству, къ игрѣ, ко лжи, къ разврату и зависти. Онъ говоритъ также, что раза четыре во время полнолунія замѣчалъ въ себѣ признаки полнаго умопомѣшательства.

Впечатлительность у него была извращена до такой степени, что онъ чувствовалъ себя хорошо только подъ вліяніемъ какой

*) Боязнь мѣста, напр., открытыхъ площадей, широкихъ улицъ и пр. *Пр. Пер.*

нибудь физической боли, такъ что даже причинялъ ее себѣ искусственно, до крови кусая губы или руки. „Если у меня ничего не болѣло, пишетъ онъ, я старался вызвать боль ради того пріятнаго ощущенія, какое доставляло мнѣ прекращеніе боли и ради того еще, что когда я не испытывалъ физическихъ страданій, нравственныя мученія мои дѣлались настолько сильными, что всякая боль казалась мнѣ ничтожной въ сравненіи съ ними. Эти слова вполнѣ объясняютъ, почему многіе сумасшедшіе съ какимъ-то наслажденіемъ причиняютъ себѣ физическія страданія самыми ужасными способами *).

Наконецъ, Карданъ до того слѣпо вѣрилъ въ пророческіе сны, что напечаталъ даже нелѣпое сочиненіе „О сновидѣніяхъ“. Онъ руководствовался снами въ самыхъ важныхъ случаяхъ своей жизни, напр., при подачѣ медицинскихъ совѣтовъ, при заключеніи своего брака и между прочимъ подъ вліяніемъ сновидѣнія писалъ сочиненія, какъ напр. „О разнообразіи вещей“ и „О лихорадкахъ **).

Будучи импотентнымъ до 34-хъ лѣтъ, онъ во снѣ снова получилъ способность къ половымъ отправленіямъ и во снѣ-же ему была указана его будущая подруга жизни, правда не особенно хорошая, дочь какого-то разбойника, которой, по его словамъ, онъ никогда не видѣлъ раньше.—Эта безумная вѣра въ

---

*) Байронъ тоже говорилъ, что перемежающаяся лихорадка доставляетъ ему удовольствіе вслѣдствіе того пріятнаго ощущенія, какимъ сопровождается прекращеніе пароксизма.

**) «Однажды во снѣ я услышалъ прелестнѣйшую музыку, говоритъ онъ: я проснулся и въ головѣ у меня явилось рѣшеніе вопроса относительно того, почему однѣ лихорадки имѣютъ смертельный исходъ, а другія нѣтъ,—рѣшеніе, надъ которымъ я тщетно трудился впродолженіи 25 лѣтъ. Во время сна у меня явилась потребность написать эту книгу, раздѣленную на 21 часть, и я работалъ надъ ней съ такимъ наслажденіемъ, какого никогда прежде не испытывалъ и т. д.

сновидѣнія до того овладѣла Карданомъ, что онъ руководствовался ими даже въ своей медицинской практикѣ, въ чемъ онъ самъ съ гордостью сознавался.

Мы могли-бы привести изъ жизни этого геніальнаго безумца еще множество фактовъ, то забавныхъ и нелѣпыхъ, то ужасныхъ и возмутительныхъ, но ограничимся однимъ, соединяющимъ въ себѣ всѣ эти качества его, — сновидѣніемъ, касающимся драгоцѣннаго камня (gemma).

Въ маѣ 1560 года, когда Кардану шелъ уже 52-й годъ, сынъ его былъ публично признанъ отравителемъ. Это несчастіе глубоко потрясло бѣднаго старика, и безъ того не обладавшаго душевнымъ спокойствіемъ. Онъ искренно любилъ своего сына какъ отецъ, доказательствомъ чего служитъ между прочимъ прелестное стихотвореніе *„На смерть сына“*, гдѣ въ такой высоко художественной формѣ выражена истинная скорбь и въ то-же время онъ, какъ самолюбивый человѣкъ, надѣялся видѣть въ сынѣ тѣ-же таланты, какими обладалъ самъ. Кромѣ того, въ этомъ осужденіи, еще болѣе усилившемъ его сумасбродныя идеи липеманіака, несчастный считалъ виновными своихъ воображаемыхъ враговъ, составившихъ противъ него заговоръ. „Подавленный такимъ горемъ, пишетъ онъ по этому поводу, я тщетно искалъ облегченія въ занятіяхъ, въ игрѣ и въ физическихъ страданіяхъ, кусая свои руки или нанося себѣ удары по ногамъ (мы знаемъ, что онъ и раньше прибѣгалъ къ подобному средству для своего успокоенія). Я не спалъ уже третью ночь и, наконецъ, часа за два до разсвѣта, чувствуя, что я долженъ или умереть, или сойти съ ума, я сталъ молиться Богу, чтобы Онъ избавилъ меня отъ этой жизни. Тогда, совершенно неожиданно я заснулъ и вдругъ почувствовалъ, что ко мнѣ приближается кто-то, скрытый отъ меня окружающимъ мракомъ, и говоритъ: „Что ты сокрушаешься о сынѣ?..

Возьми камень, висящій у тебя на шеѣ, въ ротъ и пока ты будешь прикасаться къ нему губами, ты не будешь вспоминать сына.“ Проснувшись, я не повѣрилъ, чтобы могла существовать какая-нибудь связь между изумрудомъ и забвеніемъ, но не зная иного средства облегчить нестерпимыя страданія и припомнивъ священное изрѣченіе „*Credidit, et reputatum ei est ad justitiam*“ (я взялъ въ ротъ изумрудъ). И что-же? Вопреки моимъ ожиданіямъ, всякое воспоминаніе о сынѣ вдругъ исчезло изъ моей памяти, такъ что я снова заснулъ. Затѣмъ, впродолженіи полутора года я вынималъ свой драгоцѣнный камень изо рта только во время ѣды и чтенія лекцій, но тогда ко мнѣ возвращались прежнія страданія“.—Странное леченіе это основывалось на игрѣ словъ (не переводимой по-русски) такъ какъ *gioia*—радость и *gemme*—драгоцѣнный камень происходятъ отъ одного корня. Сказать по правдѣ, Карданъ въ этомъ случаѣ не нуждался даже въ откровеніи, сдѣланномъ ему во время сна, потому что еще раньше, основываясь на этимологіи, ложно имъ понятой, онъ приписывалъ драгоцѣннымъ камнямъ благотворное вліяніе на людей *).

На закатѣ своей многострадательной жизни Карданъ, подобно Руссо и Галлеру, написалъ свою автобіографію и предсказалъ день желанной для него смерти. Въ назначенный день онъ дѣйствительно умеръ или, можетъ быть, умертвилъ себя, чтобы доказать безошибочность своего предсказанія.

Познакомимся теперь съ жизнью Тассо. Для тѣхъ, кому неизвѣстна брошюрка Верга „*Липеманія Тассо*“ мы приводимъ отрывокъ изъ его письма, гдѣ онъ говоритъ о себѣ. „Я нахожусь постоянно въ такомъ меланхолическомъ настроеніи, что всѣ считаютъ меня помѣшаннымъ, и я самъ раздѣляю это мнѣніе, такъ какъ, не будучи въ состояніи сдерживать своихъ тревожныхъ мыслей, я часто и подолгу разговариваю самъ съ собою. Меня мучатъ различныя навожденія, то человѣческія, то дьявольскія. Первыя—это крики людей, въ особенности женщинъ и хохотъ животныхъ, вторыя — это звуки пѣсенъ и пр. Когда я беру въ руки книгу и хочу заниматься, въ ушахъ у меня раздаются голоса, причемъ можно разслышать, что они произносятъ имя Паоло Фульвіи“.

*) «Драгоцѣнные камни представляющіеся намъ во снѣ, имѣютъ символическое значеніе дѣтей, чего-нибудь неожиданнаго, даже радостнаго, потому что по итальянски слово *gioire* (пользоваться), происходящее отъ *gemme*, означаетъ въ то же время и *наслаждаться*»—Страсть къ подобной игрѣ словъ мы встрѣчаемъ у всѣхъ маніаковъ.

Въ своемъ сочиненіи „Messagiero“ (Посланникъ или Мессія) сдѣлавшемся впослѣдствіи для Тассо предметомъ галлюцинацій, онъ нѣсколько разъ сознавался, что потерялъ разсудокъ вслѣдствіе злоупотребленій виномъ и любовью. Поэтому, мнѣ кажется, что онъ изобразилъ самого себя въ „*Tirsi dell'Aminta*“ и въ той прелестной октавѣ, которую любилъ повторять другой липеманіакъ—Руссо:

«Мучимый страхомъ, сомнѣньемъ и злобой,
Долженъ я жить одинокимъ скитальцемъ,
Вѣчно пугаясь съ безумной тревогой
Призраковъ мрачныхъ и грозныхъ видѣній,
Созданныхъ мной-же самимъ въ часъ недуга.
Солнце напрасно мнѣ будетъ свѣтить,
Въ немъ я увижу не брата, не друга,
Но лишь помѣху терзаньямъ моимъ...
Въ тщетныхъ стараньяхъ уйти отъ себя,
Вѣчно останусь съ собой я самимъ».

Подъ вліяніемъ галлюцинацій или въ припадкѣ бѣшенства, Тассо, схвативъ однажды ножъ, бросился съ нимъ на слугу, взошедшаго въ кабинетъ тосканскаго герцога и былъ заключенъ за это въ тюрьму. Сообщая объ этомъ фактѣ, послано

никъ, бывшій тогда въ Тосканѣ, говоритъ, что несчастнаго поэта подвергли заключенію скорѣе съ цѣлью вылечить, чѣмъ наказать за такой сумазбродный поступокъ.

Послѣ того Тассо постоянно переѣзжалъ съ мѣста на мѣсто, нигдѣ не находя покоя: всюду преслѣдовала его тоска, безпричинныя угрызенія совѣсти, боязнь быть отравленнымъ и страхъ передъ муками ада, ожидающими его за высказываемыя имъ еретическія мнѣнія, въ которыхъ онъ самъ обвинялъ себя въ трехъ письмахъ, адресованныхъ *„слишкомъ кроткому“* инквизитору.

„Меня постоянно мучатъ тяжелыя, грустныя мысли,— жаловался Тассо врачу Кавалларо, а также разные фантастическіе образы и призраки; кромѣ того, я страдаю еще слабостью памяти, поэтому прошу васъ, чтобы къ пилюлямъ, которыя вы назначите мнѣ, было прибавлено что-нибудь для ея укрѣпленія. Со мною случаются припадки бѣшенства,—писалъ онъ Гонзаго,—и меня удивляетъ, что никто еще не записалъ, какія вещи я говорю иногда самъ съ собой, по своему произволу надѣляя себя при этомъ воображаемыми почестями, милостями и любезностями со стороны простыхъ людей, императоровъ и королей“.

Это странное письмо служитъ доказательствомъ, что мрачныя, мучительныя мысли перемежались у Тассо съ забавными и веселыми. Къ сожалѣнію, первыя являлись гораздо чаще, какъ онъ прекрасно выразилъ это въ слѣдующемъ сонетѣ:

»Я усталъ бороться съ толпою тѣней
Печальныхъ и мрачныхъ или свѣтло-прекрасныхъ,
Моей-ли фантазіи жалкихъ дѣтей
Иль *вправду* враговъ мнѣ опасныхъ?
Найду-ли я силъ побѣдить ихъ одинъ,
Безпомощный, слабый отшельникъ, —
Не знаю, но *страхъ* надо мной властелинъ,
Не онъ-ли и есть мой волшебникъ!

Въ послѣднихъ строкахъ замѣтно сомнѣніе въ дѣйствительности вызванныхъ бредомъ галлюцинацій, что служитъ доказательствомъ, какъ упорно боролся этотъ мощный, привыкшій къ логическому мышленію умъ съ болѣзненными, нелѣпыми представленіями. Но увы! такія сомнѣнія являлись слишкомъ рѣдко.

Черезъ нѣсколько времени Тассо писалъ Каттанео:

„Упражненія нужнѣе теперь для меня, чѣмъ лекарство, потому-что болѣзнь моя *сверхъестественнаго происхожденія*. Скажу нѣсколько словъ о домовомъ: этотъ негодяй часто воруетъ у меня деньги, производитъ полнѣйшій безпорядокъ въ моихъ книгахъ, открываетъ ящики и таскаетъ ключи, такъ что уберечься отъ него нѣтъ никакой возможности. Я мучусь постоянно, въ особенности *по ночамъ* и знаю, что страданія мои обусловливаются *помѣшательствомъ* (frenesia)“. Въ другомъ письмѣ онъ говоритъ: „Когда я не сплю, мнѣ кажется, что передо мною мелькаютъ въ воздухѣ яркіе огни и глаза у меня бываютъ иногда до того воспалены, что я боюсь потерять зрѣніе; въ другое время я слышу страшный грохотъ, свистъ, дребезгъ, звонъ колоколовъ и такой непріятный шумъ, какъ будто отъ боя нѣсколькихъ стѣнныхъ часовъ. А во снѣ я вижу, что на меня бросается лошадь и опрокидываетъ на землю, или что я весь покрытъ нечистыми животными. Послѣ этого всѣ члены у меня болятъ, голова дѣлается тяжелой, но вдругъ посреди такихъ страданій и ужасовъ, передо мною появляется образъ Святой Дѣвы, юной и прекрасной, держащей на рукахъ своего сына, увѣнчаннаго радужнымъ сіяніемъ“. По выходѣ изъ больницы, онъ разсказывалъ тому-же Каттанео, что „домовой“ распространяетъ письма, въ которыхъ сообщаются свѣдѣнія о немъ, Тассо. „Я считаю это — говорилъ онъ — однимъ изъ тѣхъ чудесъ, какія

нерѣдко бывали со мной и въ больницѣ; безъ сомнѣнія, это дѣло какого-нибудь волшебника, на что у меня есть не мало доказательствъ и въ особенности тотъ фактъ, что однажды, въ три часа, у меня на глазахъ исчезъ куда-то мой хлѣбъ". Когда Тассо захворалъ горячкой, его излѣчила Богородица своимъ появленіемъ, и въ благодарность ей за это онъ написалъ сонетъ, напоминавшій собою „*Messagiero*" Духъ являлся несчастному поэту въ такой осязательной формѣ, что онъ говорилъ съ нимъ и чуть только не прикасался къ нему руками. Этотъ духъ вызывалъ въ немъ идеи, раньше, по его словамъ, не приходившія ему въ голову.

Свифтъ, отецъ ироніи и юмора, уже въ своей молодости предсказалъ, что его ожидаетъ помѣшательство; гуляя однажды по саду съ Юнгомъ, онъ увидѣлъ вязы, на вершинѣ своей почти лишенныя листвы, и сказалъ: „Я точно также начну умирать съ головы". До крайности гордый съ высшими, Свифтъ охотно посѣщалъ самые грязные кабаки и тамъ проводилъ время въ обществѣ картежниковъ. Будучи священникомъ, онъ писалъ книги антирелигіознаго содержанія, такъ что о немъ говорили, что прежде чѣмъ дать ему санъ епископа, его слѣдуетъ снова окрестить. Слабоумный, глухой, безсильный, неблагодарный относительно друзей — такъ охарактеризовалъ онъ самъ себя. Непослѣдовательность въ немъ была удивительная: онъ приходилъ въ страшное отчаяніе по поводу смерти своей нѣжно-любимой Стеллы и въ то-же самое время сочинялъ комическія письма „*О слугахъ*". Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ этого онъ лишился памяти, и у него остался только прежній рѣзкій, острый какъ бритва, языкъ. Потомъ онъ впалъ въ мизантропію и цѣлый годъ провелъ одинъ, никого не видя, ни съ кѣмъ не разговаривая и ничего не читая; по десяти часовъ въ день ходилъ по своей комнатѣ, ѣлъ всегда стоя, отказывался отъ мяса и бѣсился, когда кто-нибудь входилъ къ нему въ комнату. Однако, послѣ появленія у него чирьевъ (вереда) онъ сталъ какъ будто поправляться и часто говорилъ о себѣ: „*я сумасшедшій*", но этотъ свѣтлый промежутокъ продолжался недолго, и бѣдный Свифтъ снова впалъ въ безсмысленное состояніе, хотя проблески ироніи, сохранившейся въ немъ даже и послѣ потери разсудка, еще вспыхивали порою; такъ, когда въ 1745 году устроена была въ честь его иллюминація, онъ прервалъ свое продолжительное молчаніе словами: „пускай бы эти сумасшедшіе хотя не сводили другихъ съ ума".

Въ 1745 году Свифтъ умеръ въ полномъ разстройствѣ умственныхъ способностей. Послѣ него осталось написанное задолго передъ этимъ завѣщаніе, въ которомъ онъ отказалъ 11,000 фун. стерлинговъ въ пользу душевно-больныхъ. Сочиненная имъ тогда же для себя эпитафія служитъ выраженіемъ ужасныхъ нравственныхъ страданій, мучившихъ его постоянно: „*Здѣсь лежитъ Свифтъ, сердце котораго уже не надрывается больше отъ гордаго презрѣнія*".

Ньютонъ, покорившій своимъ умомъ все человѣчество, какъ справедливо писали о немъ современники, въ старости тоже страдалъ настоящимъ психическимъ разстройствомъ, хотя и не настолько сильнымъ, какъ предыдущіе геніальные люди. Тогда-то онъ и написалъ, вѣроятно, *Хронологію*, *Апокалипсисъ* и *Письмо къ Бентлею*, сочиненія туманныя, запутанныя и совершенно непохожія на то, что было написано имъ въ молодые годы.

Въ 1693 году, послѣ втораго пожара въ его домѣ и послѣ непомѣрно усиленныхъ занятій, Ньютонъ въ присутствіи архіепископа началъ высказывать такія странныя, нелѣпыя сужденія, что друзья нашли нужнымъ увезти его и окружить са-

мымъ заботливымъ уходомъ. Въ это время Ньютонъ, бывшій прежде до того робкимъ, что даже въ экипажѣ ѣздилъ не иначе какъ держась за ручки дверецъ, затѣялъ дуэль съ Вилларомъ, желавшимъ драться непремѣнно въ Севеннахъ. Немного спустя, онъ написалъ два приводимыхъ ниже письма, сбивчивый и запутанный слогъ которыхъ вполнѣ доказываетъ, что знаменитый ученый совсѣмъ еще не оправился отъ овладѣвшей имъ маніи преслѣдованія, которая дѣйствительно развилась у него снова нѣсколько лѣтъ спустя. Такъ, въ письмѣ къ Локку, онъ говоритъ: „Предположивъ, что вы хотите запутать (embrilled) меня при помощи женщинъ и другихъ соблазновъ и замѣтивъ, что вы чувствуете себя дурно, я началъ ожидать (желать) вашей смерти. Прошу у васъ извиненія въ этомъ, а также въ томъ, что я призналъ безнравственными какъ ваше сочиненіе „Объ идеяхъ" такъ и тѣ, которыя вы издадите впослѣдствіи. Я считалъ васъ послѣдователемъ Гоббса. Прошу васъ извинить меня за то, что я думалъ и говорилъ, будто вы хотѣли продать мнѣ мѣсто и запутать меня. Вашъ злополучный Ньютонъ". Нѣсколько опредѣленнѣе онъ говоритъ о себѣ въ письмѣ къ Пепи: „Съ приближеніемъ зимы всѣ привычки мои перепутались, затѣмъ болѣзнь довела эту путаницу до того, что впродолженіи двухъ недѣль я не спалъ ни одного часа, а втеченіи послѣднихъ *пяти* дней даже ни одной *секунды* (какая математическая точность). Я помню, что писалъ вамъ, но не знаю, что именно; если вы пришлете мнѣ письмо, то я вамъ объясню его". — Ньютонъ находился въ это время въ такомъ состояніи, что когда у него спрашивали разъясненія по поводу какого нибудь мѣста въ его сочиненіяхъ, онъ отвѣчалъ: „Обратитесь къ Муавру, — онъ смыслитъ въ этомъ больше меня".

Кто, не бывши ни разу въ больницѣ для умалишенныхъ, пожелалъ-бы составить себѣ вѣрное представленіе о душевныхъ мукахъ, испытываемыхъ липеманіакомъ, тому слѣдуетъ только прочесть сочиненія Руссо, въ особенности послѣднія изъ нихъ, т. е. *Исповѣдь*, *Діалоги* и *Мечты прохожаго* (Rêveries).

„Я обладаю жгучими страстями, — пишетъ Руссо въ своей *Исповѣди*, — и подъ вліяніемъ ихъ забываю о всѣхъ отношеніяхъ, даже о любви: вижу передъ собою только предметъ своихъ желаній, но это продолжается лишь одну минуту, вслѣдъ за которой я снова впадаю въ апатію, въ изнеможеніе. Какая-нибудь картина соблазняетъ меня больше, чѣмъ деньги, на которыя я могъ-бы купить ее? Я вижу вещь.... она мнѣ нравится; у меня есть и средства пріобрѣсти ее, но нѣтъ, это не удовлетворяетъ меня. Кромѣ того, когда мнѣ нравится какая-нибудь вещь, я предпочитаю *взять ее самъ*, а не просить, чтобы мнѣ ее подарили". Въ томъ-то и состоитъ различіе между клептоманомъ *) и обыкновеннымъ воромъ, что первый крадетъ по инстинкту, въ силу потребности, второй — по разсчету, ради пріобрѣтенія; перваго прельщаетъ всякая понравившаяся ему вещь, втораго-же — только вещь цѣнная.

„Будучи рабомъ своихъ чувствъ, продолжаетъ онъ, я никогда не могъ противустоять имъ; самое ничтожное удовольствіе въ настоящемъ больше соблазняетъ меня, чѣмъ всѣ утѣхи рая".

И дѣйствительно, ради удовольствія присутствовать на братскомъ пиршествѣ (отца Понтьера), Руссо сдѣлался вѣроотступникомъ, а вслѣдствіе своей трусости безъ сострадакія покинулъ на дорогѣ своего пріятеля—эпилептика.

Однако не однѣ страсти его отличаются болѣзненной пылкостью, — самыя умственныя способности были у него съ дѣтства

---

*) Клептоманія болѣзненная страсть къ воровству.

Пр. пер.

и до старости въ ненормальномъ состояніи, доказательства чего мы тоже встрѣчаемъ въ „Исповѣди", какъ напримѣръ:

„Воображеніе разыгрывается у меня тѣмъ сильнѣе, чѣмъ хуже мое здоровье. Голова моя такъ устроена, что я не умѣю находить прелесть въ дѣйствительно существующихъ хорошихъ вещахъ, а только въ воображаемыхъ. Чтобы я красиво описалъ весну, мнѣ необходимо, чтобы на дворѣ была зима".

Отсюда становится понятнымъ, почему Свифтъ, тоже помѣшанный, писалъ самыя веселыя изъ своихъ писемъ во время предсмертной агоніи Стеллы и почему, какъ онъ, такъ и Руссо, съ такимъ мастерствомъ изображали все нелѣпое.

„Реальныя страданія оказываютъ на меня мало вліянія, продолжаетъ Руссо, — гораздо сильнѣе мучусь я тѣми, которыя придумываю себѣ самъ: ожидаемое несчастіе для меня страшнѣе уже испытываемаго".

Не потому-ли нѣкоторые изъ боязни смерти лишаютъ себя жизни?

Стоило Руссо прочесть какую-нибудь медицинскую книгу — и ему тотчасъ-же представлялось, что у него есть всѣ болѣзни въ ней описанныя, причемъ онъ изумлялся, какъ онъ остается живъ, страдая такими недугами. Между прочимъ, онъ воображалъ, что у него полипъ въ сердцѣ. По его собственному объясненію, такія странности являлись у него вслѣдствіе преувеличенной, ненормальной чувствительности, не имѣвшей правильнаго исхода.

„Бываетъ время, говоритъ онъ, когда я такъ мало похожъ на самаго себя, что меня можно счесть совершенно инымъ человѣкомъ. Въ спокойномъ состояніи я чрезвычайно робокъ, идеи возникаютъ у меня въ головѣ медленно, тяжело, смутно, только при извѣстномъ возбужденіи, я застѣнчивъ и не умѣю связать двухъ словъ; подъ вліяніемъ страсти, напротивъ,

я вдругъ дѣлаюсь краснорѣчивымъ. Самые нелѣпые, безумные, ребяческіе планы очаровываютъ, плѣняютъ меня и кажутся мнѣ удобоисполнимыми. Такъ напр., когда мнѣ было 18 лѣтъ, я отправился съ товарищемъ путешествовать, захвативъ съ собою фонтанчикъ изъ бронзы и былъ увѣренъ, что, показывая его крестьянамъ, мы не только прокормимся, но даже разбогатѣемъ".

Несчастный Руссо перепробовалъ почти всѣ профессіи, отъ высшихъ до самыхъ низшихъ и не остановился ни на одной изъ нихъ: онъ былъ и вѣроотступникомъ (ренегатомъ) изъ-за денегъ, и часовщикомъ, и фокусникомъ, и учителемъ музыки, и живописцемъ, и граверомъ, и лакеемъ и, наконецъ, чѣмъ-то въ родѣ секретаря при посольствѣ.

Точно также въ литературѣ и въ наукѣ, онъ брался за всѣ отрасли, занимаясь то медициной, то теоріей музыки, то ботаникой, теологіей и педагогіей. Злоупотребленіе умственнымъ трудомъ (особенно вредное для мыслителя, идеи котораго развивались туго и съ трудомъ), а также все увеличивающееся самолюбіе сдѣлали мало по малу изъ ипохондрика-меланхолика и наконецъ, — настоящаго маніака. „Волненіе и злоба потрясли меня до такой степени, говоритъ онъ, что я втеченіи *десяти лѣтъ страдалъ бѣшенствомъ* и успокоился только теперь". Успокоился! Когда хроническое умственное разстройство не позволяло ему, даже на короткій срокъ, найти границу между дѣйствительными страданіями и воображаемыми.

Ради отдохновенія онъ покинулъ большой свѣтъ, гдѣ всегда чувтвовалъ себя неловко, и удалился въ уединенную мѣстность, въ деревню; но и тамъ городская жизнь не давала ему покоя: болѣзненное тщеславіе и отголоски свѣтскаго шума омрачали для него красоту природы. Тщетно Руссо старался убѣжать въ лѣса — безуміе слѣдовало туда за нимъ и настигало его всюду.

Такимъ образомъ Руссо являлся какъ-бы олицетвореніемъ того образа, который создалъ Тассо въ своей октавѣ:

. . . . . и скрыться отъ себя стараясь,
Всегда останусь я съ самимъ собой.

Вѣроятно, онъ и намекалъ на это стихотвореніе, когда увѣралъ Корансе (Corancez), что считаетъ Тассо своимъ пророкомъ. Потомъ несчастный авторъ „Эмиля" началъ воображать что Пруссія, Англія, Франція, короли, женщины, духовенство, вообще весь родъ людской, оскорбленный нѣкоторыми мѣстами его сочиненій, объявили ему ожесточенную войну, послѣдствіями которой и объясняются испытываемыя имъ душевныя страданія.

„Въ своей утонченной жестокости — пишетъ онъ, — враги мои забыли только соблюдать постепенность въ причиняемыхъ мнѣ мученіяхъ, чтобы я могъ понемногу привыкнуть къ нимъ".

Самое бóльшее проявленіе злобы этихъ коварныхъ мучителей Руссо видитъ въ томъ, что они осыпаютъ его похвалами и благодѣяніями. По его мнѣнію, „имъ удалось даже подкупить продавцовъ зелени, чтобы они отдавали ему свой товаръ дешевле и лучшаго качества, — навѣрное, враги сдѣлали это съ цѣлью показать его низость и свою доброту".

По пріѣздѣ Руссо въ Лондонъ, его меланхолія перешла въ настоящую манію. Вообразивъ, что Шуазель разыскиваетъ его съ намѣреніемъ арестовать, онъ бросилъ въ гостинницѣ деньги, вещи и бѣжалъ на берегъ моря, гдѣ платилъ за свое содержаніе кусками серебряныхъ ложекъ. Такъ какъ ему не удалось тотчасъ-же уѣхать изъ Англіи по случаю противнаго вѣтра, то онъ и это приписалъ вліянію заговора противъ него. Тогда, въ сильнѣйшемъ раздраженіи, онъ съ вершины холма произнесъ на плохомъ англійскомъ языкѣ рѣчь, обращенную къ

сумасшедшей Вартонъ, которая слушала его съ изумленіемъ и, какъ ему казалось, съ умиленіемъ.

Но и по возвращеніи во Францію Руссо не избавился отъ своихъ невидимыхъ враговъ, шпіонившихъ за нимъ и объяснявшихъ въ дурную сторону каждое его движеніе. „Если я читаю газету, жалуется онъ, то говорятъ, что я замышляю заговоръ, если понюхаю розу — подозрѣваютъ, что я занимаюсь изслѣдованіемъ ядовъ съ цѣлью отравить моихъ преслѣдователей".—Все ставится ему въ вину, а чтобы лучше наблюдать за нимъ, у двери его дома помѣщаютъ продавца картинъ, устраиваютъ такъ, что эта дверь не запирается и пускаютъ въ домъ его посѣтителей только тогда, какъ успѣютъ возбудить въ нихъ ненависть къ нему. Враги возстановляютъ противъ него содержателя кафе, парикмахера, хозяина гостинницы и пр. Когда Руссо желаетъ, чтобы ему почистили башмаки, у мальчика, исполняющаго эту обязанность, не оказывается ваксы; когда онъ хочетъ переѣхать черезъ Сену — у перевозчиковъ нѣтъ лодки. Наконецъ, онъ проситъ, чтобы его заключили въ тюрьму, но... даже въ этомъ встрѣчаетъ отказъ. Съ цѣлью отнять послѣднее оружіе — печатное слово — враги арестуютъ и сажаютъ въ Бастилію издателя, *совершенно ему незнакомаго*.

„Обычай сжигать во время поста соломенное чучело, изображавшее того или другаго еретика, былъ уничтоженъ — его снова возстановили, конечно, для того, чтобы сжечь мое изображеніе; и въ самомъ дѣлѣ, надѣтое на чучело платье походило на то, что я ношу обыкновенно".

Въ деревнѣ Руссо встрѣтилъ разъ улыбающагося, ласковаго мальчика; но, повернувшись, чтобы въ свою очередь приласкать его, онъ вдругъ увидѣлъ передъ собою взрослаго мущину и по его *печальной* физіономіи (обратите вниманіе на этотъ

странный эпитетъ) узналъ въ немъ одного изъ приставленныхъ къ нему врагами шпіоновъ.

Подъ вліяніемъ маніи, считая себя гонимымъ, онъ написалъ *„Діалоги Руссо о сочиненіяхъ Руссо“*, гдѣ, съ цѣлью смягчить несмѣтное множество преслѣдующихъ его враговъ, подробно и тщательно изобразилъ свои галлюцинаціи. Чтобы распространить въ публикѣ это оправдательное сочиненіе, несчастный безумецъ началъ раздавать экземпляры его на улицѣ всѣмъ прохожимъ, судя по *лицу* которыхъ можно было думать, что они *не находятся подъ вліяніемъ* не дающихъ ему покоя недруговъ.

Въ этомъ сочиненіи онъ обращается ко всѣмъ французамъ, *поклонникамъ справедливости*, но странное дѣло! несмотря на такой лестный эпитетъ, а, можетъ быть, именно благодаря ему,—не нашлось ни одного человѣка, который принялъ-бы эту брошюрку съ удовольствіемъ; напротивъ, многіе отказывались взять ее!—Убѣдившись тогда, что ему нечего ждать на землѣ отъ людей, Руссо, подобно Паскалю, обратился съ письмомъ, очень нѣжно и фамильярно написаннымъ, къ самому Богу, а чтобы оно вѣрнѣе достигло своего назначенія и принесло ожидаемую пользу,—положилъ его и рукопись *Діалоговъ* подъ алтарь церкви Богоматери, въ Парижѣ, какъ будто, по представленію этого маніака, Создатель вселенной, отвлеченное, вездѣсущее Божество только и можетъ находиться подъ сводами парижскаго собора“.

На основаніи всѣхъ этихъ фактовъ нельзя не признать справедливымъ мнѣніе Вольтера и Корансе, что Руссо „былъ сумасшедшій и самъ всегда сознавался въ этомъ“. Къ тому-же изъ многихъ мѣстъ „Исповѣди“, а также изъ писемъ Гримма видно, что у Руссо, кромѣ другихъ болѣзней, былъ еще параличъ мочеваго пузыря и сперматорея (непроизвольное истеченіе сѣмени), что, по всей вѣроятности, обусловливалось пораженіемъ спиннаго мозга и должно было, безъ сомнѣнія, усиливать припадки меланхоліи.

Вся жизнь величайшаго изъ современныхъ лирическихъ поэтовъ, Ленау, недавно скончавшагося въ Доблинговой больницѣ для умалишенныхъ, представляетъ съ самаго ранняго дѣтства смѣсь геніальности и сумасшествія. Отецъ его былъ знатный баринъ, гордый и порочный, а мать—до крайности впечатлительная особа, страдавшая меланхоліей и зараженная аскетизмомъ. Ленау съ дѣтства обнаруживалъ меланхолическое настроеніе, наклонность къ мистицизму и любовь къ музыкѣ. Этой послѣдней онъ занимался всего охотнѣе, хотя изучалъ также медицину, юриспруденцію и сельское хозяйство. Въ 1831 году Кернеръ замѣтилъ, что настроеніе его почти постоянно было печальное, меланхолическое, и что онъ проводитъ цѣлыя ночи одинъ въ саду, играя на своемъ любимомъ инструментѣ. Чрезъ нѣсколько времени Ленау писалъ своей сестрѣ: „Я чувствую, что приближаюсь къ своей гибели: демонъ безумія овладѣлъ моимъ сердцемъ, я—*сумасшедшій*; говорю тебѣ это, сестра, зная, что ты все-таки по прежнему будешь любить меня“. Этотъ демонъ скоро принудилъ его оставить Германію и отправиться, почти безъ всякой цѣли, въ Америку. По возвращеніи оттуда, онъ былъ встрѣченъ на родинѣ празднествами и всеобщимъ восторгомъ, но, по его словамъ, „ипохондрія глубоко запустила свои зубы въ его сердце и ничто не могло его развеселить“. Вскорѣ это бѣдное сердце начало страдать и физически: у Ленау сдѣлался перикардитъ (воспаленіе сердечной оболочки), отъ котораго онъ потомъ уже не могъ вылечиться. Съ тѣхъ поръ несчастный страдалецъ лишился своего лучшаго друга — сна, этого единственнаго

избавителя отъ невыносимыхъ страданій, и по цѣлымъ ночамъ мучился страшными видѣніями.

„Можно подумать — объясняетъ онъ свое состояніе образами, какъ это дѣлаютъ всѣ помѣшанные,—можно подумать, что дьяволъ устраиваетъ охоту у меня въ животѣ: я слышу тамъ постоянный лай собакъ и зловѣщій адскій шумъ. Безъ шутокъ—есть отъ чего придти въ отчаяніе!“.

Мизантропія, которой, какъ мы уже видѣли, страдали Галлеръ, Свифтъ, Карданъ и Руссо, появилась у Ленау въ 1840 году со всѣми признаками маніи. Онъ сталъ бояться, ненавидѣть и презирать людей. Въ Германіи въ честь его устроивали празднества, воздвигали тріумфальныя арки, а онъ бѣжалъ прочь изъ нея и безцѣльно скитался по свѣту: раздраженіе и злоба нападали на него безъ всякой причины, онъ чувствовалъ себя неспособнымъ къ работѣ, какъ человѣкъ, по его собственнымъ словамъ, „съ поврежденнымъ черепомъ“, и потерялъ апетитъ. Болѣзненная склонность къ мистицизму, обнаруживавшаяся въ немъ съ дѣтства, появилась у него веснова: онъ принялся за изученіе гностиковъ, началъ перечитывать біографіи колдуновъ, такъ плѣнявшія его въ молодости, выпивалъ громадныя количества кофе и ужасно много курилъ.

„Замѣчательно, сознавался онъ, до какой степени физическое движеніе и въ особенности куреніе сигаръ вызываетъ у меня въ головѣ цѣлый рой новыхъ мыслей“. Онъ писалъ ночи напролетъ, переѣзжалъ съ мѣста на мѣсто, путешествовалъ... женился, задумывалъ громадныя работы и ни одной изъ нихъ не довелъ до конца.

Это были послѣднія вспышки великаго ума. Съ 1844 года Ленау все чаще жалуется на головныя боли, постоянный потъ и страшную слабость. „Свѣта, свѣта не достаетъ мнѣ“ —

писалъ онъ. Немного спустя у него сдѣлался параличъ лѣвой руки, мускуловъ глазъ и обѣихъ щекъ; онъ сталъ писать съ ороографическими ошибками и употреблять нелѣпыя созвучія. Наконецъ (12 октября), имъ вдругъ овладѣла страсть къ самоубійству; когда его удержали отъ покушенія на свою жизнь, онъ впалъ въ бѣшенство, дрался, ломалъ все, жегъ свои рукописи, но мало по малу успокоился, пришелъ въ нормальное состояніе и даже написалъ тщательный анализъ своего припадка въ стихотвореніи „*Traumgewalte*“ (во власти бреда), представляющемъ нѣчто ужасное, хаотическое. Это былъ послѣдній лучъ свѣта, озарившій для него ночной мракъ или, какъ мѣтко выразился Шиллингъ—послѣдняя побѣда генія надъ помѣшательствомъ. Здоровье Ленау все ухудшалось: послѣ новой попытки лишить себя жизни, имъ овладѣло то роковое состояніе довольства и пріятнаго возбужденія, которое всегда предшествуетъ прогрессивному развитію паралича. „Я наслаждаюсь теперь жизнью, говорилъ онъ — наслаждаюсь потому, что прежнія ужасныя видѣнія смѣнились теперь свѣтлыми, прелестными образами“. Ему представлялось, что онъ находится въ Валгалѣ вмѣстѣ съ Гёте, или онъ воображалъ себя королемъ Венгріи, побѣдителемъ во многихъ битвахъ, причемъ доказывалъ свои права на венгерскій престолъ.

Въ 45 году онъ потерялъ обоняніе, всегда отличавшееся у него необыкновенной тонкостью, сдѣлался равнодушнымъ къ своимъ любимымъ цвѣтамъ—фіалкамъ и даже пересталъ узнавать старыхъ друзей.

Однако и въ этомъ печальномъ положеніи Ленау написалъ одно стихотвореніе, хотя и проникнутое крайнимъ мистицизмомъ, но не лишенное прежней античной прелести стиха. Однажды, когда его подвели къ бюсту Платона, онъ сказалъ:—„Вотъ человѣкъ, который выдумалъ глупую любовь“.

Въ другой разъ, услышавъ, что о немъ сказалъ кто-то: „Здѣсь живетъ великій Ленау“, онъ замѣтилъ на это: „*Теперь Ленау сдѣлался совсѣмъ маленькимъ*“ и долго плакалъ потомъ. Онъ умеръ 21 августа 1850 года. Послѣднія слова его были: „Несчастный Ленау“. Вскрытіе обнаружило у него только немного серозной жидкости въ желудочкахъ мозга и слѣды воспаленія сердечной оболочки.

Въ той-же больницѣ Доблинга умеръ нѣсколько лѣтъ тому назадъ другой великій человѣкъ — венгерскій патріотъ Сечени — организаторъ судоходства по Дунаю, основатель Мадьярской Академіи и главный дѣятель революціи 48 года. Во время торжества ея, будучи министромъ, онъ вдругъ сталъ однажды просить своего товарища, тоже министра, Кошута, чтобы тотъ не приговаривалъ его къ висилицѣ. Сначала всѣ приняли это за шутку, но увы! шутки тутъ не было..... Предвидя бѣдствія, грозившія его родинѣ и несправедливо считая себя виновникомъ ихъ, Сечени впалъ въ манію преслѣдованія, которая вскорѣ перешла въ страсть къ самоубійству. Когда Сечени нѣсколько успокоился, на него напала болтливость чисто патологическаго свойства, особенно въ дипломатѣ и заговорщикѣ, такъ что стоило ему только встрѣтить кого-нибудь въ больницѣ — все равно, былъ-ли это идіотъ, сумасшедшій или злѣйшій врагъ его родины — и онъ тотчасъ-же вступалъ съ нимъ въ длиннѣйшія разсужденія, причемъ обвинялъ себя во всевозможныхъ выдуманныхъ имъ преступленіяхъ. Въ 50-мъ году у него явилась прежняя страсть къ шахматной игрѣ, но и она приняла характеръ маніи: пришлось нанять бѣднаго студента, который игралъ съ нимъ въ шахматы по 10—12 часовъ сряду. На студента это подѣйствовало такъ дурно, что онъ сошелъ съ ума, но состояніе самаго Сечени улучшилось: онъ сталъ менѣе нелюдимъ, чѣмъ прежде,

когда не могъ безъ отвращенія видѣть даже своихъ близкихъ родныхъ.

Изъ болѣзненныхъ признаковъ у него осталось только отвращеніе къ ярко освѣщеннымъ полямъ, нежеланіе выходить изъ своей комнаты и склонность къ одиночеству, такъ что даже нѣжно любимыхъ имъ сыновей онъ допускалъ къ себѣ лишь по нѣсколько разъ въ мѣсяцъ. Во время этихъ рѣдкихъ посѣщеній онъ усаживалъ дорогихъ гостей у стола, около себя, и читалъ имъ свои произведенія. Но выманить его самаго въ паркъ стоило всегда чрезвычайныхъ усилій. Не смотря на душевную болѣзнь, Сечени не только сохранилъ полную ясность мысли, но умъ его какъ будто пріобрѣлъ еще бо́льшую мощь. Онъ внимательно слѣдилъ за литературными новостями Германіи и Венгріи и жадно ловилъ каждый признакъ улучшенія въ судьбѣ своей родины. Когда вслѣдствіе австрійской интриги замедлилось окончаніе постройки восточной желѣзной дороги, проложенной, благодаря усиліямъ этого великаго патріота, онъ написалъ Зичи (Zichy) письмо, уже по одному маленькому отрывку изъ котораго можно судить о томъ, какой глубокій мыслитель былъ Сечени:

„Все, нѣкогда существовавшее въ мірѣ, не исчезаетъ изъ него, но появляется въ другой формѣ, при другихъ условіяхъ. Разбитая бутылка, конечно, уже негодится для своего прежняго назначенія, но эти жалкіе осколки не уничтожаются и, будучи положены въ горнъ, могутъ еще превратиться въ новый сосудъ, гдѣ заблеститъ царское вино — Токай, тогда какъ раньше бутылка, можетъ быть, заключала въ себѣ плохое вино... Для венгерца нѣтъ бо́льшей похвалы, какъ если о немъ скажутъ, что онъ остался непоколебимъ. Ты знаешь, милый другъ, нашъ старинный девизъ: „стоять твердо даже въ грязи“, — останемся-же вѣрны ему, не смотря на упреки на-

шихъ братьевъ, и будемъ работать для общаго блага. Удержаться на своемъ посту, посреди комьевъ грязи, бросаемыхъ въ лицо братьевъ и товарищей по оружію легкомысленными или фанатичными патріотами, упрямо удерживать за собою разъ занятый постъ, хотя-бы сердце надрывалось при этомъ отъ оскорбленій —вотъ лозунгъ и пароль нашего времени".

Въ 58 году, когда австрійскій министръ сталъ оказывать давленіе на Венгерскую Академію съ цѣлью добиться уничтоженія того параграфа, по которому разработка мадьярскаго языка считалась ея главнымъ назначеніемъ, Сечени написалъ другое письмо, отлично рисующее возвышенный характеръ этого патріота:

„Могу-ли я молчать,—пишетъ онъ—видя, какъ уничтожается засѣянная мною нива? Могу-ли я забыть услуги, оказанныя намъ этимъ могущественнымъ учрежденіемъ? Я предлагаю этотъ вопросъ, я—страдающій совсѣмъ не помраченіемъ разсудка, но роковой способностью видѣть слишкомъ ясно, слишкомъ отчетливо, не обманывая себя никакими иллюзіями. Развѣ я не обязанъ забить тревогу, когда вижу, что наше правительство (династія), подъ вліяніемъ какихъ-то злобныхъ навѣтовъ, съ ожесточеніемъ преслѣдуетъ самый живучій изъ подвластныхъ ему народовъ, народъ, которому судьба готовитъ великую будущность? Его хотятъ не только уничтожить, но задушить, отнять у него всѣ характеристическія особенности, вырвать съ корнемъ вѣковое имперское дерево. Какъ основатель этой Академіи, я долженъ возвысить теперь свой голосъ. Пока голова держится у меня на плечахъ, пока умъ мой еще не окончательно омрачился и глаза мои не покрылись вѣчнымъ мракомъ, я буду твердо стоять на томъ, что право измѣнять уставъ Академіи принадлежитъ мнѣ. Императоръ нашъ рано или поздно придетъ къ тому убѣжденію, что слить въ

одно цѣлое, ассимилировать всѣ народы, живущіе въ подвластномъ ему государствѣ, есть ничто иное какъ утопія, придуманная его министрами; наступитъ время, когда всѣ эти народы отдѣлятся отъ имперіи и только одни венгерцы, не имѣющіе расоваго сродства съ другими европейскими націями, будутъ стремиться достигнуть предназначеннаго имъ судьбою развитія подъ охраной королевской династіи".

Это было въ 58-мъ году. На слѣдующій годъ, еще до разгара войны, Сечени предсказывалъ ея неудачный исходъ и результаты. „Кризисы обыкновенно оканчиваются выздоровленіемъ, говорилъ онъ, если только болѣзнь излечима". Около этого времени была издана имъ въ Лондонѣ книга, гдѣ въ странной, юмористической, но вмѣстѣ съ тѣмъ и мрачной формѣ онъ разсказываетъ, какія бѣдствія испытала Венгрія подъ желѣзнымъ управленіемъ Баха, очерчиваетъ будущность ея и совѣтуетъ держаться политики соглашенія, примиренія съ Австріей, но не подчиненія ей. „Въ сущности, это жалкая ничтожная книжонка—говорилъ онъ о своемъ трудѣ, — но знаете-ли вы, какъ образовался островъ Маргариты? Согласно древнему преданію, на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ теперь находится, протекалъ прежде Дунай; какимъ-то образомъ на дно его попала однажды падаль и застряла въ пескѣ; и вотъ около нея постепенно сталъ образовываться островъ. Моя книга есть тоже нѣчто въ родѣ этой падали, — кто знаетъ, что можетъ выйти изъ нея со временемъ"!

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Баха смѣнилъ Гюбнеръ, и либеральная система управленія была впервые введена въ Венгріи. Бѣдный Сечени не помнилъ себя отъ восторга; изъ своего скромнаго убѣжища онъ поддерживалъ новаго министра, посылалъ ему проекты реформъ, сочинялъ и редактировалъ

планы возрожденія Австріи, не забывая, конечно, при этомъ и свою родную Венгрію.

Многіе изъ великихъ австрійскихъ государственныхъ дѣятелей пріѣзжали тогда къ нему за совѣтами и черпали вдохновеніе въ его умной бесѣдѣ. Къ несчастію, восторгъ слишкомъ скоро смѣнился разочарованіемъ: мѣсто Гюбнера занялъ Тьери, бездарный ученикъ Баха, приверженецъ старой системы и прежнихъ австрійскихъ порядковъ: всѣ реформы были тотчасъ-же отложены въ долгій ящикъ.

Трудно представить, въ какое отчаяніе пришелъ несчастный Сечени, узнавъ объ этомъ... Онъ зоветъ къ себѣ Рехберга, проситъ его предупредить, пока еще есть время, императора объ ошибочности такого образа дѣйствій и предлагаетъ программу двухъ отдѣльныхъ конституцій для Австріи и Венгріи; согласно этой программѣ, внутренніе вопросы должны были разрѣшаться каждымъ государствомъ отдѣльно, внѣшніе-же, касающіеся блага всей имперіи — сообща. Однако Рехбергъ не обладалъ прозорливостью геніальнаго безумца Сечени и сказалъ, покачивая головой: „Сейчасъ видно, что эта программа написана въ домѣ умалишенныхъ“. Мало того, министръ Тьерри, заподозривъ въ великомъ мадьярскомъ патріотѣ простаго заговорщика, посылаетъ отрядъ жандармовъ произвести у него въ больницѣ обыскъ, грозитъ ему тюремнымъ заключеніемъ и велитъ отнять у него даже любимыя бумаги.

Несчастный безумецъ, умопомѣшательство котораго проявлялось лишь въ неудержимой потребности быть полезнымъ своей родинѣ и въ мучительномъ сознаніи, что онъ недостаточно много работалъ для нея, убѣдился теперь, что для него закрыты всѣ пути къ дѣятельности, и въ порывѣ отчаянія, послѣ неудачной попытки заглушить жгучія страданія безпрерывной

игрой въ шахматы, наконецъ, лишилъ себя жизни выстрѣломъ изъ револьвера. Это было 8 апрѣля 1860 года, а въ 1867 году императоръ Францъ Іосифъ сдѣлался королемъ Венгріи, осуществивъ все, о чемъ мечталъ погибшій въ больницѣ Доблинга безумецъ, и Рехбергу, осмѣявшему составленную имъ программу, поручено было примѣнить ее на практикѣ.

Извѣстно, что Гофманъ, самый причудливый изъ поэтовъ, обладалъ замѣчательными способностями не только къ поэзіи, но также къ рисованію и музыкѣ; онъ является творцомъ особаго рода фантастической поэзіи, хотя рисунки его всегда переходили въ каррикатуры, разсказы отличались несообразностью, а музыкальныя произведенія представляли какой-то хаотическій наборъ звуковъ. И вотъ этотъ оригинальный писатель, страдалъ запоемъ и уже за много лѣтъ до смерти писалъ въ своемъ дневникѣ: „Почему это, какъ на яву, такъ и во снѣ, мысли мои невольно сосредоточиваются на печальныхъ проявленіяхъ сумасшествія. Безпорядочныя идеи вырываются у меня изъ головы подобно крови, хлынувшей изъ открытой жилы“. Къ атмосфернымъ явленіямъ Гофманъ былъ до того чувствителенъ, что на основаніи своихъ субъективныхъ ощущеній составлялъ таблицы, совершенно сходныя съ показаніями термометра и барометра. Впродолженіи многихъ лѣтъ онъ страдалъ маніей преслѣдованія и галлюцинаціями, въ которыхъ созданные имъ поэтическіе образы представлялись ему дѣйствительно существующими.

Знаменитый анатомъ Фодера отличался многими странностями: такъ, онъ часто увѣрялъ, что можетъ приготовить хлѣба на двѣсти тысячъ человѣкъ, пользуясь одной только простой печью, и обратить въ бѣгство какую угодно, хотя бы милліонную армію, при помощи сорока солдатъ. Лѣтъ въ 50, онъ воспылалъ страстью къ дѣвушкѣ, жившей на противупо-

ложной сторонѣ улицы и, чтобы вызвать взаимность въ предметѣ своей любви, не нашелъ лучшаго средства, какъ показаться ему совершенно голымъ, выйдя для этого на балконъ. На улицѣ онъ останавливался передъ этой дѣвушкой и любовался ею въ нѣмомъ восторгѣ. Той, наконецъ, до того надоѣло это преслѣдованіе, что она вылила ведро помой на голову своего обожателя, который однако принялъ это не за оскорбленіе, а, напротивъ, за выраженіе любви и, совершенно просчастливый, вернулся домой. Увидѣвъ на дворѣ цыпленка, Фодера нашелъ въ немъ большое сходство съ своей возлюбленной, тотчасъ же купилъ его и началъ ласкать и цѣловать. Этому цыпленку дозволялось все: пачкать книги, мебель, платье и даже садиться на постель.

Шопенгауэръ наслѣдовалъ, по собственному его сознанію, умъ отъ матери, энергичной, хотя и безсердечной женщины, и притомъ писательницы, а характеръ—отъ отца, имѣвшаго банкирскую контору, человѣка страннаго, мизантропа и даже липеманіака, который впослѣдствіи застрѣлился.

Шопенгауэръ былъ тоже липеманіакъ: изъ Неаполя его заставила уѣхать боязнь оспы, изъ Вероны — опасеніе, что онъ понюхалъ отравленнаго табаку (1818), изъ Берлина — страхъ передъ холерой, а самое главное боязнь возстанія.

Въ 1831 году на него напалъ новый припадокъ страха: при малѣйшемъ шумѣ на улицѣ, онъ хватался за шпагу и трепеталъ отъ ужаса при видѣ каждаго человѣка; полученіе каждаго письма заставляло его опасаться какого-то несчастія, онъ не позволялъ брить себѣ бороду, но выжигалъ ее, возненавидѣлъ женщинъ, евреевъ и философовъ, въ особенности этихъ послѣднихъ, а къ собакамъ привязался до того, что по духовному завѣщанію отказалъ имъ часть своего состоянія.

Философствовалъ Шопенгауэръ постоянно, даже по поводу

самыхъ ничтожныхъ вещей, напр. своего громаднаго аппетита (философъ былъ очень прожорливъ), луннаго свѣта и пр.; онъ вѣрилъ въ столоверченіе, считалъ возможнымъ помощью магнетизма вправить вывихнутую ногу у своей собаки и возвратить ей слухъ. Однажды его служанка видѣла во снѣ, что вытираетъ чернильныя пятна, а на утро онъ дѣйствительно пролилъ чернила, и вотъ великій философъ дѣлаетъ изъ этого такой выводъ: „Все происходящее происходитъ въ силу необходимости". На основаніи такой странной логики, впослѣдствіи была построена имъ замѣчательная по свой глубинѣ система.

По своему характеру Шопенгауэръ былъ олицетворенное противорѣчіе. Признавая конечной цѣлью жизни уничтоженіе, *нирвану*, онъ предсказалъ (а это равносильно желанію), что проживетъ сто лѣтъ; проповѣдуя половое воздержаніе, злоупотреблялъ любовными наслажденіями, и хотя самъ выстрадалъ много отъ людской несправедливости, позволилъ себѣ однако безъ всякаго повода жестоко оскорбить Молешотта и Бюхнера и радовался, когда правительство запретило имъ читать лекціи.

Онъ жилъ всегда въ нижнемъ этажѣ, чтобы удобнѣе было спастись въ случаѣ пожара, боялся получать письма, брать въ руки бритву, никогда не пилъ изъ чужаго стакана, опасаясь заразиться какой-нибудь болѣзнью, дѣловыя замѣтки свои писалъ то на греческомъ, то на латинскомъ, то на санскритскомъ языкѣ и пряталъ ихъ въ свои книги изъ нелѣпой боязни, какъ-бы кто не воспользовался ими, тогда какъ этой цѣли гораздо легче было достигнуть, заперевъ бумаги въ ящикъ; считалъ себя жертвою обширнаго заговора, составленнаго противъ него философами въ Готѣ, согласившимися хранить молчаніе относительно его произведеній и въ то же время боялся—

замѣтьте это противорѣчіе—какъ-бы они не стали говорить объ этихъ произведеніяхъ.

„Для меня легче, если черви будутъ ѣсть мое тѣло, говоритъ онъ, чѣмъ если профессора станутъ грызть мою философію".

Чувства привязанности были ему совершенно незнакомы: онъ рѣшился даже оскорбить свою мать, обвинивъ ее въ невѣрности къ памяти мужа—и на этомъ основаніи призналъ ничтожество всѣхъ женщинъ, у которыхъ „волосъ дологъ, но умъ коротокъ". Не смотря на то, онъ отрицалъ моногамію и превозносилъ *тетрагамію* (четвероженство), находя въ ней только одно неудобство... возможность имѣть четырехъ тещей.

Тоже безсердечіе заставляло его съ презрѣніемъ относиться къ чувству патріотизма, которое онъ называлъ „страстью слѣпцовъ и самой слѣпой изъ страстей", и въ народныхъ возстаніяхъ сочувствовать не народу, а солдатамъ, его усмирителямъ. Этихъ послѣднихъ, а также свою собаку, онъ по духовному завѣщанію сдѣлалъ даже наслѣдниками своего состоянія.

Исключительной и постоянной заботой его было собственное *я*, которое онъ старался возвеличить всѣми способами, видя въ себѣ не только основателя новой философской системы, но и вообще необыкновеннаго человѣка. Въ сотнѣ писемъ упоминаетъ онъ съ удивительнымъ самодовольствомъ о своихъ фотографическихъ и писанныхъ масляными красками портретахъ и говоритъ даже объ одномъ изъ послѣднихъ: „Я пріобрѣлъ его затѣмъ, чтобы устроить для него родъ часовни, какъ для священнаго изображенія".

Николай Гоголь, долгое время занимавшійся онанизмомъ, написалъ нѣсколько превосходныхъ комедій послѣ того, какъ испыталъ полнѣйшую неудачу въ страстной любви; затѣмъ,

едва только познакомившись съ Пушкинымъ, пристрастился къ повѣствовательному роду поэзіи и началъ писать повѣсти; наконецъ, подъ вліяніемъ московской школы писателей, онъ сдѣлался первокласнымъ сатирикомъ и въ своемъ произведеніи „*Мертвыя души*" съ такимъ остроуміемъ изобразилъ дурныя стороны русской бюрократіи, что публика сразу поняла необходимость положить конецъ этому чиновничьему произволу, отъ котораго страдаютъ не только жертвы его, но и сами палачи.

Въ это время Гоголь былъ на вершинѣ своей славы, поклонники называли его за написанную имъ повѣсть изъ жизни казаковъ „Тарасъ Бульба" русскимъ Гомеромъ, само правительство ухаживало за нимъ, — какъ вдругъ его стала мучить мысль, что слишкомъ уже мрачными красками изображенное имъ положеніе родины можетъ вызвать революцію, а такъ какъ революція никогда не останется въ разумныхъ границахъ и, разъ начавшись, уничтожитъ всѣ основы общества— религію, семью, — то слѣдовательно, онъ окажется виновникомъ такого бѣдствія. Эта мысль овладѣла имъ съ такою-же силою, съ какою раньше онъ отдавался то любви къ женщинамъ, то увлеченію сначала драмматическимъ родомъ литературы, потомъ повѣствовательнымъ и, наконецъ, сатирическимъ. Теперь-же онъ сдѣлался противникомъ западнаго либерализма, но видя, что противуядіе не привлекаетъ къ нему сердца читателей въ такой степени, какъ привлекалъ прежде ядъ, совершенно перестал писать, заперся у себя дома и проводилъ время въ молитвѣ, прося всѣхъ святыхъ вымолить ему у Бога прощеніе его революціонныхъ грѣховъ. Онъ даже совершилъ путешествіе въ Іерусалимъ и вернулся оттуда значительно спокойнѣе, но вотъ въ Европѣ вспыхнула революція 1848 года—и упреки совѣсти возобновились у Гоголя съ новой силой. Его начали мучить представле-

нія о томъ, что въ мірѣ восторжествуетъ нигилизмъ, стремящійся къ уничтоженію общества, религіи и семьи. Обезумѣвшій отъ ужаса, потрясенный до глубины души, Гоголь ищетъ теперь спасенія въ „Святой Руси“, которая должна уничтожить языческій западъ и основать на его развалинахъ панславистскую православную имперію. — Въ 1852 году великаго писателя нашли мертвымъ отъ истощенія силъили, скорѣе, отъ сухотки спиннаго мозга, на полу возлѣ образовъ, передъ которыми онъ до этого молился, преклонивъ колѣни.

Если послѣ столькихъ примѣровъ, взятыхъ изъ современной намъ жизни и въ средѣ различныхъ націй, найдутся люди, еще сомнѣвающіеся въ томъ, что геніальность можетъ проявляться одновременно съ умопомѣшательствомъ, то они докажутъ этимъ только — или свою слѣпоту, или свое упрямство.

VII.

Примѣры геніевъ, поэтовъ, юмористовъ и др. между сумасшедшими.

Жестоко ошибаются однако тѣ, которые думаютъ, что душевныя болѣзни всегда сопровождаются ослабленіемъ умственныхъ способностей, тогда какъ на самомъ дѣлѣ эти послѣднія, напротивъ, нерѣдко пріобрѣтаютъ у сумасшедшихъ необыкновенную живость и развиваются именно во время болѣзни. Такъ, Винслоу зналъ одного дворянина, который, будучи въ здравомъ разсудкѣ, не могъ сдѣлать простаго сложенія, а послѣ психическаго разстройства сталъ замѣчательнымъ математикомъ. Точно также одна дама во время умопомѣшательства обнаруживала несомнѣнный поэтическій талантъ, но по выздоровленіи превратилась въ самую прозаическую домовитую хозяйку.

Въ Бисетрѣ мономаніакъ Моро выразилъ жалобу на свое печальное заключеніе въ слѣдующемъ прелестномъ четверостишіи:

Самъ Данте въ своихъ вдохновенныхъ строфахъ,
Самъ геній Флоренціи, былъ бы не въ силахъ
Представить тѣ муки, тотъ ужасъ и страхъ,
Какіе въ застѣнкахъ Бисетра постылыхъ
Мы вынесли....

Эскироль разсказываетъ про одного маніака, что въ періодъ самаго остраго припадка болѣзни онъ сочинилъ канонъ, который былъ впослѣдствіи введенъ въ богослуженіе (odattato). Морель лечилъ одного сумасшедшаго, страдавшаго періодическимъ слабоуміемъ; передъ наступленіемъ каждаго періода онъ писалъ прекрасныя комедіи.

Можно привести множество примѣровъ того, какъ самые простые, неученые люди обнаруживали во время умопомѣшательства необыкновенную находчивость, остроуміе, наблюдательность, даже глубокомысліе, несвойственныя имъ прежде, или такіе таланты, которыми они не обладали въ здоровомъ состояніи.

Я лечилъ въ Павіи одного бѣднаго крестьянскаго мальчика, который сочинялъ оригинальнѣйшія музыкальныя аріи; онъ же придумалъ для своихъ товарищей, находившихся въ одной съ нимъ больницѣ, до того мѣткія прозвища, что они такъ и остались за ними до сихъ поръ. Одинъ старикъ крестьянинъ, страдавшій миланской проказой, на вопросъ нашъ, считаетъ-ли онъ себя счастливымъ, отвѣчалъ точно какой-нибудь греческій философъ: „счастливы всѣ тѣ люди, *даже богатые*, которые желаютъ быть счастливыми“.

Многіе изъ моихъ учениковъ, вѣроятно, помнятъ того душевно больнаго Б., теперь уже выздоровѣвшаго окончательно, котораго смѣло можно было назвать геніемъ, вышедшимъ изъ народа. Онъ перепробовалъ всѣ профессіи: былъ звонаремъ, слугой, носильщикомъ, продавцемъ желѣзныхъ издѣлій, трактирщикомъ, учителемъ, солдатомъ, писцомъ, но ничто его не удовлетворяло. Онъ составилъ для меня свою біографію и такъ хорошо, что если исправить нѣкоторыя орѳографическія ошибки, то она годилась бы въ печать, а съ просьбою отпустить его изъ больницы Б. обратился ко мнѣ въ стихахъ, весьма недурныхъ для простолюдина.

Нѣсколько дней тому назадъ мнѣ пришлось услышать отъ одного сумасшедшаго, простаго торговца губками, слѣдующее философское рѣшеніе вопроса о жизни и смерти: „когда душа оставитъ тѣло—сказалъ онъ—то оно истлѣваетъ и принимаетъ другую форму: мой отецъ зарылъ однажды трупъ мула въ землю, и на ней послѣ того появилось множество грибовъ, а картофель сталъ родиться вдвое крупнѣе, чѣмъ прежде“. Какъ видите, нисколько не культивированный, но какъ бы просвѣтленный маніакальнымъ экстазомъ, умъ этого человѣка получилъ способность дѣлать такіе выводы, до которыхъ съ трудомъ додумываются лишь немногіе великіе мыслители.

Нѣкто В., лишившійся разсудка воръ, бросился бѣжать, воспользовавшись дозволенной ему прогулкой. Когда его поймали и стали укорять, зачѣмъ онъ злоупотребилъ оказаннымъ ему довѣріемъ, онъ отвѣчалъ: „я хотѣлъ только испытать быстроту своихъ ногъ“.

Въ тюфякѣ одной истеричной больной, набитомъ листьями, нашли множество украденныхъ ею вещей: платки, палки, маленькія подушечки, шляпы и два платья, нашитыя одно на другое такимъ образомъ, что ихъ можно было принять за одно. На вопросъ, для чего нужны ей палки, она отвѣчала: „я положила ихъ для того, чтобы постель лучше держалась, и кромѣ того разравниваю ими листья“.—А платья вы для чего нашили одно на другое?—„Чтобъ мнѣ было теплѣе“.—А на что вамъ платки, пряжки отъ подвязокъ, подушечки и пр.?—„Я не люблю сидѣть безъ дѣла и набрала себѣ разныхъ вещей для рукодѣлья“.—Зачѣмъ же вамъ понадобилась шляпа?—„Чтобы прятать въ нее свою работу“.

Когда я спросилъ у одного больнаго, страдавшаго извращеніемъ чувствъ (follia affettiva), почему онъ выказываетъ такое отвращеніе къ своей женѣ, то получилъ отъ него такой отвѣтъ:

„Остаться въ прежнихъ дружескихъ отношеніяхъ къ женѣ послѣ того, какъ она вамъ измѣнила,—это выше силъ человѣческихъ, а я не хочу отличаться отъ другихъ людей“.

Одинъ старикъ 70 лѣтъ, совершенно беззубый, страдавшій хроническимъ умопомѣшательствомъ (mania cronica), часто разыгрывалъ изъ себя шута, и когда мы укоряли его, находя это неприличнымъ въ такія лѣта, онъ возражалъ: „что за лѣта мои, я совсѣмъ не старикъ,—развѣ вы не видите, что у меня еще и зубы не прорѣзались“.

Женщину, страдавшую религіознымъ помѣшательствомъ, спросили, почему она никогда ничѣмъ не занимается: „потому что меня зовутъ *лѣнтяйкой*“—отвѣчала она.—Ты такъ безобразна, что на тебя противно смотрѣть.—„Кто не хочетъ смотрѣть на меня, пусть выколетъ глаза“.—Ты самая безумная изъ сумасшедшихъ въ этой больницѣ.—„Блаженъ торговецъ, знающій хорошо достоинство своего товара“.

Теперь займемся поэтами-безумцами, поэтами, родина таланта которыхъ—больница для умалишенныхъ. Лишь немногіе изъ нихъ получили раньше литературное образованіе, большинство-же, повидимому, вдохновляется и какъ-бы воспитывается исключительно психической болѣзнью. Я могъ-бы привести массу примѣровъ въ этомъ родѣ, но, чтобы не увеличивать объемъ своей книги и не наскучить читателямъ, ограничусь лишь немногими, прибавивъ при этомъ, что произведенія поэтовъ-безумцевъ всегда страдаютъ отсутствіемъ единства, отличаясь вмѣстѣ съ тѣмъ замѣчательной неровностью не только въ отношеніи поразительной быстроты переходовъ отъ самаго мрачнаго настроенія къ самому веселому, но также по массѣ противорѣчій, какую они представляютъ, и по легкости, съ какою мѣняется ихъ слогъ, то правильный, утонченный, изящный, то грубый до неприличія, циничный, безграмотный и совершенно безсмысленный [1]).

Нѣкогда извѣстный поэтъ М. Ж., братъ знаменитаго литератора, помѣшавшись вслѣдствіе чрезмѣрныхъ занятій и злоупотребленія спиртными напитками, началъ тиранить свою жену, кричать и бранить воображаемыхъ преслѣдователей. Черезъ нѣсколько времени, когда эти припадки бѣшенства прекратились, у него явилась манія величія и онъ принялся писать стихи, чрезвычайно гармоничные, но совершенно безсмысленные. Между прочимъ, онъ сочинилъ трагедію, гдѣ, въ числѣ 60 дѣйствующихъ лицъ, помѣщены и Архимедъ съ Гарибальди, и Эммануилъ Карлъ Феликсъ съ Еввой, Давидомъ и Сауломъ. Тутъ являются также и невидимые персонажи, звѣзды, кометы, которыя тѣмъ не менѣе произносятъ длиннѣйшіе монологи.

Этотъ несчастный поэтъ, воображавшій себя Гораціемъ, втеченіи нѣсколькихъ лѣтъ перепробовалъ всевозможныя стихотворныя формы и принялся даже за невозможныя, называя ихъ то *аметрами*, то *олиметрами*. Проза выходила у него еще безсмысленнѣе, такъ какъ онъ воображалъ, что пишетъ на какомъ-то ново-греческомъ языкѣ и напр.—*камень* называлъ „литіасъ“, *друзей*—„фили“ и пр.

А между тѣмъ онъ-же писалъ потомъ сонеты, которые не уступятъ даже сонетамъ Берни.

У него-же мы находимъ юмористическую пародію на сонетъ Данта, а рядомъ съ нею стихи, проникнутые мрачной, мощ-

---

[1]) Мы не переводимъ здѣсь *всѣхъ* поэтическихъ и прозаическихъ образцовъ литературы дома умалишенныхъ, помѣщенныхъ у Ломброзо, тѣмъ болѣе, что ихъ часто даже нельзя передать на чужомъ языкѣ, и ограничиваемся только передачей особенно художественныхъ произведеній.

Пр. Пер.

ной энергіей, какъ напр. слѣдующее стихотвореніе, поразительно правдиво рисующее безотрадное одиночество липеманіака:

Къ самому себѣ.

Чѣмъ недоволенъ, ты, пришлецъ безумный?...
Всѣмъ вообще и въ частности ничѣмъ.
Я недоволенъ тѣмъ, что сводъ небесъ лазурный
Покрылся тучами, что стихъ мой нѣмъ,
Что онъ безсиленъ и не можетъ
Излить предъ небомъ то страданье,
Что день и ночь мнѣ сердце гложетъ...
Пусть все живое изнеможетъ
Въ борьбѣ съ несчастіемъ и зломъ,
Пусть обратится міръ въ Содомъ —
И я предамся ликованью.

M. S.

Вообще, у этого маніака встрѣчаются стихи, замѣчательно изящные по слогу и достойные самого Петрарки.

Но вотъ примѣръ еще болѣе поразительный: въ то время какъ не только государственные люди, но и болѣе или менѣе опытные психіатры ломали себѣ головы надъ разрѣшеніемъ вопроса, точно-ли Лазаретти сумасшедшій, мѣткую характеристику его написалъ одинъ липеманіакъ, паціентъ уважаемаго доктора Тозелли, который и сообщилъ мнѣ это оригинальное стихотвореніе.

Въ нашъ вѣкъ путей желѣзныхъ
И книгъ душеполезныхъ,
Вѣкъ электричества, паровъ
И помраченія умовъ,
Въ нашъ вѣкъ газетъ серьезныхъ,
Обмановъ грандіозныхъ,
Вѣкъ канцелярскихъ баррикадъ —
Чтобъ полный вышелъ маскарадъ,
Не доставало лишь живаго
Святаго

Но вотъ вдругъ въ Монтелябро,
Какъ свѣтъ изъ канделябра,
Изъ яслей возсіялъ
Давидъ и нѣмъ, и малъ.
Онъ началъ отъ солдата,
Прошелъ чрезъ демократа,
Котурны, плащъ надѣлъ,
Глаза горé воздѣлъ—
И вѣкъ газетъ увидѣлъ снова
Святаго.
Былъ прежде онъ заикой,
Но тутъ вдругъ сталъ великій
Ораторъ и пророкъ —
Таковъ Давида рокъ.
Въ кутилѣ вдругъ отпѣтомъ
Міръ встрѣтился съ аскетомъ...
Онъ измѣнилъ свой видъ,
Онъ властно говоритъ,—
И всѣ признали въ немъ за «слово»
Святаго.
Онъ сталъ теперь законодатель,
Герой, мудрецъ и предсказатель;
Какъ Моисей, сталъ управлять
И смѣло выступилъ въ печать.
Завелъ апостоловъ араву
И Магдалинъ себѣ во славу,
Голгофы ищетъ и цѣпей,
Идя во слѣдъ Царю Царей.
Глупцы лежатъ у ногъ больнаго —
«Святого»
Какъ Генрихъ нѣкогда въ Каноссѣ,
Давидъ споткнулся въ Арчидосѣ:
Рукою сильною Давидъ
Былъ остановленъ и побитъ.
Толпа апостоловъ бѣжала,
И, въ довершеніе скандала,
Арава уличныхъ дѣвицъ
Повергла дерзновенно ницъ
Отъ изумленія нѣмаго
Святаго.
Страна цвѣтовъ, моя Тоскана,
Въ твоемъ мозгу зіяетъ рана...
Пристрой маньяковъ тамъ, гдѣ имъ
Быть надлежитъ со всѣмъ «святымъ»

И всѣ почтутъ тебя хвалою.
Пусть орошаются слезою
Кресты замученныхъ борцовъ,
А не маньяковъ и глупцовъ, —
Не память твоего слѣпаго
Святаго!

Однако у того-же поэта встрѣчаются и безсмысленныя стихотворенія.

Наконецъ, еще полнѣе и нагляднѣе подтверждаютъ мое предположеніе, — что существуетъ особый поэтическій экстазъ, вызываемый душевными болѣзнями, — слѣдующіе прелестные стихи, переданные мнѣ Таркини-Бонфанти и написанные чуть-ли не въ его присутствіи однимъ сумасшедшимъ:

Къ птичкѣ, залетѣвшей на дворъ.

„Съ дерева на скалу, со скалы на холмъ переносятъ тебя твои крылья, — ты то летаешь, то садишься днемъ и ночью.

А мы, ослѣпленные своей гордостью, какъ бы прикованные къ желѣзному столбу, мы все кружимся на одномъ мѣстѣ, вѣчно стараясь уйти подальше и вѣчно оставаясь тутъ-же“.

Кав. Y.

Прелесть этихъ строфъ будетъ еще понятнѣе читателю, если онъ припомнитъ, что авторъ намекаетъ въ нихъ на тотъ дворикъ, съ деревомъ посрединѣ, вокругъ котораго гуляютъ сумасшедшіе по выложенной камнемъ дорожкѣ. „Несчастный поэтъ, — пишетъ мнѣ Таркини, — живетъ въ нашемъ домѣ умалишенныхъ уже около 20 лѣтъ, онъ воображаетъ себя кавалеромъ, княземъ и пр., видитъ повсюду нѣчто таинственное, любитъ принарядиться и показать, что у него хорошія манеры. Онъ рисуетъ довольно правильно, когда копируетъ что-нибудь, если-же начнетъ сочинять свой рисунокъ, то у него всегда выходятъ каракули, съ помощью которыхъ онъ силится олицетворить таинственные образы, постоянно занимающіе его“.

Очевидно, этотъ больной страдалъ хроническимъ горделивымъ помѣшательствомъ. Любопытно, что авторъ этого прелестнаго стихотворенія, одержимый положительно страстью къ бумагомаранью, обыкновенно писалъ преплохія, даже безграмотныя сочиненія въ стихахъ и прозѣ, постоянно намекая въ нихъ на разныя воображаемыя почести или на свои титулы, что́ онъ сдѣлалъ, впрочемъ и въ приведенной выше пьескѣ, подписавшись подъ нею — кавалеромъ Y.

Въ заключеніе, я приведу еще примѣръ, чрезвычайно интересный даже съ точки зрѣнія судебной психіатріи, такъ какъ въ этомъ случаѣ, кромѣ несомнѣннаго литературнаго дарованія, временно вызваннаго сумасшествіемъ, мы имѣемъ еще и доказательство того, что помѣшанные могутъ притворяться безумными, подъ вліяніемъ какого-нибудь аффекта, въ особенности изъ страха наказанія. Примѣръ этотъ я заимствую изъ моей практики. Одинъ бѣдный башмачникъ, по фамиліи Фарина, отецъ, дядя и двоюродный братъ котораго были сумасшедшіе и кретины, еще молодой человѣкъ, уже давно страдалъ умопомѣшательствомъ и галлюцинаціями, но съ виду казался веселымъ и спокойнымъ. Вдругъ ему пришла фантазія убить женщину, не сдѣлавшую ему ничего дурнаго, мать той дѣвушки, которую онъ, подъ вліяніемъ свойственнаго помѣшаннымъ эротическаго бреда, считалъ своей любовницей, хотя въ сущности лишь мелькомъ видѣлъ ее. Вообразивъ, что эта женщина подстрекаетъ противъ него невидимыхъ враговъ, голоса которыхъ не давали ему покоя, Фарина зарѣзалъ ее ножемъ, а самъ бѣжалъ въ Миланъ. Никто даже не заподозрилъ-бы его въ со-

вершенiи такого преступленія, еслибы онъ, вернувшись въ Павію, не пришелъ самъ въ полицейское бюро и не сознался въ убійствѣ, представивъ для большей убѣдительности и чехолъ отъ того ножа, которымъ нанесенъ былъ роковой ударъ. Но потомъ, когда его посадили въ тюрьму, онъ раскаялся въ этомъ поступкѣ и притворился страдающимъ полной потерей разсудка, хотя этой формы умопомѣшательства въ то время у него уже не было. Когда меня пригласили въ качествѣ эксперта для рѣшенія вопроса о психическомъ состоянiи преступника, я долго колебался, къ какому заключенiю придти на его счетъ и какъ убѣдиться въ томъ, что, будучи помѣшаннымъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ притворяется безумнымъ. Наконецъ, его помѣстили въ мою клинику, гдѣ я могъ тщательно наблюдать за нимъ и гдѣ онъ написалъ для меня свою подробную біографію; только тогда мнѣ стало ясно, что передо мною—настоящій мономаніакъ.

Біографія эта [1]), по моему, является драгоцѣннѣйшимъ документомъ въ области патологической анатомiи мысли, какъ очевидное доказательство возможности не только появленія галлюцинацій при нормальности всѣхъ остальныхъ психическихъ отправленій, но также и неудержимаго импульса къ совершенiю проступка съ сознаніемъ отвѣтственности за него,—на что уже указывалъ профессоръ Герценъ въ своемъ прекрасномъ сочиненiи „*О свободѣ воли*“.

---

[1]) Ломброзо сообщаетъ ее цѣликомъ, «во всей ея неприкосновенности,—какъ онъ выражается—за исключеніемъ лишь нѣсколькихъ словъ и ороографическихъ ошибокъ»; но мы не приводимъ ее здѣсь, такъ какъ она можетъ интересовать только спеціалистовъ. Въ ней такъ много ненужныхъ, утомительныхъ подробностей и, мѣстами, такъ много настоящаго *бреда*, что обыкновенный читатель ничего не вынесетъ изъ нея кромѣ скуки, а между тѣмъ она занимаетъ до двадцати печатныхъ страницъ. Мы помѣщаемъ ее для спеціалистовъ въ концѣ книги (см. *Приложенія*). *Пр. пер.*

При чтенiи автобіографіи Фарина невольно удивляешься тому, какъ могъ человѣкъ, не получившій никакого литературнаго образованія, излагать свои мысли до такой степени ясно, правильно, нерѣдко даже краснорѣчиво, обнаруживая при этомъ замѣчательную, необыкновенную память. Такъ, онъ съ точностью опредѣляетъ величину куска мыла, купленнаго 3—4 года тому назадъ, подробно описываетъ давнишніе сны, разговоры, помнитъ мѣста, собственныя имена, вообще всѣ мельчайшія обстоятельства много лѣтъ тому назадъ случившихся событій, которыя не удержались-бы въ памяти здороваго человѣка даже и нѣсколько дней. Особенно живо у него воспоминаніе о видѣнныхъ имъ, чрезвычайно многочисленныхъ снахъ, изъ чего ясно слѣдуетъ, до какой степени они овладѣли разстроеннымъ воображеніемъ этого несчастнаго.

Не менѣе любопытна и та подробность, что вначалѣ Фарина совершенно здраво показывалъ своимъ товарищамъ по заключенію всю нелѣпость вѣры ихъ въ пророческіе сны, а потомъ самъ началъ вѣрить имъ, скорѣе въ силу подражанія, чѣмъ вслѣдствіе грубаго невѣжества, такъ какъ остальные заключенные, хотя и не помѣшанные, были гораздо менѣе развиты въ умственномъ отношенiи, чѣмъ онъ.

Насколько помѣшанный Фарина былъ умственно выше своихъ сотоварищей по заключенію, видно между прочимъ изъ того, что, оспаривая ихъ мнѣніе, будто суды въ Австріи справедливѣе, чѣмъ въ Италіи, онъ замѣтилъ: „А развѣ въ Австріи мошенниковъ не сажаютъ въ тюрьмы, точно такъ-же какъ и здѣсь?“

Далѣе, интересно то обстоятельство, что иногда несчастный вполнѣ ясно сознавалъ свои галлюцинаціи, въ другое-же время принималъ ихъ за дѣйствительность, и что онъ замѣчалъ усиленіе ихъ *вслѣдствіе слабости, усталости и при высо-*

комъ положеніи головы во время сна—фактъ, на который слѣдуетъ обратить вниманіе спиритуалистамъ и врачамъ-любителямъ кровопусканій. Кромѣ того, меня изумило, что Фарина называетъ чувство, побудившее его къ совершенію убійства, *инстинктомъ*, точно будто онъ посовѣтовался съ какимъ-нибудь представителемъ старинной школы германскихъ психологовъ,—хотя до такой степени сознавалъ важность этого преступленія, что *не разъ готовъ былъ отказаться отъ совершенія его при мысли о судѣ*, о кандалахъ и о позорномъ заключеніи въ тюрьмѣ. Наконецъ, слѣдуетъ замѣтить, что многимъ изъ употребленныхъ имъ въ рукописи словъ онъ придаетъ своеобразный, ему одному понятный смыслъ напр. *прерогатива*, *развлеченіе*, *настойчивость* и пр.,—что составляетъ характеристическую особенность однопредметнаго помѣшательства.

Для цѣлей судебной медицины особенно важенъ въ автобіографіи Фарины его правдивый разсказъ о томъ, какъ онъ все подготовилъ, чтобы убѣжать въ Швейцарію, и какъ ему помѣшала исполнить это овладѣвшая имъ слабость и боязнь преслѣдованія со стороны полчища воображаемыхъ враговъ. Предположите-же теперь, что припадки галлюцинацій вдругъ прекратились-бы, а бѣгство удалось,—и тогда человѣкъ, не занимающійся психіатріей, навѣрное затруднился-бы признать фактъ временнаго помѣшательства преступника.

Что-же касается притворнаго сумасшествія, то Фарина выбралъ именно самую удобную для себя форму — *манію инстинктивныхъ ночныхъ галлюцинацій*, которою дѣйствительно страдалъ прежде, такъ что еслибы у этого несчастнаго не явилось вдругъ страннаго убѣжденія въ желаніи врачей защитить его во что-бы то ни стало, то онъ продолжалъ-бы притворяться и передъ нами и ни въ какомъ случаѣ не высказался-бы съ той полной откровенностью, какъ это сдѣлано было имъ въ своей автобіографіи. А безъ этого драгоцѣннаго документа, мы рисковали бы счесть Фарина или за маніака, когда онъ не былъ имъ, или за притворщика, когда онъ и не думалъ притворяться.

Здѣсь мы видимъ новое доказательство того, какъ мало значенія могутъ имѣть для правосудія заключенія экспертовъ, почерпнутыя только изъ опредѣленія психическихъ способностей испытуемаго, въ сравненіи съ методомъ новѣйшихъ психіатровъ, основаннымъ на опытахъ.

Для нашей-же собственной цѣли прекрасная, мѣстами художественно написанная, автобіографія Фарины является неопровержимымъ подтвержденіемъ выставленнаго нами положенія, что бываютъ случаи, когда помѣшательство возвышаетъ умъ необразованныхъ людей надъ общимъ уровнемъ и въ значительной степени развиваетъ ихъ интеллектуальныя способности.

Общая и рѣзкая особенность поэтовъ-сумасшедшихъ состоитъ въ присущей имъ всѣмъ силѣ творческаго воображенія, столь несвойственной ихъ прежнимъ жизненнымъ условіямъ и ограниченному умственному кругозору.

Правда, у многихъ это творчество сводится къ постоянному кропанію эпиграммъ, остротъ и созвучій, которыя хотя и считаются въ большомъ свѣтѣ за признакъ блестящаго ума, bel esprit, но въ сущности доказываютъ противное, не только потому, что въ нихъ часто не бываетъ логическаго смысла, но еще и потому, что ими особенно усердно занимаются умалишенные. Впрочемъ, и въ прозаическихъ сочиненіяхъ этихъ послѣднихъ замѣтна склонность къ созвучіямъ, къ риѳмамъ. Между такими литераторами дома умалишенныхъ нерѣдко встрѣчаются импровизированные философы, у которыхъ среди

безумныхъ фантазій являются иной разъ проблески идей, какъ будто заимствованныхъ изъ философскихъ системъ эпикурейцевъ или позитивистовъ. Но большинство все-таки состоитъ изъ поэтовъ или скорѣе версификаторовъ, преобладающимъ свойствомъ произведеній которыхъ служитъ оригинальность, нерѣдко доходящая до абсурда, вслѣдствіе разнузданности воображенія, не сдерживаемаго болѣе ни логикой, ни здравымъ смысломъ, какъ это всегда бываетъ съ ненормальными или неразвитыми умами. Физіологическій примѣръ такого явленія представляютъ дѣти; что же касается патологическихъ примѣровъ, то ихъ множество: придуманная Петромъ Сіенскимъ теорія превращеній и странствованій души, ново-греческій языкъ, изобрѣтенный душевно-больнымъ изъ Пезаро и пр.

Благодаря своему болѣе живому воображенію и быстрой ассоціаціи идей, сумасшедшіе часто выполняютъ съ большой легкостью то, что затрудняетъ даровитѣйшихъ здоровыхъ, нормальныхъ людей, какъ это доказываетъ приведенная нами раньше характеристика Лазаретти, написанная безъ всякихъ усилій сумасшедшимъ, тогда какъ надъ нею тщетно трудились многіе альенисты, въ томъ числѣ извѣстный докторъ Микетти, обладавшіе, конечно, большей проницательностью и — что еще важнѣе — несравненно большимъ количествомъ данныхъ для постановки правильнаго діагноза. Другая характеристическая особенность такихъ писателей, — и это замѣчается даже въ произведеніяхъ преступниковъ — это страсть говорить о себѣ или о своихъ близкихъ и составлять свои автобіографіи, давая при этомъ полную волю себялюбію и тщеславію. Нужно замѣтить, впрочемъ, что обыкновенные сумасшедшіе обнаруживаютъ въ своихъ сочиненіяхъ меньше искуственности въ выраженіяхъ и меньше послѣдовательности, чѣмъ преступники, но за то у нихъ больше творческой силы и оригинальности сравнительно съ этими послѣдними. Далѣе литераторы дома умалишенныхъ чрезвычайно склонны употреблять созвучія, часто совершенно безсмысленныя, и придумывать новыя слова или-же придавать особый смыслъ уже существующимъ словамъ и преувеличивать значеніе самыхъ ничтожныхъ мелочныхъ подробностей; такъ, Фарина посвящаетъ чуть не полстраницы описанію купленнаго имъ куска мыла. Сумасшедшіе всегда трудятся надъ какими нибудь утомительными, изсушающими мозгъ пустяками — сказалъ Гекартъ въ предисловіи къ своей „*Gualana*“ — произведенію, кстати сказать, тоже не отличающемуся здравымъ смысломъ.

У многихъ душевно-больныхъ, хотя и не такъ часто какъ у *маттоидовъ* (тронутыхъ, поврежденныхъ), замѣтно стремленіе дополнять свои поэтическіе вымыслы рисунками, точно будто ни поэзія, ни живопись въ отдѣльности не достаточно сильны для выраженія ихъ идей. Въ слогѣ сказывается недостатокъ правильности, отдѣлки; но періоды отличаются такой силой и законченностью, что въ этомъ отношеніи не уступаютъ произведеніямъ образцовыхъ писателей.

Такое мастерство изложенія и способность къ версификаціи, проявляющіяся въ людяхъ, которые до заболѣванія даже не имѣли понятія о просодіи, не покажется намъ особенно изумительными, если мы припомнимъ сдѣланное Байрономъ опредѣленіе поэзіи: по его мнѣнію, основанному на собственномъ опытѣ, „поэзія есть выраженіе страсти, которая проявляется тѣмъ могущественнѣе, чѣмъ сильнѣе было вызвавшее ее возбужденіе [1]). Отсюда становится понятнымъ, почему у помѣшанныхъ такъ сильно развивается воображеніе, часто пере-

---

[1]) Вліяніе другихъ причинъ — ритма, мелодіи мы разсмотримъ въ слѣдующей главѣ, когда будемъ говорить о музыкѣ.

ходящее даже въ полную разнузданность. Богатство фантазіи и страстное возбужденіе всегда являлись могучими факторами творческой дѣятельности. По мнѣнію Вико, блистательно доказанному впослѣдствіи Боклемъ, въ древнія времена и у древнихъ народовъ первые мыслители и ученые были поэты, излагавшіе стихами историческія событія, народныя вѣрованія и вообще создавшія тамъ эпосъ, который затѣмъ передавался изъ устъ въ уста, изъ поколѣнія въ поколѣніе, какъ это мы видимъ въ Галліи, въ Тибетѣ, въ Америкѣ, Африкѣ, и Австраліи—по свидѣтельству различныхъ путешественниковъ.

Эллисъ разсказываетъ, что въ Полинезіи для рѣшенія споровъ относительно давнопрошедшихъ событій, туземцы справляются съ своими балладами, точно также, какъ мы съ историческими документами. Мало того, не только въ древней Индіи, но даже въ средневѣковой Европѣ, всѣ науки перекладывались въ стихотворную форму. Монтукла упоминаетъ о математическомъ трактатѣ XIII ст., написанномъ *силлабическими* стихами; одинъ англичанинъ переложилъ въ стихи кодексъ Юстиніана, а какой-то полякъ — Геральдику.

Да, наконецъ, развѣ собственно исторія, хотя изложенная прозой, не переполнена точно также поэтическими вымыслами, фантастическими эпизодами, натяжками въ объясненіяхъ и пр.? Развѣ въ ней мы не встрѣчаемъ всевозможныхъ нелѣпостей, вродѣ того напр., что названіе сарациновъ произошло отъ Сары, а Нюренберга—отъ Нерона, что Неаполь появился на яйцѣ, что послѣ нѣкоторыхъ войнъ съ Турками у дѣтей бывало не 32 зуба, а 22 или 23? Развѣ историкъ Турпино, этотъ Маколей своего времени, не сообщилъ въ своей хроникѣ, что стѣны Пампелуны пали сами собою, едва лишь спутники Карла Великаго начали молиться Богу? Да и вообще въ нашей исторіи столько басенъ, порожденныхъ безуміемъ человѣчества,

(тѣмъ болѣе склоннаго ко всему фантастическому, чѣмъ оно невѣжественнѣе), что наши филологи только понапрасну ломаютъ себѣ головы въ тщетныхъ усиліяхъ найти разумное объясненіе для этого ребяческаго бреда.

Что мѣрный стихъ успокоиваетъ и гораздо полнѣе выражаетъ ненормальное психическое возбужденіе, чѣмъ проза, въ этомъ насъ убѣждаютъ наблюденія надъ пьяницами и собственное признаніе многихъ изъ такихъ безсознательныхъ помѣшанныхъ поэтовъ. Одинъ преступникъ - маттоидъ, находившійся въ больницѣ Арбу, прекрасно выразилъ эту инстинктивную склонность къ поэтической формѣ въ слѣдующемъ двустишіи:

Не удивляйтесь моему письму въ стихахъ:
Я прозой не могу писать никакъ!

Другой, липеманіакъ, лечившійся въ домѣ сумасшедшихъ, въ Пезаро, такъ объяснялъ значеніе многихъ своихъ стихотвореній: „поэзія, говорилъ онъ, это—мгновенная эманація души, это—крикъ, вырывающійся изъ потрясенной тысячами мукъ груди“.

Патологическое происхожденіе такихъ литературныхъ произведеній служитъ достаточнымъ объясненіемъ неодинаковости ихъ стиля, то сильнаго и блестящаго, то вялаго и безцвѣтнаго по мѣрѣ того, какъ ослабѣваетъ возбужденіе, такъ что строфы классически прекрасныя вдругъ смѣняются идіотской болтовней. Тѣмъ-же обусловливаются и крайнія противорѣчія между произведеніями одного и того-же автора—напр. у Фарина и Лазаретти. Впрочемъ, стиль большинства изъ нихъ представляетъ какое-то дѣтское, примитивное построеніе періода, наклонность къ афоризмамъ или короткимъ фразамъ, частое повтореніе однихъ и тѣхъ-же словъ или оборотовъ, напоминающихъ библейскія изрѣченія или *суры* корана, а также,

какъ замѣтилъ Тозелли, однообразіе въ разсужденіяхъ почти всегда о предметахъ мало знакомыхъ, чуждыхъ пишущему и,—что особенно любопытно—совершенно безполезныхъ, какъ для него самаго, такъ и для другихъ.

Наибольшую склонность къ писательству обнаруживаютъ, по моему мнѣнію (которое раздѣляютъ Адріани и Тозелли), хроническіе маніаки, алкоголики и полупаралитики въ первомъ періодѣ болѣзни, хотя у этихъ послѣднихъ стихи часто похожи на риѳмованную, безсмысленную прозу. Затѣмъ слѣдуютъ меланхолики, сравнительно рѣже попадающіе въ больницы для умалишенныхъ. Потребность высказаться на бумагѣ, вѣроятно, является у нихъ вслѣдствіе свойственной имъ молчаливости и желанія защитить себя такимъ способомъ отъ воображаемыхъ преслѣдованій—фактъ гораздо болѣе важный, чѣмъ это можетъ показаться на первый взглядъ, особенно когда мы сопоставимъ его съ признаннымъ уже всѣми другимъ фактомъ—наклонностью къ меланхоліи всѣхъ великихъ мыслителей и поэтовъ.

VIII.

Сумасшедшіе—артисты и художники.

Хотя артистическія наклонности весьма рѣзко и почти всегда проявляются при нѣкоторыхъ формахъ умопомѣшательства, но лишь немногіе изъ психіатровъ обратили должное вниманіе на это обстоятельство. Насколько мнѣ извѣстно, о немъ писали только: Тардье, который призналъ, что рисунки сумасшедшихъ имѣютъ громадное значеніе въ судебной медицинѣ, и доказалъ это на дѣлѣ; затѣмъ Симонъ, который, изслѣдуя вопросъ о развитіи воображенія у помѣшанныхъ, нашелъ, что люди страдающіе маніей величія (мегаломаніаки), особенно склонны заниматься рисованіемъ и что воображеніе усиливается обратно пропорціонально здоровому состоянію мозга; и, наконецъ, докторъ Фрижеріо, помѣстившій по этому вопросу прекрасную статью въ *Дневникѣ дома умалишенныхъ въ Пезаро*, 1880 года. Кромѣ того, въ томъ-же году я составилъ вмѣстѣ съ Максимомъ дю-Канъ небольшой очеркъ „*Arte nei pazzi*“ (Искусство у сумасшедшихъ), помѣщенный въ журналѣ „Архивъ Психіатріи и Судебной Медицины“. Намъ съ дю-Канъ удалось всесторонне изслѣдовать занимавшій насъ вопросъ о проявленіи артистическихъ наклонностей у сумасшедшихъ, при помощи богатаго матеріала, собраннаго

въ больницахъ для умалишенныхъ, находящихся въ Пазаро и Павіи, а также благодаря недавней френіатрической выставкѣ въ Реджіо [1]), и содѣйствію многихъ спеціалистовъ, помогавшихъ намъ не только совѣтами, но и доставленіемъ множества интересныхъ документовъ и факсимиле. На основаніи собранныхъ такимъ образомъ данныхъ, мы нашли артистическія наклонности у 107 помѣшанныхъ; въ томъ числѣ 46 человѣкъ занимались живописью, 10—скульптурой, 11 — рѣзьбой, 8 — музыкой, 5 — архитектурой и 27 — поэзіей.

По роду психическаго разстройства эти больные распредѣлялись такъ:

25	страдали	извращеніемъ чувствъ (sensoria) и маніей преслѣдованія.
21	»	безуміемъ (demenza).
16	»	мегаломаніей (манія величія).
14	»	острымъ или перемежающимся помѣшательствомъ.
8	»	меланхоліей.
8	»	общимъ параличемъ.
5	»	нравственнымъ помѣшательствомъ (follia morale).
2	»	эпилепсіей.

Изъ этихъ цифръ очевидно преобладаніе неизлѣчимыхъ формъ помѣшательства и сопряженныхъ съ полной потерей разсудка (demenza) —мегаломанія, параличъ и мономанія.

Сопоставляя свѣдѣнія, такъ любезно доставленныя мнѣ коллегами изъ различныхъ мѣстъ, съ моими собственными наблюденіями, я пришелъ къ заключенію, что провинціи, гдѣ особенно процвѣтаютъ искусства—Парма, Перуджіа—даютъ и наибольшее число помѣшанныхъ съ артистическими наклонностями, тогда какъ ихъ очень мало въ Павіи, Туринѣ и Реджіо.

[1]) Выставка нелѣпыхъ произведеній изъ области искусствъ, живописи, скульптуры и др.

Изъ числа этихъ 107 человѣкъ были: 8 живописцевъ или скульпторовъ, 10 столяровъ, архитекторовъ и рѣзчиковъ на деревѣ, 10 учителей или духовныхъ, 1 телеграфистъ, 3 студента, 6 моряковъ, военныхъ или инженеровъ, откуда ясно, что лишь у немногихъ появленіе артистическихъ наклонностей обусловливалось профессіей и пріобрѣтенными до болѣзни привычками, которыя, безъ сомнѣнія, должны были оказывать вліяніе на творческую дѣятельность ихъ во время психическаго разстройства.

Такъ, инженеръ чертилъ планы машинъ и оконные косяки; двое моряковъ дѣлали маленькія суда, совершенно пропорціональныя во всѣхъ частяхъ, трактирщикъ рисовалъ на полу столы, украшенные пирамидами фруктовъ, и пр. Въ Реджіо одинъ столяръ вырѣзывалъ прелестные орнаменты и арабески; въ Генуѣ капитанъ-морякъ сначала устраивалъ изящныя лодочки, а потомъ принялся за живопись, хотя прежде никогда не занимался ею, и постоянно рисовалъ сцены изъ морской жизни, что̀, по его словамъ, служило ему облегченіемъ въ тоскѣ по любимой стихіи. Нѣкоторые, принявшись за прежнія занятія, выказываютъ, подъ вліяніемъ сумасшествія, странное увлеченіе своей работой и разрисовываютъ столы, стѣны, а при случаѣ даже и полъ. Одинъ изъ подобныхъ живописцевъ обнаружилъ во время болѣзни такія дарованія, что его копія съ Мадонны Рафаэля была удостоена преміи на выставкѣ. Въ больницѣ Адріани столяръ, страдавшій перемежающимся безуміемъ, выполнялъ художественныя работы изъ дерева. Тоже самое наблюдали и другіе врачи. Знаменитый живописецъ Миньони, уроженецъ Реджіо, принадлежавшій къ типу большеголовыхъ (окружность головы 60 сантиметровъ, вмѣстимость черепа—1671, лицевой уголъ—73, вѣсъ мозга—1555), ко-

тораго мать была истеричная, а братъ — эпилептикъ, поступилъ въ больницу Реджіо, вслѣдствіе полнаго умопомѣшательства (demenza) и мегаломаніи, и провелъ тамъ 14 лѣтъ въ полнѣйшей праздности; наконецъ, по совѣту доктора Зани, онъ снова принялся за кисти и росписалъ всѣ стѣны великолѣпными картинами, на которыхъ изобразилъ исторію графа Уголино до того реально, что одна больная, чтобы избавить несчастныхъ отца и сына отъ голодной смерти, бросала куски мяса въ стѣны, вслѣдствіе чего на нихъ и до сихъ поръ еще сохранились жирныя пятна.

Уважаемый докторъ Фунойоли писалъ мнѣ, что въ Сіенскомъ домѣ умалишенныхъ впродолженіе 10 лѣтъ находился одинъ живописецъ, страдавшій маніей преслѣдованія, который превосходно разрисовалъ больничныя палаты. Но это все исключительные случаи; вообще-же, подъ вліяніемъ потери разсудка, люди, никогда не бравшіе въ руки кисти, чаще дѣлаются живописцами, нежели настоящіе живописцы снова берутся за кисти. Напр. Делапьеръ сообщаетъ, что извѣстный живописецъ Макъ-Кленель, сойдя съума, сдѣлался поэтомъ, а физикъ Мельмуръ, потерявшій разсудокъ отъ горя вслѣдствіе смерти его жены въ день свадьбы, превратился въ словесника (letterato) и перестал ъ заниматься своей спеціальностю. Въ Сіенѣ живетъ знаменитый скульпторъ Л..., у котораго послѣ легкаго паралича статуи начали выходить непропорціональными. Умственное разстройство, если и заглушаетъ нѣкоторыя артистическія дарованія, за то вызываетъ другія, не существовавшія прежде и сообщаетъ творчеству отпечатокъ оригинальности.

Изъ восьми находившихся въ Перуджіи живописцевъ, характеристики которыхъ прислалъ мнѣ Адріани, четверо сохранили вполнѣ свой талантъ подъ вліяніемъ остраго или перемежающагося сумасшествія; у двоихъ дарованіе значительно ослабѣло, такъ что они, по выздоровленіи, уничтожали написанныя во время болѣзни картины; у одного оно совсѣмъ исчезло и, наконецъ, послѣдній — липеманіакъ — утратилъ правильность рисунка и колорита. Одинъ живописецъ, пишетъ мнѣ Верга, въ такомъ излишествѣ употреблялъ красную краску, что всѣ написанныя имъ фигуры, казалось, изображали пьяныхъ. Алкоголики, напротивъ, всегда злоупотребляютъ желтой краской, что Фрижеріо замѣтилъ и у одного больного, страдавшаго нравственнымъ помѣшательствомъ. Извѣстенъ также случай, когда живописецъ-алкоголикъ потерялъ всякую способность различать цвѣта и до того усовершенствовался въ употребленіи одной только бѣлой краски для своихъ картинъ, которыя писалъ въ промежуткахъ между періодами запоя, что сдѣлался первымъ во всей Франціи художникомъ по части зимнихъ, сѣверныхъ пейзажей. — Кретины, идіоты, слабоумные или чертятъ фигурки дѣтей, или постоянно воспроизводятъ одинъ и и тотъ-же рисунокъ, какъ напр. Гранди, хотя и они обнаруживаютъ иногда замѣчательныя способности въ раскрашиваніи и составленіи арабесокъ: мнѣ самому случалось два раза видѣть кретиновъ, прекрасно рисовавшихъ шифры. Часто даже люди въ нормальномъ состояніи, не чувствовавшіе никакой склонности къ искуству, послѣ болѣзни вдругъ начинаютъ заниматься рисованіемъ и всего усерднѣе именно въ моментъ ея наибольшаго развитія.

Одинъ каменьщикъ, находившійся въ Пезарской больницѣ для умалишенныхъ, обнаружилъ большой талантъ къ рисованію и во время маніакальныхъ припадковъ всегда принимался чертить карандашемъ каррикатуры на служителей и завѣдующихъ больницей, причемъ изображалъ ихъ въ нелѣпомъ видѣ, испытывающими различныя мученія. Такъ напр.

когда поваръ не далъ ему какого-то рагу, онъ нарисовалъ его въ позѣ и съ лицомъ Ecce Homo (хотя тотъ былъ круглолицый толстякъ) передъ желѣзной рѣшеткой, которая не позволяла ему воспользоваться помѣщенными за нею лакомыми кушаньями.

Нѣкто П. дѣлался страстнымъ рисовальщикомъ при наступленіи каждаго припадка возбужденія, что̀ случалось съ нимъ разъ въ полгода или въ годъ,—тогда рука его быстро скользила по стѣнамъ, выводя на нихъ изящные завитки и арабески (Фрижеріо).—По свидѣтельству Адріани, одинъ каноникъ, не имѣвшій прежде никакого понятія объ архитектурѣ, сдѣлавшись липеманіакомъ, началъ устраивать изъ картона и папье-маше грандіозныя удивительно изящныя модели храмовъ, амфитеатровъ и пр. Въ Перуджіо было двое больныхъ, одинъ, занимавшійся прежде кузнечнымъ ремесломъ (алкоголикъ), другой—скорняжнымъ (мегаломаніакъ), которые лѣпили изъ глины головы людей, листья, цвѣты и какія то сложныя, необыкновенныя фигуры. Въ этихъ послѣднихъ только и проявлялась болѣзненная, безумная фантазія художниковъ, все же остальное было сдѣлано артистически и въ высшей степени оригинально. Разсмотримъ теперь болѣе подробно самые рисунки.

1) Выборъ сюжета обусловливается у многихъ характеромъ умственнаго разстройства: липеманіакъ рисовалъ постоянно человѣка съ черепомъ въ рукѣ; женщина, страдавшая мегаломаніей, непремѣнно помѣщала изображеніе божества на своихъ вышивкахъ; мономаніаки по большей части пользуются какими-нибудь эмблемами для обозначенія мучащихъ ихъ воображаемыхъ бѣдствій. У меня есть пасквиль, составленный однимъ чиновникомъ изъ Вогера, воображавшимъ, что его преслѣдуетъ префектъ посредствомъ вѣтровъ; поэтому онъ изобразилъ на рисункѣ съ одной стороны толпу гонящихся за нимъ враговъ, а

съ другой—защищающихъ его судей. Одна женщина, страдавшая маніей преслѣдованія и отчасти эротическимъ помѣшательствомъ, нарисовала образъ Богородицы, а въ подписи подъ нимъ сдѣлала намекъ, что это — ея собственное изображеніе.

2) Психическое разстройство часто вызываетъ у больныхъ, какъ мы уже убѣдились въ этомъ относительно геніевъ и даже относительно геніальныхъ сумасшедшихъ, необыкновенную оригинальность въ изобрѣтеніи, что̀ рѣзко выражается даже въ произведеніяхъ полу-помѣшанныхъ людей. Причина этого ясна: ничѣмъ не сдерживаемое воображеніе ихъ создаетъ такіе причудливые образы, отъ которыхъ отшатнулся-бы здоровый умъ, признавъ ихъ нелогичными, нелѣпыми.—Такъ напр. въ Пезаро была одна дама, придумавшая особый способъ вышиванія или, скорѣе, выкладыванія: она выдергивала нитки изъ матеріи и потомъ наклеивала ихъ слюной на бумагу.

Другая вышивальница, страдавшая запоемъ, такъ живо воспроизводила бабочекъ, что онѣ казались трепещущими, и придумала такой способъ вышиванія бѣлыми нитками что шитье выходило съ полутѣнями, какъ будто не одноцвѣтное.—Въ Мачерато одинъ сумасшедшій воспроизвелъ посредствомъ палочекъ фасадъ больницы, а другой изобразилъ въ скульптурѣ цѣлую пѣсенку, хотя и не особенно отчетливо; точно также въ Генуѣ одинъ помѣшанный вырѣзывалъ трубки изъ каменнаго угля.

Въ Реджіо нѣкто Занини сшилъ себѣ одинъ только сапогъ для того, чтобы никто не могъ воспользоваться имъ; съ одной стороны этого сапога былъ сдѣланъ разрѣзъ, который связывался веревочкой, а сверху — отвороты, разрисованные іероглифами.

Въ Пезаро былъ одинъ больной, которому очень хотѣлось вернуться домой, но его не отпускали подъ тѣмъ предлогомъ, что переѣздъ стоитъ слишкомъ дорого. Тогда онъ соорудилъ себѣ чрезвычайно оригинальный экипажъ — нѣчто въ родѣ четырехколесного велосипеда.

Одинъ больной, страдавшій горделивымъ помѣшательствомъ, рисовалъ арабески по большей части такимъ образомъ, что изъ различныхъ завитковъ выходили то коробка, то животное, то человѣческая голова, то желѣзная дорога (см. таблицу I) то пейзажи, виды городовъ и пр.

Наконецъ, оригинальность проявляется уже и въ томъ, что сумасшедшіе обнаруживаютъ дарованіе въ такихъ искуствахъ, которыми они прежде никогда не занимались.

3) Но въ концѣ концовъ и самая оригинальность превращается у всѣхъ или почти у всѣхъ помѣшанныхъ въ нѣчто странное, причудливое и кажущееся логическимъ лишь въ томъ случаѣ, когда намъ извѣстенъ пунктъ ихъ помѣшательства и когда мы представимъ себѣ, до какой степени разнузданно у нихъ воображеніе. Симонъ замѣтилъ, что въ маніи преслѣдованія, а также въ паралитической мегаломаніи, воображеніе бываетъ тѣмъ живѣе и сила творческой, эксцентрической фантазіи тѣмъ дѣятельнѣе, чѣмъ менѣе нормально состояніе умственныхъ способностей. Одинъ психически больной живописецъ напр. увѣрялъ, что онъ видитъ нѣдра земли, а въ нихъ—множество хрустальныхъ домовъ, освѣщенныхъ электричествомъ, и наполненныхъ чуднымъ ароматомъ и прелестными образами. Далѣе онъ описывалъ представляющійся ему городъ Эммы, у жителей котораго по два рта и по два носа,— одинъ для обыкновеннаго употребленія, другой — для болѣе эстетическаго; мозгъ у нихъ—серебряный, волосы—золотые, рукъ—три или четыре, а нога только одна и подъ нею придѣлано маленькое колесо.

Фантастичность представленій въ значительной степени обусловливается и нелѣпыми галлюцинаціями: такъ, Лазаретти изображалъ на своемъ знамени четвероногое животное о 7 головахъ; одинъ больной сдѣлалъ себѣ кирасу изъ камешковъ, чтобы защититься отъ своихъ враговъ, другой по цѣлымъ днямъ чертилъ топографическія карты пятенъ, образовавшихся отъ сырости на стѣнахъ его камеры. Впослѣдствіи оказалось, что онъ считалъ эти карты планами областей, дарованныхъ ему Богомъ на землѣ. Въ этомъ-же богатствѣ фантазіи заключается одна изъ причинъ того, что артистическія способности бываютъ иногда гораздо сильнѣе развиты у безумныхъ (dementi), нежели у маніаковъ и меланхоликовъ.

4) Одну изъ характерныхъ особенностей художественнаго творчества сумасшедшихъ составляетъ почти постоянное употребленіе письменныхъ знаковъ вмѣстѣ съ рисунками, а въ этихъ послѣднихъ — изобиліе символовъ, іероглифовъ. Такія смѣшанныя произведенія чрезвычайно походятъ на живопись японцевъ, индійцевъ, на старинныя стѣнныя картины египтянъ и обусловливаются у сумасшедшихъ тѣми-же причинами, какъ у древнихъ народовъ, т. е. потребностью дополнить значеніе слова или рисунка, въ отдѣльности недостаточно сильныхъ для выраженія данной идеи съ желательной ясностью и полнотой. — Это объясненіе вполнѣ примѣнимо и къ факту, сообщенному мнѣ Монти, когда одинъ *нѣмой*, страдавшій умопомѣшательствомъ впродолженіи 15 лѣтъ, къ нарисованному имъ совершенно правильно плану какого-то строенія прибавилъ множество непонятныхъ риѳмованныхъ надписей, эпиграфовъ, вписанныхъ внутри плана и кругомъ его, очевидно, съ тою цѣлью, чтобы служить коментаріями, которыхъ бѣднякъ не могъ дать устно.

У нѣкоторыхъ мегаломаніаковъ это зависитъ также отъ

стремленія выражать свои идеи на языкѣ, непохожемъ на общечеловѣческій, — явленіе въ сущности вдвойнѣ атавистическое, т. е. выражающее наклонность къ тому способу выраженія мыслей, которымъ пользовались наши отдаленные предки, придумывавшіе новыя слова, а за неимѣніемъ ихъ, прибѣгавшіе къ рисункамъ. Такой случай я наблюдалъ въ одномъ сумасшедшемъ, называвшимъ себя Владыкой Міра, и описалъ его вмѣстѣ съ Тозелли въ „*Archivio di psichiatria e scienze penali*“ за 1880 годъ. Это былъ крестьянинъ 63 лѣтъ, крѣпкаго тѣлосложенія, съ большимъ лбомъ, выдающимися скулами и выразительными проницательными глазами. Вмѣстимость его черепа равняется 1544, лицевой уголъ 82, температура 37°,6.

Осенью 1871 года на него вдругъ напала страсть къ бродяжничеству, къ болтовнѣ; онъ началъ останавливать самыхъ высокопоставленныхъ лицъ на площадяхъ или въ присутственныхъ мѣстахъ, жалуясь имъ на оказанную ему несправедливость, уничтожалъ съѣстные припасы, опустошалъ поля и бѣгалъ по дорогамъ, грозя кому-то жестокой местью. Мало по малу несчастный вообразилъ себя богомъ, царемъ вселенной и даже говорилъ проповѣди въ соборѣ Альба о своемъ высокомъ назначеніи. Когда его помѣстили въ домѣ умалишенныхъ въ Раконидджи, онъ вначалѣ держалъ себя тихо, пока былъ твердо убѣжденъ, что здѣсь никто не сомнѣвается въ его могуществѣ; но при первомъ-же противорѣчіи, сталъ грозить, что опрокинетъ земной шаръ, разрушитъ всѣ государства и сдѣлаетъ себѣ пьедесталъ изъ развалинъ цѣлаго міра. При этомъ несчастный называлъ себя владыкой вселенной, олицетвореніемъ стихій и — то братомъ, то сыномъ, то отцомъ солнца.

„Мнѣ уже надоѣло — кричалъ онъ — содержать на свой счетъ такую массу солдатъ и праздношатающихся! Справедливость

требуетъ, чтобы, по крайней мѣрѣ, правительство и богатые люди прислали мнѣ значительную сумму денегъ для уплаты *долговъ смерти*!“ Такъ называлъ онъ требуемый имъ налогъ и обѣщалъ навсегда сохранить жизнь уплатившимъ его, бѣдняки-же всѣ должны были умереть какъ совершенно безполезныя существа. Затѣмъ его крайне возмущала необходимость содержать въ своемъ дворцѣ столько помѣшанныхъ, и онъ не разъ просилъ доктора отрубить имъ всѣмъ головы, что не мѣшало ему однако заботливо ухаживать за ними въ случаѣ ихъ болѣзни. Вообще, непослѣдовательность у него была полная. Небольшія деньги, получаемыя имъ за поденную работу, онъ употреблялъ для уплаты какому-нибудь мошеннику, котораго посылалъ съ письмами и порученіями то къ солнцу, то къ звѣздамъ, то къ смерти, къ грому и вообще къ силамъ природы, прося у нихъ помощи, а по ночамъ вступалъ съ ними въ дружескія интимныя бѣседы. Когда въ окрестныхъ деревняхъ случалось какое-нибудь бѣдствіе, онъ былъ чрезвычайно доволенъ, считая его однимъ изъ обѣщанныхъ имъ наказаній и видя въ этомъ доказательство, что погода, солнце или громъ повинуются ему.

Въ чемоданѣ у него хранились какія-то жалкія подобія коронъ, но онъ увѣрялъ „что это настоящіе императорскіе и королевскіе вѣнцы Италіи, Франціи и другихъ государствъ, а короны, которыя носятъ теперь государи этихъ странъ, признавалъ не имѣющими никакой цѣны, какъ неправильно захваченныя узурпаторами, обреченными на гибель въ ближайшемъ будущемъ, если только они не заплатятъ ему *деньги смерти* (i debiti della morte) векселями на множество милліардовъ“.

Но всего типичнѣе проявлялся безумный бредъ этого больнаго въ его письменныхъ произведеніяхъ. Въ молодости онъ выучился читать и писать; однако теперь считалъ недостойнымъ себя обычный способъ письма, и потому изобрѣлъ свой

собственный для своихъ записокъ, векселей, указовъ, адресованныхъ или къ солнцу, или къ смерти, или къ военнымъ и гражданскимъ властямъ. Карманы его были всегда наполнены подобными документами. Писалъ онъ, употребляя преимущественно однѣ только заглавныя буквы, къ которымъ иногда присоединялъ извѣстные знаки и фигуры для обозначенія предметовъ и лицъ. Слова, по большей части, отдѣлялись другъ отъ друга одной или двумя точками и состояли лишь изъ нѣсколькихъ буквъ, почти всегда исключительно согласныхъ, безъ всякаго отношенія къ числу слоговъ.

Напримѣръ, чтобы написать двѣ фразы. „Domine Dio Sol é ricoverato all'ospedale di Racconigi fa sentire al prefetto del tribunale di Torino se vuol pagare i debiti della morte. Prima di morire venga di presto all'ospedale di Racconigi *)“, онъ на большомъ листѣ изобразилъ слѣдующее:

OM : DOS : LReOVA :
ALO : PDLA : DRVNS :
AEST : AS : PeET : DeTBNAL :
DeTOIO : SVPA·DBI De LA
PA : DI : VeN : DIB9VO :
AL OPDLA : DRVNS.
M

Вмѣсто подписи нарисованъ былъ двуглавый орелъ съ лицомъ на груди--любимая эмблема больного, который носилъ ее даже на шляпѣ и на платьѣ.

*) Владыка Богъ Солнце, находящійся въ больницѣ Раконидижи, спрашиваетъ предсѣдателя суда въ Туринѣ, желаетъ-ли онъ заплатить долги смерти. Прежде чѣмъ умереть, пусть явится скорѣе въ госпиталь Раконидижи.

Здѣсь, кромѣ пропуска нѣкоторыхъ буквъ, преимущественно гласныхъ, какъ это принято у семитовъ, мы встрѣчаемся еще и съ употребленіемъ тѣхъ символовъ, которые въ египетскихъ іероглифахъ называются *опредѣлительными* (*determinativi*). Такъ напр., смерть изображена посредствомъ черепа и костей, а предсѣдатель туринскаго суда посредствомъ грубо нарисованнаго въ полумѣсяцѣ, и притомъ вверхъ ногами, профиля.

Въ другихъ произведеніяхъ того-же больнаго возвратъ къ древнимъ письменамъ (атавизмъ) еще замѣтнѣе, такъ что буквы почти совершенно замѣнены рисунками.

Напримѣръ, чтобы сильнѣе выразить все величіе своей власти, больной нарисовалъ, какъ это изображено на таблицѣ II [1]), цѣлый рядъ рожицъ, служащихъ эмблемами стихій и близкихъ ему высшихъ существъ, составляющихъ армію, готовую по первому знаку его ринуться на борьбу съ земными владыками, оспаривающими у него господство надъ міромъ. Тутъ изображены по порядку: 1) Вѣчный Отецъ, 2) Святой Духъ, 3) Св. Мартинъ, 4) Смерть, 5) Время, 6) Громъ, 7) Молнія, 8) Землетрясеніе, 9) Солнце, 10) Луна, 11) Огонь (военный министръ), 12) Могущественный человѣкъ, живущій отъ начала міра и братъ автора письма, 13) Левъ ада, 14) Хлѣбъ, 15) Вино. Затѣмъ слѣдуетъ двуглавый орелъ, который замѣняетъ на рескриптахъ печать или подпись. Подъ каждымъ изображеніемъ находятся кромѣ того буквы, напр. подъ первымъ—P. D. E. Г. (Padre Eterno), подъ вторымъ—L. S. P. S. (lo Spirito Santo) и т. д.

Это одновременное употребленіе буквъ, рисунковъ и эмблемъ представляетъ интересный фактъ въ томъ отношеніи, что

*) Для сбереженія мѣста всѣ рисунки сильно уменьшены и не помѣщена печать съ изображеніемъ орла, занимающая цѣлую страницу.

напоминаетъ фоно-идеографическій періодъ, навѣрное пережитый всѣми народами (безъ всякаго сомнѣнія мексиканцами и китайцами) до изобрѣтенія ими буквеннаго письма, что доказывается не только греческимъ словомъ *grafo* для выраженія глаголовъ *рисовать* или *писать*, но и самой формой теперешнихъ письменныхъ знаковъ, напоминающихъ звѣзды и планеты.

У дикарей Америки и Австраліи письменныя буквы и до сихъ поръ замѣняются грубо сдѣланными рисунками. Такъ, чтобы выразить письменно, что кто-нибудь обладаетъ быстротою птицы, они изображаютъ человѣка съ крыльями вмѣсто рукъ. Два челнока съ фигуркой внутри (медвѣдь и семь рыбъ) служатъ выраженіемъ того, что рыбаки поймали въ рѣкѣ медвѣдя и нѣсколько рыбъ. Это даже и не письмена, а скорѣе связанные одной общей идеей знаки, служащіе для напоминанія событій, сохраняющихся въ пѣсняхъ или преданіяхъ.

У нѣкоторыхъ племенъ существуютъ еще менѣе совершенные письменные знаки, напоминающіе наши *ребусы*; такъ, американцы племени Майо, для обозначенія слова *врачъ* рисуютъ человѣка съ пучкомъ травы въ рукѣ и крыльями на ногахъ, очевидно, намекая этимъ на обязанность его поспѣвать всюду, гдѣ нуждаются въ его помощи; эмблемой дождя служитъ ведро и пр.

Точно также древніе китайцы, чтобы выразить понятіе о *злости*, рисовали трехъ женщинъ, вмѣсто слова *свѣтъ* изображали солнце и луну, а вмѣсто глагола *слушать*—ухо, нарисованное между двухъ дверей.

Эти грубыя эмблематическія письмена приводятъ насъ къ тому заключенію, что реторическія фигуры, составляющія гордость педантовъ-филологовъ, доказываютъ скорѣе ограниченность ума, чѣмъ его высокое развитіе; въ самомъ дѣлѣ, цвѣти-

стостью часто отличаются разговоры идіотовъ и глухо-нѣмыхъ, получившихъ образованіе.

Послѣ того, какъ эта система письменнаго выраженія идей практиковалась долгое время, нѣкоторыя наиболѣе цивилизовавшіяся расы, какъ напр мексиканцы и китайцы сдѣлали шагъ впередъ: они сгруппировали фигуры, служившія вмѣсто письменныхъ знаковъ и составили изъ нихъ остроумныя комбинаціи, которыя, хотя прямо и не выражали собою данной идеи, но косвенно напоминали ее, подобно тому, какъ это мы видимъ въ шарадахъ. Кромѣ того, чтобы читающій не затруднялся въ пониманіи тѣхъ или другихъ знаковъ, впереди или позади ихъ воспроизводился абрисъ предмета, о которомъ шла рѣчь, въ чемъ видѣнъ уже нѣкоторый прогрессъ сравнительно съ древнимъ способомъ письма, состоявшимъ исключительно изъ однихъ только рисунковъ. Это произошло, вѣроятно, послѣ того, какъ установилась устная рѣчь и люди замѣтили, что многія слова, произносимыя съ помощью однихъ и тѣхъ-же звуковъ, могутъ служить для выраженія различныхъ понятій. Такъ, чтобы письменно выразить *Itzlicoatl*, имя мексиканскаго короля, рисовали змѣю, называвшуюся на мексиканскомъ языкѣ *Coatl* и копье—*Istzli*.

Прибѣгнувъ къ такому способу письма, нашъ мегаломаніакъ (страдающій маніей величія) еще разъ доказалъ, что сумасшедшіе, точно также какъ и преступники, при выраженіи своихъ мыслей, часто обнаруживаютъ признаки атавизма, возвращаясь къ доисторической эпохѣ первобытнаго человѣка.— Въ данномъ случаѣ мы легко можемъ прослѣдить, вслѣдствіе какихъ причинъ и посредствомъ какого процесса мышленія больной пришелъ къ заключенію о необходимости употребить особые письменные знаки. Находясь подъ вліяніемъ маніи величія, считая себя неизмѣримо выше всякой власти, какую

только можно вообразить себѣ, и располагая по своему произволу даже стихіями, онъ, понятно, находилъ простую рѣчь не достаточно ясной, чтобы ее вполнѣ уразумѣли невѣжественные и невѣрующіе люди. Точно также и обычный способъ письма могъ показаться ему неудовлетворительнымъ для выраженія его идей, совершенно новыхъ и необычайныхъ. Изображеніе львиныхъ когтей, орлинаго клюва, змѣинаго жала, громоносной стрѣлы, солнечнаго луча или оружія дикарей—вотъ письмена, достойныя повелителя міра и способныя внушить людямъ страхъ и уваженіе къ его особѣ.

Этотъ примѣръ—далеко не единичный; подобный-же случай описанъ у Раджи въ его прекрасномъ трактатѣ о *„письменныхъ произведеніяхъ сумасшедшихъ* (Scritti dei pazzi). Я самъ лечилъ въ Павіи одного сумасшедшаго башмачника, который воображалъ, что въ его власти находятся солнце и луна, и каждое утро рисовалъ образцы мундировъ, въ какіе онъ одѣнетъ современемъ обоихъ своихъ подчиненныхъ.

Можетъ быть, здѣсь играетъ также большую роль и напряженность извѣстныхъ галлюцинацій, которыхъ больные не могутъ выразить съ достаточной ясностью ни на словахъ, ни письменно, и потому прибѣгаютъ къ рисованію. Въ самомъ дѣлѣ, намъ случалось видѣть мономаніаковъ, почти всегда впрочемъ, уже въ періодѣ перехода къ полному безумію, которые постоянно чертили, какъ умѣли, предметы своихъ галлюцинацій и покрывали такими изображеніями цѣлые листы бумаги.

Такъ, германскій професоръ Гунц..., лечившійся у насъ отъ мономаніи преслѣдованія, нѣсколько разъ въ рѣзкихъ выраженіяхъ описывалъ магнетическіе приборы, которыми ухитряются не давать ему покоя коллеги и, наконецъ, составилъ чрезвычайно странный чертежъ, съ цѣлью показать намъ, какимъ образомъ, при помощи извѣстныхъ проводниковъ и батарей, враги могутъ преслѣдовать его изъ Милана и Турина въ Павіанской больницѣ. Другой мономаніакъ, алкоголикъ, жаловался не только на магнетическія, но и на спиритическія преслѣдованія нѣкоего Бель... и въ припадкѣ бреда нарисовалъ своего недруга (табл. I, ф. 3), вооруженнаго кинжаломъ въ сопровожденіи его жены, въ видѣ сфинкса или сирены въ очкахъ и съ торчащимъ изо рта таинственнымъ свисткомъ, заключавшимъ въ себѣ губительныя для бѣднаго маньяка чары. Чтобъ пояснить рисунокъ, къ нему были приложены стихи, но они только затемняли его.

Самъ Лазаретти, хотя и лучше владѣвшій перомъ, прибѣгалъ ко множеству нелѣпыхъ символовъ и украшалъ ими свои знамена, которыми у него былъ наполненъ цѣлый чемоданъ. Когда его вскрыли на судѣ во время процесса, то королевскій прокуроръ былъ очень изумленъ при видѣ такихъ невинныхъ трофеевъ, тогда какъ онъ, должно быть, думалъ найти въ чемоданѣ разрывные снаряды. На печати и посохѣ Лазаретти тоже были вырѣзаны извѣстныя эмблемы (табл. I, фиг. 2), которымъ, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, онъ придавалъ большое значеніе.

Еще болѣе интересный фактъ въ томъ-же родѣ сообщилъ мнѣ почтенный профессоръ Морселли изъ своей практики:

„Больной—пишетъ онъ—занимался прежде столярнымъ ремесломъ, былъ искусный рѣзчикъ по дереву и дѣлалъ прекрасную мебель. Семь лѣтъ тому назадъ у него началась психическая болѣзнь — нѣчто вродѣ *липемании*; онъ пытался лишить себя жизни, бросившись съ балкона муниципальнаго дворца, но остался живъ, хотя сломалъ себѣ ногу и разбилъ носъ. Въ настоящее время съ нимъ бываютъ припадки волненія (ажитаціи), сопровождающіеся систематизированнымъ бредомъ, въ

которомъ преобладаютъ политическія, республиканскія, даже анархистскія идеи съ примѣсью немалой доли тщеславія. Онъ воображаетъ себя однимъ изъ важныхъ государственныхъ преступниковъ, — то Гаспароне, то Пассаторе, то Пассананте. Рисуетъ и вырѣзываетъ постоянно, но почти всегда одно и то-же — какіе-то рисунки, служащіе олицетвореніемъ его бреда. По большей части, это — родъ трофеевъ съ гербами, эмблематическими и аллегорическими фигурами и со множествомъ нелѣпыхъ надписей, — отрывковъ изъ теперешнихъ политическихъ газетъ или изрѣченій, сохранившихся у него въ памяти еще со времени дѣтства".

„Въ числѣ рѣзныхъ работъ особенно любопытна одна, изображающая человѣческую фигуру въ солдатской формѣ съ крыльями на плечахъ, стоящую на пьедесталѣ, испещренномъ надписями и аллегорическими девизами. На головѣ у этой статуэтки помѣщается какой-то трофей, а кругомъ нея вырѣзаны различныя вещи, служащія символами болѣзненнаго бреда художника. Такъ, напримѣръ, тутъ изображена *чернильница*, — это орудіе, посредствомъ котораго онъ когда нибудь одолѣетъ тирановъ; *мундиръ* — его обычная одежда во время войнъ за независимость; *крылья* служатъ выраженіемъ той идеи, что, уже будучи сумасшедшимъ, онъ продавалъ на площади Порто Реканати свои рѣзныя работы и въ томъ числѣ изображенія *ангеловъ* по одному сольдо за штуку; *медаль ордена свиньи* — это знакъ отличія, который ему хотѣлось-бы повѣсить на груди всѣмъ богачамъ и владыкамъ земного шара, въ насмѣшку надъ ними; *шлемъ съ фонаремъ, прикрѣпленнымъ къ забралу* (что напоминаетъ *шайку мошенниковъ* въ опереткѣ Оффенбаха) служитъ эмблемой карабинеровъ, доставившихъ его въ больницу; *положенная наискось сигара* (обратите вниманіе на эту подробность) означаетъ презрѣніе къ королю и тиранамъ; а *искривленное положеніе ноги* напоминаетъ о переломѣ, бывшемъ слѣдствіемъ прыжка съ балкона".

„Надписи на пьедесталѣ составлены изъ отрывковъ стихотвореній и газетныхъ статей политическаго содержанія, которыя всегда на устахъ у нашего больнаго, придающаго имъ таинственное значеніе въ смыслѣ намека на рабство, въ какомъ его держатъ теперь, въ больницѣ, и на возмездіе, какое онъ готовитъ за это".

„Но самое замѣчательное изъ произведеній бѣднаго столяра, это — *трофей* на головѣ статуэтки, служащій, такъ сказать, графическимъ изображеніемъ пѣсенки [1]), не знаю, имъ-ли самимъ сочиненной или только заимствованной изъ какого-нибудь сборника народныхъ пѣсенъ. Каждому куплету пѣсенки соотвѣтствуетъ особое символическое изображеніе. Для первой строфы напр. *ядъ* представленъ въ видѣ чаши, тутъ-же нарисована и *пара кинжаловъ*; саркофагъ или ящикъ съ крышкой служитъ эмблемой словъ *окончить жизнь* и *гроба*; *любовь* олицетворяется двумя букетиками цвѣтовъ.

---

[1]) Вотъ переводъ этой пѣсенки, воспроизведенной проф. Ломброзо по рукописи автора:

Буду любить тебя.

Пѣсенка.

Ядъ я теперь для себя приготовилъ,
Пару кинжаловъ держу у груди,
Съ жизнью разстаться я сильно желаю,
Съ жизнью печали и мрачной тоски.
    Буду любить тебя даже за гробомъ,
    Даже и мертвый все буду любить.
Колоколъ мѣрно тогда зазвучитъ,
Смерть всѣмъ мою возвѣщая;

*

Для второй строфы подъ изображеніемъ *колокола* помѣщены двѣ скрещенныя трубы, какъ олицетвореніе *похороннаго звона*; *пестрая толпа* третьей строфы и священникъ или скорѣе шляпа священника, тоже не забыты, такъ что для полноты картины не достаетъ только *вилъ*. Нужно замѣтить, что *ножъ* и *вилка* — любимыя оружія больного: изображеніе ихъ служитъ эмблемой того, что онъ ѣстъ и пьетъ, находясь въ неволѣ, „на галерахъ", по его выраженію, и потому онъ всегда носитъ эти орудія, сдѣланныя имъ самимъ изъ дерева, въ петлицѣ своего платья или на шапкѣ." (См. таблицу II).

Здѣсь кстати будетъ снова припомнить, что у дикарей легенды ихъ пишутся именно такимъ способомъ, т. е. рисунки перемежаются со стихами.

Подобное изобиліе эмблемъ затемняетъ иногда смыслъ картинъ даровитѣйшихъ художниковъ, страдающихъ галлюцинаціями.

5) У нѣкоторыхъ хотя и немногихъ душевно-больныхъ является, по замѣчанію Тозелли, странная склонность къ рисованію арабесокъ и орнаментовъ почти геометрически правильной формы, но въ то же время чрезвычайно изящныхъ; впрочемъ, особенность такого рода обнаруживаютъ только мономаньяки, у безумныхъ-же и маньяковъ преобладаетъ хаотическій безпорядокъ, правда, иногда тоже не лишенный изящества, какъ это доказываетъ сообщенная мнѣ Монти и нарисованная сумасшедшимъ картинка, съ изображеніемъ какого-то зданія, составленнымъ изъ тысячи мельчайшихъ завитковъ, красиво перепутанныхъ между собою на всевозможные лады.

Звонъ погребальный къ тебѣ долетитъ,
Станешь внимать ему ты, дорогая.
Буду любить тебя даже за гробомъ,
Даже и мертвый все буду любить.

Мимо тебя пронесутъ до могилы
Прахъ мой въ сопутствіи пестрой толпы;
Дряхлый священникъ, взобравшись на *вилы*,
Вѣчную память тогда пропоетъ.
Буду любить тебя даже за гробомъ,
Даже и мертвый все буду любить.

6) Далѣе, у многихъ, въ особенности у эротоманьяковъ, паралитиковъ и безумныхъ, рисунки и поэтическія произведенія отличаются полнѣйшей непристойностью; такъ, одинъ душевно-больной столяръ вырѣзывалъ на углахъ своей мебели и на верхушкахъ деревьевъ мужскіе половые органы, что, впрочемъ, опять таки напоминаетъ скульптуру дикарей и древнихъ народовъ, въ которой половые органы встрѣчаются повсюду. Другой, капитанъ изъ Генуи, постоянно рисовалъ неприличныя сцены. Иногда такіе художники стараются замаскировать циничность своихъ рисунковъ и объяснить ее мнимыми требованіями самого искусства, какъ напр. больной, воображавшій, что изображаетъ картину страшнаго суда (См. табл. 1), или патеръ, который рисовалъ обнаженныя фигуры и потомъ затушевывалъ ихъ такъ артистически, что дѣтородные органы, груди и пр. выдѣлялись совершенно ясно, и на упреки въ непристойности возражалъ, что ее находятъ лишь люди, враждебно относящіеся къ его рисункамъ. Этотъ-же самый субъектъ часто изображалъ группу изъ трехъ лицъ—женщину въ объятіяхъ двоихъ мужчинъ, изъ которыхъ одинъ былъ въ шляпѣ патера (Раджи).

Маньякъ М., писавшій иногда, какъ мы уже видѣли, такія прелестныя стихотворенія, иллюстрировалъ ихъ множествомъ рисунковъ съ изображеніями какихъ-то невозможныхъ животныхъ, монаховъ или женщинъ и придавалъ имъ всѣмъ самыя неприличныя позы.

У нѣкоторыхъ, именно у паралитиковъ, цинизмъ проявлялся еще съ меньшей сдержанностью. Такъ, я помню одного старика, который рисовалъ женскіе половые органы и писалъ самыя не-

пристойныя двустишія въ заголовкахъ писемъ къ своей женѣ.— Любопытное явленіе представляли также два живописца, одинъ изъ Турина, другой изъ Реджіо, страдавшіе маніей величія: у обоихъ было стремленіе къ *содомскому грѣху*, основанное на той безумной идеѣ, что они—боги, властители міра, создаваемаго ими тѣмъ-же способомъ, какъ птицы несутъ яйца. Одинъ изъ нихъ, обладавшій замѣчательнымъ талантомъ, даже изобразилъ себя на картинѣ, писанной красками, въ моментъ подобнаго созданія міра, совершенно голымъ, посреди женщинъ и различныхъ символовъ своего могущества. — Эта чудовищная картина воспроизводитъ передъ нами древнее изображеніе божества египтянъ, Итифалло, и отчасти служитъ объясненіемъ происхожденія этого миѳа.

7) Общую черту большей части произведеній сумасшедшихъ составляетъ ихъ безполезность, ненужность для самихъ работающихъ, что вполнѣ подтверждается изреченіемъ Гекарта: „трудиться надъ созданіемъ ни къ чему непригодныхъ вещей—занятіе, свойственное только сумасшедшимъ“. Такъ, одна женщина, страдавшая маніей преслѣдованія, работала по цѣлымъ годамъ, прелестно разрисовывая хрупкія яйца и лимоны, но, повидимому, безъ всякой цѣли, потому что всегда тщательно прятала свои произведенія, такъ что даже мнѣ, котораго она считала своимъ лучшимъ другомъ, удалось увидѣть ихъ только послѣ ея смерти. Въ томъ-же родѣ былъ и трудъ того больного, который сшилъ себѣ только одинъ сапогъ, о чемъ мы говорили раньше.—Можно подумать, что сумасшедшіе, подобно геніальнымъ артистамъ, тоже придерживаются теоріи *искуства для искуства*, только въ извращенномъ смыслѣ.

8) Иногда сумасшедшіе создаютъ и чрезвычайно полезныя вещи, но совершенно непригодныя для нихъ лично, и притомъ не по той спеціальности, какой они прежде занимались.

Напр. одинъ помѣшавшійся интендантскій чиновникъ придумалъ и сдѣлалъ модель кровати для бѣснующихся больныхъ, до того практичной, что, по моему, кровать эту слѣдовало-бы ввести въ употребленіе; двое другихъ чиновниковъ сообща дѣлали прехорошенькія, покрытыя рѣзьбой спичечницы изъ бычачьихъ костей, хотя пользы не могли извлечь никакой изъ этой работы, потому что отказывались продавать свои произведенія. Впрочемъ, мнѣ случалось видѣть и много исключеній изъ этого правила: такъ, меланхоликъ, страдавшій маніей убійства и самоубійства, устроилъ себѣ изъ костей, остававшихся отъ обѣда, ножъ и вилку, что было для него очень полезно, такъ какъ, по приказанію директора, ему не давали металлическихъ ножей ив илокъ.—Мегаломаньякъ, служитель кафе, лечившійся въ больницѣ Колленьо, приготовлялъ тамъ превосходную сладкую водку, хотя матеріалы, доставлявшіеся ему любителями этого напитка, были самаго разнообразнаго качества. Пятидесятилѣтняя женщина, страдавшая припадками бѣшенства, сшила громадный ночной чепчикъ въ видѣ шлема и не могла уснуть иначе, какъ натянувъ его себѣ на лицо по самую шею; маньякъ-преступникъ изъ лучинокъ сдѣлалъ себѣ ключъ. Я не говорю здѣсь о тѣхъ, которые устраивали для себя настоящія кирасы изъ желѣза или камешковъ, такъ какъ въ этомъ случаѣ работа вызывалась необходимостью защититься отъ воображаемыхъ преслѣдователей, и потому трудъ вполнѣ вознаграждался полученными результатами.

9) Въ художественномъ творчествѣ сумасшедшихъ, конечно, преобладаютъ всевозможныя нелѣпости, какъ относительно колорита, такъ и самыхъ фигуръ, но это особенно сказывается у нѣкоторыхъ маньяковъ, вслѣдствіе неравномѣрной, преувеличенной ассоціаціи идей, не дающей мѣста промежуточнымъ оттѣнкамъ при воплощеніи задуманнаго художникомъ образа. У безумныхъ-же

встрѣчаются перерывы въ ассоціаціи идей, какъ это видно напр. изъ того, что одинъ изъ нихъ, желая изобразить бракъ въ Канѣ, превосходно нарисовалъ всѣхъ апостоловъ, а вмѣсто фигуры Христа—огромный букетъ цвѣтовъ.

Паралитики обыкновенно не умѣютъ справиться съ размѣрами изображаемыхъ предметовъ, вслѣдствіе чего куры выходятъ у нихъ одинаковой величины съ лошадьми, вишни—съ дынями, или-же, несмотря на всю тщательность отдѣлки, рисунокъ выходитъ какой-то неакуратный, точно картинки, нарисованныя дѣтьми.—Одинъ помѣшанный, воображавшій себя вторымъ Верне, для изображенія лошадей проводилъ только четыре черты, а другой рисовалъ всѣ фигуры вверхъ ногами.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда умопомѣшательство сопровождается потерей памяти, такъ что больные и въ разговорной рѣчи забываютъ нѣкоторыя слова, въ рисункахъ тоже замѣчается недостатокъ существенныхъ частей его. Такъ, одинъ сумасшедшій отлично нарисовалъ сидящаго генерала, но забылъ нарисовать, на чемъ онъ сидитъ.

10) У нѣкоторыхъ, въ особенности у мономаньяковъ, мы видимъ, наоборотъ, уже слишкомъ большое изобиліе мелочныхъ подробностей, такъ что изъ желанія точнѣе выразить идею рисунка, они дѣлаютъ его совершенно непонятнымъ. На одномъ пейзажѣ напр., помѣщенномъ въ Туринѣ между непринятыми на выставку картинами, на виднѣвшемся вдали полѣ всѣ былинки отчетливо отдѣлялись одна отъ другой, или-же въ громадной картинѣ штриховка была сдѣлана такаяже тонкая, какъ въ маленькомъ рисункѣ карандашемъ.

Иногда, кромѣ изобилія подробностей, замѣчается еще полнѣйшее отсутствіе перспективы, какъ напр. въ рисункѣ, воспроизведенномъ здѣсь посредствомъ ксилографіи (табл. III), гдѣ всѣ отдѣльныя части сдѣланы совершенно правильно, но, вслѣдствіе полнѣйшаго отсутствія перспективы, въ общемъ выходитъ какой-то сумбуръ.—Можно подумать, что это рисовалъ настоящій художникъ, но учившійся въ Китаѣ или въ древнемъ Египтѣ.

Я зналъ троихъ подобныхъ живописцевъ, изъ которыхъ одинъ былъ мономаньякъ, отличавшійся еще тѣмъ, что для письма употреблялъ печатныя буквы, и двое—помѣшанныхъ. Кромѣ того, мнѣ случилось видѣть одного французскаго капитана полу-паралитика, рисовавшаго фигуры угловатыми линіями, точно египетскіе профили. Вышеупомянутый мегаломаньякъ, сшившій себѣ одинъ только сапогъ, сдѣлалъ раскрашенный барельефъ, на которомъ фигуры своими непропорціально большими конечностями и крошечными лицами очень походили на священныя картины XII столѣтія. Наконецъ, одинъ больной вырѣзывалъ на трубкахъ и вазахъ барельефы, совершенно сходные съ тѣми, какіе встрѣчаются на древнихъ орудіяхъ изъ тесаннаго камня. Такимъ образомъ эти примѣры доказываютъ полную аналогію между психическимъ состояніемъ человѣка и внѣшними проявленіями его дѣятельности.

11) Нѣкоторые изъ сумасшедшихъ выказываютъ удивительный талантъ въ подражаніи, въ умѣньи схватить внѣшній видъ предмета, напр., они совершенно точно срисовываютъ фасадъ больницы, головы животныхъ; но такіе, хотя весьма тщательные рисунки, бываютъ обыкновенно лишены изящества и напоминаютъ младенческое состояніе искусства. Мнѣ случалось видѣть, что подобныя картины нерѣдко выходятъ довольно удачными у идіотовъ и кретиновъ, которые, пожалуй, стоятъ въ умственномъ отношеніи на одномъ уровнѣ съ первобытными людьми.

Многіе постоянно воспроизводятъ одинъ и тотъ-же сюжетъ; такъ, у Фриджеріо былъ душевный больной, всегда рисовав-

шій пчелу, которая отгрызаетъ голову у муравья; другой, воображавшій, что его разстрѣляли, чертилъ ружья, третій—арабески. Иногда это постоянство обусловливается прежними занятіями, напр. у столяровъ, моряковъ и пр.

Послѣднее обстоятельство служитъ объясненіемъ того факта, что душевно больные и даже совершенно помѣшавшіеся достигаютъ иногда значительной степени совершенства въ своихъ рисункахъ, вслѣдствіе постояннато повторенія извѣстнаго сюжета. Сумасшедшій, вѣчно рисующій одни корабли, наконецъ становится артистомъ въ ихъ изображеніи. Впрочемъ, иногда та способность, какъ и внезапное появленіе поэтическаго литературнаго таланта, вызванное потерей разсудка,—напр. у Фарина—обусловливается энергіей и напряженностью галлюцинацій. Подъ вліяніемъ ихъ, люди, никогда не бравшіе кисти въ руки, сразу дѣлаются живописцами и даже художниками, какъ это случилось съ Блэкомъ (о которомъ расказываетъ Бріеръ), именно благодаря тому, что давно умершіе люди, ангелы и пр. представлялись ему живо и совершенно отчетливо. Той-же способностью обладалъ и поэтъ-маттоидъ Джонъ Клеръ; онъ увѣрялъ даже, что былъ очевидцемъ войнъ давно прошедшаго времени и присутствовалъ при совершеніи казни надъ Карломъ I.

Дѣйствительно, всѣ эти событія онъ воспроизводилъ на полотнѣ поразительно правдиво, хотя не получилъ никакого образованія и, слѣдовательно, не могъ заимствовать ничего изъ книгъ.

Впечатлительностью объясняется отчасти и страсть къ копированію картинъ и списыванію стиховъ, замѣчаемая у тѣхъ изъ психически больныхъ, отъ которыхъ всего меньше можно было ожидать этого—у безумныхъ (dementi).

Тутъ, очевидно, играетъ большую роль тотъ фактъ, что

съ потерей разсудка, фантазія пріобрѣтаетъ полный просторъ, и больной проникается сочувствіемъ къ произведеніямъ той-же фантазіи, тогда какъ у нормальныхъ людей здравый смыслъ, не допускающій ихъ до иллюзій или галлюцинацій, въ извѣстной степени подавляетъ въ нихъ эстетическія и артистическія наклонности. Хорошо копировать можно лишь то, что хорошо видишь.

Отсюда уже понятно, какимъ образомъ самое искусство можетъ, въ свою очередь, способствовать развитію душевныхъ болѣзней и даже вызывать ихъ. Вазари разсказываетъ о живописцѣ Спинелли, что когда онъ послѣ многихъ безплодныхъ попытокъ нарисовалъ, наконецъ, Люцифера во всемъ его безобразіи, то послѣдній явился ему во снѣ и укорялъ, зачѣмъ онъ изобразилъ его такимъ уродомъ. Этотъ образъ потомъ впродолженіи нѣсколькихъ лѣтъ преслѣдовалъ Спинелли и едва не довелъ его до самоубійства. Верга зналъ другаго художника, который, долгое время упражняясь въ рисованіи змѣевидныхъ линій, сталъ видѣть ихъ передъ собою днемъ и ночью, подъ конецъ даже превратившимися въ настоящихъ змѣй. Это до такой степени мучило его, что онъ пытался утопиться.

Бываютъ случаи, что страсть къ рисованію вызывается не фантазіей, но простымъ автоматизмомъ, развивающимся съ особенной силой именно тогда, когда всякія другія проявленія психической дѣятельности начинаютъ слабѣть. Нѣчто подобное мы видимъ въ дѣтяхъ, которыя автоматически рисуютъ и пишутъ разныя каракульки.

Что въ извѣстной степени тутъ имѣетъ вліяніе атавизмъ, доказывается не только сходствомъ этихъ рисунковъ съ монгольскими, но также и страстью сумасшедшихъ къ музыкѣ. Вопросъ этотъ былъ весьма обстоятельно разработанъ извѣстнымъ аліенистомъ и знатокомъ музыки Винья (Vigna) въ ег

сочиненіи *Intorno all'influenza della musica* (По поводу вліянія музыки) изданномъ въ Миланѣ въ 1878 году.

Музыкальное искусство у сумасшедшихъ.—Музыкальныя дарованія, подобно способности къ живописи, даже еще въ сильнѣйшей степени, чѣмъ эта послѣдняя, слабѣютъ у тѣхъ душевно больныхъ, которые до заболѣванія слишкомъ страстно занимались музыкой. Адріани замѣтилъ, что музыканты, лечившіеся у него отъ умопомѣшательства, почти совершенно теряли свои музыкальныя способности и, если иногда занимались музыкой, то совершенно машинально, иные-же, лишившись разсудка, постоянно повторяли одну и ту же пьесу, или отдѣльныя фразы изъ нихъ. Винья говоритъ, что Доницетти, находясь въ послѣднемъ періодѣ сумасшествія, оставался совершенно равнодушнымъ, когда при немъ играли его любимыя мелодіи. Въ послѣднихъ произведеніяхъ этого композитора отразилось роковое вліяніе болѣзни. Тоже самое замѣчаютъ музыкальные критики и въ симфоніи-увертюры къ „*Мессинской невѣстѣ*“, написанной Шуманомъ во время припадковъ сумасшествія.

Но это нисколько не противорѣчитъ высказанному мною положенію, что умопомѣшательство вызываетъ артистическія способности въ субъектахъ, не имѣвшихъ ихъ раньше, а, напротивъ, только доказываетъ, какъ это мы уже видѣли относительно живописцевъ, въ какой ничтожной степени сохраняется у музыкантовъ прежняя любовь къ искусству, злоупотребленіе которымъ, можетъ быть, и сдѣлалось причиною ихъ сумасшествія.

Впрочемъ, Мазонъ Коксъ, замѣтившій, что многіе виртуозы, вмѣстѣ съ потерей разсудка, теряли и музыкальныя способности, наблюдалъ также нѣсколько случаевъ, когда, подъ вліяніемъ психоза, эти способности усиливались. Несомнѣнно однако, что музыкальный талантъ появляется иногда почти внезапно, всего чаще у меланхоликовъ, затѣмъ у маньяковъ и даже у безумныхъ. Я помню одного больнаго, совершенно потерявшаго даръ слова, но постоянно игравшаго à livre ouvert самыя трудныя пьесы, и одного очень даровитаго математика, который страдалъ меланхоліей: совершенно не зная ни музыки, ни контрапункта, онъ импровизировалъ на фортепіано аріи, достойныя великаго композитора. Другой субъектъ, впавшій въ безуміе вслѣдствіи мономаніи, въ молодости учился музыкѣ и во время болѣзни постоянно игралъ или импровизировалъ до самой смерти своей отъ паралича.

Тамбурини лечилъ одну женщину, сифилитичку, страдавшую мегаломаніей; во время припадковъ возбужденія она садилась за фортепіано и пѣла прекрасныя аріи, но вмѣсто того, чтобы акомпанировать себѣ, импровизировала два различныхъ мотива, не имѣвшихъ никакого соотношенія ни между собою, ни съ аріей, которую она пѣла при этомъ.

Одинъ юноша, лечившійся у меня въ клиникѣ отъ миланской проказы, сочинялъ новыя и прелестныя пѣсенки.

Раджи писалъ мнѣ объ одной лечившейся у него дамѣ, страдавшей меланхоліей, что во время припадка она играла нехотя и кое-какъ, но по окончаніи его, проводила цѣлые дни за роялемъ и съ чисто артистическимъ увлеченіемъ исполняла труднѣйшія вещи. Тотъ-же врачъ наблюдалъ необыкновенное развитіе музыкальныхъ способностей у другой больной, у которой было острое горделивое помѣшательство: она постоянно пѣла аріи Беллини, хотя и детонировала при этомъ.

Въ музыкальномъ искусствѣ перевѣсъ тоже оказывается, повидимому, на сторонѣ мегаломаніаковъ и паралитиковъ, по той-же самой причинѣ, какъ и въ живописи, а именно вслѣдствіе сильнѣйшаго психическаго возбужденія. Такъ, съ однимъ

изъ паралитиковъ во все продолженіе болѣзни бывали настоящіе музыкальные пароксизмы, во время которыхъ онъ подражалъ всевозможнымъ инструментамъ и при исполненіи тихихъ мѣстъ (piano) выказывалъ неописанное увлеченіе. Другая паралитичка, воображавшая себя французской императрицей, губами и прищелкиваніемъ пальцевъ исполняла марши для своего войска и пѣла въ тактъ этимъ звукамъ.

Еще одинъ больной паралитикъ, считавшій себя генералъ-адмираломъ, тоже нерѣдко пѣлъ какія-то монотонныя мелодіи.— Оригинальный поэтъ и живописецъ мегаломаніакъ М., писавшій то прелестныя, то нелѣпыя стихотворенія, приведенныя нами раньше, тоже писалъ или скорѣе кропалъ какія-то музыкальныя пьесы по новой, имъ самимъ изобрѣтенной системѣ, ни для кого впрочемъ непонятной.

Маньяки всегда предпочитаютъ быстрые темпы на высокихъ нотахъ, особенно при веселомъ настроеніи, и любятъ повторять припѣвы (Раджи). Впрочемъ и вообще всѣ больные, хотя-бы ненадолго попадающіе въ дома умалишенныхъ, обнаруживаютъ большую склонность къ пѣнію, крикамъ и ко всякому выраженію своихъ чувствъ посредствомъ звуковъ, причемъ всегда замѣтенъ извѣстный размѣръ, ритмъ. Причина этого явленія, точно также какъ и обилія между сумасшедшими поэтовъ, будетъ намъ вполнѣ понятна, когда мы припомнимъ мнѣніе Спенсера и Ардиго, доказывающихъ, что законъ ритма есть наиболѣе распространенная форма проявленія энергіи, присущей всему въ природѣ, начиная отъ звѣздъ, кристалловъ и кончая животными организмами. Инстинктивно подчиняясь этому закону природы, человѣкъ стремится выразить его всѣми способами и тѣмъ съ большей напряженностью, чѣмъ слабѣе у него разсудокъ. Потому-то первобытные народы всегда до страсти любятъ музыку. Спенсеръ слышалъ отъ одного миссіонера, что для обученія дикарей онъ поетъ имъ псалмы, и на другой день почти всѣ они уже знаютъ ихъ на память.

Дикари даже и въ разговорной формѣ употребляютъ нѣчто вродѣ монотоннаго пѣнія, напоминающаго наши речитативы, а самое слово *пѣсня* выражало въ древнее время и понятіе о *поэзіи*, откуда произошло названіе поэта —*пѣвецъ*. Таинственныя магическія формулы и заклинанія древнихъ всегда имѣли размѣръ пѣсни, да и въ настоящее время въ деревняхъ разговорная рѣчь обиліемъ модуляціи голоса напоминаетъ простыя музыкальныя аріи.—Наконецъ, импровизаторы произносятъ свои стихи не иначе какъ на-распѣвъ и жестикулируютъ при этомъ всѣми членами.

Спенсеръ въ своемъ сочиненіи „*Essais de morale et d'esthétique*" (Paris 1879) прекрасно объясняетъ это тѣмъ, что пѣніе придаетъ особенную силу естественному выраженію чувствъ и состоитъ въ систематическомъ комбинированіи голосовыхъ средствъ, смотря по тому, вызываются-ли онѣ радостью или печалью. „Всякое умственное возбужденіе, говоритъ онъ, переходитъ въ мускульное, и между ними существуетъ неразрывная связь. Ребенокъ прыгаетъ и скачетъ при видѣ чего-нибудь блестящаго. Взрослый начинаетъ жестикулировать подъ вліяніемъ ощущеній или сильнаго волненія, и чѣмъ оно сильнѣе, тѣмъ больше раздражается мускульная система. Легкая боль вызываетъ стонъ, острая—крикъ: слабый —если страданіе мимолетно, высокій или низкій—если оно продолжительно, а въ случае нестерпимыхъ страданій звукъ голоса повышается на квинту, на октаву и даже больше. Въ пѣніи-же душевное волненіе также проявляется дрожаніемъ мускульныхъ связокъ, отчего происходитъ такъ называемое *тремоло*.

Весьма естественно поэтому, что въ тѣхъ случаяхъ, когда

возбужденіе особенно сильно и гдѣ нерѣдко даже явленіе атавизма, какъ при сумасшествіи, склонность къ музыкѣ оказывается преобладающимъ выраженіемъ духовной жизни человѣка.

Тотъ-же самый фактъ служитъ въ свою очередь объясненіемъ, почему среди геніальныхъ безумцевъ такъ много музыкальныхъ знаменитостей, каковы напр. Моцартъ, Латтре, Шуманъ, Бетховенъ, Доницетти, Перголези, Феничіа, Риччи, Рокки, Россо, Гендель, Дюссекъ, Гофманъ, Глюкъ и др. [1]). Кромѣ того, не слѣдуетъ забывать, что музыкальныя композиціи принадлежатъ къ числу самыхъ субъективныхъ произведеній человѣческаго генія, — онѣ всего тѣснѣе связаны съ аффектами и всего менѣе съ внѣшними формами проявленія мысли, вслѣдствіе чего для созданія ихъ необходимо вдохновеніе самое пламенное, жгучее, наиболѣе губительно дѣйствующее на организмъ.

Изслѣдованіе характера артистическихъ наклонностей у сумасшедшихъ, можетъ быть, принесетъ пользу не только для изученія ихъ болѣзней, въ которыхъ еще столько темнаго, необъяснимаго, но также и для самой эстетики или по крайней мѣрѣ для эстетической критики, доказавъ ей, что злоупотребленіе символами, изобиліе мелочныхъ подробностей, хотя и совершенно вѣрныхъ съ дѣйствительностью, цвѣтистость слога, противоестественное преобладаніе одного какого-нибудь цвѣта (недостатокъ свойственный многимъ нашимъ художникамъ), циничность сюжетовъ и слишкомъ преувеличенная оригинальность принадлежатъ уже къ патологическимъ явленіямъ въ области искуства.

---

*) На громадное количество сумасшедшихъ среди композиторовъ указалъ мнѣ молодой артистъ Арнальдо Баргони уже много лѣтъ тому назадъ, а въ послѣднее время много фактовъ по этому вопросу сообщилъ Мастріани въ своей прекрасной статьѣ о моей книгѣ «*Геніальность и Помѣшательство*», изданной въ 1881 году.

IX.

Маттоиды-графоманы или психопаты.

Маттоидами-графоманами я предложилъ-бы назвать разновидность, составляющую промежуточное звено, переходную ступень между геніальными безумцами, здоровыми людьми и собственно помѣшанными.

Разновидность эта представляетъ въ печальной области психіатріи совершенно особый типъ индивидовъ, на которыхъ впервые указалъ Маудсли подъ именемъ *„людей съ темпераментомъ помѣшанныхъ“* и которыхъ потомъ Морель, Леграндъ ле-Соль и Шюле назвали *страдающими наслѣдственнымъ* неврозомъ *), Баллинскій и др. — *психопатами*, а Раджи — *невропатами*.

---

*) «Это дѣти или племянники сумасшедшихъ — говоритъ Шюле въ своемъ сочиненіи «Geisteskrankheit», — нерѣдко съ аномаліями въ строеніи черепа, неба, языка, склонные къ умопомѣшательству, въ особенности періодическому и къ ипохондріи, которой они подвергаются при малѣйшемъ поводѣ, въ періодѣ зрѣлости и беременности. Они съ дѣтства проявляютъ недостатокъ энергіи, бываютъ склонны къ безсонницѣ, сонамбулизму, конвульсіямъ и отличаются необыкновенной раздражительностью. Позднѣе въ нихъ проявляются припадки лихорадочной дѣятельности, смѣняющіеся полной инерціей, отсутствіе дисциплины, жестокость, преждевременные половые инстинкты и наклонности къ самоубійству; они вѣчно находятся въ тревогѣ и ничѣмъ не могутъ удовлетвориться; едва лишь

Этотъ послѣдній, тщательно и долго изучавшій подобныхъ субъектовъ, предложилъ раздѣлить ихъ на четыре категоріи, смотря по тому, относится-ли ихъ ненормальность къ области чувственной, аффективной или интеллектуальной.

Первую категорію составляютъ отчасти истеричные субъекты, отчасти ипохондрики съ болѣе острой впечатлительностью, чѣмъ у другихъ людей и съ наклонностью объяснять свои воображаемыя несчастья выдуманными причинами.

Ко второй категоріи принадлежатъ субъекты съ извращенными инстинктами, злоупотребляющіе то эксцессами, то воздержаніемъ и склонные къ различнымъ половымъ ненормальностямъ, о чемъ я подробно говорилъ въ своей брошюрѣ *О проявленіяхъ любви у помѣшанныхъ* [1]). Они обнаруживаютъ странную привязанность къ собакамъ, кошкамъ, птицамъ и т. д., отличаются самыми нелѣпыми причудами, напр. уничтожаютъ дорогія вещи, бросаются съ поѣздовъ, избѣгаютъ солнечнаго свѣта, такъ что выходятъ только ночью и притомъ съ зонтикомъ, не могутъ оставаться въ закрытыхъ помѣщеніяхъ, такъ что падаютъ въ обморокъ, когда ихъ запираютъ въ комнатѣ, или, наоборотъ, боятся открытыхъ мѣстъ, площадей и не рѣшаются переходить ихъ. Я зналъ

достигнувъ цѣли и успокоившись, они снова начинаютъ волноваться; въ своей профессіи они обнаруживаютъ иногда дѣловитость, но въ практической жизни вѣчно остаются дѣтьми».

Эта характеристика примѣнима вполнѣ и къ маттоидамъ, только у нихъ я рѣдко находилъ органическія аномаліи и наслѣдственную склонность къ умопомѣшательству; напротивъ, многіе изъ нихъ состоятъ въ родствѣ съ великими, геніальными людьми, о чемъ я скажу въ своемъ мѣстѣ.

[1]) Къ сообщеннымъ въ ней фактамъ я прибавлю только одинъ: Графъ Адл.. знаменитый дипломатъ, на парадныхъ обѣдахъ (publici conviti) наливалъ въ стаканъ и пилъ мочу своей любовницы. Тардье упоминаетъ объ употребленіи въ пищу нечистотъ.

одну даму, падавшую въ обморокъ при видѣ заостренныхъ вещей (*punto*), а Раджи сообщаетъ о другой, что съ ней дѣлалась рвота, когда она видѣла своего мужа, котораго между тѣмъ очень любила. У нѣкоторыхъ, въ особенности у педерастовъ, замѣчается настоящая страсть ко всему грязному, тогда какъ другіе проявляютъ такую любовь къ чистотѣ, что они по нѣскольку разъ вытираютъ стулъ прежде чѣмъ сѣсть на него и заставляютъ своихъ близкихъ голодать или бодрствовать изъ мнимаго убѣжденія, что имъ дадутъ неопрятно приготовленныя кушанья или грязныя простыни. Аффективные моральные маттоиды образуютъ въ полномъ смыслѣ слова субстратъ или переходную ступень къ врожденнымъ преступникамъ; это—безсердечные, безжалостные эгоисты, остающіеся совершенно спокойными при видѣ смерти и страданій близкихъ имъ людей, иногда способные даже любоваться такимъ зрѣлищемъ; они часто питаютъ ненависть къ людямъ и скрываются гдѣ-нибудь въ глуши, избѣгая общества. Иные-же, напротивъ, изъ потребности дѣлать зло, сближаются съ людьми и стараются возбудить къ себѣ ихъ удивленіе помощію самыхъ нелѣпыхъ пріемовъ напр. собираніемъ пуговицъ, зонтиковъ и пр., или-же прибѣгаютъ для этой цѣли къ глупымъ фарсамъ —пишутъ сами себѣ любовныя записки и потомъ хвастаются ими; чуть не умирая съ голода, курятъ дорогія сигары и т. п. Обыкновенно такія личности становятся во главѣ тайныхъ обществъ, засѣдающихъ въ кафе или политическомъ клубѣ, дѣлаются основателями новыхъ сектъ или только ихъ апостолами, тѣмъ болѣе ревностными, чѣмъ невѣжественнѣе сами. Нерѣдко также, будучи негодяями и ворами съ дѣтства, они всѣ свои способности употребляютъ на всевозможныя мошенническія продѣлки, съ наслажденіемъ занимаются ими, а, попавшись, съ негодованіемъ встрѣчаютъ обвинительный при-

говоръ, хотя сами отлично знаютъ законы. Тщеславные до крайней степени, они зачастую совершаютъ преступленія изъ желанія прославиться, забывая при этомъ, что вмѣстѣ съ утратой престижа лишаются и честнаго имени, и уваженія окружающихъ, чего они такъ страстно добивались.

Интеллектуальные маттоиды, это, по мнѣнію Раджи,—тѣ неудержимые болтуны, которые, разъ заговоривъ, уже не могутъ остановить потока своего краснорѣчія, даже еслибы и желали этого. Находясь подъ вліяніемъ какого-то лихорадочнаго умственнаго возбужденія, они говорятъ безъ логической связи и нерѣдко приходятъ къ выводамъ совершенно противоположнымъ тому, что они хотѣли доказать. Иногда у нихъ появляются чрезвычайно странныя фантазіи: напр. сосчитать камешки на мостовой, половицы въ комнатѣ или пристально смотрѣть на кончикъ сапога. Разсѣяны они до такой степени, что по нѣскольку разъ пишутъ объ одномъ и томъ-же къ тому-же лицу, не замѣчаютъ перемѣнъ дня и ночи; иногда, напротивъ, у нихъ бываетъ необыкновенно развита память, такъ что они запоминаютъ цѣлыя страницы изъ прочитаннаго, или-же хорошо помнятъ только числа, иностранныя слова, но забываютъ черты лица даже своихъ друзей. Нѣкоторыя отличаются живостью воображенія, вслѣдствіе чего доходятъ до разныхъ абсурдовъ, дѣлаютъ категорическія заключенія отъ общаго къ частному и т. д.

Такіе субъекты очень мало отличаются отъ душевно-больныхъ, страдающихъ горделивымъ помѣшательствомъ и пр. и часто дѣлаются ими при первомъ-же поводѣ.

Раджи, у котораго я многое заимствую по данному вопросу, находитъ между ними лишь ту разницу, что у большинства маттоидовъ умственное разстройство не сопровождается аффектами и что они болѣе способны сдерживаться въ своихъ поступкахъ. Съ своей стороны я прибавлю, что ненормальность ихъ бываетъ врожденная и неизлечимая—къ нимъ-же я отношу и лицъ, страдающихъ неврозомъ—и что они обладаютъ только болѣзненными свойствами геніальныхъ людей, преимущественно эксцентричностью, не имѣя однако ни критическаго взгляда, ни творческихъ способностей.—Морель, Легранъ ле Соль и Шюле приписываютъ такимъ маттоидамъ еще и различныя физическія ненормальности—особенно въ строеніи ушной раковины (всегда плоской), языка, черепа и половыхъ органовъ,—но я находилъ у нихъ эти признаки лишь въ видѣ исключенія.

Разновидность того-же типа, соединяющую интеллектуальнаго маттоида съ моральнымъ или аффективнымъ, представляютъ графоманы и кляузники, которыми я нахожу нужнымъ заняться обстоятельнѣе, не только вслѣдствіе аналогіи и контрастовъ между ними и геніальными людьми, но и потому еще, что событія послѣдняго времени доказали мнѣ, какое значеніе они пріобрѣтаютъ въ соціальной и политической жизни народа, тѣмъ болѣе, что всегда вредная дѣятельность ихъ прикрывается вначалѣ псевдолитературными стремленіями. Поэтому на нихъ слѣдуетъ обратить вниманіе не съ одной только медицинской или литературной точки зрѣнія.

У маттоида-графомана въ большинствѣ случаевъ черепъ бываетъ нормальный, дѣтей у него нѣтъ, но самъ онъ нерѣдко происходитъ отъ геніальнаго предка; такъ, Квестеръ былъ братъ ученаго Адольфа Квестера, Мартинъ Вильямъ—братъ Джонатана, знаменитаго живописца, Флуранъ, коммунаръ—сынъ знаменитаго физіолога, Спандри—сынъ извѣстнаго астронома и пр. Отличительная особенность его—преувеличенное мнѣніе о себѣ, о своихъ достоинствахъ и вмѣстѣ съ тѣмъ исключительно ему свойственная способность выска-

зывать свои убѣжденія больше на бумагѣ, чѣмъ на словахъ или на дѣлѣ, не возмущаясь нисколько тѣми невзгодами и противорѣчіями, которыя на каждомъ шагу встрѣчаются въ практической жизни и обыкновенно не даютъ покоя, какъ геніальнымъ людямъ, такъ и сумасшедшимъ.

Чіанкеттини приравнивалъ себя къ Галилею, даже къ самому Христу, и въ то-же время подметалъ лѣстницы въ казармѣ.

Пассананте, называвшій себя президетомъ политическаго общества, служилъ въ качествѣ повара. Манжіоне, считающій себя мученикомъ своего генія ради блага Италіи, исполняетъ обязанности маклера. Кессонъ выдаетъ себя за кардинала, а между тѣмъ живетъ какъ паразитъ, разыгрывая роль сумасшедшаго и получая обильныя подаянія. Пасторъ Блюэ, титулующій себя апостоломъ и графомъ Пермиссіонъ, былъ такого высокаго мнѣнія о себѣ, какъ объ авторѣ „*Скоттатинджe*", что удостоивалъ своимъ вниманіемъ только царствующихъ особъ, и въ то-же время не отказывался заниматься укрощеніемъ лошадей. Стевартъ, авторъ нелѣпаго сочиненія: „*Новая система физической философіи*", исходившій весь свѣтъ съ цѣлью отыскать „полярность истины" (polarita del vero), воображалъ, что всѣ короли земнаго шара сговорились уничтожить его произведеніе, и потому раздавалъ экземпляры своимъ друзьямъ съ просьбой спрятать ихъ какъ можно тщательнѣе и не открывать этой тайны иначе, какъ на смертномъ одрѣ.

Мартинъ Вильямъ, братъ Джонатана, того самаго, что въ припадкѣ безумія поджегъ соборъ въ Іоркѣ, и Джона, создавшаго новый родъ живописи, напечаталъ множество сочиненій для доказательства вѣчнаго движенія (perpetum mobile). Убѣдившись на основаніи 36 сдѣланныхъ имъ опытовъ, что научнымъ путемъ доказать это невозможно, этотъ маттоидъ

во снѣ получилъ отъ Бога откровеніе, что онъ избранъ для открытія первой причины всѣхъ вещей, а также perpetum mobile, и написалъ по этому предмету нѣсколько сочиненій.

Ненормальность писателей-маттоидовъ не всегда легко было бы замѣтить, еслибы, при всей кажущейся серьезности и увлеченіи данной идей,—въ чемъ они обнаруживаютъ сходство съ мономаньяками и геніальными людьми, — къ сочиненіямъ ихъ не примѣшивалось зачастую множество нелѣпыхъ выводовъ, постоянныхъ противорѣчій, многословія, безсмысленной мелочности и главнымъ образомъ себялюбія и тщеславія, составляющихъ преобладающее свойство геніальныхъ людей, лишившихся разсудка. Не даромъ-же въ числѣ 215 маттоидовъ-графомановъ мы находимъ 44 пророка.

Филопанти въ своемъ сочиненіи *Dio liberale* причисляетъ къ полубогамъ своего отца, занимавшагося столярнымъ ремесломъ, и свою мать!!

Гито намѣревается спасти республику, убивъ ея президента, и провозглашаетъ себя великимъ законовѣдомъ и философомъ.

Пассананте, проповѣдывавшій „неприкосновенность человѣческой жизни и собственности", обрекаетъ на смерть членовъ парламента; требуя отъ своихъ послѣдователей, чтобы они уважали существующій образъ правленія, онъ самъ оскорбляетъ монархію, покушается на жизнь короля и предлагаетъ уничтожить *скупцовъ* и *ханжей*.

Одинъ врачъ С... печатаетъ статью о томъ, что кровопусканія предохраняютъ отъ *избытка* (*eccesso*) свѣта, а другой въ двухъ толстыхъ томахъ доказываетъ, что болѣзни бываютъ эллиптической формы.

Сочиненіе Демонса *Quintesseza sestessenza dialettica* критики называютъ настоящей квинтэссенціей глупости.

Глезесъ утверждалъ, что тѣло атеистично, а Фузи (теологъ!) — что менструальная кровь обладаетъ свойствомъ тушить пожары.

Ганнекенъ, имѣвшій обыкновеніе писать въ воздухѣ пальцемъ и владѣвшій *духовой трубой* (tromba aromale), посредствомъ которой онъ входилъ въ сношенія съ разсѣянными въ воздухѣ духами—возвѣстилъ, что настанетъ время, когда многіе индивиды мужскаго пола превратятся въ индивидовъ женскаго пола и сдѣлаются полубогами.

Генріонъ сказалъ въ Академіи Надписей, что Адамъ былъ ростомъ въ 40 футовъ, Ной — въ 29, Моисей — въ 25 и т. д.

Леру, знаменитый парижскій депутатъ, вѣрившій въ переселеніе душъ и въ *кабалу*, такъ опредѣлилъ любовь: „идеальность реальности одной части цѣлаго въ безконечномъ существѣ и пр.“.

Асгиль утверждалъ, что человѣкъ можетъ жить вѣчно, лишь-бы у него была вѣра въ безсмертіе.

Филопанти признавалъ существованіе трехъ Адамовъ и съ величайшей точностью опредѣлялъ, въ какомъ именно году они жили и чѣмъ занимались.

Бываетъ однако, что, среди хаотическаго бреда, въ произведеніяхъ маттоидовъ-графомановъ попадаются и совершенно новыя, здравыя сужденія. Вотъ, напр. какіе прелестные отрывки можно встрѣтить среди нелѣпыхъ сентенцій Чіанкетини:

„Инстинктъ заставляетъ всѣхъ животныхъ стремиться къ поддерженію своего существованія съ наименьшей затратой силъ, избѣгать всего непріятнаго и наслаждаться жизнію; но чтобы достигнуть этого, имъ необходима свобода“.

„Всѣ животныя, за исключеніемъ человѣка, стараются

удовлетворить этому инстинктивному стремленію, и почти всѣмъ удается достигнуть этого; одни лишь люди, сгруппировавшись въ общества, оказались связанными, порабощенными до такой степени, что не только никогда еще никому не посчастливилось доставить людямъ миръ и свободу, не даже никто изъ нихъ не могъ придумать способа для достиженія этой цѣли“.

„И вотъ я рѣшаюсь предложить такой способъ.—Положеніе дѣлъ въ настоящее время напоминаетъ запертую дверь, которую нельзя открыть безъ ключа или отмычки, иначе какъ взломавши ее; точно также и человѣкъ, утратившій свободу съ развитіемъ членораздѣльной рѣчи, только помощью того-же дара слова или его эквивалента—письма, можетъ опять сдѣлаться свободнымъ, не разорвавъ связи съ обществомъ“.

Между безсмысленными гимнами, помѣщенными пасторомъ Блюэ въ „Скоттатинже“ я нашелъ одинъ стихъ, превосходно выражающій положеніе Италіи: „Вѣчная царица и раба—враждебно относящаяся къ своимъ дѣтямъ“.

Изъ біографіи Пассананте мы вскорѣ увидимъ, что въ своихъ статьяхъ, и особенно въ разговорѣ, онъ иногда высказывалъ мѣткія, оригинальныя сужденія, заставлявшія многихъ сомнѣваться въ томъ, дѣйствительно-ли онъ сумасшедшій. Припомните напр. его изреченіе: „Тамъ гдѣ ученый теряется, невѣжда имѣетъ успѣхъ“. Или вотъ еще другое: „Исторія, преподаваемая народами, поучительнѣе той, которая изучается по книгамъ“.

Взгзяды, приводимые въ такого рода сочиненіяхъ, конечно зачастую заимствованы у болѣе сильныхъ мыслителей или публицистовъ, но всегда съ преувеличеніями и въ своеобразной передѣлкѣ. Такъ, у Бозизіо я встрѣтилъ доведенныя до крайности тенденціи нашихъ зоофиловъ (покровителей животныхъ), и какъ-бы предвосхищенные у г-жи

Ройе и Конта взгляды на необходимость примѣненія теоріи Мальтуса. Въ статьяхъ Детомази, маклера весьма сомнительной нравственности, попадаются разсужденія о проведеніи въ жизнь Дарвиновскаго половаго подбора, хотя и съ примѣсью чисто болѣзненнаго эротизма, а Чіанкеттини стремится къ практическому осуществленію соціализма. Впрочемъ, ненормальность сказывается не столько въ преувеличеніяхъ относительно той или другой тенденціи, а скорѣе въ непослѣдовательности, въ постоянныхъ противорѣчіяхъ, такъ что рядомъ съ возвышенными, иногда прекрасно изложенными взглядами, встрѣчаются сужденія жалкія, нелѣпыя, парадоксальныя, противорѣчащія основному плану сочиненія и соціальному положенію автора. При чтеніи такихъ статей, невольно вспоминается Донъ-Кихотъ, великодушные поступки котораго, вмѣсто сочувствія, вызываютъ улыбку состраданія, хотя въ иное время ихъ, можетъ быть, признали-бы геройскими, достойными удивленія. Вообще, геніальныя черты составляютъ въ произведеніяхъ маттоидовъ рѣдкое исключеніе. Кромѣ того, у большинства ихъ замѣтенъ недостатокъ экстаза, вдохновенія; цѣлые томы наполняютъ они безсмысленной, тяжелой болтовней; чтобы скрыть бѣдность мысли невыработанность слога, отсутствіе таланта, эти честолюбцы прибѣгаютъ къ вопросительнымъ и восклицательнымъ знакамъ, подчеркиваніямъ словъ и придумыванію новыхъ выраженій, какъ это дѣлаютъ и мономаньяки. Одинъ мономаньякъ, Бардье издалъ брошюру, въ которой училъ земледѣльцевъ — какъ получать вдвое большую жатву съ полей, а моряковъ — какъ избѣгать противнаго вѣтра, и далъ ей такое заглавіе: „*Покоритель атмосферы*“, а себя самаго назвалъ творцомъ покорителя атмосферы. Чіанкеттини, Пари, Вальтукъ и другіе придумывали совершенно невозможныя слова, напр. *алитрологія*, *антропомогнотологія*, *ледепидермокринія*, *глоссостомотопатика* и т. п.

Часто рукописи испещрены вертикальными и горизонтальными строками и надписями, сдѣланными различнымъ почеркомъ, какъ напр. у Чіанкеттини. Нерѣдко также встрѣчаются и рисунки, точно будто для большей ясности авторы находятъ нужнымъ прибѣгнуть къ древнему идеографическому способу письма, что, какъ мы уже видѣли, дѣлаютъ и мегаломаньяки. Такъ, въ 88-й книгѣ Блюэ помѣщенъ непристойный рисунокъ, настолько-же безсмысленный, какъ и самый текстъ ея.

Нѣкто Вальт.. напечаталъ два сочиненія о психографіи, т. е. новой философской системѣ, имъ самимъ придуманной, и тѣмъ не менѣе нашелся совершенно здравомыслящій философъ, который написалъ коментаріи къ этому произведенію, что можетъ служить доказательствомъ „солидной“ учености нѣкоторыхъ философовъ. Въ системѣ этой доказывалось, что каждой идеѣ соотвѣтствуетъ въ мозгу извѣстное изображеніе или символъ, напр. пламя свѣчи означаетъ физическую природу, символомъ души служитъ кольцо, движенія — крючекъ; дыханія, а также обонянія — носъ и т. д. Другой философъ, А..., отчаявшись и совершенно резонно въ томъ, чтобы кто-нибудь понялъ его письменныя объясненія, наполнилъ всю свою книгу рисунками, изображавшими мозгъ, испещренный символами такого же рода. Іезуитскій миссіонеръ Паолетти написалъ книгу противъ Св. Ѳомы и приложилъ къ ней картину съ изображеніемъ орудій, употребляемыхъ въ аду для опредѣленія будущей судьбы дѣтей Адама, согласно съ предназначенной имъ участью. Божественная и человѣческая воля представлены на этой картинѣ въ видѣ двухъ шаровъ, вращающихся въ противуположныхъ направленіяхъ и потомъ встрѣчающихся въ общемъ центрѣ.

Всѣ маттоиды употребляютъ чрезвычайно сложныя, курьезныя заглавія для своихъ сочиненій. У меня есть одно, съ заглавіемъ въ 18 строкъ, не считая примѣчанія, поясняющаго это заглавіе. Въ одной драмѣ оно состоитъ изъ 19 строкъ. Въ другомъ соціалистическомъ произведеніи, напечатанномъ въ Австраліи на итальянскомъ языкѣ, заглавію придана форма тріумфальной арки. Пожалуй, въ этихъ-то заголовкахъ и сказывается почти у всѣхъ меттоидовъ ненормальное состояніе ихъ умственныхъ способностей. Для примѣра возьмемъ заглавіе книги маттоида Демонса:

„La démonstration de la quatrième partie de rien est quelque „chose, tout est la quintessence tirée du quart de rien et des „dépendances, contenant les préceptes de la sainte magie et „dévote invocation de Démons, pour trouver. l'origine des „maux de la France".

У многихъ является фантазія прибавлять къ фразамъ отдѣльныя цифры или цѣлые ряды ихъ, что иногда дѣлаютъ и паралитики. Въ одномъ сочиненіи помѣшаннаго Совбира, озаглавленномъ 666, каждый стихъ оканчивается тѣмъ-же числомъ; но, что всего страннѣе, одновременно съ этимъ произведеніемъ, нѣкто Потеръ издалъ въ Англіи брошюру о числѣ 666, которое онъ призналъ самымъ совершеннымъ изъ чиселъ. Ему же отдавалъ особое предпочтеніе и Лазаретти. Спандри, Левронъ и другіе высказывали такой-же взглядъ на число 3.

Подобно сумасшедшимъ, маттоиды любятъ повторять нѣкоторыя изреченія или отдѣльныя слова по нѣскольку разъ на одной и той-же страницѣ. Такъ, въ одной главѣ сочиненія Пассананте слово „*riprovate*" употреблено 143 раза.

Случается, что они заказываютъ спеціально для своихъ произведеній особую бумагу, раскрашенную въ различные цвѣта, что, конечно, сильно увеличиваетъ расходы по изданію. Такъ,

нѣкоему Виргманду изданіе подобной книги въ 400 страницъ стоило болѣе 22 тысячъ рублей.—Филонъ ухитрился окрасить каждую страницу своей книги особымъ цвѣтомъ.

Другую особенность ихъ составляетъ своеобразная ороографія и каллиграфія, со множествомъ подчеркнутыхъ словъ или написанныхъ печатными буквами. Иногда они пишутъ въ два столбца даже обыкновенныя письма, строки располагаютъ и вдоль и поперекъ, и наискось и, наконецъ, въ словахъ подчеркиваютъ нѣкоторыя буквы, какъ будто отдавая имъ предпочтеніе передъ другими (Пассананте). Періоды бываютъ нерѣдко отдѣлены одинъ отъ другаго, точно параграфы библіи, или-же каждые два-три слова перемежаются многоточіями, какъ напр. въ хранящейся у меня книжкѣ Беллоне. Также часто употребляются скобки, даже двойныя и множество примѣчаній, выносокъ, ссылокъ и пр. Въ брошюрѣ нѣкоего Ла... (профессора, состоящей изъ 12 страницъ, выноски занимаютъ 9. Гепенъ изобрѣлъ новый *физіологическій* языкъ, состоящій въ сущности изъ тѣхъ-же буквъ, только въ другомъ порядкѣ и съ прибавленіемъ цифръ, напр. *votre présence* слѣдуетъ написать такъ: *stat 5 nq facto*. Многіе маттоиды превосходятъ даже сумасшедшихъ страстью къ цвѣтистой рѣчи, къ употребленію фигуральныхъ выраженій и къ игрѣ словами, основанной на созвучіяхъ. Поразительный примѣръ въ этомъ родѣ представляетъ Гекартъ, тотъ самый Гекартъ, который сказалъ, что заниматься пустяками свойственно только помѣшаннымъ, и составилъ біографіи сумасшедшихъ, находящихся въ Валансьенѣ. Онъ написалъ курьезную книжку, озаглавленную такъ: *Anagrammeana, поэма въ VII пѣсняхъ, XCV-ое* (это было первое), *просмотрѣнное, исправленное и дополненное изданіе. Въ Анаграмматополисѣ, годъ XI анаграмматической эры* (Ва-

лансьенъ, 1821) и цѣликомъ состоящую изъ безсмысленнаго набора словъ съ перестановкой буквъ въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, напримѣръ:

Lecteur, il *sied* que je vous *dise*
Que le *sbire* fera la *brise*,
Que le *dupeur* est sans *pudeur*,
Qu'on peut *maculer* sans *clameur*....

И такъ далѣе, все въ томъ-же родѣ написано 1200 стиховъ, заключающихся такъ:

Moi je vais *poser* mon *repos*.

Здѣсь кстати будетъ упомянуть о томъ, что на поляхъ экземпляра *анаграммеаны*, хранящагося въ Парижской Національной Библіотекѣ, рукою самаго автора сдѣлана слѣдующая надпись: „Анаграммы есть одно изъ величайшихъ заблужденій человѣческаго ума: *надо быть дуракомъ, чтобы ими забавляться и хуже, чѣмъ дуракомъ, чтобы составлять ихъ*". Что можетъ быть справедливѣе этой оцѣнки?

Началомъ непомѣрнаго увлеченія вегетаріанизмомъ послужило для Глейзеса сновидѣніе, во время котораго онъ слышалъ голосъ, кричащій ему: „Gleises означаетъ eglise" (церковь), и вотъ на основаніи этой игры словъ онъ вообразилъ себя избранникомъ божіимъ, призваннымъ для проповѣди ученія вегетаріанцевъ.

Не менѣе курьезную особенность маттоидовъ составляетъ обиліе ихъ сочиненій. Пасторъ Блюэ оставилъ 180 книгъ, одна безсмысленнѣе другой. Манжіоне, не имѣвшій возможности писать вслѣдствіе поврежденія руки, отказывалъ себѣ въ пищѣ, чтобы сберечь деньги для печатанія своихъ произведеній и нерѣдко тратилъ по 100 скуди въ мѣсяцъ на изданіе ихъ. Пассананте исписывалъ цѣлыя дести бумаги и заботился о распространеніи каждаго изъ своихъ нелѣпѣйшихъ писемъ

больше, чѣмъ о сохраненіи своей жизни. Гито тратилъ такую массу бумаги, что расходъ на нее составилъ значительную сумму, которой онъ не въ состояніи былъ заплатить. Число книгъ, написанныхъ Фоксомъ (иллюминатомъ) до того велико, что библіографъ Лоудсъ не рѣшился составить имъ каталогъ.

Иногда у маттоидовъ является прихоть—не распространять въ публикѣ написанныхъ и напечатанныхъ ими сочиненій, хотя они все-таки думаютъ, что публика ихъ должна знать. Кромѣ болѣзненной болтливости, въ этихъ произведеніяхъ замѣтно еще ничтожество или нелѣпость сюжета, обыкновенно нисколько не соотвѣтствующаго ни общественному положенію авторовъ, ни полученному ими образованію.

Такъ, священникъ депутатъ составляетъ рецепты противъ тифа; двое медиковъ придумываютъ гипотетическую геометрію и астрономію; хирургъ, ветеринаръ и акушеръ пишутъ объ аэронавтикѣ; капитанъ — объ агрономіи; сержантъ — о терапіи; поваръ занимается высшей политикой; теологъ разсуждаетъ о менструаціи; извощикъ—о теологіи; двое привратниковъ сочиняютъ трагедіи; чиновникъ казначейства распространяетъ спеціальныя идеи.

Подъ моимъ наблюденіемъ были разсмотрѣны 179 сочиненій, написанныхъ маттоидами, съ цѣлью опредѣлить, какого рода темы выбираютъ они по преимуществу. Вотъ результаты этого изслѣдованія:

51	сочин.	относится къ личностямъ.	4	сочин.	о вопросахъ политики.
36	„	по медицинѣ.	4	„	о политической экономіи.
27	„	„ философіи.	3	„	по агрономія.
25	„	заключаютъ въ себѣ жалобы.	2	„	„ ветеринарнымъ наукамъ.
7		„ драмматическихъ.	2		о литературѣ.
7		„ религіознаго содержанія.	2	„	по математикѣ.
6		„ поэтическихъ.	1	„	„ грамматикѣ.
4	„	по астрономіи.	1		словарь.
4	„	по физикѣ.			

Замѣтимъ, что въ этотъ счетъ не вошло множества статей, то полемическаго характера, то очерковъ по механикѣ, разсужденій о магнетизмѣ, надгробныхъ рѣчей, нелѣпыхъ теологическихъ трактатовъ, статей по исторіи литературы, прокламацій, предложеній вступить въ бракъ и пр.

Судя по даннымъ, заключающимся въ недавно вышедшемъ сочиненіи „Les fous littéraires di Philomneste“ 1880 г., доставленномъ мнѣ Досси, такихъ произведеній насчитываютъ въ Европѣ 215, раздѣляя ихъ на слѣд. категоріи:

Теологія	82	Ахростихи	2
Пророчества	44	Химія	1
Философія	36	Физика	1
Политика	28	Зоологія	1
Поэзія (драмм и комедій 9)	17	Стратегія	1
Лингвистика и грамматика	8	Хронологія	1
Эротическія	5	Педагогика	1
Объ іероглифахъ	3	Гигіена	1
Астрономія	2	Археологія	1

Между тѣмъ какъ сумасшедшіе преимущественно занимаются поэзіей, у маттоидовъ преобладаетъ теологія и затѣмъ самыя абстрактныя, наименѣе точныя и установившіяся науки, что подтверждается также ничтожнымъ числомъ сочиненій по естественнымъ наукамъ и математикѣ.

Слѣдуетъ замѣтить, что среди этой массы теологическихъ и философскихъ писаній (162!) встрѣчается только 3 атеистическихъ, хотя, по всей вѣроятности, ихъ не было-бы такъ мало, еслибы атеизмъ основывался на чистѣйшимъ абсурдѣ. Спиритизмъ, напротивъ, у этихъ писателей въ такомъ почетѣ, что Филомнестъ отказывается перечислять всѣ относящіяся къ нему статьи.

Выборомъ сюжета маттоиды-графоманы, впрочемъ, не затрудняются: всякая тема для нихъ подходяща, даже совершенно незнакомая имъ; но по большей чисти они отдаютъ предпочтеніе темнымъ, запутаннымъ и неразрѣшимымъ вопросамъ, вродѣ напр. квадратуры круга, іероглифовъ, толкованій на Апокалипсисъ, воздухоплаванія, спиритизма, или-же занимаются такъ называемыми *модным и* современными вопросами.

Объ извѣстномъ уже намъ маттоидѣ Демонсѣ (Demons) Нодье говорилъ, что „это совсѣмъ не мономанъ, а настоящій флюгеръ и притомъ безумецъ, всегда готовый повторять каждую нелѣпость, достигшую его слуха, мечтатель, хамелеонъ, невольно мѣняющій цвѣта, смотря по тому, что́ его окружаетъ“.— И дѣйствительно, въ эпоху экономическихъ затрудненій Италіи, проэкты исправленія финансовъ появлялись дюжинами: кто предлагалъ ввести бумажныя деньги, кто — отобрать имущество у евреевъ и духовенства, кто—сдѣлать принудительный заемъ. Потомъ преобладающее значеніе получили соціальные и религіозные вопросы (Пассананте, Лазаретти, Бозіо, Чіанкеттини), а въ послѣднее время выступилъ на сцену вопросъ о проказѣ.

Нѣкто Пари считаетъ напр. источникомъ этой болѣзни какіе-то грибки, падающіе съ грязныхъ потолковъ на съѣстные припасы крестьянъ и заражающіе ихъ. Убѣдиться въ этомъ очень не трудно: стоитъ только сдѣлать фотографическій снимокъ съ какой-нибудь трещины внутри избы, разсмотрѣть этотъ снимокъ подъ микроскопомъ и тогда окажется (если опытъ сдѣланъ правильно), что тамъ гораздо больше грибковъ, чѣмъ въ домахъ горажанъ, не страдающихъ проказой. Слѣдовательно, на стѣнахъ крестьянскихъ избъ образуются цѣлыя гнѣзда грибковъ. Но какимъ-же образомъ они производятъ проказу? Ничего не можетъ быть проще: грибки заключаютъ въ себѣ особое вещество—фунгинъ, который загорается при 47 градусахъ (*sic*). Поэтому, когда внѣшняя температура бываетъ 13°, а температура тѣла достигаетъ 32° (*sic*), оба количества те-

плоты соединяются, и тѣло начинаетъ горѣть. Вотъ почему у зараженныхъ проказою появляется *воспаленіе* отъ солнца!

Другой, бывшій сержантъ Манц..., предлагаетъ лечить проказу мясомъ кроликовъ и потому рекомендуетъ разведеніе ихъ среди крестьянъ, забывая, что кролики требуютъ въ день пищи 60 частей на 100 своего вѣса, а слѣдовательно, еслибы привести этотъ проэктъ въ исполненіе, то крестьянамъ пришлось-бы испытать бѣдствіе чуть-ли не худшее, чѣмъ самая проказа. Третій, Жем..., измѣряетъ уши прокаженныхъ и на основаніи этихъ измѣреній трактуетъ о болѣзняхъ кожи (лепидомирикриніи).—Четвертый, Бонф., находитъ причину болѣзни, съ перваго-же взгляда, безъ всякаго анализа, въ нечистотахъ, случайно замѣченныхъ имъ на улицахъ Феррары; затѣмъ по своему произволу опредѣляетъ качество и количество пищи, употребляемой прокаженными, состоящей будто бы изъ 700 граммъ маиса, и приходитъ къ заключенію, что эти несчастные гибнутъ вслѣдствіе хроническаго голода, нисколько не похожаго, впрочемъ, на голодъ острый, такъ какъ, страдая первымъ, можно даже оставаться тучнымъ. Въ концѣ концовъ, онъ начинаетъ считать проказу сходной съ тифомъ, потому что нѣкоторые даютъ ей это названіе, отрицаетъ столбнякъ, перемежаемость припадковъ, гидроманію (припадокъ бреда, при которомъ больной бросается въ воду), потому что всѣ такіе признаки проказы противурѣчатъ его теоріи, и развязно наполняетъ такимъ вздоромъ не одну сотню страницъ.

Слѣдуетъ еще замѣтить, что почти у всѣхъ маттоидовъ— Бозизіо, Чіанкеттини, Пассананте, Манжіоне, Де Томази, Бонф...—убѣжденія, высказываемыя ими въ своихъ сочиненіяхъ, при всемъ ихъ упрямствѣ и настойчивости, не отличаются страстностью и что насколько они бываютъ велерѣчивы и нелѣпы въ письменной рѣчи, настолько-же въ устной у нихъ

замѣтно благоразуміе и осторожность. Ограничиваясь лишь односложными отвѣтами на дѣлаемыя имъ возраженія, они чрезвычайно ловко умѣютъ представить свои бредни какъ что-то дѣйствительно разумное, особенно передъ несвѣдущими людьми, но лишь только примутся излагать то-же самое на бумагѣ — у нихъ ничего не выходитъ кромѣ скучнѣйшей ерунды.

Когда я спросилъ Бозизіо, что ему за охота носить такую странную обувь, какъ сандаліи, и ходить въ самый жаръ съ открытой головой, почти безъ одежды, онъ отвѣчалъ мнѣ: „Я дѣлаю это изъ подражанія римлянамъ съ гигіенической цѣлью, и затѣмъ еще, чтобы привлечь своимъ костюмомъ вниманіе публики къ моимъ теоріямъ. Развѣ она стала-бы останавливаться передо мной, еслибы я не былъ одѣтъ такимъ образомъ?“

Далѣе, характеристическое отличіе маттоидовъ отъ преступниковъ и отъ большинства сумасшедшихъ составляетъ ихъ умѣренность въ пищѣ, доходящая иногда до подвижничества чисто монастырскаго. Такъ, Бозизіо питается исключительно полентой безъ соли, Пассананте—однимъ хлѣбомъ, Лазаретти часто довольствовался только двумя картофелинами въ день, Манжіоне съѣдалъ на 13 сольди чечевицы, или рису и т. д.

Подобная умѣренность объясняется съ одной стороны той отрадой и довольствомъ, какое доставляетъ этимъ людямъ ихъ сочинительство, такъ что они, подобно аскетамъ и великимъ мыслителямъ, забываютъ объ ѣдѣ, и съ другой — ограниченностью ихъ средствъ, такъ какъ свои скудные достатки они предпочитаютъ тратить на пропаганду своихъ идей, а не на удовлетвореніе потребностей желудка; къ тому-же, среди нихъ встрѣчаются люди безукоризненной честности и до крайности акуратные, какъ напр. Чіанкеттини, Бозизіо, Манжіоне. Нѣкоторые изъ нихъ, напр., вели счетъ даже ключ-

*

камъ исписанной ими бумаги и составляли для такого расхода особые реестры.

Вообще, эти субъекты являясь совершенно помѣшанными въ своихъ сочиненіяхъ, — нерѣдко въ такой-же степени, какъ и настоящіе сумасшедшіе, — оказываются довольно разумными въ практической жизни, гдѣ обнаруживаютъ и здравый смыслъ, и расчетливость, и даже хитрость, что̀ дѣлаетъ ихъ уже совершенно непохожими на геніальныхъ людей, а тѣмъ болѣе на геніальныхъ безумцевъ, у которыхъ непрактичность и неумѣнье устроить свои дѣла почти всегда бываютъ прямо пропорціональны литературному дарованію. Отсюда понятно, почему многіе изъ авторовъ такихъ, чисто патологическихъ, бредней считаются людьми въ высшей степени практичными. Трое изъ нихъ завѣдуютъ больницами; Блюе, авторъ „Скоттатинже“ (delle Scottatinge) служитъ капитаномъ и военнымъ комиссаромъ. Далѣе, изобрѣтатель чуть не доисторической машины и авторъ болѣе чѣмъ курьезныхъ произведеній, занимаетъ такую должность, гдѣ ему постоянно приходится сталкиваться съ образованными людьми, которые однако никогда еще не заподозривали его въ ненормальномъ состояніи умственныхъ способностей. Пятеро состоятъ профессорами, трое депутатами, двое сенаторами и никто не замѣчалъ въ нихъ особенныхъ странностей. Наконецъ, такіе субъекты служатъ совѣтниками въ государственныхъ учрежденіяхъ, въ префектурѣ, въ кассаціонной палатѣ, въ провинціальныхъ совѣтахъ; въ числѣ ихъ есть пятеро священниковъ и почти всѣ они состарились на своихъ мѣстахъ, пріобрѣли всеобщее уваженіе. Кромѣ того, можно указать на Фреко, бывшаго синдикомъ, а также на Леру и Асгиля, засѣдавшихъ въ парламентѣ.

Къ маттоидамъ-теологамъ — Морену, Лебратону, Жоррису,

Валле (18-ти лѣтній юноша), Ванини — относились, къ сожалѣнію, настолько серьезно, что сожгли ихъ живыми, а Келеръ былъ обезглавленъ за то лишь, что корректировалъ статьи Жорриса.

Въ слѣдующей главѣ мы увидимъ, что многіе маттоиды, — Смитъ, Фурье, Клейновъ, Фоксъ — имѣли фанатичныхъ послѣдователей.

Замѣчательно еще то обстоятельство, что между тѣмъ какъ люди, впродолженіи 18 лѣтъ серьезно изучавшіе проказу и придумывавшіе средства избавиться отъ нея, были встрѣчены лишь презрѣніемъ со стороны академиковъ и насмѣшками со стороны толпы, никто изъ маттоидовъ, писавшихъ о проказѣ, не оставался безъ послѣдователей, хотя-бы на одинъ день, и всѣ они находили многочисленныхъ покровителей, даже въ парламентѣ и въ королевскомъ дворцѣ. Кроликоманъ напр. и его коллега, открывшій фитозоа, морбифитозоа и грибки, производящіе проказу, не только встрѣтили сочувствіе со стороны самыхъ авторитетныхъ итальянскихъ газетъ (не говоря уже о медицинскихъ), но ихъ идеи даже пропагандировались посредствомъ циркуляра Мичели и во многихъ санитарныхъ совѣтахъ. А Банф. со своимъ открытіемъ, что хроническій голодъ служитъ причиной проказы, развѣ не нашелъ отклика во всѣхъ невѣжественныхъ альенистахъ Италіи, втайнѣ помогавшихъ ему даже своими статьями! Нужно прибавить, впрочемъ, что въ практической жизни это былъ превосходнѣйшій и честнѣйшій человѣкъ.

Эта способность мыслить здраво, сохранять спокойствіе, несмотря на увлеченіе безумной идеей, и отличаетъ маттоидовъ отъ обыкновенныхъ сумасшедшихъ, хотя тѣмъ же свойствомъ обладаютъ еще мономаньяки, у которыхъ оно проявляется

особенно рѣзко; иногда его можно замѣтить также въ извѣстныхъ стадіяхъ опьяненія.

Но какъ мономаньяки, такъ и маттоиды способны сразу, вдругъ утратить свое здравомысліе и спокойствіе и впасть въ раздраженіе, даже въ бѣшенство, — всего чаще подъ вліяніемъ голода, неудовлетворенной страсти или тѣхъ нервныхъ страданій, которыми сопровождается, а можетъ быть и обусловливается ненормальность такихъ субъектовъ, какъ напр. Кордиліани и Манжіоне [1]). Дѣло въ томъ, что судя по нѣкоторымъ симптомамъ, у многихъ изъ нихъ можно предполагать существованіе измѣненій въ нервныхъ центрахъ. У Жиро и Спандрп были конвульсіи лица, пониженіе и опусканіе праваго вѣка; анестезіей страдали: Лазаретти, Пассананте и Б., поджигатель; признаки эпилепсіи замѣчались—у Манжіоне и Де Томази; скоропреходящій бредъ—у Кордиліани. Одинъ даровитый юноша, послѣ тифа, сдѣлался маттоидомъ, а Кульманъ, послѣ болѣзни мозга, 18 лѣтъ, началъ пророчествовать. — Подобные случаи мгновеннаго проявленія умопомѣшательства ставятъ иногда въ большое затрудненіе спеціалистовъ судебно-медицинской психіатріи и заставляютъ ихъ, за отсутствіемъ общеизвѣстныхъ признаковъ опредѣленнаго френопатическаго состоянія, дѣлать ложныя заключенія, причемъ они или рѣшаютъ, что субъектъ притворяется, или что онъ совершенно здоровъ. Политикамъ же слѣдовало-бы позаботиться о леченіи такихъ маттоидовъ, потому что, не принимая никакихъ мѣръ противъ нихъ своевременно, когда они болѣе смѣшны, чѣмъ опасны, общество рискуетъ подвергнуть себя такимъ бѣдствіямъ, какихъ, пожалуй, не могутъ причинить ему и настоящіе сумасшедшіе, такъ

*) См. Приложеніе: *О маттоидахъ*.

какъ они сразу обнаруживаютъ свое безуміе, что даетъ возможность оградить отъ нихъ здоровыхъ членовъ общества.

Есть еще разновидность графомановъ, гораздо болѣе опасная, это — люди, страдающіе *маніей кляузничества*. Форма черепа и лица у нихъ вполнѣ нормальны, печень однако почти всегда увеличена. Они отличаются страстью судиться со всѣми окружающими и въ то-же время считать себя жертвами ихъ несправедливости. Такіе субъекты проявляютъ лихорадочную дѣятельность; отлично зная законы, они постоянно стараются истолковать ихъ въ свою пользу, вѣчно переносятъ дѣла изъ одной инстанціи въ другую, бѣгаютъ по судамъ и подаютъ всюду невообразимое множество прошеній, отношеній и пр. Многіе, заручившись покровительствомъ какого-нибудь важнаго лица, стараются добиться успѣха черезъ него, а потомъ обращаются къ королю, въ парламентъ, надоѣдаютъ всѣмъ и каждому и въ концѣ концовъ достигаютъ таки своей цѣли всевозможными способами, въ разсчетѣ на снисходительность присяжныхъ. Разсчетъ, дѣйствительно, оказывается иногда вѣрнымъ: напр., нѣкто Ж., проигравъ свой процессъ, ранилъ выстрѣломъ изъ ружья графа Калли и былъ оправданъ присяжными, благодаря тому впечатлѣнію, какое произвело на нихъ его своеобразное краснорѣчіе; черезъ десять лѣтъ послѣ того онъ съ оружіемъ ворвался въ домъ, который самъ-же продалъ и которымъ все-таки снова хотѣлъ завладѣть.

Подобно тому, какъ эротоманьякъ влюбляется въ идеальную женщину и воображаетъ себя любимымъ ею, хотя она его никогда и не видѣла, кляузникъ думаетъ, что правосудіе существуетъ лишь для защиты его интересовъ; если адвокаты и судьи не помогаютъ ему, онъ считаетъ ихъ своими врагами и старается всячески досадить имъ. Нерѣдко такіе маттоиды видятъ въ собственной тяжбѣ нѣчто священное и готовы сдѣлать

какой угодно вредъ лицамъ, не раздѣляющимъ ихъ убѣжденія. Нѣкто Б., у котораго пасторъ отобралъ поле, принадлежавшее ему по закону, вообразилъ, что это даетъ ему право всячески преслѣдовать духовенство, на томъ будто-бы основаніи, что католицизмъ возстаетъ противъ правительства. По той-же причинѣ онъ вздумалъ поджечь церковь. И въ то-же время всѣ его прошенія и протесты написаны были здраво, со смысломъ, и по существу казались справедливыми, только примѣненіе ихъ къ данному случаю было неосновательно.

Я замѣтилъ, что у всѣхъ подобныхъ субъектовъ бываетъ совершенно сходный почеркъ, всѣ они пищутъ сильно удлиненными буквами и, подобно графоманамъ, злоупотребляютъ грамотностью; но выраженія у нихъ рѣзче, темы болѣе личнаго характера, такъ что они лишь мимоходомъ затрогиваютъ иногда соціальные, религіозные и другіе вопросы.

Впрочемъ, встрѣчается не мало и такихъ, которые къ своему личному неудовольствію примѣшиваютъ политику, и они-то наиболѣе опасны въ наше время: недостаточное образованіе и крайняя бѣдность лишаютъ ихъ возможности высказывать свои идеи въ печати, и вотъ, чтобы дать имъ выходъ, эти люди прибѣгаютъ къ насиліямъ и преступленіямъ. Именно таковъ былъ Санду, настоящій политическій маттоидъ, надѣлавшій столько хлопотъ Наполеону и Бильо; къ той-же категоріи принадлежатъ: Кордильяни, Пассананте, Манжіоне и Гито (См. Приложеніе). — Крафтъ-Эбингъ расказываетъ объ одномъ маттоидѣ, что онъ учредилъ общество (клубъ) съ цѣлью защищать угнетенныхъ, недобившихся справедливости въ судахъ, и уставъ его представилъ королю.

Маттоиды-геніи.—Промежуточныя формы и незамѣтныя градаціи существуютъ не только между сумасшедшими и здоровыми, но также между помѣшанными и маттоидами; даже среди

этихъ послѣднихъ, представляющихъ полнѣйшее отсутствіе геніальности, встрѣчаются личности, до того богато одаренныя, что мнѣ, въ моей практикѣ, не разъ случалось въ недоумѣніи останавливаться надъ неразрѣшимымъ вопросомъ, къ какой категоріи отнести ихъ—къ маттоидамъ или къ геніальнымъ людямъ.

Примѣръ такого рода представляетъ Бозизіо изъ Лоди.

Ему 53 года; въ родствѣ у него—двоюродный братъ кретинъ, мать здоровая и умная женщина, отецъ тоже не глупый, но пьяница, двое братьевъ умерли отъ менингита (воспаленія мозговой оболочки). Смолоду онъ служилъ казначеемъ, но въ 48 году эмигрировалъ. Въ Туринѣ, чуть не умирая съ голоду, онъ бросился съ балкона и сломалъ себѣ ногу. Въ 59 году его назначили комиссаромъ казначейства (commissario de finanza) и онъ хорошо исполнялъ эту обязанность до 66 года, когда, оставаясь по прежнему разумнымъ и дѣльнымъ относительно своихъ служебныхъ обязанностей, онъ сталъ высказывать странности, негармонировавшія съ его бюрократическимъ положеніемъ. Такъ, однажды онъ скупилъ всѣхъ птицъ, продававшихся на рынкѣ въ Буссоленго и выпустилъ ихъ на свободу. Затѣмъ Бозизіо началъ проводить все время за чтеніемъ газетъ и подавать въ правительственныя учрежденія очень рѣзко написанныя докладныя записки объ охранѣ лѣсовъ, о мѣрахъ противъ истребленія птицъ и т. п. Уволенный отъ службы съ маленькой пенсіей, онъ круто измѣнилъ свой прежній, довольно роскошный образъ жизни, сталъ питаться одной полентой безъ соли, сбросилъ съ себя мало по малу всѣ принадлежности костюма, кромѣ кальсонъ и рубашки, и употреблялъ весь свой скудный доходъ на покупку газетъ да разныхъ книженокъ и на печатаніе брошюръ, въ защиту интересовъ будущихъ поколѣній, а потомъ всюду раздавалъ эти брошюры даромъ. Вотъ заглавія нѣкоторыхъ изъ нихъ „*Кри-*

тика моего времени", „*Вопль природы*", „*113 § Вопля природы*".

Прочтя эти произведенія и въ особенности выслушавъ устные доводы Бозизіо, приходишь къ тому заключенію, что придуманное имъ ученіе (система) не лишено логичности. Онъ указываетъ на бѣдствія, то и дѣло поражающія Италію: болѣзнь винограда, шелковичныхъ червей, раковъ, наводненія,—и приписываетъ все это опустошеніямъ, происшедшимъ на земномъ шарѣ вслѣдствіе истребленія лѣсовъ, уменьшенія птицъ и (здѣсь уже начинается безумный бредъ) тому мученію, какое испытываютъ эти послѣднія, перелетая черезъ полотно желѣзныхъ дорогъ. Точно также онъ возстаетъ противъ излишнихъ расходовъ, противъ разорительныхъ займовъ, губительно отражающихся на благосостояніи будущихъ поколѣній, и объявляетъ себя борцомъ за нихъ.

«Вспомните,—пишетъ онъ—что древніе римляне посвящали много времени на физическія упражненія, не знали нашей теперешней роскоши, не пили кофе,—все это вредно для потомства, потому что губительно дѣйствуетъ на человѣческіе зародыши! Также дурно отражается на нихъ злоупотребленіе половыми наслажденіями, браки изъ за денегъ и ложно понимаемая благотворительность. Филантропы хлопочутъ о сохраненіи жизни несчастныхъ младенцевъ, болѣзненныхъ, искалѣченныхъ, тогда какъ еслибы ихъ убили въ дѣтствѣ, они не произвели бы потомства; точно также, если-бы въ больницахъ не тратили столько денегъ и трудовъ на леченіе болѣзненныхъ, слабыхъ субъектовъ, а помогали-бы сильнымъ, крѣпкимъ работникамъ, когда они захвораютъ, то раса улучшилась-бы. А воры и убійцы, развѣ это также не больные, которыхъ слѣдуетъ истребить для улучшенія расы?—Съ другой стороны, сколько зла приноситъ ненасытная животная жадность человѣка! Что только не истребляется для удовлетворенія его аппетита, инстинктивно кровожаднаго и ненасытнаго, безъ малѣйшей заботы о судьбѣ грядущихъ поколѣній, безъ всякаго соображенія о томъ, что это уничтоженіе, эта растрата красы и богатства природы есть преступленіе, ужасное преступленіе, состоящее въ нарушеніи самыхъ священныхъ правъ нашего потомства».

«Ужъ не думаютъ-ли, чего добраго, что это варварское истребленіе (птицъ, рыбъ и т. д.) можно пополнить, что этому страшному бѣдствію можно помочь, нарождая кучу дѣтей или что для возбужденія умственныхъ способностей этихъ послѣднихъ, для развитія ихъ добрыхъ качествъ и физической красоты не нужно ничего другого, кромѣ материнской нѣжности, истощеннаго развратомъ куртизана и, такъ называемаго, здраваго смысла, присущаго народу?»

«Эта ужасная страсть плодиться, роковымъ образомъ увлекающая всѣ народы въ бездну, изъ которой не видно выхода, на что уже указывалъ Мальтусъ, напоминаетъ мнѣ того Мидійскаго царя, что въ своемъ безумномъ пристрастіи къ золоту просилъ Божество (Нуме), чтобы все, къ чему онъ прикоснется, превращалось въ золото. Просьба эта была исполнена; но первые-же восторги, при видѣ совершающагося на глазахъ царя чудеснаго превращенія, скоро смѣнились у него страхомъ, печалью и отчаяніемъ: такъ какъ всякое кушанье царя превращалось въ золото, онъ увидѣлъ, что самъ обрекъ себя на голодную смерть.»

Не думаю, чтобы нашлось болѣе очевидное доказательство того, что психическая дѣятельность можетъ быть въ высшей степени энергична, могуча и въ тоже время ненормальна относительно одного какого-нибудь пункта. Кто знакомъ съ произведеніями г-жи Ройе и Конта, тотъ въ сущности не найдетъ ничего безумнаго въ убѣжденіяхъ исповѣдуемыхъ Бозизіо, кромѣ развѣ его воздержанія отъ употребленія соли, слишкомъ легкаго костюма да мрачнаго взгляда на желѣзныя дороги, которыя кажутся ему страшнымъ зломъ. Отбросивъ это послѣднее, дѣйствительно нелѣпое мнѣніе, мы увидимъ, что обѣ остальныя странности свои онъ объяснялъ довольно разумно: такъ, употребленіе соли онъ считалъ излишнимъ на томъ основаніи, что дикари, которые никогда не ѣдятъ ея, все таки бываютъ крѣпки и здоровы; ходилъ съ открытой головой отчасти изъ подражанія римлянамъ, отчасти вслѣдствіе справедливаго мнѣнія, что тогда лучше сохраняются волосы, а простоты въ костюмѣ придерживался, какъ мы уже знаемъ, съ цѣлью пропаганды своихъ идей. „Развѣ публика,—сказалъ мнѣ однажды этотъ новый Алкивіадъ—стала-бы останавливаться передо мной на улицѣ и разспрашивать меня о моемъ ученіи, если-бы я былъ одѣтъ иначе? Костюмъ служитъ *рекламой* моихъ проповѣдей, и я ношу его изъ принципа."

Часто болѣзненнымъ признакомъ казалось мнѣ то, что Бозизіо основываетъ всѣ свои выводы на газетныхъ статьяхъ политическаго содержанія, дающихъ слишкомъ бѣдный матеріалъ въ научномъ смыслѣ; но онъ оправдывался тѣмъ, что въ газетахъ всегда затрачиваются интересы дня и что для ознакомленія съ настроеніемъ общества ему нельзя игнорировать ихъ, хотя онъ и не сочувствуетъ этимъ интересамъ. Всего больше сказывалась впрочемъ его ненормальность въ томъ, что онъ придавалъ громадное значеніе ничтожнѣйшимъ фактамъ, вычитаннымъ изъ какой-нибудь газетки, и тотчасъ-же принимался обобщать ихъ. Прочтя напр., что въ Лиссабонѣ ребенокъ упалъ въ воду или что женщина сожгла себѣ юбку, Бозизіо немедленно приводилъ эти факты въ доказательство вырожденія расы.—Что-же касается его образа жизни, то онъ можетъ поставить въ тупикъ любого гигіениста, который не въ состояніи будетъ объяснить себѣ, какимъ образомъ этотъ старикъ, питающійся одной только полентой безъ соли, сохраняетъ удивительную бодрость, крѣпость, силу и ходитъ по 20 миль въ день. Для психолога здѣсь любопытно прослѣдить вліяніе умопомѣшательства на подъемъ духа, на развитіе умственныхъ способностей, иногда даже до одного уровня съ геніями, хотя печальный недугъ и придаетъ всему мышленію оттѣнокъ ненормальности. И кто знаетъ! если-бы нашъ Бозизіо былъ не жалкій чиновникъ, а студентъ юриспруденціи или медицины, если-бы онъ имѣлъ возможность учиться систематически, а не урывками, изъ него вышелъ-бы, можетъ быть, второй Контъ, или по крайней мѣрѣ Фурье, съ философскими системами которыхъ у него много общаго, и отъ которыхъ его отличаетъ только одно—умопомѣшательство.

Не менѣе интересно прослѣдить, какіе разнообразные оттѣнки принимаетъ сумасшествіе смотря по духу времени.

Если-бы Бозизіо жилъ въ средневѣковую эпоху, въ Испаніи или въ Мексикѣ, то, пожалуй, изъ этого защитника птицъ и мученика за благо потомства выработался-бы Св. Игнатій Лойола или Торквемада, а свободно мыслящій позитивистъ обратился-бы въ ревностнаго католика, приносящаго человѣческія жертвы для умилостивленія разгнѣваннаго Божества. Но Бозизіо живетъ въ Италіи, въ концѣ XIX ст.

Этотъ фактъ наглядно объясняетъ намъ, почему въ давно прошедшія времена и у дикихъ или мало образованныхъ народовъ появлялось столько случаевъ эпидемическаго сумасшествія, и какимъ образомъ столько историческихъ событій могли быть вызваны безумнымъ бредомъ одного или нѣсколькихъ лицъ, напр. секты анабаптистовъ, бичующихся, появленіе колдуновъ, возмущенія *тайпинговъ* и пр. Помѣшательство у нѣкоторыхъ изъ нихъ проявляется нелѣпыми, но въ то же время грандіозными идеями и такой несокрушимой вѣрой въ нихъ, что невѣжественная толпа невольно бываетъ увлечена ими, чему отчасти содѣйствуетъ странность ихъ одежды, необычайная внѣшность, аскетическій образъ жизни, возможный только при существованіи психическаго разстройства и всегда возбуждающій удивленіе толпы. Не даромъ-же говорятъ, что она способна поклоняться лишь тому, чего не понимаетъ.

Обстоятельства, повидимому, благопріятствовали тому, чтобы изъ Бозизіо вышелъ настоящій пророкъ-новаторъ: для этого у него было и сильное увлеченіе нѣкоторыми идеямя, и желѣзное здоровье, и воздержность въ пищѣ, и безкорыстіе, и глубокая вѣра въ спасительность своей миссіи; ему не доставало, по счастію, только одного—благопріятнаго времени для того, чтобы вызвать къ себѣ всеобщее сочувствіе.—Въ противномъ случаѣ у Италіи былъ-бы свой Магометъ въ видѣ Бозизіо.

Но, принявъ во вниманіе безупречность его жизни, образ-

цовую акуратность во всемъ, имѣемъ-ли мы право сказать, что это былъ обыкновенный сумасшедшій? А убѣдившись въ относительной новизнѣ исповѣдуемыхъ имъ идей, можемъ-ли мы причислить его къ массѣ, описанныхъ нами раньше безсмысленныхъ маттоидовъ? Конечно, нѣтъ.

Предположимъ, что Джузеппе Феррари, вмѣсто того, чтобы получить высшее образованіе, остался-бы на томъ-же низкомъ уровнѣ развитія, какъ Бозизіо, тогда, навѣрное, вмѣсто ученаго, пользующагося вполнѣ заслуженной извѣстностью, изъ него вышло-бы нѣчто похожее на бѣднаго защитника птицъ. Это предположеніе тѣмъ болѣе вѣроятно, что и теперь нѣкоторыя разсужденія Феррари относительно исторической арифметики, напр., а также относительно королей и республикъ, умирающихъ въ назначенный день, по волѣ автора,—могутъ быть отнесены лишь къ области безумія. Тоже самое слѣдуетъ сказать и о Мишле, по поводу его фантастической естественной исторіи, его академической непристойности, невѣроятнаго тщеславія [1]) и тѣхъ послѣднихъ главъ исторіи Франціи, которыя онъ ухитрился превратить въ какую-то странную смѣсь грязныхъ анекдотовъ и нелѣпыхъ парадоксовъ [2]). Къ той-же

---

[1]) «Мои сочиненія „*Насѣкомое*“ и „*Птица*“ говоритъ онъ, вызвали цѣлую литературу. „*Любовь* и *женщина*“ остаются и останутся, такъ какъ у нихъ двѣ основы: научная (!!)—самая природа и нравственная—сердце гражданъ»...

„Я называю исторію воскресеніемъ—это самое подходящее заглавіе для моего 4-го тома“...

„ Въ 1870 году, во время всеобщаго молчанія, я одинъ говорилъ. Моя книга, написанная въ 40 дней, была единственной защитой родины“...

[2]) Тутъ онъ между прочимъ изучаетъ, какъ историческій документъ, дневникъ пищеваренія у Людовика XIV и дѣлитъ царствованіе его на два періода—до и послѣ фистулы; тоже самое и относительно Франциска I—до и послѣ нарыва! Встрѣчаются даже мнѣнія такого рода: «Изъ всей древней монархической исторіи Франціи у нея не останется ничего кромѣ одного имени—Генриха IV и двухъ пѣсенъ: *Габріель* и *Мальбругъ*.

категоріи можно отнести еще Фурье и его послѣдователей, предсказывавшихъ съ математической точностью, что черезъ 80,000 лѣтъ, люди станутъ жить по 144 года и что тогда у насъ будетъ 37 милліоновъ поэтовъ (вотъ несчастіе-то!) да кромѣ того 37 геометровъ не хуже Ньютона;—Лемерсье, писавшаго одновременно съ прекраснѣйшими драмами такія, въ которыхъ разговариваютъ муравьи, растенія и даже само Средиземное море;—Буркіелли, требовавшаго отъ живописцевъ, чтобы они изобразили ему землетрясеніе въ воздухѣ и гору, которая дѣлаетъ глазки колокольнѣ и пр.

Въ Италіи впродолженіи многихъ лѣтъ читаетъ лекціи въ одномъ изъ большихъ университетовъ профессоръ, создавшій въ своихъ сочиненіяхъ особую націю—*ханжей* (cagoti) и придумавшій для возвращенія къ жизни утопленниковъ такой приборъ, что посредствомъ его можно смѣло задушить даже здороваго человѣка. Этотъ ученый рекомендуетъ употребленіе теплыхъ ваннъ въ 20° и приписываетъ благотворное дѣйствіе морской воды выдыханіямъ рыбъ. Однакоже въ его сочиненіяхъ, напечатанныхъ уже вторымъ изданіемъ, очень много хорошаго, и ни одинъ коллега не имѣлъ повода заподозрить его въ умопомѣшательствѣ. Къ какой-же категоріи можно причислить этого субъекта? Очевидно, онъ принадлежитъ къ промежуточной ступени, переходной отъ настоящаго генія къ сумасшедшему и графоману, такъ какъ съ этими послѣдними сближаетъ его безплодность цѣлей и спокойное, упорное изслѣдованіе парадоксовъ. Всѣ такіе факты показываютъ намъ, что градаціи, переходныя ступени между умомъ и сумасшествіемъ вовсе не принадлежатъ къ области гипотезъ, какъ думаетъ уважаемый Ливи; эта постепенность согласуется впрочемъ и съ неизмѣнными законами природы, которая, какъ извѣстно, не терпитъ скачковъ, но допускаетъ лишь медленный, послѣдо-

вательный переходъ изъ однѣхъ формъ въ другія. Наконецъ, развѣ мы не встрѣчаемъ на каждомъ шагу полу-кретиновъ, полу-рахитиковъ и, къ сожалѣнію, слишкомъ часто—полу-ученыхъ?

Весьма естественно поэтому придти къ заключенію, что если такія переходныя ступени существуютъ въ области, такъ сказать, литературнаго сумасшествія, то онѣ возможны и въ области криминальнаго помѣшательства, и что для такъ называемыхъ преступниковъ или сумасшедшихъ необходимо допустить смягчающія обстоятельства, хотя врядъ-ли найдется человѣческій умъ, способный провести вполнѣ точную границу между преступленіемъ и сумасшествіемъ.

X.

„Пророки“ и революціонеры. — Савонарола. — Лазаретти.

Въ этой главѣ я постараюсь разъяснить, какимъ образомъ великіе успѣхи въ области политики и религіи народовъ нерѣдко бывали вызываемы или по крайней мѣрѣ намѣчались благодаря помѣшаннымъ или полупомѣшаннымъ.

Причина такого явленія очевидна; только въ нихъ, въ этихъ фанатикахъ, рядомъ съ оригинальностью, составляющей неотъемлемую принадлежность, какъ геніальныхъ людей, такъ и помѣшанныхъ, но въ еще большей степени геніальныхъ безумцевъ, экзальтація, и увлеченіе, достигаютъ такой силы, что могутъ вызвать альтруизмъ, заставляющій человѣка жертвовать своими интересами и даже самой жизнью для пропаганды идей толпѣ, всегда враждебно относящейся ко всякой новизнѣ и способной иногда на кровавую расправу съ новаторами.

„Посмотрите,—говоритъ Маудсли—какъ подобные субъекты умѣютъ уловить самые сокровенные оттѣнки идеи, оставшіеся незамѣченными со стороны болѣе мощныхъ умовъ, и благодаря этому совершенно иначе освѣтить данное явленіе. И такая способность замѣчается у людей, не обладающихъ ни ге-

ніемъ, ни талантомъ; они разсматриваютъ предметъ съ новыхъ, незамѣченныхъ другими точекъ зрѣнія, а въ практической жизни уклоняются отъ общепринятаго образа дѣйствій. Любопытно прослѣдить, съ какой развязностью эти люди разсуждаютъ, точно будто о простѣйшихъ задачахъ механики, о самыхъ сложныхъ вопросахъ, какъ легко они относятся къ лицамъ и событіямъ, которыя окружены ореоломъ почтенія въ глазахъ обыкновенныхъ смертныхъ; мнѣнія у нихъ по самой сущности своей еретическія, часто измѣняющіяся, и потому имъ ничего не стоитъ броситься изъ одной крайности въ другую; но, разъ усвоивъ какія-нибудь вѣрованія, они уже держатся за нихъ съ несокрушимымъ упорствомъ, исповѣдуютъ ихъ горячо, не обращая вниманія ни на какія препятствія и не мучась сомнѣніями, которыя обуреваютъ скептическіе, спокойные умы".

Вотъ почему изъ этихъ людей такъ часто выходятъ реформаторы.

Само собою разумѣется, что они не создаютъ ничего новаго, но лишь сообщаютъ толчокъ движенію, подготовленному временемъ и обстоятельствами; одержимые положительной страстью ко всякой новизнѣ, ко всему оригинальному, они почти всегда вдохновляются только-что появившимся открытіемъ, нововведеніемъ и на немъ уже строятъ свои выводы относительно будущаго. Такъ, Шопенгауэръ, жившій въ эпоху, когда пессимизмъ, съ примѣсью мистицизма и восторженности, началъ входить въ моду, по мнѣнію Рибо, только соединилъ въ стройную философскую систему идеи своего времени.

Точно такъ-же Лютеръ лишь резюмировалъ взгляды своихъ предшественниковъ и современниковъ, доказательствомъ чего служатъ проповѣди Савонаролы.

Съ другой стороны, не слѣдуетъ забывать, что когда новое

ученіе слишкомъ рѣзко противорѣчитъ вкоренившимся въ народѣ убѣжденіямъ или слишкомъ уже нелѣпо само по себѣ, оно исчезаетъ вмѣстѣ съ своимъ провозвѣстникомъ и нерѣдко становится причиною его гибели.

Маудсли говоритъ въ своей книгѣ *„Объ отвѣтственности"* (Responsability), что такъ какъ помѣшанный не раздѣляетъ мнѣній большинства, то онъ уже по самой сущности своей является реформаторомъ; но когда его убѣжденія проникаютъ въ массу, онъ опять остается одинокимъ съ немногочисленнымъ кружкомъ лицъ, ему преданныхъ.

Въ Индіи явилось теперь подъ вліяніемъ Кешаба среди самихъ браминовъ новое вѣроученіе, основанное на раціонализмѣ и скептицизмѣ чисто современныхъ, изъ чего слѣдуетъ заключить, что безуміе Кешаба значительно опередило свое время, такъ какъ успѣхъ подобной религіи былъ-бы невозможенъ даже среди европейскаго, гораздо болѣе свободно-мыслящаго общества [1]). Очевидно, что въ данномъ случаѣ новыя идеи явились подъ вліяніемъ психоза, какъ у того крестьянина, продавца губокъ, о которомъ я говорилъ раньше, и вообще у многихъ сумасшедшихъ „пророковъ", почему они и называютъ себя—„вдохновенными".

Тоже самое замѣчается и относительно политическихъ идей: нормальное, прочное развитіе исторической жизни народовъ совершается медленно при посредствѣ цѣлаго ряда послѣдовательныхъ событій; но геніальные безумцы ускоряютъ ходъ

---

[1]) Въ древней Европѣ (1680) тоже былъ свой Кешабъ въ лицѣ Кнутцена изъ Шлезвига, который отрицалъ существованіе Бога и ада, находилъ, что духовенство и судьи не только безполезны, но даже вредны. признавалъ бракъ безнравственнымъ учрежденіемъ, проповѣдывалъ, что загробной жизни быть не можетъ, что каждый долженъ руководствоваться своей совѣстью, почему и называлъ своихъ послѣдователей совѣстниками (coscenziosi).

этого развитія, опережаютъ на много лѣтъ свою эпоху, какимъ-то чутьемъ угадываютъ переходныя ступени, неуловимыя для обыкновенныхъ людей, и не колеблясь, не думая о своихъ личныхъ интересахъ, бросаются въ борьбу съ настоящимъ, выступаютъ съ горячей проповѣдью новыхъ идей, хотя-бы совершенно непримѣнимыхъ на практикѣ въ данное время. Они уподобляются въ этомъ случаѣ тѣмъ насѣкомымъ, которыя, перелетая съ цвѣтка на цвѣтокъ, переносятъ цвѣтовую пыль и тѣмъ содѣйствуютъ оплодотворенію растеній.

Соедините-же теперь непоколебимую, фанатическую преданность своимъ убѣжденіямъ, на какую способны помѣшанные, съ прозорливостью и расчетливостью генія—и вы поймете, что такая сила во всякую эпоху можетъ увлечь за собою невѣжественную толпу, которую конечно должны поражать подобные феномены, изумительные впрочемъ даже въ глазахъ ученыхъ или постороннихъ наблюдателей. Къ этому еще слѣдуетъ прибавить, что помѣшанные имѣли всегда, начиная съ древнѣйшихъ временъ, громадное значеніе въ глазахъ простого народа.

У дикарей, напр., или у древнихъ полуварварскихъ народовъ умалишенный не только не считался больнымъ, но внушалъ къ себѣ уваженіе; толпа трепетала передъ нимъ, обожала его, и онъ нерѣдко дѣлался безграничнымъ властелиномъ надъ нею[1]). Въ Индіи, напр., сами брамины покровительствуютъ нѣкоторымъ сумасшедшимъ и совѣтуются съ ними. Даже теперь тамъ существуетъ 43 секты, приверженцы которыхъ

1) Многіе изъ русскихъ точно такъ-же смотрятъ на юродивыхъ, эпилептиковъ, истеричныхъ и пр., считая ихъ пророками, вдохновенными самимъ Богомъ людьми и нерѣдко даже святыми. Напр., нѣсколько лѣтъ тому назадъ вся Москва поклонялась юродивому Ивану Яковлевичу Корейшѣ. *Пр. пер.*

несомнѣнно поврежденные люди, такъ какъ они ad majorem dei gloriem продѣлываютъ различныя несообразныя вещи: пьютъ мочу, ходятъ по острымъ камнямъ, цѣлые годы остаются неподвижными на открытомъ воздухѣ и вообще всячески истязуютъ себя.

Въ Египтѣ мы встрѣчаемся съ подобными-же фактами. Ораполло говоритъ, что тамъ существуетъ даже особый родъ умопомѣшательства (mania) и что меланхолія особенно распространена среди лицъ, занимающихся вскрытіемъ и бальзамированіемъ собакъ. Изслѣдуя муміи, Прунеръ нашелъ такія аномаліи въ строеніи ихъ черепа, которыя могутъ служить несомнѣнными признаками помѣшательства. Впрочемъ, оно и въ настоящее время настолько распространено среди смѣшаннаго, полудикаго населенія Египта, что Прунеръ насчиталъ въ больницѣ Каира 75 человѣкъ сумасшедшихъ на 300 тысячное населеніе этого города—цифра громадная, если принять въ соображеніе, что сюда не вошли такъ называемые *„святые"* (*santani*) или религіозные мономаньяки и совершенно помѣшанные, которые не только живутъ на свободѣ, но даже служатъ предметомъ поклоненія для народа и образцомъ для подражанія. Кромѣ того, въ Египтѣ, по словамъ того-же автора, часто встрѣчается самая упорная форма эпилепсіи, а также гиперемія мозга, вызываемая климатомъ, экстазами, религіозной пляской и въ особенности страхомъ. Послѣднее чувство часто принимаетъ болѣзненный характеръ въ этихъ до крайности раздражительныхъ субъектахъ и требуетъ спеціальнаго леченія.

Существованіе эпидемическаго сумасшествія у древнихъ евреевъ и собратьевъ ихъ — финикіянъ, карѳагенянъ и пр., доказывается библейской исторіей и самымъ языкомъ, въ котовомъ однѣ и тѣ-же слова служатъ для обозначенія пророка,

сумасшедшаго и преступника. — Въ Библіи разсказывается, что Давидъ, опасаясь быть убитымъ, притворился *сумасшедшимъ*, выпачкалъ себѣ бороду и поставилъ надъ дверью своего дома особый знакъ, что̀ заставило царя Ахиза сказать: „Развѣ не достаточно у меня сумасшедшихъ и безъ Давида?“ Этотъ фактъ указываетъ на частое повтореніе случаевъ помѣшательства и на то еще, что помѣшанные были неприкосновенны, вѣроятно, вслѣдствіе предразсудка, перешедшаго къ евреямъ еще отъ арабовъ, у которыхъ пророкъ и сумасшедшій называются одинаково „*нави*“.

Въ Алжирѣ, по словамъ Бербрюгера, весьма многочисленны индивидуумы, впадающіе при извѣстныхъ условіяхъ въ состояніе, очень напоминающее конвульсіонеровъ С. Медардо. Чтобы убѣдиться, какимъ уваженіемъ пользуются сумасшедшіе въ Марокко и у сосѣднихъ кочующихъ племенъ, слѣдуетъ прочесть книгу Думмондъ-Гея, который между прочимъ говоритъ: „По мнѣнью берберовъ, лишь тѣло сумасшедшихъ находится на землѣ, разумъ-же ихъ удерживается божествомъ на небѣ и возвращается къ нимъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда они должны говорить, вслѣдствіе чего каждое слово, ими сказанное, считается за откровеніе“. Самъ авторъ книги и англійскій консулъ едва не были убиты однимъ изъ этихъ святыхъ особаго рода, бѣгающихъ всюду нагими, но нерѣдко съ оружіемъ въ рукахъ и готовыхъ на самое грубое насиліе надъ тѣмъ, кто вздумалъ-бы удерживать ихъ отъ разныхъ дикихъ, возмутительныхъ поступковъ.

Пананти разсказываетъ, что въ Берберѣ хозяева каравановъ совѣтуются съ помѣшанными святыми (santoni—matti), произволу которыхъ нѣтъ границъ; такъ, одинъ изъ нихъ душилъ богомольцевъ, приходившихъ въ храмъ, а другой въ общественныхъ баняхъ изнасиловалъ жену туземца, и подруги поздравляли ее по этому поводу.

Турки относятся къ сумасшедшимъ съ такимъ-же уваженіемъ, какъ и къ дервишамъ, считая ихъ наиболѣе близкими людьми къ божеству, вслѣдствіе чего имъ открытъ доступъ даже въ домъ министровъ. Дервиши представляютъ не мало сходства съ помѣшанными; у каждой секты ихъ есть своя особая молитва и соотвѣтствующая пляска или скорѣе своеобразныя конвульсіи: молящіеся то качаются изъ стороны въ сторону, то спереди назадъ, то кружатся на одномъ мѣстѣ, ускоряя эти движенія по мѣрѣ того, какъ возрастаетъ молитвенный экстазъ. Особенно славятся своею святостью дервиши, называемые *куфаями*: они лишаютъ себя сна, или спятъ спустивъ ноги въ воду, не принимаютъ пищи по цѣлымъ недѣлямъ и пр. Молитва ихъ начинается тѣмъ, что они становятся на одну ногу, а другою описываютъ круги, держа другъ друга за руки и напѣвая вполголоса, затѣмъ движеніе усиливается, пѣніе становится громче, они закидываютъ руки на плечи одинъ другому и кружатся до тѣхъ поръ, пока не упадутъ на полъ въ священныхъ конвульсіяхъ, задыхающіеся, блѣдные, съ выпученными глазами и покрытые пѣтомъ. Подъ вліяніемъ этой религіозной *маніи*, дервиши дѣлаютъ себѣ прижиганія раскаленнымъ желѣзомъ, а гдѣ нѣтъ огня, наносятъ себѣ раны саблями и ножами.

Въ Батаки, по словамъ Иды Пфейферъ, человѣку, одержимому злымъ духомъ, оказываютъ величайшее почтеніе: — каждое слово его считается пророчествомъ, а желаніе закономъ.

На Мадагаскарѣ сумасшедшіе служатъ предметомъ поклоненія. Въ 1863 году среди тамошняго населенія появилось умопомѣшательство особаго рода: больные дрожали всѣмъ тѣломъ, били каждаго, кто къ нимъ приближался, и подвергались гал-

люцинаціямъ, причемъ постоянно видѣли умершую королеву выходящей изъ могилы. Такъ какъ король приказалъ не трогать ихъ, то случалось, что солдаты били своихъ офицеровъ, а подчиненные—начальниковъ. Манія эта продолжалась около двухъ мѣсяцевъ.

Въ Китаѣ единственной представительницей массоваго умопомѣшательства служитъ одна только секта религіозиыхъ фанатиковъ — явленіе необычайное въ этой скептической націи. Кромѣ того, послѣдователи Тао почитаютъ бѣснующихся, помѣшанныхъ, и тщательно записываютъ ихъ изреченія, думая что они служатъ выразителями мыслей бѣса относительно будущаго.

Въ Океаніи, на островѣ Таити, существуютъ также свои пророки,—т. е. тѣ-же сумасшедшіе, находящіеся, по мнѣнію народа, подъ особымъ покровительствомъ божественнаго духа.

Объ Америкѣ Скулькрафтъ говоритъ: „Уваженіе къ сумасшедшимъ составляетъ характеристическую особенность въ обычаяхъ индійскихъ племенъ Сѣвера, а также Орегона, гдѣ живутъ наиболѣе дикіе изъ туземцевъ Америки. Среди одного изъ этихъ племенъ я видѣлъ женщииу, по всѣмъ признакамъ сумасшедшую, которая пѣла какимъ-то страннымъ образомъ и раздавала окружающимъ бывшія у ней вещицы, а если кто отказывался взять ихъ, то она съ досады рѣзала себѣ тѣло ножемъ. Индѣйцы окружали ее величайшимъ почтеніемъ“.

У патагонцевъ есть колдуны и знахарки, предсказывающіе будущее во время припадковъ конвульсій. Въ жрецы у нихъ избираются преимущественно женщины, если-же будетъ избранъ мужчина, то онъ обязавъ носить женское платье; кромѣ того, избираемые должны съ дѣтства отличаться особенными способностями. Какого рода эти способности, видно изъ того факта, что эпилептики пользуются *неотъемлемымъ правомъ на избраніе въ должность жреца*, какъ обладающіе божественнымъ даромъ.

Въ Перу, кромѣ собственно духовенства, есть еще пророки, изрекающіе разныя „истины“ во время припадковъ страшныхъ судорогъ и конвульсій. Эти люди въ большомъ почтеніи у простаго народа, но высшій классъ относится къ нимъ съ презрѣніемъ.

Такое сходство во взглядахъ на помѣшательство въ разныхъ странахъ должно обусловливаться общими причинами, и, какъ мнѣ кажется, причины эти слѣдующія:

1) Располагая лишь небольшимъ числомъ привычныхъ ощущеній, простой народъ съ изумленіемъ относится ко всякому новому явленію и готовъ поклоняться всему необыкновенному; обожаніе является у него можно сказать необходимымъ рефлексомъ. вслѣдствіе каждаго слишкомъ сильнаго, новаго впечатлѣнія. Такъ, житель Перу называлъ „божественными“ — жертвенное животное, храмъ, высокую башню, большую гору, кровожаднаго звѣря, человѣка о 7 пальцахъ на рукѣ, блестящій камень и пр. Точно такъ-же на языкѣ семитовъ слово *эль* „божественный“ служитъ синонимомъ величія, свѣта, новизны и одинаково прилагается къ сильному человѣку, къ большому дереву, горѣ или животному. Наконецъ, что удивительнаго, если дикарь приходитъ въ изумленіе, при видѣ кого-нибудь изъ своихъ собратовъ вдругъ совершенно измѣнившимся, подъ вліяніемъ помѣшательства, жестикулирующимъ, возвышающимъ голосъ, говорящимъ о самыхъ необыкновенныхъ вещахъ, когда мы даже теперь, вооруженные наукой, зачастую не можемъ объяснить причины подобныхъ явленій!

2) Нѣкоторые изъ помѣшанныхъ обладаютъ необыковенной физической силой, а народъ уважаетъ силу.

3) Нерѣдко они обнаруживаютъ поразительную нечувстви-

тельность къ холоду, голоду и ко всевозможнымъ физическимъ страданіямъ.

4) Нѣкоторые изъ нихъ, одержимые религіознымъ или горделивымъ помѣшательствомъ, сами выдаютъ себя за вдохновленныхъ богами, за властелиновъ, повелителей народа и этимъ заранѣе предрасполагаютъ его въ свою пользу.

5) Но самая главная причина заключается въ томъ, что многіе изъ помѣшанныхъ нерѣдко обнаруживали умъ и волю, значительно превосходившія общій уровень развитія этихъ качествъ у массы остальныхъ согражданъ, поглощенныхъ заботами объ удовлетвореніи своихъ матеріальныхъ потребностей. Далѣе, извѣстно, что, подъ вліяніемъ страсти, сила и напряженіе ума замѣтно возрастаютъ; въ нѣкоторыхъ же формахъ умопомѣшательства, которое есть ничто иное, какъ болѣзненная экзальтація, онѣ, можно сказать, увеличиваются въ десятки разъ. Глубокая вѣра этихъ людей въ дѣйствительность своихъ галлюцинацій, мощное увлекательное краснорѣчіе, съ какимъ они высказывали свои убѣжденія, контрастъ между ихъ жалкимъ безвѣстнымъ прошлымъ и величіемъ ихъ настоящаго положенія естественно придавали подобнымъ сумасшедшимъ громадное значеніе въ глазахъ толпы и возвышали ихъ надъ общимъ уровнемъ здравомыслящихъ, по дюжинныхъ, обыкновенныхъ людей. Примѣромъ такого обаянія могутъ служить: Лазаретти, Бріандъ, Лойола, Малинасъ, Жанна д'Аркъ, анабаптисты и пр. Во время эпидеміи пророчества, бывшей въ Севеннахъ и затѣмъ недавно еще появлявшейся въ Стокгольмѣ, личности совершенно необразованныя, служанки, дѣти, подъ вліяніемъ охватившаго ихъ увлеченія, произносили проповѣди, нерѣдко отличавшіяся живостью и краснорѣчіемъ.

Одна служанка употребила напр. такого роду метафору: „подкладывая дрова въ огонь, можно-ли не вспоминать объ адѣ? Но тамъ будетъ гораздо больше дровъ и гораздо больше огня". Другая пророчица, кухарка, говорила: „Богъ проклялъ этотъ гнусный напитокъ (водку)... Грѣшниковъ—пьяницъ ожидаетъ соотвѣтствующее ихъ винѣ наказаніе—въ аду будутъ течь рѣки этого проклятаго напитка, и въ нихъ сгорятъ всѣ, кто его употреблялъ". Дѣвочка 4-хъ лѣтъ высказывала такія мысли „Богу небесному угодно призвать грѣшниковъ къ покаянію... Идите на Голгоѳу, — тамъ вы найдете праздничныя одежды (Иделеръ. *Опытъ теоріи сумасшествія* 1842 г.).

6) У варварскихъ народовъ помѣшательство часто принимаетъ эпидемическій характеръ; напр. у дикихъ негритянскихъ племенъ Жуйды (Juidah), у абипонцевъ и абиссинцевъ существуетъ эпидемія, имѣющая большое сходство съ итальянской тарантеллой, и называемая *tigretier*. — Относительно Греціи разсказываютъ, что тамъ у абдеританцевъ появилось эпидемическое помѣшательство, вызванное представленіемъ одной трагедіи; точно также повальнымъ помѣшательствомъ эротико-религіознаго характера были заражены тѣ поклонницы Вакха, которыя бѣгали по улицамъ Аѳинъ и Рима въ какомъ-то священномъ экстазѣ, томясь жаждою крови и наслажденій. Но собенно часто такіе случаи бывали въ средніе вѣка, когда эпидеміи психическаго разстройства постоянно смѣняли одна другую. Тогда повсемѣстно распространялись самыя причудливыя формы умопомѣшательства, захватывая съ неудержимою силою, подобно заразительнымъ болѣзнямъ, цѣлыя области и народы, поражая не только дѣтей, стариковъ и вообще легковѣрныхъ людей, но даже самыхъ отъявленныхъ скептиковъ. Демономанія, съ большей или меньшей примѣсью нимфоманіи, вызывала появленіе то вѣдьмъ, то бѣсноватыхъ, смотря потому, относились-ли ея жертвы къ своей болѣзни спокойно, даже съ гор-

достью, или-же, напротивъ, приходили отъ нея въ отчаяніе. Она проявлялась галлюцинаціями самаго непристойнаго содержанія, всего чаще по поводу сношеній съ нечистой силой или съ животными, въ которыхъ поселялись злые духи, а также непобѣдимымъ отвращеніемъ ко всѣмъ священнымъ предметамъ. Иногда такіе субъекты выказывали необыкновенное развитіе физическихъ или умственныхъ силъ, такъ что могли объясняться на иностранныхъ, едва знакомыхъ имъ языкахъ и связно, подробно передавать самыя отдаленныя событія изъ своей жизни, причемъ у нихъ появлялись эротическіе экстазы и мѣстныя анестезіи. Нерѣдко также они обнаруживали наклонность кусаться, стремленіе къ убійству и самоубійству отвращеніе къ разнымъ вещамъ, и всегда отличались непоколебимой вѣрой въ дѣйствительность своихъ галлюцинацій.

Когда въ Севеннахъ появилась страсть къ пророчеству, зараза распространилась на женщинъ, даже на дѣвочекъ, причемъ больные видѣли знаменія въ формѣ и расположеніи облаковъ, распредѣленіи солнечнаго свѣта и пр. — Тысячи женщинъ упорно продолжали распѣвать псалмы и пророчествовать, хотя ихъ арестовывали массами.—Цѣлые города, по свидѣтельству Виллани, казалось, были отданы во власть самого сатаны.—Въ 1374 году въ Аквисграна отъ эпилептиковъ и хореиковъ распространилось во всемъ населеніи манія плясать на улицахъ съ криками: „*Here S. Iohan so so vrisch und vord*“, причемъ даже беременныя женщины и дряхлые старики принимали участіе въ этой пляскѣ. Она сопровождалась религіозными галлюцинаціями: пляшущіе видѣли отверстымъ небо и въ глубинѣ его — блестящій сонмъ святыхъ. У нѣкоторыхъ являлось при этомъ отвращеніе къ красному цвѣту, къ остроконечнымъ вещамъ и т. под. Манія распростанилась до Кельна, гдѣ ею заразились 500 человѣкъ, затѣмъ перешла въ Мецъ, Страсбургъ и всюду держалась очень упорно. Въ слѣдующіе годы она стала появляться періодически, такъ что въ день св. Вита, избраннаго больными своими патрономъ, массы народа собирались у его гробницы. Еще въ 1623 году къ ней продолжали приходить на поклоненіе, и нѣкоторые дѣлали это до 32 разъ. (Hecker. *Tanzmanie* 1834 г.). Чрезвычайный интересъ представляетъ эпидемическая манія къ странствованіямъ, появившаяся въ средніе вѣка среди дѣтей. Въ 1212 году, когда всѣ христіане горевали о потерѣ Святой Земли, маленькій пастухъ изъ Клое (Вандомъ), вообразивъ себя избранникомъ божіимъ, началъ увѣрять всѣхъ, что подъ видомъ незнакомца, къ нему являлся самъ Богъ и, принявъ отъ него хлѣбъ, поручилъ отнести письмо къ королю. Тогда всѣ сыновья окрестныхъ пастуховъ сбѣжались къ маленькому пророку, а вслѣдъ затѣмъ до 30 т. человѣкъ взрослыхъ мужчинъ сдѣлались его поклонниками и послѣдователями. Вскорѣ начали появляться и другіе восьми-девяти-лѣтніе пророки, которые произносили проповѣди, творили чудеса и приводили цѣлые отряды доходившихъ до изступленія дѣтей къ новоявленному святому изъ Клое. Затѣмъ вся армія направилась въ Марсель, гдѣ море должно было разступиться, чтобы странники, не замочивъ ногъ, могли дойти до Іерусалима. Ни королевское запрещеніе, ни родительская власть, ни неудобства и лишенія всякаго рода—ничто не могло удержать маленькихъ пилигримовъ. По прибытіи ихъ въ Марсель, двое мошенниковъ нагрузили семь большихъ кораблей насчастными дѣтьми и увезли ихъ на Востокъ съ цѣлью продать тамъ въ рабство.

Одной изъ причинъ, обусловливавшихъ эпидемическій характеръ маніи, было то почтеніе, которымъ народъ окружалъ

страдавшихъ ею лицъ, являвшихся какъ-бы образцами для подражанія, но главную роль тутъ играли невѣжество и замкнутость порвобытныхъ обществъ. Съ развитіемъ цивилизаціи, при большой легкости сношеній между людьми, индивидуальныя особенности обозначаются рѣзче, личность обособляется вслѣдствіе эгоизма, недовѣрія, самолюбія, соперничества, ощущенія становятся разнообразнѣе, представленія многочисленнѣе, и тогда уже народныя массы гораздо труднѣе поддаются какому-нибудь общему движенію. Понятно, что *регрессивныя измѣненія* умственныхъ способностей совершаются у дикаря гораздо легче, чѣмъ у цивилизованнаго человѣка: первому несравненно труднѣе сдерживать свои страсти и отличать иллюзіи отъ дѣйствительности, воображаемое отъ желательнаго, возможное отъ сверхъестественнаго, нежели второму. Дѣйствительно, хотя за послѣднее время и возникали эпидемическія формы помѣшательства въ цивилизованныхъ странахъ, но лишь среди самыхъ невѣжественныхъ классовъ, въ уединенныхъ или окруженныхъ горами, мѣстностяхъ напр., въ Корнваллисѣ, Уэльсѣ, Норвегіи, Бретани, въ отдаленнѣйшихъ селеніяхъ Америки и въ гористыхъ частяхъ Италіи. Такъ, въ Монте Аміата, гдѣ позднѣе имѣлъ успѣхъ Лазареттн, по свидѣтельству мѣстной хроники, пользовался репутаціей святого нѣкто Аудиберти, очевидно помѣшанный, отличавшійся крайней нечистоплотностью. Въ той-же мѣстности былъ нѣкогда извѣстенъ Бартоломео Брандано, почти столѣтній старикъ, впавшій въ религіозное помѣшательство, вѣроятно, подъ вліяніемъ скорби о бѣдствіяхъ Италіи, которая страдала тогда отъ нашествія испанскихъ войскъ. Вообразивъ себя Іоанномъ Крестителемъ, онъ сталъ подражать ему въ образѣ жизни, одѣвался въ короткую рубашку изъ грубой холстины и, босой, съ крестомъ въ рукахъ и съ черепомъ подъ мышкой, странствовалъ по окрестностямъ Сіены, поучалъ народъ, пророчествовалъ, совершалъ чудеса и вездѣ пріобрѣталъ послѣдователей.

Затѣмъ онъ отправился въ Римъ и на площади Св. Петра проповѣдывалъ противъ папы и кардиналовъ. Однако, Климентъ VII, вмѣсто того, чтобы повѣсить его за такую дерзость, отправилъ въ тюрьму Тординона, куда обыкновенно запирали сумасшедшихъ, если не считали нужнымъ сжигать ихъ живыми, какъ одержимыхъ бѣсомъ. Выйдя изъ тюрьмы, Брандано нѣсколько разъ оскорблялъ капитана испанской арміи Мендоцца, который, не зная навѣрное, что это за человѣкъ—святой, пророкъ или помѣшанный,—отправилъ его въ каторжную тюрьму Таламоне, предоставивъ рѣшеніе этого вопроса завѣдывавшему ею чиновнику. Но тотъ отказался помѣстить у себя несчастнаго старика, на томъ основаніи, что если онъ святой, то святыхъ не отправляютъ на каторгу; если пророкъ, то пророковъ не наказываютъ; а если сумасшедшій, то сумасшедшіе не подлежатъ общимъ законамъ,—такъ что Брандано былъ вскорѣ выпущенъ на свободу. Сказавъ нѣсколько проповѣдей каторжникамъ, онъ ушелъ и продолжалъ пророчествовать и чудить по прежнему. Даже недавно въ отдаленныхъ провинціяхъ Піемонта появились двое святыхъ, одинъ изъ которыхъ пробылъ 20 лѣтъ на каторгѣ, а другой въ короткое время успѣлъ собрать около себя болѣе 300 человѣкъ послѣдователей. Кромѣ того, въ самой гористой части Черногоріи эпидемически распространилось въ 1881 году нелѣпое убѣжденіе, что тамъ появляется самъ Іисусъ Христосъ, вслѣдствіе чего въ занесенныхъ снѣгомъ горахъ собралось болѣе 3,000 человѣкъ окрестныхъ жителей. Около того-же времени въ Абруццахъ былъ арестованъ бродяга, выдававшій себя за мессію.

Возникшая въ Норвегіи, въ 1842 году, эпидемія проро-

чества такъ и называлась *„болѣзнью служанокъ“* (Magdkrankheit), потому что ею заболѣвали преимущественно служанки, страдавшія истерикой, и даже дѣвочки. Модное увлеченіе послѣдняго времени магнитизмомъ и столоверченіемъ, дошедшее до такой нелѣпости, какъ *говорящіе столы*, хотя и распространились довольно широко, но до полнаго умственнаго разстройства оно довело лишь немногихъ и болѣзнь эта имѣетъ *спорадическій* характеръ [1]). Вообще, съ развитіемъ цивилизаціи начинаютъ исчезать предразсудки, а они-то, какъ извѣстно, всего болѣе и благопріятствуютъ распространенію душевныхъ болѣзней. Въ Стокгольмѣ, напр., манія пророчества съ особенною силою проявлялась въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ умы уже заранѣе были подготовлены къ ней проповѣдями и обрядами религіознаго характера, что всегда вызывало увеличеніе числа помѣшанныхъ.

Этихъ фактовъ совершенно достаточно, чтобы объяснить себѣ причину успѣха пророковъ древняго и новаго времени, а также ихъ вліянія, отражающагося на историческомъ ходѣ развитія народовъ. Можно указать не мало примѣровъ того, что народъ принималъ за пророковъ несчастныхъ больныхъ, страдавшихъ горделивымъ помѣшательствомъ или теоманіей, а ихъ галлюцинаціи—за откровеніе свыше. Такимъ путемъ возникли новыя секты, усилившія и безъ того ожесточенныя религіозныя распри со всѣми ихъ печальными послѣдствіями, распри, омрачавшія весь періодъ среднихъ вѣковъ и непрекратившіяся совершенно даже и въ наше время. Напр., нѣкто

---

[1]) Относительно увлеченія спиритизмомъ это врядъ-ли справедливо; по крайней мѣрѣ у насъ въ Петербургѣ спириты уже имѣютъ свой органъ и насчитываютъ между своими адептами нѣсколькихъ поврежденныхъ профессоровъ (Вагнеръ и Бутлеровъ).

Прим. перев.

Пикаръ, вообразилъ себя Сыномъ Божіимъ, посланнымъ на землю научить людей, чтобъ они не носили одежды и имѣли-бы общихъ женъ; ему вѣрятъ, — повинуются, и вотъ является секта адамитовъ. Точно также возникло ученіе анабаптистовъ. Послѣдователямъ его, въ Мюнстерѣ, въ Аппенцелѣ, въ Польшѣ, вдругъ начинаютъ представляться борющіеся на небѣ ангелы и огненные драконы; они получаютъ свыше повелѣніе убивать своихъ братьевъ и нѣжно любимыхъ дѣтей (манія убійства), воздерживаться отъ пищи по цѣлымъ мѣсяцамъ, или поражать войска своимъ дыханіемъ и взглядомъ. Позднѣе, подобнымъ-же образомъ, произошли секты кальвинистовъ и янсенистовъ, изъ-за которыхъ было пролито столько крови. О колдунахъ, вѣдьмахъ, одержимыхъ бѣсами, и говорить нечего—появленіе ихъ понятно само собою.

Списки сумасшедшихъ писателей и пророковъ (illuminati) приведенные у Дельпьера, Филомнеста, Аделунга, вызываютъ невольную улыбку состраданія надъ человѣческимъ безуміемъ, когда припомнишь, что у большинства этихъ душевно-больныхъ были многочисленные послѣдователи. Въ половинѣ XVIII ст. является напр., нѣкто Клейновъ, выдающій себя за короля Сіона; въ приверженцахъ у него, конечно, нѣтъ недостатка, и они воображаютъ себя его дѣтьми. Затѣмъ, что можетъ быть нелѣпѣе ученія Сведенборга, который увѣрялъ, что ему случалось по цѣлымъ днямъ, даже по цѣлымъ мѣсяцамъ, бесѣдовать съ духами, живущими на различныхъ планетахъ, и видѣть ихъ обитателей, причемъ онъ разсказывалъ, что жители Юпитера ходятъ частью на рукахъ, частью на ногахъ, жители Марса говорятъ глазами, а жители Луны—животомъ. Тѣмъ не менѣе Сведенборгъ еще недавно имѣлъ массу поклонниковъ, раздѣлявшихъ его мнѣнія.

Въ 1655 году Ване, написавшій туманное сочиненіе подъ

заглавіемъ „*Тайна и могущество Божества, блистающаго въ мірѣ живомъ*“, собралъ вокругъ себя такъ называемыхъ *искателей* (шекеры), которые розыскивали всюду и надѣялись найти сверхъестественныя явленія, проповѣдуя *миллеперизмъ*. Онъ былъ обезглавленъ.

Въ 1792 году Ирвингъ, благодаря божественному откровенію получившій способность понимать незнакомые ему языки, основалъ секту ирвингистовъ.

Гумфри, или скорѣе Нойесъ (Noyes) изъ Соединенныхъ Штатовъ, вообразивъ себя пророкомъ, положилъ начало сектѣ *перфекціонистовъ*, всего болѣе распространенной теперь въ штатѣ Онеида. Послѣдователи ея считаютъ кражей не только собственность, какъ это доказывалъ Прудонъ, но даже и бракъ; вмѣстѣ съ тѣмъ они отрицаютъ гражданскіе законы и приписываютъ всѣ самые обыденные поступки свои божественному вдохновенію.

Дѣды наши, вѣроятно, еще помнятъ, какимъ громаднымъ значеніемъ пользовалась въ Европѣ Юлія Крюднеръ, эта, въ полномъ смыслѣ слова, пророчица монархизма, страдавшая истеріей. Эротическія наклонности были въ ней настолько неудержимы, что она публично становилась на колѣни передъ однимъ теноромъ; потомъ любовныя неудачи заставили ее обратиться къ религіи. Она вообразила себя избранной Богомъ для спасенія человѣчества и съ пламеннымъ краснорѣчіемъ принялась вербовать себѣ сторонниковъ. Въ Базелѣ Крюднеръ взволновала весь городъ проповѣдью о скоромъ пришествіи новаго Мессіи; 20 тысячъ человѣкъ собралось на ея призывъ, такъ что сенатъ въ испугѣ поспѣшилъ изгнать ее изъ города; тогда она переѣхала въ Баденъ, гдѣ 4-хъ тысячная толпа народа уже дожидалась ея на площади, чтобы поцѣловать руку вдохновенной пророчицы или край ея платья; одна дама предложила ей 10 тысячъ флориновъ на постройку церкви, но Крюднеръ раздала деньги бѣднымъ, „*царство которыхъ приближается*“. Послѣ того какъ ее выслали изъ Бадена, она начала странствовать по Швейцаріи, всюду сопровождаемая толпой народа. Вслѣдствіе преслѣдованій полиціи, Крюднеръ изъ городовъ направилась въ деревни, гдѣ ее встрѣчали восторженно, осыпая благословеніями. Поступки свои она приписывала вліянію ангеловъ; Наполеона, отнесшагося къ ней съ презрѣніемъ, Крюднеръ называла темнымъ ангеломъ, а императора Александра—свѣтлымъ и съумѣла даже сдѣлаться совѣтницей этого послѣдняго, такъ что священный союзъ былъ заключенъ будто-бы исключительно подъ ея вліяніемъ.

Лойола занялся религіозными вопросами послѣ того, какъ былъ раненъ; затѣмъ, подъ страшнымъ впечатлѣніемъ вспыхнувшаго въ Виртембергѣ возстанія, задумалъ основать принесшее столько вреда общество іезуитовъ, причемъ утверждалъ, что яко бы Богородица лично помогала ему въ осуществленіи его проектовъ, и онъ слышалъ съ неба ободрявшіе его голоса.

Лютеръ приписывалъ свои физическія страданія и сновидѣнія дьявольскому навожденію, хотя всѣ описанные имъ недуги доказываютъ, что они были вызваны нервнымъ разстройствомъ. Напр., онъ нерѣдко жаловался на ужасное удушье, причиняемое ему разгнѣваннымъ божествомъ. Въ 27 лѣтъ съ нимъ начали дѣлаться головокруженія, головныя боли, шумъ въ ушахъ, что повторялось потомъ у него довольно часто, особенно во время путешествія въ Римъ.

Кромѣ того, Лютеръ страдалъ галлюцинаціями всегда одного и того-же содержанія, что можетъ быть, обусловливалось постояннымъ уединеніемъ. Вотъ какъ описываетъ онъ ихъ: „Когда въ 1521 году, пишетъ онъ, я находился на своемъ

Патмосѣ—въ комнатѣ, куда никто не входилъ, за исключеніемъ двоихъ слугъ, приносившихъ мнѣ пищу, то услышалъ однажды вечеромъ, лежа въ постели, что орѣхи начали шевелиться въ мѣшкѣ и выскакивать изъ него, стукаясь въ потолокъ около моей кровати. Едва я заснулъ, какъ услышалъ страшный шумъ и, вскочивъ, закричалъ: „*Кто ты?* и пр.

Въ Вюртембергѣ, какъ только Лютеръ, объясняя въ церкви *посланіе къ Римлянамъ*, дошелъ до словъ: „праведникъ живетъ истинной вѣрой“, онъ вдругъ почувствовалъ, что это изрѣченіе проникло ему въ душу, и услышалъ, что кто-то нѣсколько разъ повторилъ эту фразу у него надъ ухомъ. То-же изрѣченіе припомнилось ему по дорогѣ въ Римъ въ 1570 г., а когда онъ поднимался по лѣстницѣ въ папскій дворецъ, кто-то крикнулъ ему эти слова громовымъ голосомъ. Далѣе, онъ сознается, что нерѣдко просыпался въ полночь и велъ диспуты, относительно обѣдни, съ сатаной, нѣкоторыми аргументами котораго и воспользовался потомъ, когда доказывалъ нелѣпость обрядовъ при католическомъ богослуженіи.

Чудеса геройства, совершенныя Жанной д'Аркъ, были вызваны галлюцинаціями, которыми она страдала съ 12-тилѣтняго возраста.

Уже въ недавнее время, основатель секты квакеровъ, Георгъ Фоксъ, съ крайнимъ увлеченіемъ пропагандировалъ свое ученіе, именно подъ вліяніемъ галлюцинацій. Видѣнія заставили его покинуть семью; онъ облекся въ кожаную одежду, сталъ жить въ дуплахъ деревьевъ и здѣсь получилъ откровеніе, что всѣ христіане, къ какому-бы вѣроисповѣданію они ни принадлежали, должны считаться сынами Божіими. Сначала ему никто не хотѣлъ вѣрить, но тогда онъ услышалъ голосъ, говорившій: „Іисусъ Христосъ тебя понимаетъ“. Послѣ этого Фоксъ пробылъ двѣ недѣли какъ-бы въ летаргическомъ снѣ, причемъ тѣло его оставалось неподвижнымъ, точно у мертваго, а мозгъ продолжалъ работать. Подобные-же припадки повторялись и съ его послѣдователями, людьми честными, но болѣзненно настроенными, вслѣдствіе чего имъ являлись видѣнія и они начинали пророчествовать.

Еще болѣе подходящій для нашей цѣли примѣръ представляетъ Савонарола, хотя, говоря это, я рискую оскорбить національное чувство итальянцевъ. Подъ впечатлѣніемъ одного видѣнія, онъ еще смолоду началъ считать себя избранникомъ, ниспосланнымъ на землю самимъ Іисусомъ Христомъ для возрожденія погрязшаго въ порокахъ населенія Флоренціи. Затѣмъ, разговаривая однажды съ какимъ-то монахомъ, Савонарола увидѣлъ въ разверстыхъ небесахъ картину бѣдствій, испытываемыхъ церковью, и услышалъ голосъ, повелѣвающій ему возвѣстить объ этомъ народу.

Ему постоянно представлялись видѣнія изъ Апокалипсиса, а также изъ событій ветхозавѣтной исторіи. Въ 1491 году онъ рѣшилъ было не касаться политики въ своихъ проповѣдяхъ, но во время молитвы услышалъ слова: „Глупецъ, развѣ ты не видишь, что самъ Богъ повелѣваетъ тебѣ идти по прежней дорогѣ“ и, конечно, измѣнилъ свое намѣреніе.

Въ 1492 году съ Савонаролой случился припадокъ галлюцинаціи во время самого произнесенія проповѣди — онъ увидѣлъ мечъ съ надписью: „*Gladius Domini superterram*“ (мечъ Бога на землѣ), который вдругъ обратился клинкомъ внизъ, причемъ небо омрачилось, съ него посыпались мечи, стрѣлы, искры, и земля показалась ему обреченной на жертву голода и чумы. Съ тѣхъ поръ онъ началъ предсказывать появленіе этого послѣдняго бича, и черезъ нѣсколько времени пророчество его дѣйствительно исполнилось.

Во время одного изъ своихъ видѣній Савонарола пробылъ

долго въ раю, гдѣ бесѣдовалъ со многими святыми и съ Богородицей, престолъ которой онъ описалъ впослѣдствіи чрезвычайно подробно, не забывъ даже упомянуть, сколько именно драгоцѣнныхъ камней украшали его.

Подобно Лазаретти, онъ постоянно размышлялъ о своихъ видѣніяхъ, стараясь опредѣлить, какія изъ нихъ были навѣяны ангелами и какіе—демонами. Иногда у него являлось сомнѣніе въ дѣйствительности этихъ видѣній, но онъ убѣждалъ себя, что это невозможно, и, какъ всѣ помѣшанные, часто впадалъ въ противорѣчія, то называя себя боговдохновеннымъ, то отрицая въ себѣ пророческій даръ, ниспосланный свыше. „Я не пророкъ и не сынъ пророка“, сказалъ онъ однажды: — „это ваши грѣхи насильно заставили меня сдѣлаться пророкомъ“.

Виллари, біографъ Савонаролы, въ недоумѣніи останавливается надъ рѣшеніемъ вопроса—„какимъ образомъ этотъ величайшій изъ философовъ, давшій Флоренціи совершеннѣйшую форму республиканскаго управленія, властвовавшій надъ цѣлымъ народомъ, потрясавшій весь міръ своимъ краснорѣчіемъ, какимъ образомъ такой человѣкъ могъ гордиться тѣмъ, что слышитъ какіе-то голоса и видитъ знаменія вродѣ меча Господня?!“

Задаваясь этимъ вопросомъ, Виллари приходитъ къ справедливому заключенію, что самая безсодержательность этихъ видѣній и служитъ доказательствомъ, что Савонарола находился подъ вліяніемъ галлюцинацій, не говоря уже о томъ, что, постоянно выставляя ихъ на видъ, онъ не только вредилъ себѣ, но и успѣху своего дѣла. Какую пользу могло принести ему, въ смыслѣ пріобрѣтенія популярности въ народѣ, составленіе трактатовъ о видѣніяхъ, разговоры по поводу ихъ съ матерью, или разсужденія, написанныя имъ на поляхъ своей библіи? Все, что поклонники его желали бы скрыть, что не

дозволила-бы передать гласности самая дюжинная заботливость о своей славѣ, все это онъ печаталъ и распространялъ въ публикѣ. Но дѣло въ томъ, что по его собственному признанію, онъ былъ пожираемъ какимъ-то внутреннимъ огнемъ, заставлявшимъ его говорить и писать иногда противъ воли. Въ этой-то неудержимой силѣ экстаза, доходившаго до бреда, и заключалась причина того могучаго дѣйствія, какое производилъ Савонарола на своихъ слушателей. Читая теперь текстъ его проповѣдей, мы не можемъ составить себѣ даже приблизительнаго понятія о томъ потрясающемъ впечатлѣніи, какое онѣ производили на толпу. Восторженное безуміе этого „пророка“ не только фанатазировало ее, но даже прямо заразительно дѣйствовало на нѣкоторыхъ субъектовъ: они тоже впадали въ умопомѣшательство и, подобно послѣдователямъ Лазаретти, изъ невѣжественныхъ, полуграмотныхъ простолюдиновъ вдругъ превращались въ проповѣдниковъ или писателей.

Если-бы читатели спросили насъ, часто-ли подобные типы встрѣчаются въ нашихъ домахъ умалишенныхъ, то мы отвѣтили-бы имъ, что въ Италіи не найдется, быть можетъ, ни одного психіатрическаго госпиталя, въ которомъ такого рода больные не составляли-бы обычнаго явленія.

Когда я завѣдывалъ домомъ умалишенныхъ въ Пезаро, у меня на рукахъ было трое больныхъ этого типа: одинъ изъ нихъ называлъ себя папой Анастасіемъ; онъ назначалъ кардиналовъ, референдаріевъ и пр., и постоянно издавалъ декреты, въ которыхъ не было ничего нелѣпаго, кромѣ подписи. Другой, бывшій прежде военнымъ (папскимъ сержантомъ), сочинилъ новыя заповѣди, чрезвычайно курьезныя и даже странныя. Я привожу здѣсь четыре изъ нихъ, чтобы несвѣдущія въ психіатріи лица могли убѣдиться, до какой степени слогъ ихъ напоминаетъ сочиненія Лазаретти, Пассананте и Манжіоне:

**

тутъ мы встрѣчаемъ тѣ-же повторенія, то-же обиліе созвучій и такое-же библейское построеніе періодовъ. [1]) Въ Ломбардской больницѣ папъ и пророковъ было мало: помню только одного алкоголика, собиравшагося устроить крестовый походъ противъ синдика въ Вижевано, но въ Миланѣ всѣмъ и каждому извѣстенъ оригинальный пророкъ *механики и соціализма*, Чіанкеттини, редакторъ „Travaso".

Впрочемъ, особенно любопытный примѣръ такого рода и наиболѣе достовѣрный (такъ какъ онъ произошолъ недавно у всѣхъ на глазахъ) составляетъ историческій фактъ—появленіе пророка *Давида Лазаретти* [2]).

Д. Лазаретти родился въ Арчидосо въ 1834 году; отецъ его былъ ломовой извощикъ, кажется пьяница, но чрезвычайно крѣпкого тѣлосложенія; въ родствѣ у него были самоубійцы и сумасшедшіе, между прочимъ, одинъ религіозный маньякъ, воображавшій себя предвѣчнымъ Отцомъ; шестеро братьевъ отличались силой, громаднымъ ростомъ, живостью ума и необыкновенной памятью; одинъ изъ нихъ, напр., не умѣвшій ни читать, ни писать, помнилъ до 200 счетовъ своихъ съ кредиторами. Давидъ выдавался изъ всѣхъ братьевъ высокимъ ростомъ, прекраснымъ тѣлосложеніемъ и недюжинными умственными способностями; черепъ у него былъ очень большой, удлиненной формы, а глаза до того блестящіе, что нѣтоторые находили въ нихъ что-то чарующее, хотя большинству они казались демоническими, безумными. Изслѣдованіе показало, что у него была hypospadia, онъ смолоду страдалъ мужескимъ безсиліемъ. Ненормальность эта имѣетъ значеніе, такъ какъ Морель и Легранъ ле Соль нерѣдко встрѣчали ее у маттоидовъ.

Съ дѣтства въ характерѣ мальчика обнаружились противорѣчія и крайности, столь обычные у кандидатовъ на занятіе койки въ больницѣ для умалишенныхъ. Такъ, еще ребенкомъ онъ задумалъ пойти въ монахи, потомъ, занявшись ремесломъ отца, началъ вести разгульную жизнь и злоупотреблять спиртными напитками. Въ то-же время онъ усердно принялся за чтеніе, причемъ выборъ книгъ былъ чрезвычайно странный для человѣка его среды—Данте и преимущественно Тассо. Въ 15 лѣтъ Давида уже прозвали „*mille idee*" (тысяча мыслей) за то, что онъ сочинялъ своеобразныя пѣсенки, хотя никогда не могъ усвоить грамматическихъ правилъ. Отчаянный богохульникъ и забіяка, юноша вскорѣ сдѣлался грозою для всѣхъ окружающихъ; его до такой степени боялись, что однажды на какомъ-то праздникѣ ему удалось, только въ компаніи съ братьями и безъ всякаго оружія, обратить въ бѣгство все населеніе

---

1) «Questi sono i dieci Comandamenti di Logge e mio proprio comando tanto nel giorno come nella notte.

«Dico a te, uomini e donne, e ancora al sesso mascolino, e femminile, non devi fare questi delitti;

«1° Tu popoli devi ora convenire e confessare publicamente le mie virtù e di credermi in verità che io persona proprio Nicola Palotta, io in persona proprio io sono questo Spirito Santo Iddio, che so vivo in questo Mondo, Primo e unico Creatore e Signore Padrone, e Sovrano Comandatore, e Grande Iddio che so in questo Monde Vivo, Imperatore D'Itaglia Romano e vero nativo Senigalliese Nicola Palotta, e tu popoli non ai altro. Iddio, primo di me in questo mondo vivo.

2 Non nominare i Nomi di me Iddio in giuramenti falsi e con bestemmie e con bigle e con altre ingiurie; dico a te uomini e donne, ed anche a tutti i Sessi mascolino e femminile.

«3° Ricordati di Santificare le feste e quelle da me conosciute e santificate da me Spirito Santo Iddio Nicola Palotta che sono vivo in questo mondo.

«4° Devi onorari e rispettare i tuoi propri padri e le tue propri Madre, e tu Padri e tu Madri devi onorare e rispettare i tuoi propri figli, e le tue proprie figlie, per quel merito che loro anno e come ti corrispondano, e tu non devi darli i cattivi esempi. ecc.».

2) Въ біографіяхъ Савонаролы, Лазаретти и Пассананте выпущены нѣкоторыя, мало интересныя для русскихъ читателей, подробности.

Кастель дель Піано. И однакоже онъ легко увлекался всѣмъ возвышеннымъ и благороднымъ—все равно былъ-ли это разговоръ, стихотвореніе, проповѣдь или театральное представленіе. Христосъ и Магометъ внушали ему такое глубокое уваженіе, что онъ считалъ ихъ величайшими людьми изъ всѣхъ, когда-либо жившихъ на землѣ. По собственнымъ признаніямъ Лазаретти, онъ еще съ 14 лѣтъ страдалъ тѣми разнообразными галлюцинаціями, которыя имѣли для него роковое значеніе впослѣдствіи. Въ молодыхъ годахъ онъ увлекся одной еврейкой изъ Питильяно, вѣроятно, потому, что она горячо сочувствовала его религіознымъ убѣжденіямъ, и въ то-же время онъ говорилъ, что питаетъ отвращеніе къ тремъ вещамъ—къ женщинамъ, церкви и танцамъ.

Въ 1859 году, 25-ти лѣтній Лазаретти поступилъ волонтеромъ въ кавалерійскій полкъ и въ 1860 году принималъ участіе въ экспедиціи генерала Чіальдини, но скорѣе въ качествѣ служителя, чѣмъ въ званіи солдата. Передъ выступленіемъ въ походъ онъ написалъ патріотическій гимнъ, который отослали къ Брофферіо и тотъ былъ пораженъ оригинальностью выраженныхъ въ немъ идей и красотою отдѣльныхъ стиховъ, что составляло поразительный контрастъ съ безграмотностью и грубымъ стилемъ всего гимна.

Но черезъ нѣсколько времени онъ опять принялся за свое ремесло извощика, а вмѣстѣ съ тѣмъ вернулся къ оргіямъ и кутежамъ. Тогда онъ сошелся съ женой, хотя обвѣнчался съ ней еще за три года передъ тѣмъ. Онъ питалъ къ ней такую поэтическую привязанность, что даже выражалъ ее въ нѣжныхъ стихотвореніяхъ.—Въ этотъ-же періодъ самолюбіе до того отуманило ему голову, что онъ, не получившій никакого образованія, началъ снова писать стихи и трагедіи, выходившія у него чрезвычайно комичными.

Мало по малу чудачества Лазаретти приняли иное направленіе: въ 1867 г., когда ему было уже 33 года, вслѣдствіе-ли пьянства или подъ вліяніемъ политическихъ волненій, у него сильнѣе, чѣмъ когда нибудь, возобновились религіозныя галлюцинаціи, которыми онъ страдалъ въ 48 году. Въ одинъ прекрасный день онъ исчезъ куда-то; оказалось, что, какъ и тогда, ему явилась Божія Матерь и повелѣла отправиться въ Римъ, объявить папѣ о своей божественной миссіи. Тотъ сначала не хотѣлъ принять Лазаретти, но потомъ обласкалъ его, хотя при этомъ, говорятъ, и посовѣтовалъ ему хорошій душъ. Затѣмъ, тоже по указанію Богоматери, онъ пошелъ къ нѣкоему пустыннику, Игнатію Микусу, который три мѣсяца продержалъ его у себя въ пещерѣ и занимался съ нимъ изученіемъ теологіи. Предполагаютъ, что онъ-же помогъ Лазаретти вырѣзать на лбу у себя знакъ, который тотъ выдавалъ потомъ за печать, положенную рукою св. Петра, и показывалъ только истинно вѣрующимъ, отъ непосвященныхъ-же скрывалъ ее подъ прядью волосъ. При медицинскомъ осмотрѣ оказалось, что

она имѣла видъ неправильнаго параллелограма, въ верхней части котораго были крестообразно расположены 13 точекъ. Этому знаку, а также двумъ другимъ, на плечѣ и на внутренней сторонѣ ноги—Лазаретти, какъ подобаетъ помѣшанному, придавалъ таинственное, чудодѣйственное значеніе и считалъ всю эту татуировку доказательствомъ особаго благоволенія Божія (печатью договора съ Богомъ).

Съ тѣхъ поръ Лазаретти совершенно перемѣнился, какъ это обыкновенно случается съ помѣшанными [1]): изъ драчуна, богохульника и кутилы, онъ превратился въ тихаго, скромнаго пустынника, и жилъ нѣкоторое время въ горахъ, почти подъ открытымъ небомъ, питаясь иногда однимъ хлѣбомъ съ водой, или-же травой, приправленной солью и уксусомъ, полентой, постной похлебкой, чеснокомъ съ хлѣбомъ и пр. Находясь на островѣ Монтекристо, въ 1870 году, онъ болѣе мѣсяца пробавлялся шестью хлѣбами, съ добавленіемъ зелени, а живя во французскомъ монастырѣ, съѣдалъ только двѣ картофелины въ день. Самыя сочиненія его изъ шутовскихъ и неуклюжихъ сдѣлались вполнѣ порядочными, иногда изящными — что должно было особенно сильно поразить и не однихъ только простолюдиновъ. Кромѣ того, онъ сталъ писать болѣе толково, употребляя сильныя образныя выраженія, и съ такимъ религіознымъ чувствомъ, какое можно было встрѣтить развѣ лишь у первыхъ христіанъ.

Духовенство того мѣстечка, гдѣ родился Лазаретти, видя въ немъ какъ-бы олицетвореніе древнихъ пророковъ, чѣмъ онъ и былъ въ дѣйствительности, какъ мы увидимъ дальше, отнеслось къ нему тѣмъ съ бо̀льшимъ уваженіемъ, что, по своему обычаю, рѣшилось эксплоатировать его въ своихъ интересахъ и воспользоваться имъ для сбора пожертвованій на постройку церкви.

Народъ, уже безъ того изумлявшійся полной перемѣнѣ въ образѣ жизни Лазаретти и его татуировкѣ, еще болѣе изумлялся теперь вдохновеннымъ рѣчамъ, его длинной всклокоченной бородѣ, серьезной наружности и, подстрекаемый духовенствомъ, толпами бѣжалъ послушать новаго пророка.

[1]) Въ Пезаро у меня было нѣсколько душевно больныхъ монахинь изъ римскихъ монастырей. Я не встрѣчалъ никогда болѣе отвратительныхъ богохульницъ, чѣмъ онѣ. Мнѣ случалось лечить также евреевъ, бывшихъ раньше чрезвычайно религіозными; первымъ симтомомъ помѣшательства являлось у нихъ желаніе креститься, но по выздоровленіи они тотчасъ-же возвращались къ прежнимъ вѣрованіямъ.

Начались процессіи... Окруженный духовенствомъ и знатнѣйшими изъ мѣстныхъ жителей, Лазаретти посѣтилъ Арчидоссо, Роккальбенья, Кастель дель Піано и другіе ближайшіе города; населеніе повсюду встрѣчало его съ восторгомъ, на колѣняхъ, а священники и духовенство окрестныхъ церквей цѣловали ему руки и даже ноги.—Приношенія сыпались со всѣхъ сторонъ, но были однако не особенно велики, такъ какъ жители не могли жертвовать много; поэтому для постройки церкви рѣшено было воспользоваться ихъ даровымъ трудомъ. Мѣсто выбрали вблизи Арчидоссо и работа закипѣла. Десятки тысячъ вѣрующихъ, мужчины, женщины, даже дѣти принялись таскать камни, бревна и другіе строительные матеріалы. Къ сожалѣнію, какъ въ стихосложеніи, такъ и въ архитектурѣ, кромѣ пророческаго вдохновенія, необходимы еще научныя познанія; а ихъ то и не было у Лазаретти; поэтому затѣянная постройка оказалась столь-же неудачной, какъ его поэзія: собранные съ такимъ трудомъ матеріалы остались на мѣстѣ, въ видѣ безобразной кучи мусора, и вся эта затѣя окончилась настолько-же безплодно, какъ нѣкогда сооруженіе вавилонской башни. Въ январѣ 1870 года Лазаретти основалъ Общество *священной лиги*, имѣвшее цѣлью взаимное вспомоществованіе и дѣла милосердія. Въ мартѣ того-же года, послѣ общей трапезы съ своими послѣдователями, онъ отправился на островъ Монтекристо, гдѣ, впродолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, писалъ посланія, пророчества и поученія, а потомъ, вернувшись въ Монтелабро, составилъ описаніе видѣній и пророческихъ сновъ, какіе были ниспосланы ему во время пребыванія на островѣ. Вслѣдъ затѣмъ его обвинили въ подстрека-

тельствѣ къ бунту, но судъ оправдалъ его. Послѣ того Лазаретти основалъ другое общество подъ названіемъ *Христіанская Семья*, но былъ снова арестованъ по совершенно неосновательному подозрѣнію, будто это общество организовано съ мошенническими цѣлями; однако, благодаря заступничеству Сальви, его оправдали и онъ отдѣлался только 7-ми мѣсячнымъ предварительнымъ заключеніемъ въ тюрьмѣ.

Повинуясь новому велѣнію свыше, Лазаретти предпринялъ въ 1873 году путешествіе и посѣтилъ Римъ, Неаполь, Туринъ, затѣмъ отправился въ гренобльскій картезіанскій монастырь, гдѣ составилъ правила для Ордена кающихся монаховъ, а также и цифрованную азбуку. Тамъ-же онъ написалъ сочиненіе подъ заглавіемъ *„Небесные цвѣты“*, гдѣ говорится между прочимъ, что *„Великій мужъ сойдетъ съ горъ въ сопровожденіи небольшаго отряда горцевъ“*; въ этой-же книгѣ описаны видѣнія, сны и божественныя заповѣди, ниспосланныя автору во время его пребыванія въ монастырѣ.

При возвращеніи въ Монтелабро, его встрѣтила на дорогѣ громадная толпа приверженцевъ и любопытныхъ, которой онъ сказалъ проповѣдь на тему: „Богъ видитъ, судитъ насъ и воздаетъ каждому по дѣламъ его“. За эту проповѣдь его привлекли къ отвѣтственности, обвинивъ въ намѣреніи ниспровергнуть правительство и вызвать междоусобную войну“.

На этотъ разъ эксперты не были спрошены, и судъ, не принявъ во вниманіе ни странной татуировки, ни курьезныхъ сочиненій Лазаретти, отнесся къ нему точно будто къ человѣку, находившемуся въ здравомъ умѣ, и приговорилъ его за плутовство, соединенное съ бродяжничествомъ, къ 15-ти мѣсяцамъ тюремнаго заключенія и отдачѣ на годъ подъ надзоръ

полиціи [1]). Но апелляціонная палата отмѣнила это рѣшеніе, такъ что Лазаретти вернулся въ августѣ 1875 года въ Монтелабро, гдѣ снова организовалъ свое распавшееся было Общество и поставилъ во главѣ его священника Имперіуцци. Затѣмъ, вслѣдствіе разстроеннаго въ тюрьмѣ здоровья, а можетъ быть также съ цѣлью избѣжать новыхъ арестовъ или изъ желанія разыграть роль мученика передъ французскими легитимистами, онъ отправился во Францію. Около одного изъ городовъ Бургоньи, на него, какъ онъ самъ говоритъ, снизошло божественное вдохновеніе, результатомъ котораго явилась книга, по справедливости названная имъ таинственной, подъ заглавіемъ *„Моя борьба съ Богомъ“*. (La mia lotta con Dio). Въ это же время онъ написалъ сочиненіе *„О семи печатяхъ съ описаніемъ признаковъ семи вѣчныхъ городовъ“*, заимствованная отчасти изъ Библіи, отчасти изъ Апокалипсиса и наполнено самыми нелѣпыми разсужденіями. Кромѣ того, Лазаретти издалъ еще свою программу, въ которой назвалъ себя „великимъ Монархомъ“ и предлагалъ всѣмъ христіанскимъ государямъ вступить съ нимъ въ союзъ, такъ какъ скоро и совершенно неожиданно для всѣхъ долженъ наступить *конецъ міра*, и тогда гонимый теперь пророкъ явится передъ лицомъ всѣхъ земныхъ владыкъ въ качествѣ судіи и полновластнаго господина. Всѣ эти сочиненія были переписаны священникомъ Имперіуцци, который исправилъ при этомъ и грубѣйшія грамматическія ошибки, безпрестанно въ нихъ встрѣчавшіяся. Многія изъ нихъ удостоились чести не только быть

---

[1]) Въ статьѣ «*Давидъ Лазаретти*», написанной мною вмѣстѣ съ Ночито и помѣщенной въ «*Архивѣ Психіатріи*» за 1880 годъ, указаны причины, вовлекшія экспертовъ въ эту ошибку, которая стоила государству не малыхъ расходовъ и,—что еще печальнѣе,—нѣсколькихъ человѣческихъ жертвъ.

напечатанными, но даже Леона дю-Ваша, переведенными на французскій языкъ, благодаря субсидіи, а также стараніямъ реакціонеровъ Италіи и другихъ странъ, совершенно серьезно отнесшихся къ безумному бреду несчастнаго маньяка.

Между тѣмъ Лазаретти, подъ вліяніемъ все усиливавшагося бреда, началъ громить духовенство и проповѣдывать замѣну тайной исповѣди — публичной, вслѣдствіе чего папа призналъ все ученіе его ложнымъ, а сочиненія — еретическими. Тогда этотъ послѣдній, написавшій нѣкогда въ защиту папской власти „Гражданскій статутъ папскаго владычества въ Италіи“ (Statuto civile del Regno Pontificio in Italia), издалъ въ 1878 году посланіе къ своимъ братьямъ-монахамъ, направленное противъ „боготворенія папы“, котораго онъ назвалъ семиглавымъ чудовищемъ. Не смотря на то, со свойственной всѣмъ помѣшаннымъ непослѣдовательностью, Лазарети вскорѣ отправился въ Римъ, чтобы повергнуть къ подножію Св. Престола свою символическую печать и жезлъ, а вернувшись въ Монтелабро, началъ осуждать уже и самую католическую церковь, называя ее *лавкой*, а все духовенство — *атеистами и торгашами, только эксплуатирующими религіозныя чувства своей паствы*. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ проповѣдывалъ необходимость реформы въ религіи и, называя себя новымъ Христомъ, властелиномъ и судіею, убѣждалъ своихъ послѣдователей отречься отъ суеты міра сего, а въ доказательство этого отреченія, требовалъ, чтобы они воздерживались отъ пищи и сношеній съ женщинами, даже если они женаты, и отказались бы отъ собранной вѣрующими довольно значительной суммы денегъ болѣе 100 т. лиръ, которая должна была оставаться безъ всякаго употребленія, спрятанною въ вазѣ — идея чисто безумная! — Впрочемъ, часть этихъ денегъ получила потомъ особое назначеніе: въ ожиданіи какого-то вели-

каго чуда, Лазаретти заказалъ для своихъ избранниковъ знамена и одежды съ изображеніемъ звѣрей, видѣнныхъ имъ во время галлюцинацій, одежды самаго страннаго покроя, — въ томъ числѣ одна, особенно богатая предназначалась для него самаго; для остальныхъ-же послѣдователей были приготовлены только нагрудники съ вышитымъ на нихъ крестомъ и двумя буквами С, изъ которыхъ одна — вверхъ ногами — Ɔ † С. Знакъ этотъ служилъ эмблемою основаннаго имъ общества.

Въ августѣ 1878 года, когда народа собралось болѣе обыкновеннаго, Лазаретти потребовалъ отъ своихъ послѣдователей, чтобы они провели три дня и три ночи въ постѣ и молитвѣ, причемъ произносилъ проповѣди, то общія для всѣхъ вѣрующихъ, то частныя для однихъ только приближенныхъ, которые подраздѣлялись на нѣсколько орденовъ, носившихъ различныя названія — отшельниковъ духовныхъ, кающихся и пр. Затѣмъ, втеченіе трехъ дней — 14-го, 15-го и 16-го августа — происходила такъ называемая *исповѣдь прощенія* (confessione di amenda), а 17-го на башнѣ было водружено большое знамя съ девизомъ: „*Республика есть царство Божіе*“. Послѣ этого пророкъ сталъ у подножія креста, нарочно воздвигнутаго по этому случаю, собралъ вокругъ себя всѣхъ близкихъ и заставилъ ихъ поклясться ему въ вѣрности и послушаніи. При этомъ одинъ изъ братьевъ всячески старался уговорить Лазаретти отказаться отъ задуманнаго имъ опаснаго предпріятія. Но все было тщетно. Когда ему указывали на возможность встрѣтить войска на пути, онъ отвѣчалъ: „Завтра-же я покажу вамъ чудо въ доказательство того, что я посланъ самимъ Богомъ въ образѣ Христа, владыки и судіи; слѣдовательно, меня не могутъ убить — всякая сила и власть земная должна преклониться передъ моей силой: достаточно одного движенія моего жезла, чтобы уничтожить всѣхъ, осмѣлившихся сопро-

тивляться мнѣ“, На чье-то замѣчаніе, что правительство разсѣетъ сборище силою, онъ возразилъ: „Я руками отброшу пули, я сдѣлаю безвреднымъ для себя и для моихъ послѣдователей каждое оружіе, обращенное противъ нихъ,—даже королевскіе карабинеры превратятся въ мой почетный караулъ“. Все болѣе и болѣе увлекаясь своей фантастической задачей, Лазаретти, не скрывавшій дѣлаемыхъ имъ приготовленій даже отъ папскаго делегата, обѣщалъ было ему отмѣнить процессію, но потомъ измѣнилъ свое рѣшеніе и написалъ, повидимому, съ полнымъ убѣжденіемъ: „я не могъ исполнить даннаго вамъ обѣщанія, потому что приказаніе свыше, отъ самого Бога, заставило меня дѣйствовать иначе“. А невѣрующимъ или отказывающимся исполнять его требованія онъ грозилъ небесными громами. Въ такомъ-то настроеніи повелъ Лазаретти утромъ 18 августа толпу своихъ приверженцевъ по дорогѣ изъ Монтелабро въ Арчидоссо. На немъ была надѣта королевская мантія краснаго цвѣта, вышитая золотомъ, голову украшала корона въ видѣ тіары, съ пучкомъ перьевъ на верху, а въ рукахъ онъ держалъ свой жезлъ. Хотя и менѣе богатыя, но отличавшіяся разнообразіемъ цвѣтовъ и причудливостью покроя, одежды его приближенныхъ соотвѣтствовали степени, какую занималъ каждый изъ нихъ въ обществѣ *Священной лиги*; простые-же члены его были въ своемъ обычномъ платьѣ, и только описанные выше символическіе знаки на груди отличали ихъ отъ толпы. Семеро изъ важнѣйшихъ лицъ Братства несли столько-же знаменъ съ надписью: *Республика есть царство Божіе*. При этомъ всѣ пѣли сочиненный Лазаретти гимнъ, каждая строфа котораго оканчивалась припѣвомъ: „Вѣчная Республика“ и пр.

Въ Италіи, вѣроятно, всѣмъ извѣстно, что случилось потомъ. Лазаретти, еще такъ недавно объявлявшій себя королемъ изъ

королей, потомкомъ царя Давида, держащимъ въ своей власти всѣхъ владыкъ земныхъ и совершенно неуязвимымъ, упалъ сраженный чьей-то рукою,—можетъ быть, самого-же делегата, сколько разъ бывшаго у него въ гостяхъ, или-же только по его приказанію. Разсказываютъ, что поглощенный своей послѣдней уже иллюзіей, онъ, падая, воскликнулъ: „Мы побѣдили!“

Процессія эта была устроена не только безсмысленно, но даже какъ-бы нарочно съ цѣлью доказать ея неосуществимость. Слѣдствіе, начатое потомъ противъ послѣдователей Лазаретти, вполнѣ доказало, что созданное имъ вѣроученіе было плодомъ галлюцинаціи. Г. Ночито совершенно справедливо говоритъ по этому поводу: „Въ тотъ день, когда былъ вскрытъ ящикъ, гдѣ хранилось имущество пророка и, вмѣсто ожидаемыхъ вещественныхъ доказательствъ его преступной дѣятельности, оттуда вынули изображеніе Божіей Матери и рядомъ съ нею портретъ Давида въ военномъ мундирѣ, умиленно бесѣдующаго со Св. Духомъ; когда изъ этого ящика, точно изъ Ноева ковчега, стали появляться необыкновенныя животныя, созданныя фантазіей пророка для украшенія его знаменъ— орлы, змѣи, голуби, крылатыя лошади, быки, львы, гидры,— а затѣмъ оттуда-же вынули священническія одежды, королевскія мантіи, вѣнки изъ оливковыхъ вѣтвей и терновые вѣнцы въ тотъ день, когда послѣ долгихъ, тщательныхъ обысковъ въ квартирахъ и въ карманахъ панталонъ Лазареттистовъ, полиція ничего не нашла у нихъ, кромѣ распятія да четокъ и наконецъ въ особенности въ тотъ день, когда публика получила возможность любоваться тою странною обувью, какую носили послѣдователи святого Давида, и папскими туфлями, которыя надѣвалъ самъ „пророкъ“ и въ которыхъ онъ едва могъ двигаться,—въ этотъ день никто уже не сомнѣвался, что правительство приняло мономаньяка за опаснаго бунтовщика“.

*

Пунктомъ помѣшательства Лазаретти послужилъ тотъ членъ символа вѣры, гдѣ говорится о воскресшемъ Христѣ, „сидящемъ одесную Отца и *паки грядущемъ судити живыхъ и мертвыхъ*".

Такъ какъ этотъ обѣщанный Судія долго не являлся, то Лазаретти вообразилъ себя въ его роли и во всемъ старался подражать Христу: у него тоже были свои 12 апостоловъ и среди нихъ апостолъ Петръ, носившій на груди пару ключей, искусно вырѣзанныхъ изъ картона; онъ точно такъ-же постился и терпѣлъ всякія лишенія, находясь во время суровой зимы на островѣ Монтекристо, гдѣ велъ съ Богомъ бесѣду, сопровождавшуюся раскатомъ грома, блескомъ молніи и землетрясеніемъ. Іисусъ Христосъ созвалъ учениковъ на тайную вечерю въ день Пасхи, — и Лазаретти пригласилъ своихъ послѣдователей на Троицу 15 Января 1870 года, причемъ сказалъ имъ: „Такъ угодно было тому, кто руководитъ всѣми моими поступками. Знайте, что теперь это составляетъ величайшее таинство; вспомните; что вы находитесь теперь въ томъ мѣстѣ, которое Богъ избралъ для своего жилища. Скоро, скоро настанетъ время, когда именно здѣсь будутъ воздвигнуты восхитительные *памятники* въ честь его пресвятаго имени, чтобы служить эмблемой божественнаго величія".

Въ сущности, онъ не установилъ за этой трапезой никакого таинства; но для того, чтобы во всемъ походить на Іисуса Христа, Лазаретти учредилъ таинство своего изобрѣтенія — *исповѣдь прощенія* — довольно, впрочемъ, сходную съ устной.

Но этого мало: ему захотѣлось также имѣть свое *преображеніе*, сопровождаемое *землетрясеніемъ*, и онъ предсказывалъ, что это событіе должно совершиться 18-го августа 1878 года.

Когда врачъ колебался сдѣлать операцію сыну Лазаретти, у котораго была каменная болѣзнь, этотъ послѣдній взялъ ножъ и самъ вырѣзалъ камень. Ребенокъ умеръ; отецъ-же его продолжалъ твердить, ни мало не смущаясь: „сынъ Давидовъ не можетъ умереть".

При медицинскомъ изслѣдованіи трупа Лазаретти, на тѣлѣ его оказался знакъ — изображеніе креста внутри опрокинутой тіары. Спрошенные по этому поводу братья пророка объяснили, что онъ велѣлъ сдѣлать во Франціи золотую печать, которую называлъ *императорской*, и, обмакнувъ ее въ кипящее масло, оттиснулъ ею знаки на тѣлѣ, сначала себѣ, а потомъ — женѣ своей и дѣтямъ (V Табл. II).

Такимъ способомъ бѣдный пророкъ хотѣлъ доказать съ полной очевидностью не только свое высокое происхожденіе, но также и знатность членовъ своей семьи, такъ какъ, по его словамъ, онъ былъ прямой потомокъ императора Константина, хотя конечно, доказалъ этимъ лишь свое безуміе, п. ч. именно у помѣшанныхъ мы замѣчаемъ склонность выражать свои нелѣпыя бредни символами и различными изображеніями.

Однако Лазаретти не ограничивался однимъ лишь сознаніемъ, что въ жилахъ его течетъ царская кровь: ему хотѣлось еще и властвовать надъ цѣлымъ міромъ, хотя подъ конецъ онъ уже настолько съузилъ свои требованія, что готовъ былъ удовольствоваться передачей своихъ правъ какому-нибудь принцу. Въ одномъ изъ своихъ манифестовъ — „къ христіанскимъ государямъ" — онъ сдѣлалъ слѣдующее воззваніе:

„Я обращаюсь безразлично ко всѣмъ христіанскимъ государямъ, католикамъ, схизматикамъ и еретикамъ, лишь-бы они были крещеные.

„Не бѣда, если они не облечены властью и не управляютъ народами, только-бы въ ихъ жилахъ текла царская кровь. Я призываю ихъ всѣхъ, и первый-же, кто явится ко мнѣ — если ему будетъ не менѣе 20 и не болѣе 50 лѣтъ и если при этомъ

у него не окажется никакихъ физическихъ недостатковъ,—будетъ царствовать вмѣсто меня.

Курьезнѣе всего то, что покойный графъ Шамборъ серьезно отнесся къ этому приглашенію и отправилъ къ Лазаретти своего уполномоченнаго. Чѣмъ окончились совѣщанія короля изъ дома умалишенныхъ съ королемъ изъ археологическаго музея —неизвѣстно.

„Мнѣ нуженъ союзникъ христіанинъ—говорится далѣе въ манифестѣ.—Я рѣшился теперь ускорить свое великое предпріятіе, и если они (христіанскіе государи) не явятся ко мнѣ втеченіи трехъ лѣтъ со времени опубликованіи этой программы, то я покину Европу и отправлюсь въ среду невѣрныхъ, чтобы достигнуть при ихъ помощи того, чего я не могъ сдѣлать находясь между вѣрующими".

„Но горе, горе тогда всѣмъ вамъ, христіанскіе государи! Вы будете наказаны семью головами великаго антихриста, которыя появятся изъ нѣдръ Европы, и въ особенности однимъ юношей, который послѣ моего удаленія придетъ изъ сѣверныхъ странъ къ центру Франціи и будетъ выдавать себя за *Того*, кто *Я самъ*".

Отсюда-то явилась у Лазаретти idée fixe, что онъ царь царей. Когда городской голова Арчидосса не хотѣлъ исполнять его приказаній, онъ сказалъ ему: „Я—Монархъ изъ Монарховъ. Я ношу на своихъ плечахъ государей цѣлаго міра. Сколько у васъ ни есть карабинеровъ и солдатъ, они всѣ принадлежатъ мнѣ, находятся въ моей власти, и у васъ не хватитъ веревокъ, чтобы связать меня". Тоже самое онъ говорилъ и другимъ лицамъ, особенно, когда произносилъ проповѣди, что было подтверждено множествомъ свидѣтельскихъ показаній.

Такъ напр. свидѣтель Росси, бывшій на проповѣди 17-го августа, слышалъ, какъ Лазаретти называлъ себя королемъ королей, Христомъ, Судіей, которому будетъ подчиненъ даже король Италіи. Онъ же говорилъ, что папа не долженъ болѣе жить въ Римѣ, и что ему найдутъ другую резиденцію. Далѣе свидѣтель Мацетти показалъ, что Давидъ непремѣнно хотѣлъ устроить процессію 18 августа и говорилъ: „Съ чего вы взяли, что насъ арестуютъ? Развѣ это возможно, чтобы подданные арестовали своего Монарха?" Тоже показали и другія лица.

Что-же касается эмблематическаго знака Ͻ+С, которому Лазаретти придавалъ огромное значеніе, то онъ олицетворялъ, повидимому, идею о двухъ Христахъ, одномъ—сынѣ Іосифа изъ Назареи и другомъ—сынѣ Іосифа Лазаретти изъ Арчидоссо. Но за то является совершенно непонятнымъ, какое соотношеніе могло существовать между Іисусомъ Христомъ, Императоромъ Константиномъ, псалмопѣвцемъ Давидомъ и самимъ Лазаретти. Объясненіе этого факта слѣдуетъ искать въ противорѣчіяхъ и нелѣпыхъ представленіяхъ, свойственныхъ мономаньякамъ, которые не останавливаются ни передъ чѣмъ, лишь бы доказать истинность своей *главной* идеи,—другими словами, главнаго пункта своего помѣшательства,—и обнаруживаютъ при этомъ замѣчательное умѣнье принять даже внѣшній видъ изображаемаго ими лица. Мнѣ припомнилось, что въ Павіи была одна больная, считавшая себя членомъ семьи Наполеоновъ: она очень искусно подражала имъ въ костюмѣ, манерахъ, разговорѣ и пр., и въ то же время называла себя дочерью Маріи Луизы и Виктора Эммануила.

Вообще, у Лазаретти масса противорѣчій; сначала онъ видѣлъ въ папѣ освободителя Италіи, но потомъ, когда былъ отлученъ имъ отъ церкви, сталъ называть папство идолопоклонничествомъ; онъ готовъ былъ умереть за католическую апостольскую религію и въ то-же время отрицалъ *устную исповѣдь*—

одинъ изъ главныхъ ея догматовъ; считая себя сыномъ Давида, назывался также и сыномъ императора Константина и пр.

Однако въ правительственныхъ сферахъ сумасшествіе Лазаретти отрицалось самымъ рѣшительнымъ образомъ. На судѣ въ Сіенѣ королевскій прокуроръ выражалъ въ своей рѣчи такого рода соображенія, нисколько впрочемъ не разъяснившія дѣла: „Возможно-ли допустить,—говорилъ онъ—чтобы процессія была устроена съ цѣлью посѣщенія святыхъ мѣстъ, когда для этого требовалось пройти 24 мили? Мыслимо-ли подобное путешествіе съ толпою, гдѣ было такъ много дѣтей? На какія-же средства стали-бы жить члены этой процессіи, когда мы знаемъ, что уже 18-го августа у нихъ не было ни гроша? Затѣмъ, какъ допустить существованіе другой нелѣпой цѣли—путешествія въ Римъ для того, чтобы вытребовать у Первосвященника Моисеевъ жезлъ, отнятый Львомъ XIII у Давида Лазаретти?“ Отвѣчать на всѣ эти вопросы можно лишь тѣмъ, что хотя у сумасшедшихъ и бываютъ иногда проблески геніальности, но въ ихъ умѣ все-таки преобладаютъ абсурды и противорѣчія.

Такъ, однимъ изъ необходимыхъ средствъ господствовать надъ міромъ Лазаретти считалъ свой жезлъ, дѣлившійся на 5 частей—эмблеммы четырехъ евангелистовъ и его самаго. Вотъ почему онъ устроилъ процессію, чтобы снова овладѣть этимъ жезломъ, который конфисковали у него въ Римѣ.

Для пониманія душевнаго состоянія подобныхъ безумцевъ, необходимо стать на ихъ точку зрѣнія, надо освоиться съ этимъ болѣзненнымъ, по большей части лишеннымъ логики мышленіемъ, гдѣ самыя ничтожныя вещи получаютъ громадное значеніе, а самыя крупныя, напротивъ, кажутся ничтожными, если только онѣ идутъ въ разрѣзъ съ желаніями помѣшаннаго субъекта.

Во всякомъ случаѣ, какъ ни была нелѣпа цѣль путешествія,—стремленіе министерства внутреннихъ дѣлъ (Pulblico) найти въ этомъ проступкѣ ключъ ко всему необъяснимому оказывалась еще нелѣпѣе.

Поводомъ къ обвиненію Лазаретти въ мошенничествѣ послужили написанные на имя неизвѣстныхъ, ничего не имѣющихъ лицъ векселя, которыми онъ не думалъ да и не могъ воспользоваться, но которые сильно компрометировали его. Здѣсь опять является вопросъ, для какой цѣли это было сдѣлано,—и снова приходится отвѣчать, что именно безцѣльность, безполезность противозаконныхъ дѣйствій и составляетъ отличіе помѣшаннаго отъ настоящаго преступника.

Еще болѣе неосновательны были обвиненія Лазаретти въ томъ, что онъ выманивалъ у членовъ своего общества деньги и бралъ ихъ себѣ. „*У сумасбродовъ не бываетъ доходовъ*“ — говоритъ ломбардская пословица, и дѣйствительно Лазаретти ничего не нажилъ отъ своихъ проповѣдей и пророчествъ, кромѣ гоненій да на смерть сразившей его пули. Жену и дѣтей онъ оставилъ безъ всякихъ средствъ, жизнь велъ самую скромную, изнурялъ себя покаяніемъ, лишеніями всякаго рода и самъ первый подавалъ своимъ послѣдователямъ примѣръ соблюденія четырехъ постовъ, впродолженіе года.

Большую часть времени онъ проводилъ въ монастыряхъ и пещерахъ, напр. на островѣ Монтекристо или среди мрачныхъ вулканическихъ скалъ Монтелабро, а получаемыя отъ француза дю-Вашà деньги тратилъ на постройку церкви и нелѣпой башни, представлявшейся его разстроенному воображенію какимъ-то священнымъ ковчегомъ, эмблемой новаго союза между народами.

*

Но всего очевиднѣе выражалось умопомѣшательство Лазаретти въ его сочиненіяхъ.

Во 1-хъ потому, что всѣ онѣ наполнены описаніями зрительныхъ и слуховыхъ галлюцинацій, нерѣдко изложенными съ такой живостью, что даже самая богатая фантазія человѣка, находящагося въ здравомъ умѣ, не могла-бы создать ничего подобнаго.

Такъ, въ сочиненіи „*Lotta con Dio*" онъ говоритъ: „Точно будто ударъ грома разразился надо мною и ослѣпилъ меня, вслѣдствіе чего я упалъ на землю какъ мертвый. Множество голосовъ раздались посреди грохота и треска, и я услышалъ слова: *Повелѣвай, повелѣвай, повелѣвай!* Больше я ничего не могъ понять. Вновь послышался грозный голосъ Бога, говорившій мнѣ"... и пр.

На первой-же страницѣ предисловія къ его „Рескриптамъ" сказано: „Я безмолвствовалъ впродолженіи 20 лѣтъ... но настало время, когда я долженъ былъ заговорить согласно повелѣнію свыше. Мнѣ было приказано поучать народы, и я поучалъ и впередъ буду поучать. Если народы не повѣрятъ моему ученію, мнѣ останется только повторять сказанное. Если они сочтутъ мое ученіе ложнымъ, я не повѣрю, чтобы мои слова могли быть лживыми. Если они заподозрятъ меня въ притворствѣ, пусть разберутъ мое поведеніе". (Буквально тоже самое высказывалъ и Савонарола).

А вотъ и еще отрывокъ въ томъ-же родѣ.

„Я слышалъ громовой, потрясающій голосъ Бога и съ горныхъ вершинъ въ долину проникалъ такой грохотъ, что мнѣ казалось, будто онѣ сталкиваются между собою".

Предсказанія выражались имъ съ полнѣйшей самоувѣренностью и даже иногда въ стихотворной формѣ.

2) Хаотическая безпорядочность, туманныя, напыщенныя выраженія, неправильный слогъ и масса противорѣчій, составляющія характерную особенность произведеній Лазаретти, въ которыхъ лишь крайне рѣдко попадаются художественно написанныя страницы, съ полной очевидностью свидѣтельствуютъ, что въ созданіи этихъ произведеній совсѣмъ не участвовалъ геній, всегда болѣе или менѣе ровный въ своемъ творчествѣ, и что онѣ вызваны болѣзненнымъ, психическимъ состояніемъ мозга.

Поэтому Лазаретти былъ совершенно правъ, съ психіатрической точки зрѣнія, когда на вопросъ—какимъ образомъ онъ, не получившій никакого образованія, могъ написать столько книгъ?—отвѣчалъ: „Богъ вдохновлялъ меня", только вмѣсто „Богъ" слѣдовало-бы сказать—„помѣшательство". И дѣйствительно, вдохновенный „пророкъ" сознавался, что онъ самъ не понимаетъ нѣкоторыхъ изъ своихъ сочиненій и что, находясь въ спокойномъ состояніи, не можетъ уловить смыслъ того, что было написано имъ во время экстаза.

Слѣдуетъ еще замѣтить, что священнымъ видѣніямъ у Лазаретти почти всегда предшествовали обмороки, головныя боли, полу-безсознательное состояніе и лихорадочные пароксизмы, продолжавшіеся по 28 часовъ, а иногда и по цѣлымъ мѣсяцамъ. Вотъ какъ описываетъ онъ самъ эти припадки;

„Мною овладѣваетъ духъ, происходящій не отъ человѣка; онъ вызываетъ во мнѣ мгновенное вдохновеніе, сопровождаемое сильной головной болью, вызывающей у меня сонливость и путаницу въ мысляхъ. Когда я засыпаю, мнѣ представляется видѣніе и, проснувшись, я сознаю, что оно было чуждо моей природѣ" (*Lotta con Dio*).

На заглавномъ листѣ этого сочиненія онъ написалъ: „Это

ылъ экстазъ, во время котораго я ничего не сознавалъ (che tutto mi rapi); онъ продолжался 33 дня".

3) Ненормальность умственныхъ способностей Лазаретти подтверждается еще и той неудержимой потребностью проповѣдывать и писать, которая совершенно не гармонировала съ его спеціальностью—извощика, едва только грамотнаго. Въ этомъ случаѣ я повторю уже сказанное мною по поводу маніи писательства у Манжіоне и Пассананте, т. е., что еслибы какой-нибудь студентъ или чиновникъ вздумали сидѣть по цѣлымъ днямъ за чтеніемъ газетъ или за составленіемъ нелѣпѣйшихъ статей по разнымъ вопросамъ, то въ этомъ не было-бы ничего страннаго, но когда извощикъ вдругъ обнаруживаетъ особыя дарованія—не относительно того, какъ править лошадьми или чего-нибудь въ этомъ родѣ, но ударившись въ сочинительство, придумываетъ идеальныя формы республиканскаго правленія, за что, пожалуй, не взялся-бы даже Мадзини,—то мы имѣемъ полное право заключить, что подобный субъектъ находится гораздо ближе къ дому умалишенныхъ, чѣмъ къ Валгаллѣ.

4) Прямымъ доказательствомъ сумасшествія Лазаретти служатъ цѣлыя страницы горделиваго бреда и самовозвеличенія. Вотъ, что говоритъ напр. онъ, разумѣя себя самаго, въ „*Манифестѣ къ народамъ*": Узнавъ, что бѣдный и простой человѣкъ выдаетъ себя за Христа и объявляетъ, что онъ происходитъ отъ племени царя царей, вы, конечно, изумитесь и скажете, что это возмущаетъ человѣческую гордость, а между тѣмъ это вѣрно: уже вѣка тому назадъ событіе это было предсказано, и во всѣхъ книгахъ говорится о томъ образцѣ добродѣтели, который посланъ въ міръ".

Горделивое помѣшательство разсматриваемаго нами субъекта уже проявляется, впрочемъ, и въ томъ, что онъ пишетъ къ государямъ, къ папѣ, точно будто къ равнымъ себѣ или даже

низшимъ, хотя общественное положеніе его было одно изъ наиболѣе скромныхъ.

Послѣ высокомѣрнаго объясненія со всѣми монархами и съ папой, Давидъ прямо обращается къ бывшему королю прусскому, нынѣшнему императору германскому, укоряетъ его за коварные замыслы противъ Италіи и предсказываетъ ему разныя бѣдствія. Французамъ онъ совѣтуетъ прежде всего разбить нечестивую статую Вольтера и сжечь его сочиненія, а пепелъ, оставшійся отъ нихъ, зарыть какъ ядъ, взятый изъ ада. „На томъ-же самомъ мѣстѣ, — продолжаетъ онъ, — вы воздвигните статую Искупителя Іисуса Назарянина, держащаго подъ своею пятою Вольтера, изображеннаго въ видѣ демона, и пусть Искупитель заградитъ ему ротъ крестомъ, который тотъ хватаетъ зубами и руками. Когда это будетъ сдѣлано,—божественный гнѣвъ смягчится, и невзгоды перестанутъ теразать народъ".

Папѣ онъ писалъ, между прочимъ, слѣдующее: „Прежде всего я обращаюсь къ тебѣ, преемникъ Петра, видимый глава Церкви, съ цѣлью предупредить тебя, чтобы ты не довѣрялъ чужеземному вмѣшательству. Знай, что подъ предлогомъ защиты правъ Церкви, разставляютъ сѣти тебѣ и всей итальянской Націи. Замышляется ничто иное, какъ внести бѣдствіе и раззореніе среди насъ, Итальянцевъ".

Короля Италіи Лазаретти третируетъ еще развязнѣе: „При дворѣ у тебя—пишетъ онъ ему—происходитъ столпотвореніе Вавилонское, управленіе твое—тираннія, разбойничество, законы и учрежденія твои переполнены глупыми, еретическими, нелѣпыми и непонятными правилами, возмущающими нравственное чувство и здравый смыслъ. Говорю тебѣ, что хуже не могъ-бы поступить даже тотъ, кто вздумалъ-бы открыто идти противъ всякой нравственности. Какимъ-же

образомъ намѣреваешься ты, король мой, спастись отъ этихъ дурныхъ людей? Я знаю, они довели тебя до крайняго, ужаснаго положенія! Мнѣ очень непріятно будетъ видѣть твою гибель, которая порадуетъ тѣхъ, кто съумѣлъ лестью довести тебя до этого. Не знаю, чѣмъ помочь тебѣ, король мой, но вижу тебя въ дурныхъ обстоятельствахъ. Если-бы я могъ быть возлѣ тебя, то, ради твоихъ Предковъ, я постарался-бы спасти тебя."

Но этого мало. Черезъ нѣсколько страницъ Лазаретти начинаетъ фамильярничать даже съ самимъ Богомъ: „Я желалъ-бы—говоритъ онъ, обращаясь къ нему,—чтобы вы [1]) перестали относиться съ такимъ презрѣніемъ".. И потомъ, немного ниже, прибавляетъ: „Я согласенъ исполнить вашу волю Господь мой, но лишь на томъ условіи (условіе съ Богомъ!), чтобы я могъ передать другимъ свою власть и свои громадныя владѣнія (у извощика-то!); а себѣ я оставлю бѣдность, трудъ" и т. д.

Однако изъ послѣдующихъ строкъ видно, что смиреніе это было напускное: „Повторяю вамъ, что я и мои потомки посвящены вамъ (vi siamo consacrati), и я, какъ кровный родственникъ, хочу быть въ зависимости только отъ своихъ-же кровныхъ; этого я требую отъ васъ по праву *моихъ предковъ*. На этихъ условіяхъ я принимаю сдѣланное вами мнѣ предложеніе повелѣвать міромъ". И дѣйствительно, въ письмѣ къ королю онъ объявилъ:

„Мнѣ, ничтожнѣйшему изъ людей, вышедшему изъ народа... Богъ обѣщалъ всю землю. Въ доказательство этого, онъ послалъ мнѣ даръ пророчества и свѣтлый умъ для того, чтобы

---

[1]) Сохранено обращеніе автора къ Богу во множ. числѣ, не принятое у насъ.

исправлять законы и дѣлать открытія въ наукахъ и искуствахъ."

Великія открытія эти состоятъ въ смѣшныхъ толкованіяхъ на первыя главы книги Бытія съ прибавленіемъ нелѣпѣйшей палеонтологіи, которая могла придти въ голову развѣ какому-нибудь крестьянину, побывавшему въ музеѣ. Вотъ образчикъ научныхъ познаній пророка: „Сначала было 15 видовъ крупныхъ животныхъ; но они всѣ погибли, потому что были слишкомъ велики,—изъ нихъ 7 жвачныхъ, а 3 амфибій. Строеніе этихъ животныхъ было таково, что чешуйчатой шкуры ихъ не могло пробить никакое желѣзо. Были пресмыкающіяся съ ядовитымъ дыханіемъ, предназначенныя для воды, и люди называли ихъ *животными смерти и яда*!!!" и т. д. все въ томъ-же родѣ.

„Въ эпоху сооруженія Вавилонской башни на земномъ шарѣ произошелъ разрывъ, вслѣдствіе чего сѣверъ отдѣлился отъ запада. И сѣверные народы живутъ еще во мракѣ и нечистотахъ" (стр. 105).

Вслѣдъ за тѣмъ авторъ прибавляетъ: „это совсѣмъ особенныя истины, со времени потопа и до сихъ поръ лишь остававшіяся въ памяти людей; открытіе этихъ истинъ было предоставлено полнотѣ временъ (pienezza dei tempi). Человѣкъ долженъ узнать все послѣ снятія этихъ печатей."

5) Слѣдуетъ еще замѣтить, что нелѣпости и противорѣчія встрѣчаются почти на каждой страницѣ сочиненій Лазаретти. Такъ напр., послѣ того, какъ имъ было уже сказано, что во время потопа погибли *всѣ* животныя, кромѣ взятыхъ въ ковчегъ, онъ прибавляетъ: „осталось на землѣ множество животныхъ."

Далѣе, чѣмъ, кромѣ умопомѣшательства, можно объяснить себѣ описаніе разныхъ невозможныхъ животныхъ—быка съ

12-ю и слона съ 10-ю рогами, лошади о 13-ти ногахъ и пр., а также громадное значеніе, какое онъ придавалъ происхожденію своего дѣлившагося на пять частей жезла, которому посвящена почти цѣлая глава сочиненія „*Lotta con Dio*", гдѣ безъ всякаго стѣсненія объясняется, что жезлъ зародился въ нѣдрахъ жены Лазаретти отъ сношеній съ его-же сыновьями и первыми членами его частей!!!

6) Но если даже и не разсматривать внутренняго содержанія произведеній Лазаретти, то уже одна внѣшняя форма ихъ, особенности въ слогѣ, составленіе новыхъ словъ или-же употребленіе ихъ въ особомъ смыслѣ и пр.,—все это можетъ служить доказательствомъ его психическаго разстройства. Такъ, знаменитую башню свою онъ называлъ „*turrisdavidica*," сыновей своихъ—„*Giurisdavici*" и пр.

Въ приложенномъ къ сочиненію „*Lotta con Dio*" послѣсловіи—нѣчто вродѣ списка опечатокъ—онъ самъ говоритъ, что слова *tempo* (время) и *profeta* (пророкъ), повторяющіяся безчисленное множество разъ, не слѣдуетъ понимать въ общепринятомъ значеніи. Повтореній у него вообще масса, и не только отдѣльныхъ словъ, но даже цѣлыхъ фразъ и въ особенности цифръ. Такъ, не говоря уже о томъ, что онъ, подобно Пассананте, по 70—80 разъ повторяетъ слова *provate* и *riprovote*, въ „*Lotto con Dio*" по крайней мѣрѣ столько-же разъ употреблена фраза *Uomo a me caro 7° figlio del 7° figlio dell'uomo*" (Дорогой мнѣ человѣкъ, 7-й сынъ 7-го сына человѣка), хотя гораздо проще было прямо сказать *Енохъ* и *Авраамъ*.

Еще чаще употребляется слово *tempo* (время) и цифра 7; напримѣръ: „Съ неба упадутъ камни въ 7777 вѣсомъ изъ одного вѣса въ 7777 на 47 двойныхъ граммовъ вѣса." Или: „Число жертвъ будетъ въ 1777 временъ, заключающихъ въ себѣ

17 разъ 1777." Или: „Послѣ моего поднятія на небо прошло время изъ 3 временъ, состоящихъ изъ 77 часовъ для каждаго времени."

Въ заключеніе нашего діагноза, напомнимъ, что хотя въ молодости Лазаретти обнаруживалъ склонность къ пьянству и кутежамъ, но потомъ, послѣ происшедшей съ нимъ перемѣны, онъ сдѣлался высоко-нравственнымъ и могъ служить образцомъ святости, что главнымъ образомъ и было причиною всеобщаго уваженія къ нему. Кромѣ того, онъ до самой послѣдней минуты горячо любилъ своихъ дѣтей и жену, которой писалъ самыя нѣжныя письма и даже стихи. Между тѣмъ сумасшедшіе, и въ особенности мономаньяки, лишь въ исключительныхъ случаяхъ сохраняютъ подобную привязанность къ близкимъ послѣ потери разсудка; но за то у нихъ рѣдко проявляется и та страсть къ писательству, какую мы замѣчаемъ въ маттоидахъ.

Къ какой-же категоріи психически больныхъ людей слѣдуетъ причислить Лазаретти? По моему, у него была промежуточная между маттоидомъ и мономаніакомъ форма горделиваго помѣшательства, сопровождающагося галлюцинаціями. Душевныя болѣзни бываютъ до того разнообразны, что установить для нихъ строгую классификацію не всегда возможно.

Съ другой стороны, ловкость, съ какою Лазаретти успокоивалъ сомнѣнія своего покровителя, француза-мецената дю-Ваша (тѣмъ, напр., что если новое ученіе пріобрѣтаетъ мало сторонниковъ, то это происходитъ по особой волѣ небесъ), находчивость при объясненіи символическаго значенія словъ *пророкъ* и *время* слишкомъ уже часто употребляемыхъ имъ, (что указывали ему критики), ловко пущенная въ толпу выдумка о томъ, что татуировка его сдѣлана Св. Петромъ, тогда какъ отъ нѣкоторыхъ онъ считалъ нужнымъ скрывать эту мнимо

божественную печать [1]), наконецъ умѣнье организовать религіозныя общества, а также изобрѣтеніе шифрованнаго письма, —все это доказываетъ, что, не смотря на умопомѣшательство, Лазаретти сохранилъ значительную дозу хитрости и даже плутовства.

Впрочемъ, эти способности всегда бываютъ сильно развиты у геніальныхъ сумасшедшихъ, а тѣмъ болѣе въ маттоидахъ, и отрицать это могутъ лишь люди, никогда не посѣщавшіе больницъ для умалишенныхъ.

Вообще Лазаретти былъ безумецъ въ полномъ смыслѣ слова.

Нельзя не изумляться той продусмотрительности, какую обнаруживаютъ сумасшедшіе при исполненіи своихъ замысловъ, а также ихъ замѣчательному умѣнью притворяться и хитрить, особенно передъ тѣми, кто внушаетъ имъ страхъ или уваженіе, или же отъ кого они надѣются получить какія-нибудь выгоды. Классическій примѣръ въ такомъ родѣ представляетъ генералъ Мале, который, будучи мономаньякомъ и находясь въ домѣ умалишенныхъ, безъ денегъ, безъ солдатъ, съ помощью двухъ только союзниковъ—священника и слуги,—пытался свергнуть Наполеона, и на одинъ день почти успѣлъ въ этомъ: поддѣлавъ приказы, онъ убилъ одного изъ министровъ (главу министерства), арестовалъ начальника полиціи

---

[1]) Если-бы Лазаретти не вытравилъ себѣ и другихъ знаковъ на тѣлѣ, а присяжные не подтвердили-бы, что это—настоящая татуировка, то можно было-бы допустить у него такъ называемую стигматизацію, которая появляется въ извѣстныхъ случаяхъ религіознаго помѣшательства, при истеріи и каталепсіи. Такъ напр., одна женщина изъ Раккониджи могла вызывать у себя красный рубецъ вокругъ головы послѣ галлюцинацій о терновомъ вѣнцѣ Іисуса Христа; нѣчто подобное продѣлывала и Роза Тамизье, полусумасшедшая, полу-аферистка. Вообще-же, татуированіе встрѣчается чаще у здоровыхъ людей, чѣмъ у помѣшанныхъ, и служитъ признакомъ ихъ малой болевой чувствительности.

и обманулъ почти всѣхъ корпусныхъ командировъ, увѣривъ ихъ, что Наполеонъ умеръ. И это была не первая продѣлка его: еще въ 1808 году онъ вздумалъ произвести возстаніе посредствомъ фальшиваго декрета отъ имени сената.

Послѣ этого уже не можетъ показаться невѣроятнымъ тотъ фактъ, что одному мономаньяку удалось произвести возстаніе Тайпинговъ и впродолженіе многихъ лѣтъ ловко руководить возставшими, или что другой вдохновенный безумецъ поднялъ весь народъ противъ деспотизма Шаха и вмѣстѣ съ тѣмъ пытался создать новую религію, заимствовавъ для нея все что есть лучшаго въ христіанствѣ и магометанствѣ. Наконецъ, развѣ безумецъ Гито не ухитрился лишить Сѣверо-Американскую республику ея президента (см. Приложенія) и развѣ та-же участь не угрожала Италіи по милости полу-идіота Пассананте? Этотъ послѣдній представляетъ любопытный экземпляръ современнаго маттоида-революціонера, и потому я займусь имъ подробно, такъ какъ для многихъ помѣшательство его еще остается сомнительнымъ, и вообще этотъ вопросъ не лишенъ интереса.

Между родственниками Пассананте нѣтъ ни больныхъ, ни сумасшедшихъ. Въ 29 лѣтъ онъ былъ ростомъ $2^1/_2$ аршина и вѣсилъ 128 фунтовъ, т. е. на 35 фун. меньше средняго вѣса уроженцевъ Неаполя.

Голова у него почти субъ-микроцефала, окружность ея 535 миллиметровъ, поперечный діаметръ—148 миллиметровъ и продольный—180, лицевой уголъ—82°, вышина лба 71 мм., ширина его—155, вмѣстимость черена 1513 куб. сант.; черты лица напоминаютъ отчасти монгола, отчасти кретина, глаза—маленькіе, глубоко впавшіе и разстояніе между ними больше нормальнаго, скулы—чрезвычайно выдавшіяся, борода—рѣдкая. Зрачекъ мало подвиженъ, половые органы атрофированы,

*

чѣмъ обусловливается почти полная anafrodisia; печень и селезенка, напротивъ, гипертрофированы, что служитъ причиною повышенія температуры, колеблющейся отъ 38° до 37°,8 подъ мышками, слабости пульса (хотя кривая пульса нормальна) и недостатка физической силы, которая меньше на правой сторонѣ (60 кил.), чѣмъ на лѣвой (72 кил). Это послѣднее обстоятельство, зависящее, можетъ быть, отъ давнишняго обжога правой руки, чрезвычайно важно въ томъ отношеніи, что оно дѣлало невѣроятнымъ нанесеніе мѣткаго удара ножемъ, особенно если принять во вниманіе плохое качество этого послѣдняго и неудобство положенія, въ какомъ находился Пассананте во время покушенія. Болевая чувствительность его была гораздо слабѣе обыкновенной. Въ тюрьмѣ съ нимъ случался бредъ, сопровождавшійся галлюцинаціями.

Всѣ эти признаки несомнѣнно указываютъ на болѣзненное состояніе какъ брюшной полости, такъ и центральной нервной системы. Послѣднее еще яснѣе видно изъ психіатрическаго изслѣдованія. И въ самомъ дѣлѣ, только при поверхностномъ наблюденіи, душевное состояніе и нравственныя чувства Пассананте могли показаться нормальными. Такъ, онъ выказывалъ отвращеніе къ преступленіямъ, жизнь велъ безукоризненную, совершенно трезвую; будучи то горячимъ патріотомъ, то слишкомъ уже рьянымъ католикомъ, онъ всегда, повидимому, предпочиталъ благо другихъ своему собственному, такъ что весьма естественно, если несвѣдущіе въ психіатріи лица вначалѣ сочли его мученикомъ зрѣлой идеи, выразителемъ и тайнымъ орудіемъ сильной антиправительственной партіи, человѣкомъ, хотя и внушающимъ отвращеніе съ политической точки зрѣнія, но по своимъ личнымъ качествамъ заслуживающимъ уваженія.

Но ошибочность такого мнѣнія вскорѣ сдѣлалась очевидной.

Не говоря уже о бредѣ, который могъ быть слѣдствіемъ заключенія въ тюрьму, многіе признаки, и въ особенности знакомство съ его сочиненіями, заставили предположить, что Пассананте—просто, маттоидъ. Что-же касается его бережливости и альтруизма, то-эти качества скорѣе подтверждали такое предположеніе, чѣмъ опровергали его, потому что, какъ мы видѣли выше, они свойственны не только всѣмъ маттоидамъ, но нерѣдко и прямо сумасшедшимъ, которые выказываютъ иногда бóльшую привязанность къ родинѣ и человѣчеству, чѣмъ къ своей семьѣ или къ себѣ самимъ. Изъ сочиненій-же Пассананте видно, что этотъ ревностный патріотъ и гуманный человѣкъ совершенно равнодушно и чуть-ли даже не съ удовольствіемъ описываетъ драки, нерѣдко сопровождавшіяся убійствомъ, драки, происходившія между его земляками, когда иностранцы бросали имъ деньги въ видѣ милостыни, и находитъ забавной возмутительную продѣлку какихъ-то озорниковъ, которые утащили изъ сада одного бѣдняка любимое имъ вишневое деревцо и, оборвавъ съ него всѣ ягоды, принесли обратно. Наконецъ, ненормальность Пассананте выразилась и въ томъ, что послѣ совершенія преступленія онъ остался совершенно спокойнымъ посреди взбѣшенной толпы народа, готовой растерзать его на части, тогда какъ даже самые фанатичные изъ политическихъ убійцъ, Орсини, Зандъ, Нобиллингъ и др., выказывали въ такихъ случаяхъ сильное волненіе и покушались на самоубійство.

Доказательствомъ психическаго разстройства служитъ и самый мотивъ преступленія. Пассананте отказали отъ мѣста за его политическія бредни, затѣмъ онъ былъ арестованъ какъ бродяга и въ добавокъ еще избитъ солдатами. Потерявъ надежду удовлетворить своему громадному тщеславію, чувствуя отвращеніе къ жизни и въ то-же время не имѣя мужества убить себя, онъ вздумалъ послѣдовать примѣру „героевъ“, по-

хвалы которымъ слышалъ въ своемъ кругу (хотя самъ всегда относился къ нимъ недоброжелательно), главнымъ образомъ для того, чтобы этимъ способомъ покончить всѣ разсчеты съ жизнью.

Тотчасъ-же послѣ того, какъ его арестовали, онъ сказалъ слѣдователю: „Меня обидѣли хозяева, гдѣ я служилъ, жизнь мнѣ опротивѣла, и я сдѣлалъ покушеніе на короля съ цѣлью сгубить самого себя“. Тоже повторилъ онъ и судьѣ Азаритти: „Я покушался на жизнь короля въ полной увѣренности, что меня за это убьютъ“. И дѣйствительно, за два дня передъ тѣмъ, онъ безпокоился только о томъ, что его прогнали съ мѣста, совсѣмъ не помышляя повидимому, о цареубійствѣ, и на предварительномъ допросѣ старался усилить свою вину напоминаніемъ о давно забытомъ уже написанномъ имъ воззваніи, гдѣ говорилось: *Смерть королю! да здравствуетъ республика!* По той-же причинѣ онъ не хотѣлъ подавать кассаціонной жалобы, а когда узналъ о помилованіи, то гораздо больше интересовался тѣмъ, что̀ говорится по этому поводу въ газетахъ, нежели своей собственной будущностью. Очевидно, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ такъ называемымъ *косвеннымъ* (indiretto) самоубійствомъ, весьма часто встрѣчающимся у помѣшанныхъ, по свидѣтельству Маудсли, Крихтона, Эскироля и Крафтъ-Эббинга [1]). Такія преступленія совершаются обыкновенно помѣшанными или-же трусами и безнравственными людьми. Я считаю Пассананте способнымъ на подобное косвенное самоубійство, именно потому, что оно давало ему возможность удовлетворить кстати и свое непомѣрное тщеславіе, заглушавшее въ немъ даже инстинктивную привязанность къ

*) Эскироль сообщаетъ объ одной помѣшанной, что онѣ нерѣдко говорила: «У меня не хватаетъ мужества убить себя, придется вѣрно убить кого нибудь другого, чтобы тогда и меня убили“,—и потомъ дѣйствительно покушалась на жизнь своей дочери.

жизни. Кромѣ того, тщеславные самоубійцы вообще любятъ, чтобы смерть ихъ была обставлена насколько возможно торжественнѣе, какъ напр. тотъ англичанинъ, который заказалъ композитору написать обѣдню, устроилъ публичное исполненіе ея и застрѣлился въ то время, когда хоръ пѣлъ *requiescat*.

Хотя Пассананте на послѣдующихъ допросахъ и отрицалъ намѣреніе лишить себя жизни, стараясь примирить и кое-какъ пояснить разнорѣчіе своихъ показаній ссылкой на изрѣченіе Робеспьера — „*Идеи воспламеняются отъ крови*“, но я не придаю этому факту никакого значенія и считаю первое признаніе, сдѣланное сгоряча, наиболѣе правдивымъ и искреннимъ. Къ тому-же оно было повторено нѣсколько разъ и всѣ подробности его оказались вполнѣ достовѣрными. А запирательство Пассананте и вообще все его поведеніе послѣ первыхъ допросовъ объясняется чисто безумнымъ политическимъ тщеславіемъ, которое разыгралось у него съ особенной силой, когда онъ увидѣлъ, что къ нему относятся серьезно и что газеты, судьи, даже врачи видятъ въ немъ опаснаго политическаго дѣятеля. Эту незаслуженную репутацію онъ и старался поддержать, насколько позволяла ему его необыкновенная любовь къ истинѣ. И такъ какъ всѣ окружающіе видѣли въ немъ закоренѣлаго революціонера, или ловкаго заговорщика, онъ мало по малу забылъ свое прежнее отчаянное положеніе, когда, ради куска насущнаго хлѣба, онъ готовъ былъ пойти на какую угодно черную работу, и вообразилъ себя политическимъ мученикомъ.

Королевскому прокурору, положимъ, извинительно, если онъ увидѣлъ преступленіе тамъ, гдѣ его не было, и съ помощью фантазіи старался доказать существованіе заговора, не имѣя для этого рѣшительно никакихъ данныхъ, потому что, какъ жалкій ножъ (орудіе покушенія), такъ и полное безсиліе, а также край-

няя неумѣлость рѣшившагося на него человѣка могли служить только очевиднымъ доказательствомъ, что Пассананте дѣйствовалъ подъ вліяніемъ психоза и лишь на свой страхъ.

Но еслибы даже самое тщательное слѣдствіе и не подтвердило неосновательность прокурорскаго предположенія, то врачи-эксперты, эти наиболѣе рьяные изъ судебныхъ слѣдователей (piu fiscali del fisca), должны-же были убѣдить блюстителя закона въ сдѣланной имъ ошибкѣ. Я настаиваю на томъ, что вѣрно лишь первое показаніе Пассананте, повторенное впрочемъ три раза, тѣмъ болѣе, что оно вполнѣ согласуется съ данными судебнаго слѣдствія, съ письменными произведеніями преступника, въ которыхъ нѣтъ и помина о цареубійствѣ, и со всей его скромной, безвѣстной жизнью до роковаго событія. Кромѣ того, уже будучи въ тюрьмѣ, онъ не только не боялся смерти, но даже высказывалъ желаніе, чтобы его казнили. Наконецъ, только идея самоубійства и придаетъ этому преступленію извѣстный смыслъ; но отнимите ее—и оно оказывается нелѣпымъ, непонятнымъ. Процессъ Пассананте потому и остался для всѣхъ загадкой, что объясненіе причины преступленія, высказанное прокуроромъ, было не вѣрно, а вѣрное не было принято.

Первымъ главнымъ поводомъ къ совершенію преступленія, безъ сомнѣнія, послужило для Пассананте, какъ впослѣдствіи и для Гито—нищета въ соединеніи съ громаднымъ и ненормально развитымъ тщеславіемъ. Далѣе, если онъ и относится къ чему-нибудь съ увлеченіемъ, фанатически, то совсѣмъ не къ политикѣ, но исключительно лишь къ собственнымъ безграмотнымъ, до смѣшного нелѣпымъ, произведеніямъ. Онъ плачетъ и бѣснуется на судѣ присяжныхъ не въ томъ случаѣ, когда оскорбляютъ его партію, но когда ему отказываютъ въ прочтеніи одного изъ сочиненныхъ имъ писемъ или чернятъ его

доброе имя помощника повара, указывая на то, что онъ негликировалъ своими обязанностью мыть посуду и вмѣсто того постоянно занимался чтеніемъ. Пассананте отрицаетъ справедливость этого показанія, хотя оно могло быть ему полезно, какъ доказательство того, что онъ—маттоидъ.

Умъ у него довольно оригинальный, но мелкій; говоритъ онъ гораздо живѣе, дѣльнѣе, чѣмъ пишетъ (отличительная черта маттоидовъ), такъ что въ письменныхъ произведеніяхъ его рѣдко можно отыскать тѣ мѣткія, сильныя выраженія, которыя встрѣчаются даже въ сочиненіяхъ помѣшанныхъ. Впрочемъ, при внимательномъ чтеніи всего, что онъ написалъ, намъ все таки удалось найти нѣсколько любопытныхъ оригинальныхъ сужденій.

Такъ напр. не лишены оригинальности, хотя и странные на первый взглядъ проэкты его:—по жребію избирать депутатовъ, чиновниковъ и офицеровъ, „*чтобы меньше важничали*", заставить изнывающихъ теперь въ праздности заключенныхъ обработывать пустыри и пр. Недурна также, правда, нѣсколько отзывающаяся востокомъ, идея—устроить въ каждой деревнѣ безплатныя помѣщенія для отдыха путешественниковъ-пѣшеходовъ (караванъ-сараи).

Далѣе, удачно сдѣлано опредѣленіе, что разумѣютъ подъ словомъ *отечество* крестьяне маленькихъ итальянскихъ общинъ: „Мы съ дѣтства привыкаемъ считать отечествомъ тотъ клочекъ земли, гдѣ стоитъ маленькая, простая часовенка".

Не лишены, по моему, своеобразной дикой прелести нѣкоторыя строфы народнаго революціоннаго гимна, какъ говорятъ, сочиненнаго Пассананте, хотя просодія въ немъ очень плоха. Напримѣръ:

Su su, fratelli, che più tardiamo,
Già è un'ora che i tocchi della campana

Sonano da tempo, armiamoci, corriamo tutti
Alla chiesa madre, là troveremo
La bandiera della patria, la quale apella, di darle soccorso.

Въ заключеніе, вотъ еще чрезвычайно вѣрная параллель между отдѣльнымъ человѣкомъ и ассоціацией: „Въ одиночествѣ человѣкъ слабъ и хрупокъ точно стеклянный бокалъ, но въ союзѣ съ товарищими онъ становится силенъ, какъ тысяча Самсоновъ“.

Болѣе удачными выходили у Пассананте словесныя показанія, на что я впрочемъ указывалъ раньше, поэтому приведу здѣсь только одно его изреченіе: „Народъ, это дирижеръ исторіи“ и отвѣтъ на вопросъ о томъ, что̀ происходитъ въ сознаніи преступника, рѣшающагося на дурное дѣло: “Въ немъ бываетъ тогда какъ бы двѣ воли,—сказалъ онъ:—одна толкаетъ на преступленіе, другая удерживаетъ отъ него; результатъ зависитъ отъ того, которая сторона возьметъ верхъ“.

Но именно въ этихъ-то проблескахъ, или скорѣе изрѣдка вспыхивающихъ искоркахъ геніальности, а также въ нелѣпыхъ стремленіяхъ и заключается доказательство болѣзненной аномаліи. Когда человѣкъ изъ такой скромной среды, не получившій спеціальнаго образованія, задается идеями столь несвойственными его классу, то конечно подобное явленіе нельзя назвать нормальнымъ; положимъ, этотъ человѣкъ можетъ оказаться геніемъ, вродѣ Джіотто, который изъ пастуха сдѣлался знаменитымъ живописцемъ, но если этотъ пастухъ пренебрегаетъ своимъ стадомъ и въ то же время царапаетъ однѣ каракульки, совершенно безсмысленныя, то мы вправѣ признать въ немъ отсутствіе всякой геніальности. Затѣмъ, на основаніи психическихъ наблюденій, мы уже прямо заключаемъ, что передъ нами—одинъ изъ представителей тѣхъ душевно-больныхъ

людей, которыхъ я называю маттоидами. Въ *Приложеніи* читатели могутъ познакомиться еще съ нѣсколькими субъектами, принадлежащими къ этому типу.

Въ сочиненіяхъ Пассаннанте сколько-нибудь здравыя мысли составляютъ лишь рѣдкое исключеніе; въ общемъ-же, это—пустая болтовня, собраніе абсурдовъ и противорѣчій, ничѣмъ не объяснимыхъ, такъ какъ противорѣчія встрѣчаются не только въ одной и той-же статьѣ, но даже на одной и той-же страницѣ. Начавъ говорить о бѣдствіяхъ родины, авторъ черезъ нѣсколько строкъ уже толкуетъ о вишневомъ деревѣ, затѣмъ переходитъ къ Бисмарку, или пускается въ длинныя отвлеченныя разсужденія, а между тѣмъ о своемъ процессѣ, гдѣ рѣшается его судьба, упоминаетъ лишь мимоходомъ.

Характерную особенность произведеній Пассананте составляютъ, послѣ безграмотности, отрывистые, занумерованные, точно въ Библіи, періоды (что, впрочемъ, часто встрѣчается у маттоидовъ и сумасшедшихъ) и манера писать въ два столбца. Кромѣ того, онъ то и дѣло повторяетъ нѣкоторыя излюбленныя слова и выраженія—какъ это дѣлаютъ мономаньяки,—причемъ иногда перепутываетъ ихъ чрезвычайно курьезно. Такъ напр., разсуждая о томъ, какъ должны поставить себя *слуги* и *служители* (точно будто это не одно и то-же!), онъ говоритъ: „Остерегайтесь требовать себѣ и жаркое, и дымъ отъ него, потому что несправедливо одному получать и жаркое и дымъ, а другому—ничего; поэтому баринъ пусть получаетъ дымъ, а работники—жаркое.“

Какъ ни нелѣпа эта кулинарная метафора, однако въ ней до сихъ поръ можно уловить хотя какой-нибудь смыслъ, но дальше она становится уже совершенно непонятной: „Правящему классу — жаркое, народу — дымъ, народу — жаркое, правящему классу — дымъ. Дымъ, это — почести, слава;

жаркое—это справедливость, добросовѣстное отношеніе ко всѣмъ." Никакая логика не поможетъ разобраться въ этой путаницѣ, такъ что ключъ къ подобнымъ загадкамъ, очевидно, слѣдуетъ искать въ домѣ умалишенныхъ.

XI.

Спеціальныя особенности геніальныхъ людей, страдавшихъ въ то же время и помѣшательствомъ.

Если мы теперь прослѣдимъ „съ холоднымъ вниманіемъ" жизнь и произведенія тѣхъ великихъ, но душевно-больныхъ геніевъ, имена которыхъ превознесены въ исторіи различныхъ народовъ, то скоро убѣдимся, что они во многомъ отличались отъ своихъ собратьевъ по геніальности, ни разу не впадавшихъ въ умопомѣшательство втеченіе своей славной жизни.

1) Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что у этихъ *поврежденныхъ* геніевъ почти совсѣмъ нѣтъ характера, того цѣльнаго, настоящаго характера, *никогда не измѣняющагося по прихоти вѣтра*, который составляетъ удѣлъ лишь немногихъ избранныхъ геніевъ, вродѣ Кавура, Данте, Спинозы и Колумба. Такъ напр., Тассо постоянно бранилъ высокопоставленныхъ лицъ, а самъ всю жизнь пресмыкался передъ ними и жилъ при дворѣ.—Карданъ самъ обвинялъ себя во лжи, злословіи и страсти къ игрѣ.—Руссо, щеголявшій своими возвышенными чувствами, выказалъ полную неблагодарность къ осыпавшей его благодѣяніями женщинѣ, бросалъ на произволъ судьбы своихъ дѣтей, часто клеветалъ на другихъ и на самаго себя и трижды сдѣлался вѣроотступникомъ,

отрекшись сначала отъ католицизма, потомъ отъ протестантства и, наконецъ,—что всего хуже—отъ религіи философовъ.

Свифтъ, будучи духовнымъ лицомъ, издѣвается надъ религіей и пишетъ циничную поэму о любовныхъ похожденіяхъ Страфона и Хлои; считаясь демагогомъ, предлагаетъ простолюдинамъ отдавать своихъ дѣтей на убой для приготовленія изъ ихъ мяса лакомыхъ блюдъ аристократамъ, и, несмотря на свою гордость, доходившую до бреда, охотно проводитъ время въ тавернахъ среди подонковъ общества.

Ленау, до фанатизма увлекавшійся ученіемъ Савонаролы, является циническимъ скептикомъ въ своихъ „*Albigesi*“ и сознаваясь въ этой непослѣдовательности, самъ-же смѣется надъ нею.

Шопенгауеръ возставалъ противъ женщинъ и въ то-же время былъ ихъ горячимъ поклонникомъ; проповѣдовалъ блаженство небытія, *нирваны*, а себѣ предсказалъ болѣе ста лѣтъ жизни; требовалъ справедливости къ себѣ и радовался, когда Молешоттъ подвергся преслѣдованіямъ.

Здоровый геніальный человѣкъ сознаетъ свою силу, знаетъ себѣ цѣну и потому не унижается до полнаго равенства со всѣми; но за то у него не бываетъ и тѣни того болѣзненнаго тщеславія, той чудовищной гордости, которая снѣдаетъ психически-ненормальныхъ геніевъ и дѣлаетъ ихъ способными на всякіе абсурды.

Тассо и Карданъ часто намекали на то, что ихъ вдохновляетъ самъ Богъ, а Магометъ высказывалъ это открыто, вслѣдствіе чего малѣйшую критику своихъ мнѣній они считали чуть не преступленіемъ. Карданъ писалъ о себѣ: „Природа моя выше обыкновенной человѣческой субстанціи и приближается къ безсмертнымъ духамъ“.—О Ньютонѣ говорили, что онъ способенъ былъ убить каждаго, кто

критиковалъ его произведенія.—Руссо полагалъ, что не только всѣ люди, но даже всѣ стихіи въ заговорѣ противъ него. Можетъ быть, именно гордость заставляла этихъ злополучныхъ геніевъ избѣгать общенія съ людьми.—Свифтъ, издѣвавшійся надъ министрами въ своихъ сатирахъ, писалъ одной герцогинѣ, изъявившей желаніе съ нимъ познакомиться, что чѣмъ выше положеніе лицъ его окружающихъ, тѣмъ болѣе они должны унижаться передъ нимъ.—Ленау унаслѣдовалъ отъ матери гордость патриція и во время бреда воображалъ себя королемъ Венгріи. Везелій, потерявшій разсудокъ на 39-мъ году жизни, сначала собирался устроить банкъ и самъ фабриковалъ для него билеты, но потомъ вообразилъ себя Богомъ и даже свои сочиненія печаталъ подъ заглавіемъ „*Opera Dei Vezelii*“ (Произведенія Бога Везелія).

Шопенгауэръ не разъ упоминаетъ въ своихъ письмахъ о чьемъ-то намѣреніи поставить его портретъ въ особо устроенной часовнѣ, точно святую икону.

3) Нѣкоторые изъ этихъ несчастныхъ обнаруживали неестественное, слишкомъ раннее развитіе геніальныхъ способностей. Такъ напр. Тассо началъ говорить, когда ему было только 6 мѣсяцевъ, а 7-ми лѣтъ уже зналъ латинскій языкъ. Ленау, будучи ребенкомъ, импровизировалъ потрясавшія слушателей проповѣди и прекрасно игралъ на флейтѣ и на скрипкѣ.—Восьмилѣтнему Кардану являлся Геній и вдохновлялъ его.—Амперъ въ 13 лѣтъ уже былъ хорошимъ математикомъ.—Паскаль 10 лѣтъ придумалъ теорію акустики, основываясь на звукахъ, производимыхъ тарелками, когда ихъ разставляютъ на столѣ, а 15-ти лѣтъ написалъ знаменитый трактатъ о коническихъ сѣченіяхъ.—Четырехъ лѣтъ Галлеръ уже проповѣдывалъ, и 5-ти лѣтъ со страстью читалъ книги.

4) Многіе изъ нихъ чрезвычайно злоупотребляли наркоти-

ческими веществами и спиртуозными напитками.—Такъ, Галлеръ поглощалъ громадное количество опія, а Руссо—кофе; Тассо былъ извѣстный пьяница, подобно современнымъ поэтамъ: Клейсту, Жераръ-де-Нервалю, Мюссе, Мюрже, Майлату, Прага, Ровани и оригинальнѣйшему китайскому поэту Ло-Тай-Ке, даже получившему названіе „поэта-пьяницы," такъ какъ онъ почерпалъ свое вдохновеніе только въ алкоголѣ и умеръ вслѣдствіе злоупотребленія имъ. Асне писалъ не иначе, какъ со стаканомъ вина передъ собою и допился до бѣлой горячки, которая свела его въ могилу.—Ленау въ послѣдніе годы жизни тоже употреблялъ слишкомъ много вина, кофе и табаку.—Боделеръ прибѣгалъ къ опьяненію опіемъ, виномъ и табакомъ.—Карданъ самъ сознавался въ злоупотребленіи спиртными напитками, а Свифтъ былъ ревностнымъ посѣтителемъ лондонскихъ тавернъ. — Поэ, Ленау, Соути и Гофманъ страдали запоемъ.

5) Почти у всѣхъ этихъ великихъ людей были какія нибудь ненормальности въ отправленіяхъ половой системы,—Тассо велъ чрезвычайно развратную жизнь до 38 лѣтъ, а потомъ совершенно цѣломудренную. Карданъ, напротивъ, смолоду страдалъ безсиліемъ, но въ 35 лѣтъ началъ развратничать. Паскаль въ молодости давалъ полную волю своей чувственности, но потомъ считалъ безнравственнымъ даже поцѣлуй матери.—Руссо страдалъ гипоспадіей и сперматореей.—Ньютонъ и Карлъ XII, какъ говорятъ, никогда не приносили жертвъ Венерѣ, Афродитѣ.—Ленау писалъ о себѣ: „У меня есть печальная увѣренность, что я неспособенъ къ супружеской жизни."

6) Они не чувствовали потребности работать спокойно въ тиши своего кабинета, а, напротивъ, какъ будто не могли усидѣть на одномъ мѣстѣ и должны были путешествовать постоянно.—Ленау переѣзжаетъ изъ Вѣны въ Штокерау, оттуда въ Гмунденъ и, наконецъ, эмигрируетъ въ Америку. „Я чувствую необходимость какъ можно чаще перемѣнять мѣсто жительства—пишетъ онъ—это мнѣ освѣжаетъ кровь."

Тассо странствовалъ постоянно: изъ Феррары онъ отправлялся то въ Урбино, то въ Мантую, Неаполь, Парижъ, Бергамо, Римъ или Туринъ.—Поэ приводилъ въ отчаяніе репортеровъ тѣмъ, что переѣзжалъ то и дѣло изъ Бостона въ Нью-Іоркъ, изъ Ричмонда въ Филадельфію, Балтиморъ и пр.

Руссо, Карданъ и Челлини жили то въ Туринѣ, то въ Болоньи, то въ Парижѣ, то во Флоренціи или въ Римѣ. „Перемѣна мѣста составляетъ для меня потребность—говорилъ Руссо,—весною и лѣтомъ я не могу пробыть въ одной и той-же мѣстности болѣе двухъ или трехъ дней, а если мнѣ нельзя уѣхать, то я дѣлаюсь боленъ.

7) Не менѣе часто мѣняли они также свои профессіи и спеціальности, точно будто мощный геній ихъ не могъ удовольствоваться одной какой-нибудь наукой и вполнѣ въ ней выразиться [1]).—Свифтъ, кромѣ сатиръ, писалъ еще о мануфактурахъ въ Ирландіи, занимался теологіей, политикой и составилъ историческій очеркъ царствованія королевы Анны.—Карданъ былъ въ одно и то-же время математикомъ, врачомъ, теоло-

---

[1]) Изъ 45 сумасшедшихъ писателей, цитируемыхъ Филомнестомъ,

15 человѣкъ занимались поэзіей.
12 „ „ теологіей.
5 „ писали пророчества.
3 „ „ автобіографіи.
2 „ занимались математикой.
2 „ „ психіатріей.
2 „ „ политикой.

Причина преобладанія поэтическаго творчества указана нами выше; напомнимъ кстати, что маттоиды отдаютъ, напротивъ, предпочтеніе теологіи, философіи и др. отвлеченнымъ наукамъ.

гомъ и беллетристомъ.—Руссо брался за всевозможныя профессіи.—Гофманъ служилъ въ судебномъ вѣдомствѣ, рисовалъ каррикатуры, занимался музыкой, былъ драматургомъ и писалъ романы.—Тассо, а также впослѣдствіи Гоголь, перепробовали всѣ роды поэзіи эпической, драматической и дидактической; первый писалъ еще статьи по исторіи, философіи и политикѣ. — Амперъ, съ дѣтства владѣвшій и кистью и смычкомъ, былъ въ то-же время лингвистомъ, натуралистомъ, физикомъ и метафизикомъ.—Ньютонъ и Паскаль въ періоды умопомраченія оставляли свою спеціальность (физику) и занимались теологіей.—Галлеръ писалъ о поэзіи, теологіи, ботаникѣ, практической медицинѣ, физіологіи, нумизматикѣ, о восточныхъ языкахъ, о патологической анатоміи и хирургіи и даже изучалъ математику подъ руководствомъ Бернулли.—Ленау занимался медициной, земледѣліемъ, юридическими науками, поэзіей и теологіей.—Вальтъ Витманъ, современный англо-американскій поэтъ, несомнѣнно принадлежащій къ числу помѣшанныхъ геніевъ, былъ типографщикомъ, учителемъ, солдатомъ, плотникомъ и нѣкоторое время даже чиновникомъ,—занятіе, совсѣмъ уже не подходящее для поэта.—Американецъ-же Поэ занимался физикой и математикой.

8) Подобные сильные, увлекающіеся умы являются настоящими *піонерами* науки; они страстно предаются ей и съ жадностью берутся за разрѣшеніе труднѣйшихъ вопросовъ, какъ наиболѣе подходящихъ, можетъ быть, для ихъ болѣзненно-возбужденной энергіи; въ каждой наукѣ они умѣютъ уловить новыя выдающіяся черты и на основаніи ихъ строятъ нелѣпые иногда выводы, отчасти приближаясь такимъ образомъ къ разсмотрѣнному уже нами типу поэтовъ и художниковъ дома умалишенныхъ, характеристическую особенность которыхъ составляетъ оригинальность, доведенная до абсурда.—Такъ, Амперъ всегда брался въ математикѣ за разрѣшеніе труднѣйшихъ задачъ, „отыскивалъ пропасти"—по выраженію Араго.—Руссо въ *Devin du Village* (*Деревенскій колдунъ*) пытался создать „музыку будущаго", воплощенную потомъ въ своихъ композиціяхъ другимъ геніальнымъ безумцемъ — Шуманомъ.—Свифтъ говорилъ обыкновенно, что чувствуетъ себя въ хорошемъ настроеніи только тогда, когда ему приходится разсуждать о самыхъ трудныхъ и наиболѣе чуждыхъ его спеціальности вопросахъ. И дѣйствительно, читая его письмо „О прислугѣ," можно подумать, что оно написано именно слугой, а ужъ никакъ не теологомъ и публицистомъ. Точно такъ-же, въ „Исповѣди вора" онъ до того правдиво изобразилъ похожденія одного изъ нихъ, что товарищи его сочли нужнымъ сознаться въ сдѣланныхъ ими преступленіяхъ, думая, что глава ихъ шайки выдалъ всѣ свои тайны. А когда Свифтъ вздумалъ прикинуться католикомъ, то своими проповѣдями обманулъ даже римскихъ инквизиторовъ, этихъ завзятыхъ мошенниковъ.

Вальтъ Витманъ создалъ свое особое стихосложеніе безъ риѳмы и размѣра, которое англо-саксонцы считаютъ „поэзіей будущаго." Въ настоящемъ-же, она кажется нелѣпой и странной при всей своей оригинальности.

Произведенія Поэ, по словамъ одного изъ его поклонниковъ (Боделера), какъ будто и созданы лишь съ цѣлью доказать, что странность составляетъ существенную часть прекраснаго; они собраны имъ подъ общимъ заглавіемъ „Арабески и Гротески" на томъ основаніи, что въ нихъ нѣтъ человѣческихъ типовъ,—они составляютъ какъ-бы внѣ человѣческій родъ литературныхъ произведеній. Напомнимъ здѣсь кстати, что сумасшедшіе артисты тоже обнаруживаютъ склонность къ

арабескамъ, но только у нихъ въ арабески входятъ и человѣческія лица. (см. Табл. I).

Самъ Боделеръ тоже придумалъ не мало курьезовъ, напр. поклоненіе искусственной красотѣ, поэтическія аналогіи для различныхъ ароматическихъ веществъ [1]) и создалъ такъ называемыя *„поэмы въ прозѣ.“*

9) У всѣхъ этихъ поврежденныхъ геніевъ есть свой особый стиль,—страстный, трепещущій, колоритный, отличающій ихъ отъ другихъ здоровыхъ писателей и свойственный имъ, можетъ быть, именно потому, что онъ вырабатывается только подъ вліяніемъ психоза. Предположеніе это подтверждается и собственнымъ признаніемъ такихъ геніевъ, что всѣ они по окончаніи экстаза не способны не только сочинять, но даже мыслить. Тассо говоритъ въ одномъ изъ своихъ писемъ: „я несчастливъ и недоволенъ всегда, но въ особенности, когда сочиняю“.—„Мысли у меня родятся съ трудомъ—сознавался Руссо—развитіе ихъ идетъ медленно, туго и я могу быть краснорѣчивымъ только въ минуты страсти“. — Живыя, пламенныя, вступленія къ статьямъ Кардана, столь непохожія на обычный крайне монотонный языкъ его сочиненій, наглядно подтверждаютъ громадную разницу въ мышленіи его при началѣ и въ концѣ экстаза.—Галлеръ, одинъ изъ наиболѣе счастливыхъ поэтовъ, говорилъ, что вся сущность поэтическаго искусства заключается въ его трудности. Восемнадцатое изъ своихъ *„Провинціальныхъ писемъ“* Паскаль передѣлывалъ тринадцать разъ.

Можетъ быть, именно это сходство въ натурѣ и въ стилѣ влекло Свифта и Руссо къ произведеніямъ Тассо, а Галлеру,

[1]) Между прочимъ, онъ находилъ, что мускусъ напоминаетъ золото, пурпуръ и говорилъ, что „нѣкоторые духи имѣютъ запахъ дѣтскаго тѣла или зари“ и пр. и пр.

суровому Галлеру, внушало симпатію къ фантастическимъ и въ высшей степени безнравственнымъ сочиненіямъ Свифта. По той-же причинѣ Амперъ восторгался странностями Руссо, а Боделеръ подражалъ Поэ, сочиненія котораго даже перевелъ на французскій языкъ, и боготворилъ Гофмана.

10) Почти всѣ они глубоко страдали отъ религіозныхъ сомнѣній, которыя невольно представлялись ихъ уму, между тѣмъ какъ робкая совѣсть и больное сердце заставляли считать такія сомнѣнія преступленіями.—Тассо, напр., мучился отъ одного только опасенія, что онъ еретикъ. Амперъ часто говорилъ, что сомнѣнія—самая ужасная пытка для человѣка. Галлеръ писалъ въ своемъ дневникѣ: „Боже мой! пошли мнѣ хотя одну каплю вѣры; разумъ мой вѣритъ въ тебя, но сердце не раздѣляетъ этой вѣры—вотъ въ чемъ мое преступленіе“.—Ленау жаловался въ послѣдніе годы своей жизни: „Въ тѣ часы, когда у меня особенно сильно развивается болѣзнь сердца, мысль о Богѣ оставляетъ меня“. По мнѣнію критиковъ, онъ воплотилъ мучившія его сомнѣнія въ героѣ своей поэмы „Савонарола“.

11) Затѣмъ всѣ психически больные геніи безъ исключенія чрезвычайно много занимаются своимъ собственнымъ *я* и съ намѣреніемъ выставляютъ на видъ свое ненормальное состояніе, какъ будто стараясь этимъ признаніемъ оправдать свои нелѣпые поступки.

Очень естественно, что, при своемъ громадномъ умѣ и замѣчательной наблюдательности, они наконецъ убѣждались въ своей ненормальности и глубоко страдали отъ этого. Всѣ люди охотно говорятъ о себѣ, но въ особенности—помѣшанные, которые въ этомъ случаѣ дѣлаются положительно краснорѣчивыми (подобный примѣръ мы увидимъ въ приложеніи—автобіографія помѣшаннаго); но какой-же силы должно достигать это краснорѣчіе, когда къ безумію присоединяется геніальность! Жгучія,

пламенныя страницы выливаются у такихъ писателей, едва только они заговорятъ о своихъ страданіяхъ; настоящіе перлы френопатической поэзіи выходятъ иногда изъ-подъ ихъ пера, но зачастую крупная личность злополучнаго автора выставляется при этомъ далеко не въ выгодномъ свѣтѣ. — Карданъ написалъ, кромѣ своей автобіографіи, нѣсколько поэмъ, сюжетомъ которыхъ служатъ его несчастія, и статью *О сновидѣніяхъ*, почти исключительно наполненную только описаніями видѣнныхъ имъ сновъ и представлявшихся ему галлюцинацій. — Поэмы Витмана — ничто иное какъ его собственная біографія, изложенная стихами, что онъ и самъ подтвердилъ отчасти, сказавъ: „Тема для гимна взята маленькая, но она-же и самая большая... я самъ". Въ этомъ гимнѣ описывается ребенокъ, которому достаточно было увидѣть что-нибудь — облако, овцу, камень, пьяныхъ стариковъ, — чтобы тотчасъ-же вообразить и себя самого облакомъ, камнемъ и проч. Этотъ ребенокъ и есть самъ Витманъ. — Руссо въ своей *Исповѣди*, *Діалогахъ* и *Rêveries*, какъ Мюссе въ *Признаніяхъ*, а Гофманъ въ своемъ *Крейслерѣ* [1]) въ сущности только описывали самихъ себя и свое безуміе.

То-же самое говоритъ Бодлеръ и о разсказахъ Поэ: „Темой для нихъ онъ бралъ всегда исключительные случаи въ жизни человѣка, напр. галлюцинаціи, сначала смутныя, неопредѣленныя, но мало по малу принимающія характеръ несомнѣнныхъ фактовъ; нелѣпыя понятія, овладѣвшія умомъ и сообщившія мышленію свою дикую логику; припадки истеріи, совершенно поработившія волю, — противорѣчія между настроеніемъ и разсудкомъ, доходящія до того, что страданіе выражается смѣхомъ".

Паскаль, утверждавшій, что христіанство уничтожаетъ *личность*, не въ состояніи былъ написать своей автобіографіи вслѣдствіе своей преувеличенной, болѣзненной скромности; однако онъ описалъ свои галлюцинаціи въ *Амулетѣ*, а въ *Мысляхъ* выразилъ чисто субъективные взгляды и убѣжденія, не смотря на все стараніе быть объективнымъ... Такъ, онъ, конечно, намекаетъ на самого себя, когда говоритъ, что „величайшая геніальность близко граничитъ съ сумасшествіемъ, и умопомѣшательство до такой степени распространено между людьми, что замѣшавшійся среди нихъ здравомыслящій человѣкъ представлялъ-бы своего рода ненормальное явленіе". Или два слѣдующихъ его изрѣченія: „Болѣзни всегда извращаютъ наши сужденія и чувства, не только серьезныя, оказывающія болѣе замѣтное дѣйствіе, но и самыя ничтожныя, вліяющія лишь въ слабой степени." — „Хотя у геніальныхъ людей голова находится выше, чѣмъ у простыхъ смертныхъ, однако ноги у нихъ ниже, поэтому тѣ и другіе находятся на одномъ уровнѣ: геніи также ищутъ точки опоры на земной корѣ, какъ и всѣ мы, не исключая дѣтей и даже безсловесныхъ животныхъ".

Галлеръ, тщательно записывавшій въ дневникѣ свой религіозный бредъ, признавался въ томъ, что онъ по временамъ считаетъ себя „глупымъ, сумасшедшимъ, гонимымъ Богомъ и невозбуждающимъ въ людяхъ ничего, кромѣ насмѣшекъ и презрѣнія", — и что ему не разъ случалось мѣнять свои убѣжденія втеченіе сутокъ.

Свифтъ подробно, день за днемъ, описывалъ свою жизнь въ сочиненіи, озаглавленномъ — *Письма къ очень молоденькой леди* и указываетъ на свое упомѣшательство въ такихъ,

---

[1]) Подобно Гофману, Крейслеръ поглощенъ какими-то сумасбродными идеалами, вѣчно враждуетъ съ дѣйствительностью и кончаетъ сумасшествіемъ.

весьма недвусмысленныхъ выраженіяхъ: „Отъ всего человѣческаго тѣла поднимаются испаренія, идущія къ мозгу; если они не слишкомъ обильны, человѣкъ остается здравомыслящимъ; если-же ихъ слишкомъ много, то они вызываютъ въ немъ экзальтацію и превращаютъ его въ философа, политика, или основателя новой религіи, т. е. въ помѣшаннаго. Поэтому я нахожу несправедливымъ заключать всѣхъ сумасшедшихъ въ Бедламъ. Слѣдовало-бы назначить коммиссію, которая сортировала-бы ихъ для того, чтобы эти геніи, изнывающіе теперь въ больницѣ, могли быть полезны обществу: напр. тѣхъ, кто страдаетъ эротическимъ помѣшательствомъ, слѣдовало-бы помѣщать въ дома терпимости, бѣшеныхъ — отдавать въ солдаты и пр. Я самъ принадлежу также къ числу помѣшанныхъ: фантазія у меня часто разыгрывается до такой степени, что разумъ уже не въ состояніи сдерживать ее; вотъ почему друзья мои оставляютъ меня одного лишь въ томъ случаѣ, если я обѣщаю имъ дать своимъ мыслямъ иное направленіе“.

Летцманъ, выбросившійся потомъ изъ окна, написалъ знаменитый *Дневникъ меланхолика*, а Майлатъ изобразилъ свои страданія въ романѣ *Самоубійца* и вслѣдъ затѣмъ утопился вмѣстѣ съ своей сестрой, которой былъ посвященъ этотъ романъ.—Тассо очень вѣрно описывалъ свое умопомѣшательство въ письмѣ къ герцогу Урбино въ приведенной выше октавѣ. Впрочемъ онъ, еще и не будучи маньякомъ, высказывалъ о себѣ такого рода странныя сужденія: „Я не отрицаю въ себѣ сумасшествія — писалъ онъ,—но утѣшаю себя тѣмъ, что оно вызвано пьянствомъ и любовью, такъ какъ, дѣйствительно, я пью жестоко“... и т. д.

Вообще очень многіе беллетристы избирали душевно-больныхъ героями своихъ произведеній или занимались подробнымъ анализомъ ненормальныхъ проявленій психической дѣятельности [1]). Барбара написалъ романъ *Поврежденные*.—Бустонъ описалъ свои галлюцинаціи. — Алликсъ, не будучи медикомъ, сочинилъ трактатъ о леченіи сумасшедшихъ. — Ленау, за 12 лѣтъ до полнаго развитія своей душевной болѣзни, предчувствовалъ, что будетъ страдать ею и описывалъ ея припадки.—Во всѣхъ его поэмахъ постоянно звучатъ страдальческія ноты мрачнаго умопомѣшательства, о чемъ можно судить уже по заглавіямъ его лирическихъ произведеній: *Къ Меланхолику*, *къ Ипохондрику*, *Сумасшедшій*, *Душевно-больные*, *Сила сновидѣній*, *Луна меланхолика* и пр.

Врядъ-ли даже въ самыхъ мрачныхъ мѣстахъ произведеній Ортиса найдутся такія потрясающія картины мучительнаго состоянія самоубійцъ, какъ въ этомъ отрывкѣ изъ поэмы *Душевнобольные*: „У меня въ сердцѣ зіяетъ глубокая рана, и я безмолвно буду переносить свои страданія до самой смерти — жизнь моя уходитъ съ каждымъ часомъ. Только одна женщина могла-бы облегчить мои муки, только на ея груди я могъ-бы найти отраду. Но эта женщина покоится въ могилѣ... О, мать моя! сжалься надъ моими страданіями! Если твоя любовь бодрствуетъ надо мною и послѣ твоей смерти, если ты еще въ состояніи заботиться о твоемъ сынѣ... о, помоги мнѣ

[1]) Изъ нашихъ писателей особенно замѣтна такая тенденція у покойнаго Достоевскаго, давшаго удивительно яркіе типы психически больныхъ людей, какъ напр. герои романовъ „Идіотъ“, „Подростокъ“, „Преступленіе и Наказаніе“. Всеволодъ Гаршинъ далъ поразительно вѣрный типъ маньяка въ разсказѣ „Красный цвѣтокъ“. М. Альбовъ живо представилъ психопата въ повѣсти „День Итога“ и человѣка, страдающаго delirium tremens въ разсказѣ „Невѣдомая улица“. Типъ помѣшаннаго воспроизвелъ также Гоголь въ „Запискахъ сумасшедшаго“.

Пр. пер.

поскорѣе разстаться съ этой жизнью! Я такъ жажду смерти! Постарайся, чтобы твой измученный страданіями сынъ избавился, наконецъ, отъ нихъ“.—Въ *Силѣ Сновидѣній*, какъ мы уже говорили, съ потрясающей правдивостью изображены галлюцинаціи, сопровождающія первые приступы той формы помѣшательства, при которой всегда развивается страсть къ самоубійству; читатель какъ-бы слышитъ безсвязный, отрывочный лепетъ, переходящій затѣмъ въ бредъ и служащій предвѣстникомъ наступленія параличнаго состоянія. Вотъ отрывокъ изъ этого сочиненія: „Видѣніе было до того ужасно, дико, страшно, что хотѣлось-бы считать его только сномъ... но я продолжалъ плакать и чувствовалъ біеніе своего сердца, а когда проснулся, то увидѣлъ, что простыня и подушка моя смочены слезами... Можетъ быть, я во снѣ схватилъ простыню и вытеръ ею лицо?... Не знаю... Пока я спалъ, враги мои пировали здѣсь... Теперь эти дикари удалились, ихъ нѣтъ, но слѣды ихъ посѣщенія я нахожу въ моихъ слезахъ. Они убѣжали и оставили на столѣ вино„ и т. д. Впрочемъ, еще гораздо раньше, въ *Albigesi*, Ленау высказывалъ свой взглядъ на сны, какъ на что-то ужасное. „Страшной мощью обладаютъ иногда сновидѣнія,—говоритъ онъ,— „они волнуютъ, мучатъ, потрясаютъ, грозятъ и, если спящій не проснется во время... въ одно мгновеніе ока превращаютъ его въ трупъ“.

12) Главные признаки ненормальности этихъ великихъ людей выражаются уже въ самомъ строеніи ихъ устной и письменной рѣчи, въ нелогическихъ выводахъ, въ нелѣпыхъ противорѣчіяхъ и въ уродливой фантастичности. Развѣ Сократъ, геніальный мыслитель, предугадавшій христіанскую мораль и еврейскій монотеизмъ, не былъ сумасшедшимъ, когда руководствовался въ своихъ поступкахъ голосомъ и указаніями

своего воображаемаго Генія или даже просто чиханіемъ?—А что сказать о Карданѣ, о томъ самомъ, который предупредилъ Ньютона въ открытіи законовъ тяготѣнія, затѣмъ въ своей книгѣ *De Subtilitate* самъ приписывалъ галлюцинаціямъ дикія выходки бѣсноватыхъ и прорицанія нѣкоторыхъ монаховъ-отшельниковъ, — и въ тоже время объяснялъ участіемъ какого-то Духа не только свои научныя открытія, но даже трескъ доски у письменнаго стола и дрожаніе пера въ своихъ рукахъ. Далѣе, чему, кромѣ помѣшательства, можно приписать его собственное признаніе, что онъ нѣсколько разъ бывалъ одержимъ бѣсомъ, и написанную имъ книгу *О сновидѣніяхъ*, несомнѣнно свидѣтельствующую о ненормальномъ состояніи умственныхъ способностей ея автора?—Сначала онъ высказываетъ въ ней довольно вѣрныя наблюденія относительно того, что сильныя физическія страданія оказываютъ менѣе энергичное вліяніе на сновидѣнія, чѣмъ легкія—фактъ, подтвержденный въ послѣднее время психіатрами, замѣтившими, что у сумасшедшихъ особенно развивается способность видѣть сны; далѣе онъ указываетъ на то, что во снѣ, точно на театральной сценѣ, въ короткій промежутокъ времени развивается цѣлая масса событій, и дѣлаетъ совершенно вѣрное замѣчаніе, что предметомъ сновидѣній бываютъ случаи или аналогичные обычнымъ представленіямъ человѣка, или-же совершенно противоположные имъ. Но послѣ столькихъ, чисто геніальныхъ чертъ, Карданъ вдругъ начинаетъ развивать самую нелѣпую теорію сновидѣній, высказываетъ взгляды, какъ будто заимствованные у невѣжественныхъ простолюдиновъ, вродѣ того напр., что сны всегда служатъ предсказаніями относительно будущаго, болѣе или менѣе отдаленнаго, а потомъ съ полнымъ убѣжденіемъ составляетъ

курьезнѣйшій словарь сновъ,—совершенное подобіе тѣхъ „снотолкователей“, которыми утѣшается въ часы досуга простой народъ, эксплоатируемый разными невѣждами [1]). Въ этомъ чисто патологическомъ произведеніи все, что человѣкъ видитъ или слышитъ во снѣ, приведено въ извѣстное соотношеніе съ явленіями дѣйствительной жизни и на каждый случай дано особое толкованіе. Такъ, приснившійся *отецъ* означаетъ встрѣчу съ сыномъ, мужемъ или начальникомъ; *ноги* служатъ, символомъ фундамента, рабочихъ; *лошадь* означаетъ бѣгство богатство, жену и т. д. Чаще всего аналогія обусловливается не понятіями (напр., что общаго между *врачемъ* и *башмачникомъ*, а между тѣмъ видѣть во снѣ перваго предвѣщаетъ свиданіе со вторымъ и наоборотъ!), а просто даже созвучіемъ словъ: напр. *Orior* (рождаться) и *Morior* (умирать) должны означать одно и то же, потому что „una tantum litera cum differantur, vicissim, unum in alium transit“ [2]).—Объ одномъ господинѣ, страдавшемъ каменной болѣзнью, Карданъ говоритъ, что когда ему снились кушанья, то это предвѣщало облегченіе болѣзни; если-же вещества несъѣдобныя, то—усиленіе страданій, и объясняетъ это тѣмъ, что: „*cibos enim ac dolores degustare dicimus*“, т. е. вкусовое ощущеніе можетъ смягчить ощущеніе боли, какъ будто природа въ самомъ дѣлѣ занимается игрою словъ на латинскомъ языкѣ! Когда подумаешь, что такіе абсурды высказывалъ врачъ, пользовавшійся извѣстностью и сдѣлавшій немало важныхъ научныхъ открытій, то невольно проникаешься состраданіемъ къ бѣдному человѣческому разуму!

---

[1]) Таковъ напр. весьма распространенный у насъ въ Россіи „Снотолкователь“ Мартына Задеки.

Пр. пер.

[2]) „Они различаются только на одну букву и потому близко подходятъ одно къ другому“.

А Ньютонъ, великій Ньютонъ, взвѣсившій всѣ міры во вселенной посредствомъ одного только вычисленія, развѣ не находился въ состояніи невмѣняемости, когда вздумалъ сочинять толкованія на Апокалипсисъ или когда писалъ Бентлею: „Законъ тяготѣнія отлично объясняетъ удлиненную орбиту кометъ; что-же касается почти круговой орбиты планетъ, то нѣтъ никакой возможности уяснить себѣ удлиненіе ея въ одну сторону, и потому она могла быть произведена только самимъ Богомъ“. Араго совершенно справедливо находитъ такой способъ доказательства научныхъ истинъ по меньшей мѣрѣ страннымъ!

И однакоже въ своемъ сочиненіи объ *Оптикѣ* Ньютонъ самъ возстаетъ противъ тѣхъ изслѣдователей, которые, по примѣру послѣдователей Аристотеля, допускаютъ существованіе въ матеріи какихъ-то таинственныхъ свойствъ и черезъ это безъ всякой пользы для науки задерживаютъ изысканія изслѣдователей природы. И дѣйствительно, только сто лѣтъ спустя Лапласъ нашелъ вѣрное рѣшеніе задачи, не дававшейся Ньютону, и тѣмъ наглядно доказалъ нелогичность сдѣланнаго имъ предположенія.

Амперъ былъ глубоко убѣжденъ въ томъ, что ему удалось найти квадратуру круга.

Паскаль, изучавшій нѣкогда законы теоріи вѣроятностей, вѣрилъ, что прикосновеніе къ реликвіямъ излечиваетъ слезную фистулу, и заявилъ объ этомъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій. Вслѣдствіе своей маніи ко всему первобытному, Руссо дошелъ наконецъ до того, что видѣлъ идеалъ человѣка въ дикарѣ и считалъ безвредными всѣ естественныя произведенія, пріятныя для глазъ и вкуса, такъ что мышьякъ, по его мнѣнію, долженъ былъ считаться совершенно неядовитымъ. Жизнь Руссо представляетъ цѣлый рядъ противорѣчій и непослѣдо-

вательностей: онъ любилъ деревенскія поля, а жилъ преимущественно въ городѣ; написалъ трактатъ о воспитаніи, а своихъ или почти своихъ дѣтей отдавалъ въ воспитательный домъ; съ разумнымъ скептицизмомъ относился къ религіямъ и прибѣгалъ къ гаданію, чтобы узнать будущее; писалъ самому Богу и письма клалъ подъ алтари церквей, какъ будто предполагая, что именно тамъ и есть исключительное мѣстопребываніе Божества!

Боделеръ, находившій высокое въ *искуственности*, сравнивалъ ее съ „румянами и бѣлилами, придающими особую прелесть красавицѣ", и конечно въ припадкѣ настоящаго бреда описалъ свой геологическій пейзажъ, безъ воды и растительности. „Все въ немъ сурово, гладко, блестяще—говоритъ онъ—все холодно и мрачно; и посреди этого вѣчнаго безмолвія сафиръ лежалъ въ золотоносной жилѣ точно античное зеркало въ золотой оправѣ." Онъ-же считалъ латинскій языкъ временъ упадка Рима своимъ идеаломъ, *какъ единственный языкъ, хорошо выражающій страсть*, и до того обожалъ кошекъ, что даже посвятилъ имъ три оды.

Гаймъ назвалъ философію Шопенгауера „чрезвычайно живымъ и умно разсказаннымъ сновидѣніемъ", а характеръ его—олицетвореніемъ непослѣдовательности. Вальтъ Витманъ, безъ сомнѣнія, былъ въ ненормальномъ состояніи, когда писалъ, что одинаково относится къ обвиняемымъ и обвинителямъ, къ судьямъ и преступникамъ; когда въ своихъ поэмахъ высказывалъ, что считаетъ добродѣтельной только одну женщину... куртизанку, а также когда выражалъ свои матеріалистическія воззрѣнія на мѣстопребываніе души...

Ленау въ своей *Лунѣ меланхолика* приписываетъ самыя ужасныя свойства этому безобидному спутнику земли. Наперекоръ всѣмъ поэтамъ, онъ называетъ луну: „холодной, лишенной воздуха и воды," и уподобляетъ ее „могильщику планетъ." По его мнѣнію, „она серебристой нитью опутываетъ спящихъ и уводитъ ихъ къ смерти, а своимъ лучомъ очаровываетъ сомнамбулъ и даетъ указанія ворамъ." Кромѣ того, Ленау, въ молодости не разъ писавшій, что „мистицизмъ есть признакъ сумасшествія," самъ очень часто являлся мистикомъ, особенно въ своихъ послѣднихъ пѣсняхъ.

Въ *Коранѣ* нѣтъ ни одной главы, которая не противорѣчила-бы всѣмъ остальнымъ,—даже въ одной и той-же *сурати* высказываются мысли, исключающія одна другую.

О Свифтѣ Аддисонъ сказалъ, что онъ является настоящимъ помѣшаннымъ въ нѣкоторыхъ изъ своихъ произведеній, не говоря уже о его ненормальномъ пристрастіи къ абсурдамъ; такъ напр., когда онъ описываетъ математика, заставляющаго ученика своего глотать задачи, или экономиста, дистиллирующаго экскременты, или когда дѣлаетъ предложеніе народу питаться мясомъ маленькихъ дѣтей.

Относительно великихъ писателей алкоголиковъ, я замѣтилъ, что у нихъ есть свой особый стиль, характеристическимъ отличіемъ котораго служитъ холодный эротизмъ, обиліе рѣзкостей и неровность тона, вслѣдствіе полной разнузданности фантазіи, слишкомъ уже быстро переходящей отъ самой мрачной меланхоліи къ самой неприличной веселости. Кромѣ того, они обнаруживаютъ большую склонность описывать сумасшедшихъ, пьяницъ и самыя мрачныя сцены смерти. Боделеръ пишетъ о Поэ: „Онъ любитъ выставлять свои фигуры на зеленоватомъ или синеватомъ фонѣ, при фосфорическомъ свѣтѣ гніющихъ веществъ, подъ шумъ оргій и завываній бури; онъ описываетъ смѣшное и ужасное изъ любви къ тому и другому."

О самомъ Боделерѣ можно сказать, что у него тоже за-

мѣтно пристрастіе къ подобнымъ сюжетамъ и къ описанію дѣйствій алкоголя и опія.

Несчастный Прага, умершій вслѣдствіе хроническаго отравленія алкоголемъ, часто воспѣвалъ вино, пьяницъ и пр.

Живописецъ Стэнъ, страдавшій запоемъ, постоянно рисовалъ пьяницъ.—У Гофмана рисунки переходили обыкновенно въ каррикатуры, повѣсти—въ описаніе неестественныхъ эксцентричностей, а музыкальныя композиціи—въ какофонію.

Мюссе прибѣгалъ къ вычурнымъ уподобленіямъ, какъ напр., въ описаніи мадритскихъ красавицъ:

„Sous un col de cigne
Un sein vierge et doré comme la jeune vigne.“

(Подъ лебединой шеей дѣвственная золотистая грудь, точно молодая виноградная лоза).

Мюрже воспѣвалъ женщинъ съ зелеными губами и желтыми щеками, хотя у него это было, вѣроятно, слѣдствіемъ своего рода дальтонизма, вызваннаго пьянствомъ, что̀, какъ мы видѣли, особенно рѣзко выражается у живописцевъ.

13) Почти всѣ поврежденные геніи придавали большое значеніе своимъ сновидѣніямъ, которыя у нихъ отличались такой живостью и опредѣленностью, какой никогда не имѣютъ сны здоровыхъ людей. Это особенно замѣтно у Кардана, Ленау, Тассо, Сократа и Паскаля.

14) Многіе изъ нихъ обладали чрезвычайно большимъ черепомъ, но неправильной формы; кромѣ того, у нихъ, какъ и у сумасшедшихъ, вскрытіе часто обнаруживало серьезныя поврежденія нервныхъ центровъ.—У Паскаля мозговое вещество оказалось тверже нормальнаго и нагноеніе въ лѣвой долѣ. При вскрытіи черепа Руссо, была констатирована водянка желудочковъ.—Черепъ Вилльмена представлялъ такое

ненормальное устройство (крайне удлиненный, сплющенный спереди, съ сильнымъ развитіемъ лобныхъ пазухъ), что когда я увидѣлъ его въ первый разъ въ Парижскомъ Институтѣ, то невольно обратилъ на него вниманіе и сказалъ своему спутнику, что человѣкъ съ такой головой непремѣнно долженъ страдать душевной болѣзнью. У Байрона, Фосколо, и вообще у геніальныхъ, но отличавшихся большими странностями людей замѣчено преждевременное отвердѣніе черепныхъ швовъ. Шуманъ умеръ отъ воспаленія мозговой оболочки (менингита) и атрофіи мозга [1]).

15) Но самымъ выдающимся признакомъ ненормальности разсматриваемыхъ нами геніевъ, служитъ, какъ мнѣ кажется, крайне преувеличенное проявленіе тѣхъ двухъ перемежающихся состояній—экстаза и атоніи, возбужденія и упадка умственныхъ силъ,—которыя до извѣстной степени замѣтны почти у всѣхъ великихъ мыслителей, даже у совершенно здоровыхъ, и составляютъ въ сущности чисто физіологическое явленіе. Но здѣсь оно принимало уже патологическій характеръ, вслѣдствіе чего „поврежденные“ геніи истолковывали его вкривь и вкось, приписывая то благодѣтельному, то враждебному вліянію посторонныхъ, чаще всего сверхъестетвенныхъ силъ.—Руссо такъ описываетъ себя въ состояніи атоніи: „Лѣнивый, приходящій въ ужасъ отъ всякаго труда умъ и желчный, раздражительный, живо чувствующій каждую непріятность темпераментъ—казалось-бы, что двѣ такія противоположности не могутъ совмѣститься въ одномъ субъектѣ, а между тѣмъ онѣ составляютъ основу моего характера.“ При такомъ мрачномъ взглядѣ на свои способности, періодъ возбужденія, подъемъ

1) Слѣдуетъ, однако, замѣтить (см. въ Приложеніи статью *Аномаліи черепа у великихъ людей*), что аномаліи нервныхъ центровъ нерѣдки и у геніевъ, не страдавшихъ умопомѣшательствомъ: Кювье, Монжъ, Флурачъ и другіе.

духа казался Руссо чѣмъ-то чуждымъ его собственной природѣ, подобно тому какъ люди невѣжественные всегда объясняютъ постороннимъ вліяніемъ каждое измѣненіе своего *я*. Тассо даже анализируетъ свойство своего вдохновителя—духа, демона, или Генія: „Это не можетъ быть дьяволъ, говоритъ онъ, потому что онъ не внушаетъ мнѣ отвращенія къ священнымъ предметамъ; но это также и не простой смертный, такъ какъ онъ вызываетъ у меня идеи, прежде никогда не приходившія мнѣ въ голову.“ Духъ сообщалъ Кардану свѣдѣнія о невозможномъ мірѣ, давалъ совѣты и вдохновлялъ его; точно также духъ помогъ Тартини написать сонату, а Магомету диктовалъ цѣлыя страницы *Корана*.—Ванъ-Гельмонтъ увѣрялъ, что духъ являлся ему во всѣхъ важныхъ случаяхъ жизни, и одинъ разъ, въ 1633 году, онъ увидѣлъ даже свою собственную душу въ формѣ блестящаго кристалла.—Скульпторъ Блэкъ часто удалялся на берегъ моря, чтобы вести тамъ бесѣды съ Моисеемъ, Гомеромъ, Виргиліемъ и Мильтономъ, своими старинными знакомыми, и такъ описывалъ ихъ внѣшность: „Это тѣни,—говорилъ онъ, величественныя, суровыя, но свѣтлыя и ростомъ гораздо выше обыкновенныхъ людей.“—Сократу во всѣхъ его дѣлахъ тоже помогалъ Геній, котораго онъ считалъ для себя полезнѣе десяти тысячъ учителей, и часто пользовался его указаніями, чтобы предупреждать друзей своихъ, какъ имъ слѣдуетъ поступить въ томъ или другомъ случаѣ.—Палестрина пытался выразить въ своихъ композиціяхъ тѣ пѣсни, которыя пѣлъ ему невидимый ангелъ.

Вообще, яркій, образный слогъ и полная увѣренность, съ какою описывались разные фантастическіе случаи и нелѣпыя бредни, вродѣ академіи лиллипутовъ, или ужасовъ тартара,—заставляютъ предполагать, что авторы видѣли передъ собою всѣ такія картины вполнѣ отчетливо, ясно, какъ въ припадкѣ галлюцинацій, и что слѣдовательно вдохновеніе и безумный бредъ сливались у нихъ въ одно нераздѣльное цѣлое.

Для нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ напр., для Лютера, Магомета, Савонаролы, Молиноса, а въ наше время для главы возставшихъ Тайпинговъ, это ложное истолкованіе причины своего экстаза было чрезвычайно полезно въ томъ отношеніи, что придавало ихъ рѣчамъ и предсказаніямъ ту нераздѣльную съ глубокой вѣрой въ истинность своего ученія убѣдительность, которая такъ обаятельно дѣйствуетъ на простой народъ, увлекая и потрясая его до глубины души. Въ этомъ отношеніи между помѣшанными геніями и самыми дюжинными маттоидами нѣтъ существенной разницы.

Съ другой стороны, когда веселость и вдохновенный экстазъ смѣнялись мрачнымъ, меланхолическимъ настроеніемъ, то эти несчастные великіе люди прибѣгали къ еще болѣе страннымъ измышленіямъ, чтобы объяснить свое тяжелое состояніе: одни изъ нихъ приписывали его отравѣ, какъ напр., Карданъ; другіе, подобно Галлеру и Амперу, считали себя обреченными на вѣчныя муки или преслѣдуемыми цѣлымъ сонмомъ озлобленныхъ враговъ, въ чемъ были убѣждены—Ньютонъ, Свифтъ, Бартецъ, Карданъ и Руссо. Далѣе, всѣ они признавали религіозное сомнѣніе, западающее въ умъ совершенно противъ воли и наперекоръ чувству, такимъ ужаснымъ преступленіемъ, что опасеніе подвергнуться отвѣтственности за него являлось для нихъ источникомъ новыхъ величайшихъ страданій.

XII.

Исключительныя особенности геніальныхъ людей. Заключеніе.

Теперь спросимъ себя, возможно-ли на основаніи вышеизложенныхъ фактовъ придти къ заключенію, что геніальность вообще есть ничто иное какъ неврозъ, умопомѣшательство? Нѣтъ, такое заключеніе было-бы ошибочнымъ. Правда, въ бурной и тревожной жизни геніальныхъ людей бываютъ моменты, когда эти люди представляютъ большое сходство съ помѣшанными, и въ психической дѣятельности тѣхъ и другихъ есть не мало общихъ чертъ,—напр., усиленная чувствительность, экзальтація, смѣняющаяся апатіей, оригинальность эстетическихъ произведеній и способность къ открытіямъ, безсознательность творчества и употребленіе особыхъ выраженій, сильная разсѣянность и наклонность къ самоубійству [1]), а также нерѣдко злоупотребленіе спиртными напитками и, наконецъ, громадное тщеславіе. Правда, въ числѣ геніальныхъ людей были и есть помѣшанные, точно также какъ и между этими послѣдними бывали субъекты, у которыхъ болѣзнь вызывала проблески генія; но вывести изъ этого заключеніе, что всѣ геніальныя личности непремѣнно должны быть помѣшанными—значило-бы впасть въ громадное заблужденіе и повторить, только въ иномъ смыслѣ, ошибочный выводъ дикарей, считающихъ боговдохновенными людьми всѣхъ сумасшедшихъ. Поясню эту мысль примѣромъ: у насъ въ Италіи есть хореикъ слѣпецъ Пучинотти, подражающій въ своихъ хореическихъ движеніяхъ манипуляціямъ человѣка, играющаго на скрипкѣ. Если-бы кто-нибудь вздумалъ сопоставить этотъ случай съ тѣмъ фактомъ, что въ числѣ хорошихъ скрипачей есть много слѣпыхъ и на основаніи его сдѣлалъ выводъ, что все искусство скрипичной игры обусловливается сопровождающейся хореическими движеніями болѣзнью, то конечно этотъ выводъ оказался-бы совершенно ложнымъ. Очень можетъ быть, что хорея придаетъ большую подвижность рукамъ играющаго, или что она даже развивается у него вслѣдствіе постояннаго повторенія извѣстныхъ движеній, но все-же изъ этого еще нельзя заключить о полномъ сходствѣ между хореикомъ и скрипачемъ.

[1]) Геніальные люди даютъ огромный процентъ самоубійцъ, начиная съ древнѣйшаго періода исторіи и кончая нашимъ временемъ. Интересно прослѣдить поводы къ самоубійству: Доминикино лишилъ себя жизни вслѣдствіе насмѣшекъ соперниковъ, Спаньолетто—послѣ похищенія своей дочери, Нурри—изъ зависти къ успѣхамъ Дюпре и пр. Въ Италіи число самоубійцъ между художниками достигаетъ 90 на милліонъ жителей, между литераторами—618,9, между учащими — 355,3—процентъ, болѣе высокій, чѣмъ въ остальныхъ профессіяхъ.

Если-бы геніальность всегда сопровождалась сумасшествіемъ, то какъ объяснить себѣ, что Галлилей, Кеплеръ, Колумбъ, Вольтеръ, Наполеонъ, Микель-Анджело, Кавуръ, люди несомнѣнно геніальные и притомъ подвергавшіеся втеченіе своей жизни самымъ тяжелымъ испытаніямъ, ни разу не обнаружили признаковъ умопомѣшательства?

Кромѣ того, геніальность проявляется обыкновенно гораздо раньше сумасшествія, которое по большей части достигаетъ максимальнаго развитія лишь послѣ 35-ти лѣтняго возраста, тогда какъ геніальность обнаруживается еще съ дѣтства а въ

молодые годы является уже съ полной силой: Александръ Македонскій былъ на вершинѣ своей славы въ 20 лѣтъ, Карлъ Великій—въ 30 лѣтъ, Карлъ XII—въ 18, Даламберъ и Бонапартъ—въ 26 (Рибо).

Далѣе, между тѣмъ какъ сумасшествіе чаще всѣхъ другихъ болѣзней передается по наслѣдству и притомъ усиливается съ каждымъ новымъ поколѣніемъ, такъ что краткій припадокъ бреда, случившійся съ предкомъ, переходитъ у потомка уже въ настоящее безуміе, геніальность почти всегда умираетъ вмѣстѣ съ геніальнымъ человѣкомъ, и наслѣдственныя геніальныя способности, особенно у нѣсколькихъ поколѣній, составляютъ рѣдкое исключеніе. Кромѣ того, слѣдуетъ замѣтить, что онѣ передаются чаще потомкамъ мужскаго, чѣмъ женскаго пола (о чемъ мы уже говорили прежде), тогда какъ умопомѣшательство признаетъ полную равноправность обоихъ половъ. Положимъ, геній тоже можетъ заблуждаться, положимъ, и онъ всегда отличается оригинальностью; но ни заблужденіе, ни оригинальность никогда не доходятъ у него до полнаго противорѣчія съ самимъ собою или до очевиднаго абсурда, что̀ такъ часто случается съ маттоидами и помѣшанными.

Если нѣкоторые изъ этихъ послѣднихъ и обнаруживаютъ недюжинныя умственныя способности, то это лишь въ рѣдкихъ, сравнительно, случаяхъ и притомъ умъ ихъ всегда односторонненъ: гораздо чаще мы замѣчаемъ у нихъ недостатокъ усидчивости, прилежанія, твердости характера, вниманія, акуратности, памяти—вообще, главныхъ качествъ генія. —И остаются они по большей части всю жизнь одинокими, несообщительными, равнодушными, или не чувствительными къ тому, что̀ волнуетъ родъ людской, точно будто ихъ окружаетъ какая-то особенная, имъ однимъ принадлежащая атмосфера. Возможно-ли сравнивать ихъ съ тѣми великими геніями, которые спокойно

и съ сознаніемъ собственныхъ силъ неуклонно слѣдовали по разъ избранному пути къ своей высокой цѣли, не падая духомъ въ несчастіяхъ и не позволяя себѣ увлечься какой-бы то ни было страстью!

Таковы были: Спиноза, Бэконъ, Галилей, Данте, Вольтеръ, Колумбъ, Макіавелли, Микель-Анджело и Кавуръ.—Всѣ они отличались сильнымъ, но гармоничнымъ развитіемъ черепа, что̀ доказывало силу ихъ мыслительныхъ способностей, сдерживаемыхъ могучей волей, но ни въ одномъ изъ нихъ любовь къ истинѣ и къ красотѣ не заглушила любви къ семьѣ и отечеству.—Они никогда не измѣняли своимъ убѣжденіямъ и не дѣлались ренегатами, они не уклонялись отъ своей цѣли, не бросали разъ начатаго дѣла. Сколько настойчивости, энергіи, такта выказывали они при выполненіи задуманныхъ ими предпріятій и какой умѣренностью, какимъ цѣльнымъ характеромъ отличались въ своей жизни!

А вѣдь на ихъ долю выпало тоже не мало страданій отъ преслѣдованія невѣждъ,—имъ тоже приходилось испытывать и припадки изнеможенія, слѣдовавшіе за порывами вдохновенія, и муки овладѣвавшаго ими сомнѣнія, колебанія, но все это ни разу не заставило ихъ свернуть съ прямаго пути въ сторону.

Единственная, излюбленная идея, составлявшая цѣль и счастье ихъ жизни, всецѣло овладѣвала этими великими умами, и какъ-бы служила для нихъ путеводной звѣздой. Для осуществленія своей задачи они не щадили никакихъ усилій, не останавливались ни передъ какими препятствіями, всегда оставаясь ясными, спокойными. Ошибки ихъ слишкомъ немногочисленны, чтобы на нихъ стоило указывать, да и тѣ нерѣдко носятъ такой характеръ, что у обыкновенныхъ людей онѣ сошли-бы за настоящія открытія.

Резюмируя наши положенія, мы приходимъ къ слѣдующимъ выводамъ: въ физіологическомъ отношеніи между нормальнымъ состояніемъ геніальнаго человѣка и патологическимъ – помѣшаннаго существуетъ не мало точекъ соприкосновенія. Между геніальными людьми встрѣчаются помѣшанные и между сумасшедшими—геніи. Но было и есть множество геніальныхъ людей, у которыхъ нельзя отыскать ни малѣйшихъ признаковъ умопомѣшательства за исключеніемъ нѣкоторыхъ ненормальностей въ сферѣ чувствительности.

Хотя мои изслѣдованія ограничиваются скромными предѣлами психологическихъ наблюденій, но я надѣюсь, что оно можетъ дать солидную экспериментальную точку отправленія для критики артистическихъ, литературныхъ и, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, даже научныхъ произведеній. Такъ, во первыхъ, оно заставитъ обратить вниманіе на чисто патолоскіе признаки: излишнюю тщательность отдѣлки, злоупотребленіе символами, эпиграфами и аксессуарами, преобладаніе одного какого-нибудь цвѣта и преувеличенную погоню за новизной. Въ литературѣ и ученыхъ статьяхъ такими-же признаками служатъ: претензіи на остроуміе, излишняя систематизація, стремленіе говорить о себѣ, склонность замѣнять логику эпиграммой, пристрастіе къ напыщености въ стихахъ, къ созвучіямъ—въ прозѣ и тоже погоня за оргинальностью. Кромѣ того, ненормальность этого тона выражается въ манерѣ писать библейскимъ языкомъ, короткими періодами съ подчеркиваніями или частымъ употребленіемъ извѣстныхъ словъ. Признаюсь, замѣчая, какъ много субъектовъ изъ такъ называемыхъ руководителей общественнаго мнѣнія отличаются подобными недостатками и какъ часто юные писатели, берущіеся за разработку серьезныхъ общественныхъ вопросовъ, ограничиваются при этомъ одними лишь остротами, какъ будто заимствованными изъ дома умалишенныхъ, и пишутъ коротенькими, отрывистыми фразами библейскихъ изреченій,—я начинаю бояться за судьбу грядущихъ поколѣній.

И наоборотъ—аналогія, существующая съ одной стороны между маттоидами и геніями въ томъ отношеніи, что первымъ присущи всѣ болѣзненныя свойства послѣднихъ, а съ другой—сходство между здоровыми людьми и маттоидами, которые обыкновенно обладаютъ столь-же развитой проницательностью практическимъ тактомъ—должно послужить для людей науки предостереженіемъ противъ излишняго увлеченія новыми теоріями, особенно расплодившимися теперь въ абстрактныхъ или не вполнѣ сложившихся наукахъ, каковы теологія, медицина [1]) и философія. Такого рода теоріи, относящіяся обыкновенно до наиболѣе интересующихъ публику вопросовъ, разработываются по большей части людьми, ничего въ нихъ не смыслящими, которые вмѣсто серьезныхъ разсужденій, основанныхъ на тщательномъ и спокойномъ изученіи фактовъ, наполняютъ свои сочиненія громкими фразами, не идущими къ дѣлу примѣрами, парадоксами и несостоятельными, часто одинъ другому противорѣчащими доводами, хотя и не лишенными иногда оригинальности. Въ такомъ родѣ пишутъ по преимуству именно маттоиды (психопаты)—эти безсознательные шарлатаны, встрѣчающіеся въ литературномъ мірѣ гораздо чаще, чѣмъ многіе думаютъ...

Но не однимъ ученымъ слѣдуетъ остерегаться подобныхъ теорій; относительно ихъ—и притомъ въ гораздо большей степени—должны быть на сторожѣ и государственные люди, не

[1]) Я забылъ упомянуть въ числѣ маттоидовъ приверженцевъ гомеопатіи и вегетаріанизма; это своего рода сектанты въ медицинѣ, проповѣдующіе массы нелѣпостей подъ прикрытіемъ немногихъ истинъ.

только потому, что эти мнимые реформаторы, вдохновляемые исключительно лишь психической болѣзнью и не встрѣчающіе серьезнаго отпора со стороны критики, могутъ оказывать извѣстное вліяніе на окружающихъ, но еще и въ силу того соображенія, что всякія преслѣдованія, хотя бы и справедливыя, раздражаютъ, усиливаютъ помѣшательство этихъ людей и превращаютъ безвредный идеологическій бредъ психопата или извращеніе чувствъ мономаньяка въ активное помѣшательство, тѣмъ болѣе опасное, что, при сравнительно ясномъ умѣ, настойчивости и преувеличенномъ альтруизмѣ психопатовъ, заставляющемъ ихъ усердно заниматься общественными дѣлами и лицами, стоящими во главѣ управленія, они преимущественно передъ всѣми другими сумасшедшими склонны совершать политическія убійства [1]).

Такимъ образомъ, мы убѣждаемся, что психопаты имѣютъ нѣчто общее не только съ геніями, но,—къ сожалѣнію—и съ темнымъ міромъ преступленія; мы видимъ, кромѣ того, что настоящіе помѣшанные отличаются иногда такимъ выдающимся умомъ и часто такой необыкновенной энергіей, которая невольно заставляетъ приравнивать ихъ, на время по крайней мѣрѣ, къ геніальнымъ личностямъ, а въ простомъ народѣ вызываетъ сначала изумленіе, а потомъ благоговѣніе передъ ними.

Подобные факты даютъ намъ новую, надежную точку опоры въ борьбѣ съ юристами и судьями, которые, на основаніи одной только усиленной дѣятельности мозга, заключаютъ о вмѣняемости для даннаго субъекта и о полномъ отсутствіи у него психическаго разстройства. Вообще, благодаря новѣйшимъ изслѣдованіямъ въ области психіатріи, у насъ является возможность уяснить себѣ таинственную сущность генія, его непослѣдовательность и ошибки, которыхъ не сдѣлалъ-бы самый обыкновенный изъ простыхъ смертныхъ. Далѣе, намъ становится понятнымъ, какимъ образомъ помѣшанные и маттоиды [1]), одаренные лишь въ слабой степени геніальностью, а то и совсѣмъ не имѣвшіе ея (Пассананте, Лазаретти, Дробиціусъ, Фурье, Фоксъ), могли оказывать громадное вліяніе на толпу и нерѣдко даже вызывать политическія движенія; или какимъ образомъ люди, бывшіе въ одно и тоже время и геніями, и помѣшанными (Магометъ, Лютеръ, Савонарола, Шопенгауеръ), нашли въ себѣ силы преодолѣть такіе препятствія, которыя ужаснули-бы здравомыслящаго человѣка,—на цѣлые вѣка задержать умственное развитіе народовъ и сдѣлаться основателями если не всѣхъ религій, то по крайней мѣрѣ всѣхъ сектъ, появлявшихся въ древнемъ и новомъ мірѣ?

Установивъ такое близкое соотношеніе между геніальными людьми и помѣшанными, природа какъ-бы хотѣла указать намъ на нашу обязанность снисходительно относиться къ величайшему изъ человѣческихъ бѣдствій—сумасшествію и въ то-же время дать намъ предостереженіе, чтобы мы не слишкомъ увлекались блестящими призраками геніевъ, многіе изъ которыхъ не только не поднимаются въ заоблачныя сферы, но, подобно сверкающимъ метеорамъ, вспыхнувъ однажды, падаютъ очень низко и тонутъ въ массѣ заблужденій.

[1]) См. выше IX главу.

[1]) См. главу X и *Приложенія*.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Автобіографія помѣшаннаго.

(Къ VII главѣ).

Съ 58-го по 59-й годъ я служилъ привратникомъ у господина Б. Въ этомъ же домѣ жила семья Даг., которая мало по малу такъ полюбила меня, что предложила давать мнѣ обѣдъ, зная что мнѣ неудобно было приготовлять его самому. Однажды, проходя по улицѣ Ровелекка, я увидѣлъ у отворенной желѣзной лавки дѣвушку, которая покраснѣла, когда глаза ея встрѣтились съ моими. Я-же, напротивъ, остался на этотъ разъ совершенно равнодушнымъ, хотя обыкновенно краснѣлъ при всякой встрѣчѣ, особенно съ женщиной. Я догадался, въ чемъ дѣло, но, возвратясь домой, даже и вида не подалъ, что придаю этому значеніе. На слѣдующій день я снова проходилъ мимо лавки, и та же дѣвушка, по фамиліи Ж., опять бросила на меня нѣжный взглядъ, а я по прежнему остался равнодушнымъ и когда возвращался назадъ, то даже не посмотрѣлъ на нее, хотя она стояла у двери. Нѣсколько времени я избѣгалъ встрѣчи съ этой особой. Однажды вечеромъ, стоя у воротъ, я услышалъ легкіе шаги и, оглянувшись, увидѣлъ Ж., которая держала за руку свою маленькую сестру. Дѣвушка обратилась ко мнѣ съ вопросомъ, дома-ли г-жа Даг., и я отвѣчалъ ей, что нѣтъ, послѣ чего она поблагодарила меня, многозначительно поклонилась мнѣ, такъ же какъ и я ей,—и ушла. Въ это время началась война 59 года, и у меня не было даже мысли о какихъ нибудь связяхъ... Я записался въ солдаты... Вскорѣ намъ объявили приказъ о выступленіи и повезли нашъ отрядъ по желѣзной до-

рогѣ въ Комо, гдѣ горожане встрѣтили насъ криками *ура*. Едва только мы пришли въ казармы, какъ насъ опять собрали, и офицеръ сталъ вызывать насъ по-одиночкѣ и раздавать намъ деньги, говоря, что сегодня мы получимъ только половину жалованья. При этомъ онъ какъ-то особенно и даже съ презрѣніемъ смотрѣлъ на тѣхъ, которые были дурно одѣты, чего, по моему, разсудительный человѣкъ не долженъ бы дѣлать. Послѣ раздачи жалованья намъ сдѣлали смотръ, а потомъ отвели опять въ казарму, гдѣ даже не было приготовлено соломы для ночлега. Черезъ недѣлю изъ насъ составили батальонъ, въ который зачислили и меня вмѣстѣ съ двоими земляками. Батальонъ этотъ назначался для пополненія перваго полка и былъ отправленъ къ озеру Комо. По дорогѣ мы останавливались для отдыха на часъ или на два въ Колико и Морбеньо, гдѣ насъ встрѣтили съ музыкой. Послѣ полуночи мы отправились въ Сандріо и пробыли тамъ два дня. Дальше я уже забылъ теперь въ подробности нашъ маршрутъ. Помню только, что когда мы пришли въ Кроче Домини, день былъ ужасно жаркій, а передъ вечеромъ вдругъ поднялся такой густой туманъ, что мы не могли различать другъ друга, и стало такъ холодно, что намъ пришлось кутаться. Это было 10-го іюля; мы всѣ сильно нуждались въ отдыхѣ послѣ дороги, а между тѣмъ не могли заснуть вслѣдствіе нестерпимаго холода. Мы нарубили вѣтвей кустарника, росшаго по склону горы, и зажгли нѣсколько костровъ. Мнѣ пришлось стоять на караулѣ у нашего багажа, и когда меня пришли смѣнить, я былъ еле живъ отъ холода — руки закоченѣли до того, что я не могъ держать ружья, ноги совсѣмъ застыли, и я съ трудомъ отогрѣлся. Между тѣмъ занялась заря, мы пошли дальше, и это дало намъ возможность согрѣться окончательно. Остальныя подробности нашего путешествія не стану приводить, такъ какъ это было бы слишкомъ скучно. Упомяну только о нашемъ прибытіи въ Баголино, которое находится неподалеку отъ Рокка д'Анфо. Тамъ нашъ отрядъ долженъ былъ слѣдить за дѣйствіями непріятельскихъ войскъ. Вскорѣ мы узнали, что непріятель приближается къ намъ и авангардъ его уже недалеко. Тотчасъ же раздался призывъ къ оружію; но отрядъ нашъ остался на мѣстѣ ожидать непріятельскаго авангарда, и когда онъ приблизился шаговъ на сто, мы начали бросать въ него заранѣе приготовленными камнями. Я не помню, отвѣчалъ-ли намъ непріятель выстрѣлами или нѣтъ, но мнѣ говорили, что у него было нѣсколько раненыхъ. Узнавъ, что у насъ собрано въ этой мѣстности много войска, непріятель удалился, и мы могли отдохнуть. Черезъ недѣлю

послѣ того насъ отправили въ Лавеноне, гдѣ намъ пришлось нести гарнизонную службу. А вскорѣ и миръ былъ заключенъ.

Въ концѣ 1860 года, не зная куда пристроиться, я временно поселился въ домѣ моего дяди. Зимою 60—61 года я сталъ искать себѣ другую квартиру и, наконецъ, попалъ опять къ прежнему хозяину,—дѣла мои пошли довольно хорошо. Я работалъ также и на Б., почему долженъ былъ проходить по улицѣ Ровелекка, хотя мнѣ не хотѣлось этого дѣлать во избѣжаніе нѣкоторыхъ воспоминаній. Въ это время молодой человѣкъ, ухаживавшій за Ж., какъ мнѣ казалось, уже бросилъ ее. Насталъ какой-то праздникъ, и у меня не случилось кофе, который я пилъ всегда вечеромъ и утромъ, какъ только встану; зная, что его можно достать такъ рано только въ лавкѣ Ж. на улицѣ Ровелекка, я пошелъ туда. Это было въ концѣ осени 1861 г. Мнѣ продала кофе мать Ж., встрѣтившая меня довольно любезно, и я обѣщалъ сдѣлаться ея покупателемъ. Что же касается дочери, то я рѣшилъ избѣгать даже мысли о ней. Хотя эта дѣвушка мнѣ нравилась, но я думалъ, что изъ нея выйдетъ плохая хозяйка и что она не съумѣетъ хорошо воспитать дѣтей, какъ бы мнѣ хотѣлось; къ тому же я не желалъ жениться на дѣвушкѣ, дурно воспитанной, тѣмъ болѣе что любилъ свободу. Потомъ я во второй разъ зашелъ въ лавку, и со мною обошлись еще лучше прежняго. Когда я пришелъ въ третій разъ, обѣ женщины были возлѣ конторки, но мать закрывала своей тѣнью дочь, сидѣвшую около стѣны. Меня встрѣтили очень любезно. Пока мать отвѣшивала мнѣ сахаръ и кофе, я не могъ видѣть дочери; когда же я спросилъ мыла, то мнѣ стало видно ее, и я могъ взглянуть ей прямо въ лицо. Сдѣлавъ видъ, что хочу поближе посмотрѣть: то-ли мыло мнѣ дали, какое нужно, я тоже приблизился къ конторкѣ. На вѣсы былъ положенъ кусокъ мыла средней величины, ни слишкомъ большой, ни слишкомъ маленькій [1]); дочь, желая сказать что нибудь, замѣтила— «*Это слишкомъ много*», а мать, какъ будто угадавъ мои мысли, отвѣтила ей: «Ничего, до дома донесетъ». Потомъ онѣ обѣ засмѣялись, и я ушелъ. Черезъ нѣсколько времени, мать сказала мнѣ какъ-то вечеромъ, что дочь говорила ей, будто я женился; я-же отвѣтилъ, что это неправда, и что у меня даже мысли нѣтъ о женитьбѣ, на что она замѣтила: «*Да, да, теперь вы по крайней мѣрѣ совершенно свободны*». Въ этотъ разъ поклонъ ея былъ очень сухъ и въ послѣдующія мои посѣщенія обраще-

[1]) Замѣтьте, какую необыкновенную память обнаруживаетъ онъ даже въ мелочныхъ подробностяхъ, относящихся до пункта его помѣшательства.

ніе ея со мной окончательно измѣнилось къ худшему. Она избѣгала меня и старалась дать мнѣ понять, что не желаетъ моихъ дальнѣйшихъ посѣщеній; но я, не обращая вниманія на это, притворился ничего непонимающимъ и продолжалъ заходить въ лавку. Однажды я вышелъ изъ дома, когда начало уже смеркаться и накрапывалъ дождь (это было на первой недѣлѣ поста 1862 года), и только что повернулъ въ улицу Ровелекка, какъ вдругъ изъ лавки выскочила младшая сестра Ж., посмотрѣла на меня со смѣхомъ и поспѣшно убѣжала въ лавку; я продолжалъ идти своей дорогой, не спуская въ то же время глазъ съ лавки, и видѣлъ, какъ мать вытолкнула оттуда старшую дочь, которая остановилась на порогѣ, посмотрѣла на меня смѣясь и сказала: «*Ну, что-же?*» А я, слыша, какъ мать подстрекаетъ дѣвушекъ, говоря «*идите вслѣдъ за нимъ*», ласково взглянулъ на старшую дочь, но ничего не сказалъ въ эту минуту.

Окончивъ мои занятія въ этотъ вечеръ, я порѣшилъ написать ей записку, чтобы положить конецъ этимъ послѣдствіямъ [1]). Хотя въ этотъ вечеръ мнѣ нужно было сдѣлать покупки, однако я, чтобъ передать ей записку, предпочелъ пойти въ лавку утромъ, такъ какъ зналъ, что въ это время мать бываетъ тамъ одна. На слѣдующее утро зайдя въ лавку, я уже нашелъ въ ней посѣтителей; мое появленіе, должно быть, смутило старуху Ж., потому что она ошиблась, отдавая сдачу какой-то молодой дѣвушкѣ, которая посмотрѣла на меня, когда уходила. Между тѣмъ, я подошелъ ближе, и Ж. подала мнѣ что нужно, причемъ старалась скрыть свое смущеніе. Тогда я вынулъ записку и, вручая ей, сказалъ: «*Это—старинный счетъ, просмотрите его на досугѣ.*» Я хотѣлъ такимъ образомъ показать покупателямъ, что между нами нѣтъ какихъ нибудь особенныхъ отношеній. Взявъ записку, Ж. отвѣчала «*Ахъ, да-да*»! послѣ чего я ей поклонился и она сказала мнѣ: «*До свиданья*!». Впродолженіе этого дня тысячи мыслей смѣнились у меня въ умѣ, однакоже вечеромъ я сдержалъ свое слово, какъ обѣщалъ въ запискѣ. Вотъ ея содержаніе:

«Милостивая Государыня!»

«Наши слишкомъ уже явныя отношенія обязываютъ меня написать вамъ нѣсколько строкъ, чтобы рѣшить нашъ внутренній вопросъ. Если до сихъ поръ я не показывалъ своей горячей привязанности къ вашей дочери, то это не вслѣдствіе сомнѣнія въ томъ, что она мнѣ отвѣчаетъ взаимностью; напротивъ, я очень уважаю ея осторожность и не подозрѣваю, чтобы ея расположеніе къ другимъ было иное, какъ только родственное. Если мое объясненіе будетъ принято благосклонно, то я ожидаю вашего отвѣта сегодня въ 8 часовъ вечера. Когда я пройду въ это время мимо лавки, то въ знакъ согласія у дверей ея должна стоять ваша дочь; въ этомъ случаѣ я буду знать навѣрное, что вы удостоите меня какимъ нибудь отвѣтомъ; если же я никого не увижу, то пройду мимо и все будетъ забыто. Пишу эти слова съ сожалѣніемъ, что не заслужилъ вниманія той особы, которую я очень уважаю и которая стоитъ выше меня. Прощайте, или пока до свиданія въ назначенный часъ».

[1]) Авторъ, очевидно, придаетъ этому слову своеобразное значеніе.

Вечеромъ около 8 часовъ я вышелъ изъ дома и послѣ небольшой прогулки повернулъ въ улицу Ровелекка. Тамъ я замѣтилъ дѣвушку прекраснаго роста и молодаго человѣка, стоявшихъ у воротъ и смотрѣвшихъ въ мою сторону. Я перешелъ на право, сдѣлавъ видъ, что останавливаюсь, и услышалъ, какъ эта дѣвушка сказала: *Да онъ совсѣмъ молокососъ*!—Я притворился, что не замѣтилъ ея вниманія [1]), посмотрѣлъ на нее, хотя она была мнѣ совершенно незнакома, и рѣшилъ идти дальше. У лавки никого не было, а внутрь я не заглянулъ и, миновавъ ее, почувствовалъ большое облегченіе [2]). Пройдя всю улицу Ровелекка, я повернулъ влѣво и увидѣлъ въ нѣкоторомъ разстояніи трехъ особъ женскаго пола, шедшихъ мнѣ на встрѣчу; шаговъ за 15 отъ меня одна изъ нихъ,—это была дочь Ж.,—отдѣлилась отъ своихъ подругъ, пошла по тротуару и, поровнявшись со мной, посмотрѣла на меня. Когда всѣ три были шагахъ въ 15 сзади меня, я услышалъ, какъ подруга спросила «*Это онъ?*» и Ж., понизивъ голосъ, отвѣтила ей: «*Да.*» А я поспѣшилъ домой и легъ въ постель. Цѣлую недѣлю я не заглядывалъ въ ту улицу и только вечеромъ на восьмой день прошелъ мимо лавки Ж., которая уже была заперта, но въ комнатѣ у нихъ виднѣлся свѣтъ. Заслышавъ мои шаги, онѣ погасили огонь, такъ какъ отлично знали мою походку (!), хоть я и постарался ее измѣнить (?!). Когда я проходилъ мимо ихъ окна, то слышалъ, какъ дочь сказала: *Прощай!*—Я продолжалъ идти тѣмъ-же ша-

[1]) Это слово тоже употреблено въ особомъ значеніи.

[2]) Влюбленные поймутъ это чувство, хотя оно сильно преувеличено у Фарина: робость до того была въ немъ сильна, что заглушила даже любовное влеченіе и онъ обрадовался, когда желанное имъ свиданіе не состоялось.

*

гомъ, но рѣшился сдѣлать послѣднюю попытку, чтобы положить этому конецъ. На слѣдующее утро я снова написалъ письмо и послалъ его часовъ въ 9 съ мальчикомъ, сказавъ ему: «*Отнеси это письмо въ мелочную лавку на улицѣ Ровелекка, и передай хозяйкѣ, что оно отъ одной знакомой ей женщины, которая черезъ меня же проситъ прислать отвѣтъ*». Получивъ письмо, старуха сказала мальчику: «*Теперь мнѣ некогда, зайди черезъ полчаса, и я дамъ тебѣ отвѣтъ*». Когда черезъ полчаса посланный вернулся, она подала ему то-же самое письмо со словами: «*Снеси его обратно и скажи ему «нѣтъ», да смотри —не потеряй вложенную тутъ записку*». Когда я развернулъ письмо, то нашелъ въ немъ свою первую записку, потомъ заплатилъ мальчику и отпустилъ его. Взявъ оба письма, я перечиталъ ихъ, думая, что они дурно написаны, однако и послѣ этого чтенія могу сказать, что ошибокъ у меня не было. Тогда мною овладѣли самыя мрачныя мысли, но, разсудивъ, что съ моей стороны было-бы глупостью даже думать объ этомъ, я изгналъ изъ своего сердца всякое воспоминаніе и рѣшился не проходить болѣе по той улицѣ. Спустя нѣкоторое время я какъ-бы инстинктивно вздумалъ пойти туда; мать и дочь стояли у лавки и, завидя меня, принялись смотрѣть въ мою сторону, а когда я поровнялся съ ними, сказали: «*Онъ идетъ сюда*».

Изъ этихъ послѣдствій [1]) я хорошо понялъ, что она меня любитъ; я очень страдалъ, и мысль о такомъ ихъ поведеніи вызывала во мнѣ бѣшенство; поэтому я рѣшился покинуть свое отечество и отправиться въ Женеву. Это было во вторникъ послѣ праздника Троицы въ 1862 году. Но и въ Женевѣ меня преслѣдовали тѣ-же сторонники Ж...., вслѣдствіе чего я принужденъ былъ вернуться на родину. Такъ прошло лѣто и въ концѣ зимы мои противники, друзья Ж...., начали досаждать мнѣ своими преслѣдованіями. Хотя у меня тоже были друзья, но я хранилъ молчаніе съ ними и даже избѣгалъ ихъ, чтобы они не заговорили со мной объ этомъ и не стали подстрекать меня къ мести [2]). Такъ я терпѣлъ до масляницы текущаго 1866 года. Однажды мнѣ захотѣлось послушать оперу и я пошелъ въ театръ. Сначала никто не обратилъ вниманія на мое появленіе въ театральной залѣ, но черезъ 8 или 10 минутъ двое молодыхъ людей, сойдя сверху, посмотрѣли

[1]) См. раньше примѣчаніе относительно словъ, употребляемыхъ въ особомъ смыслѣ.

[2]) Вотъ почему нельзя было найти свидѣтелей, которые бы подтвердили, что онъ дѣйствительно страдалъ маніей преслѣдованія.

на меня, чтобы удостовѣриться, точно ли это я; потомъ, узнавъ меня, они раздѣлились,—одинъ пошелъ вправо, другой влѣво,—и подходя къ разнымъ личностямъ, что-то шептали имъ на ухо, послѣ чего ушли. Когда кончился первый актъ оперы—это была *Борджіа*, справа отъ меня раздались крики: «*Чезеръ, Чезеръ*»! а слѣва—«*такъ, такъ, Чезеръ*» и это продолжалось нѣсколько времени; минуты двѣ или три спустя пришелъ опять молодой господинъ, какъ будто одинъ изъ прежнихъ двоихъ, и привелъ съ собою мальчика, который прыгалъ и смѣялся отъ удовольствія. Онъ указалъ мальчику мѣсто на скамейкѣ рядомъ со мною, остававшееся до сихъ поръ незанятымъ, а самъ ушелъ. Посидѣвъ три или четыре минуты, мальчикъ началъ кричать «*Вотъ онъ здѣсь!*» При такомъ нахальствѣ я готовъ былъ надѣлать глупостей, но зная, что въ настоящую минуту это было-бы слишкомъ большой неосторожностью, смолчалъ и притворился, будто эти оскорбленія [1]) относятся не ко мнѣ. Между тѣмъ начался второй актъ, и ко мнѣ подсѣли какіе-то крестьяне; самый смышленный изъ нихъ, сидѣвшій рядомъ со мной, началъ распрашивать меня о содержаніи оперы, какъ будто стараясь вовлечь меня въ разговоръ; но я понялъ ихъ замыслы и отвѣчалъ односложно, чтобы отдѣлаться отъ нихъ. По окончаніи оперы я всталъ первый; тогда мой сосѣдъ крестьянинъ ударилъ кулакомъ по лѣвой рукѣ своего товарища и тотчасъ-же всѣ поднялись съ мѣстъ, ничего не говоря, но съ намѣреніемъ послѣдовать за мной. Я кое-какъ ускользнулъ отъ нихъ, но, спустившись съ лѣстницы, замѣтилъ въ корридорѣ молодаго человѣка высокаго роста, который стоялъ неподвижно и точно будто хотѣлъ загородить мнѣ дорогу. Однако я успѣлъ-таки выскользнуть на улицу. Въ этотъ вечеръ въ головѣ у меня бродили самыя безумныя мысли и мнѣ хотѣлось сцѣпиться съ кѣмъ-нибудь не на животъ, а на смерть. Тутъ я вспомнилъ о человѣкѣ, ожесточеннѣе всѣхъ преслѣдовавшемъ меня—о молодомъ носильщикѣ, служившемъ у старухи Ж., которая была главою заговора, и рѣшился отыскать его. Наступила уже полночь; я отправился совершенно одинъ по улицѣ, называемой Мулли, и въ нѣкоторомъ разстояніи увидѣлъ трехъ или четырехъ парней, въ полнѣйшемъ

[1]) Подобно тому, какъ Фарина употребляетъ нѣкоторыя слова въ особомъ, ему только понятномъ смыслѣ, точно также онъ по своему истолковываетъ слова окружающихъ, а потомъ основываетъ на этихъ словахъ представляющіяся ему галлюцинаціи и бредъ преслѣдованія. Причины того и другаго явленія одинаковы.

безмолвіи поджидавшихъ кого-то. У меня явилось подозрѣніе, что среди нихъ находится тотъ, кого я ищу, и я сталъ слѣдить за ними, осторожно ступая и скрываясь насколько возможно; но когда я сообразилъ, что можетъ быть имъ нужно именно меня, они вдругъ исчезли, и я ихъ не видѣлъ болѣе. Для защиты, въ случаѣ нужды, у меня ничего не было кромѣ ключа отъ двери, но я находился въ этотъ вечеръ въ такомъ настроеніи, что не побоялся-бы никакого силача! Поэтому я направился въ полномъ молчаніи къ салотопенному заводу; постоявъ немного напротивъ него, я вдругъ услышалъ шаги съ той стороны, откуда самъ пришелъ. Я немножко обождалъ,—оказалось, что это солдатъ, который прошелъ мимо, даже не взглянувъ на меня. Я въ эту минуту былъ до того склоненъ видѣть во всемъ тайну, что бросился вслѣдъ за нимъ, но скоро потерялъ его изъ виду. Подождавъ немного, я увидѣлъ молодаго человѣка средняго роста, шедшаго мнѣ на встрѣчу, но онъ тоже не посмотрѣлъ на меня и, повернувъ къ воротамъ, скрылся за первой дверью налѣво. Вокругъ меня снова настала полнѣйшая тишина, и я продолжалъ стоять на своемъ посту. Тогда мнѣ пришло въ голову, что если тотъ, кто меня ищетъ, потребуетъ съ помощью свистка ключи отъ двери у родителей Ж., то я не въ состояніи буду выполнить своего намѣренія, поэтому я пошелъ домой и легъ въ постель. Онъ не замѣтилъ моей уловки и нѣсколько дней все было тихо; но потомъ онъ опять появился, а съ нимъ вмѣстѣ и его товарищи, такъ что мало по малу это сдѣлалось невыносимымъ: не только вечеромъ, но даже впродолженіи дня ихъ пѣніе и ругательства не давали мнѣ покою. Между тѣмъ я страдалъ ужасно, потерялъ даже аппетитъ, кашель мучилъ меня днемъ и ночью. Нужно замѣтить, что въ тотъ день меня терзало не только это нахальство, но, съ позволенія сказать, дрожаніе всего тѣла, ни на минуту не прекращавшееся. Оскорбленный во всѣхъ моихъ преимуществахъ [1]) столькими преслѣдованіями, я кружился по комнатѣ *въ бѣшенствѣ, въ бреду, точно будто лишившись разсудка*, и былъ до того поглощенъ одной ужасной мыслью, что почти не сознавалъ, что̀ со мною дѣлается. Наконецъ, я собрался лечь въ постель, но такъ какъ она оказалась еще не приготовленной, то я началъ думать о тѣхъ необыкновенныхъ событіяхъ, причиною которыхъ былъ никто иной, какъ старуха Ж..., и рѣшилъ отмстить ей за себя во что бы то ни стало. Вооружившись кухоннымъ ножемъ, я отправился къ моей противницѣ, какъ вдругъ, дойдя уже до улицы Ровелекка, вспомнилъ о правосудіи и началъ колебаться, но тутъ я увидѣлъ Заса, пріятеля Ж., выходившаго изъ ихъ дома и посмотрѣвшаго на меня; тутъ я не могъ уже болѣе сдерживаться, и какой-то инстинктъ мести овладѣлъ мною... Когда я вошелъ въ лавку, старуха вышла мнѣ на встрѣчу...... и я отмстилъ.

[1]) Это слово тоже употреблено въ особомъ смыслѣ. Обратите вниманіе на физическое разстройство, идущее параллельно съ психическимъ, и на несомнѣнныя доказательства, что у мономаньяка можетъ быть сознаніе собственнаго бреда.

Чтобы не запутаться въ подробностяхъ, упомяну только, что я пришелъ въ себя, уже за Миланскими воротами. Продолжая бѣжать, я замѣтилъ, что, въ нѣкоторомъ разстояніи за мною, гонятся мои враги. Въ рукахъ у меня былъ тотъ-же ножъ, и какой-то инстинктъ понуждалъ меня вернуться; но, опасаясь надѣлать новыхъ преступленій, я порѣшилъ идти дальше. Описать это путешествіе невозможно, такъ какъ я многое перезабылъ. Добравшись до желѣзной дороги, я повернулъ вправо, чтобы сѣсть на поѣздъ на станціи Чертоза; но хотя у меня совсѣмъ не было силъ и мнѣ очень нездоровилось, я пришелъ къ станціи, когда часы только что пробили девять. Ждать приходилось слишкомъ долго, тогда какъ надо было уѣхать поскорѣе. Вечеръ былъ холодный, погода дурная, я съ трудомъ шелъ по дорогѣ, и мною овладѣло такое изнеможеніе, что я прилегъ на кучѣ щебня. Но едва я заснулъ, какъ мнѣ показалось, что меня по той-же дорогѣ преслѣдуютъ конные карабинеры. Я вскочилъ и осмотрѣлся кругомъ, топотъ какъ будто прекратился, я отеръ потъ со лба и двинулся дальше. Съ поля какой-то голосъ кричалъ мнѣ: «*Чезеръ!... Чезеръ!...*» но я догадался, что это былъ обманъ чувствъ, тѣмъ болѣе, что влѣво отъ меня, т. е. на Миланской дорогѣ, слышались настоящіе голоса моихъ противниковъ, кричавшихъ мнѣ тѣ-же дерзкія слова, какъ и раньше, и гнавшихся за мною. Убѣдившись, что первый голосъ былъ просто слѣдствіемъ моей слабости [1]), я насколько было возможно собрался съ силами и продолжалъ путь. Не съумѣю опредѣлить, какъ я чувствовалъ себя тогда, и что именно—сонливость или утомленіе,—угнетали мои чувства, но фактъ тотъ, что позади меня сверху слышалось мнѣ адское пѣніе, и среди этихъ голосовъ всѣхъ громче раздавался голосъ убитой мною Ж.... Когда же я въ бѣшенствѣ оборачивался,

[1]) Странно, что однѣ галлюцинаціи онъ считаетъ результатомъ бреда, а другія—нѣтъ.

стараясь показать, что не боюсь ея преслѣдованій, она исчезала вдали за лѣсомъ и пѣснь ея замирала мало по малу. [1]) Когда это видѣніе прекратилось, мнѣ представился шагахъ въ 20 какой-то призракъ громадныхъ размѣровъ, который, пристально посмотрѣвъ на меня, скоро исчезъ, и я пошелъ дальше. Потомъ, услышавъ, что поѣздъ приближается, я по возможности удалился отъ рельсовъ и прилегъ, чтобы не быть замѣченнымъ. При видѣ удалявшагося поѣзда я подумалъ, какъ пріятно было-бы мнѣ находиться на немъ; но вскорѣ мною овладѣла тяжелая мысль, что я утратилъ свое счастіе вслѣдствіе низости, изъ-за которой долженъ такъ страдать, и отчаяніе заставило меня быстро пойти впередъ. По временамъ мнѣ казалось, что я вижу какія-то деревья съ взобравшимися на нихъ людьми, которые смотрятъ на меня, а иные даже и склоняются передо мною, но стоило мнѣ устремить на нихъ пристальный взглядъ—и они исчезали. Одинъ только адскій голосъ не переставалъ меня преслѣдовать и даже когда я оборачивался,—онъ, казалось, противустоялъ моей бѣшеной настойчивости и то раздавался вдали, то, какъ будто удаляясь, слышался громче прежняго, между тѣмъ какъ я продолжалъ путь. При одномъ поворотѣ дороги—не знаю, въ глазахъ-ли у меня потемнѣло, или небо заволокло тучами,—но фактъ тотъ, что я сталъ плохо различать дорогу, безпрестанно натыкался на препятствія и долженъ былъ идти по самой серединѣ ея, гдѣ она была очень неудобна. Сонъ и усталость одолѣвали меня, холодный потъ на всемъ тѣлѣ заставлялъ плотнѣе завертываться въ плащъ, чтобы не схватить простуды; я пробовалъ прилечь, закутавшись, между кучами щебня, насыпанными вдоль дороги, но боялся довѣриться сну, который тотчасъ-же овладѣвалъ мною. Видѣнія исчезали, когда я опускалъ голову, и снова появлялись, какъ только я поднималъ ее [2]).

Наконецъ, показался огонекъ въ будкѣ сторожа, и это нѣсколько ободрило меня. Когда я постучалъ въ окно, сторожъ спросилъ, что̀ мнѣ нужно, и я едва могъ возвысить настолько голосъ, чтобы попросить у него воды. Онъ вышелъ и налилъ

---

[1]) Недюжинное краснорѣчіе! Поклонники реторики могутъ убѣдиться отсюда, что хорошо пишетъ не тотъ, кто тщательно отдѣлываетъ каждое выраженіе, но лишь тотъ, кто много чувствуетъ. Здѣсь сила и, такъ сказать, дикая красота слога растутъ по мѣрѣ возрастанія энергіи и напряженности испытываемыхъ авторомъ подъ вліяніемъ ужаса болѣзненныхъ и нормальныхъ впечатлѣній.

[2]) Галлюцинаціи, очевидно, обусловливались болѣзненнымъ состояніемъ венозной системы мозга.

мнѣ двѣ кружки. Затѣмъ я спросилъ его, далеко-ли еще до Милана, и онъ указалъ мнѣ ближайшую дорогу. Я благодарилъ этого человѣка и снова отправился въ путь. Вода подкрѣпила мнѣ только желудокъ, но не силы, такъ что я съ большимъ трудомъ добрался, наконецъ, до города, гдѣ и пріютился въ гостинницѣ съ намѣреніемъ пролежать весь день въ постели, а *вечеромъ уѣхать въ Швейцарію* [1]). Тамъ, какъ я надѣялся, мнѣ уже нечего будетъ опасаться преслѣдованій со стороны полиціи. Но когда я легъ въ постель и пролежалъ съ шести до девяти часовъ, то убѣдился, что мнѣ невозможно не только заснуть, но даже остаться спокойнымъ. Поэтому я измѣнилъ свой планъ и, такъ какъ хозяйка не пожелала взять меня на свое попеченіе, отправился въ Главный Госпиталь. Едва только оправившись и еще не выздоровѣвъ хорошенько, я вернулся на родину въ восемь съ половиною часовъ вечера и тогда-же явился въ полицію.

ВОСПОМИНАНІЯ

о времени, проведенномъ въ тюрьмѣ, и о живыхъ сновидѣніяхъ.

Въ три часа ночи меня препроводили изъ полиціи въ Павіанскую тюрьму. Я вошелъ въ камеру, гдѣ уже было человѣкъ пять или шесть арестантовъ. Мнѣ дали короткій соломенный тюфякъ безъ подушки и одѣяла, причемъ надзиратель сказалъ, что завтра принесетъ одѣяло, и ушелъ. Я легъ на эту постель не раздѣваясь, тщательно укрылся плащемъ и тотчасъ же заснулъ. Во снѣ мнѣ показалось, что я вижу свѣтъ какъ бы надо мною и слышу голосъ, говорящій мнѣ: «*Ты выдалъ себя*». Тутъ я проснулся. Вскорѣ начало свѣтать; одинъ изъ заключенныхъ всталъ, умылся и, посмѣиваясь, принялся вязать чулокъ. Потомъ и остальные поднялись по одиночкѣ, стали расхаживать по камерѣ и обращались ко мнѣ съ вопросами, какъ будто съ цѣлью узнать, за что̀ я арестованъ. Но у меня совсѣмъ не было охоты разговаривать и, чтобы отвязаться отъ ихъ любопытства, я всталъ, умылся, оправилъ свой мѣшокъ, набитый соломой, и снова легъ, сдѣлавъ видъ, что хочу спать. Замѣтивъ, что я озябъ, кто-то изъ арестантовъ набросилъ на

---

[1]) Если бы ему дѣйствительно удалось уѣхать, то сколько затрудненій это представило бы для экспертизы, производимой на основаніи общепринятыхъ способовъ!

меня свое верхнее платье и сказалъ: «*Возьми, бѣдняга, укройся, если тебѣ холодно.*» Между тѣмъ, наступило время раздачи хлѣба; отворивъ окошечко надъ дверью, надзиратель спросилъ: «*Сколько васъ?*», на что ему отвѣчали: «*Насъ теперь шестеро, одного привели сегодня ночью*». Послѣ этого мнѣ дали хлѣба какъ и всѣмъ остальнымъ. Такъ какъ я еще не совсѣмъ оправился послѣ болѣзни, то подумалъ, что не стану ѣсть этого хлѣба, чернаго и сухаго; но у меня явился аппетитъ, и я началъ ѣсть. Немного погодя пришелъ надзиратель съ какимъ то господиномъ—послѣ я узналъ, что это былъ директоръ тюрьмы, который сказалъ, что переведетъ меня въ другую камеру. Когда я пошелъ за нимъ, онъ спросилъ, по какой причинѣ меня арестовали, и я, не зная, зачѣмъ предлагается мнѣ этотъ вопросъ, отвѣчалъ, *что вчера вечеромъ уже объяснилъ все въ полиціи.* Тогда онъ, какъ будто желая дать мнѣ понять, что еще не поздно отказаться отъ прежнихъ показаній, замѣтилъ мнѣ: «*Но вѣдь говорятъ, что убійца былъ выше тебя ростомъ и съ болѣе густыми усами, чѣмъ у тебя.*» Однако я не поддался его уловкѣ, съ нетерпѣніемъ повторилъ тоже самое и вошелъ въ другую камеру, № XI. Пятеро заключенныхъ въ ней арестантовъ оказались весельчаками, и я почувствовалъ себя нѣсколько бодрѣе, замѣтивъ, что всѣ они почти однихъ лѣтъ со мною. Такъ прошли цѣлыя сутки, а на слѣдующій день меня потребовали къ допросу, привели въ какую-то комнату и посадили на заранѣе приготовленный складной стулъ. Тутъ мнѣ *съ болью въ сердцѣ пришлось вынести новый позоръ* [1]), когда караульный надѣлъ мнѣ на ногу цѣпь, укрѣпленную въ стѣнѣ. Три или четыре минуты я оставался одинъ въ полномъ молчаніи, затѣмъ вошелъ судебный слѣдователь въ сопровожденіи секретаря, который сѣлъ за столъ, а судья остался на ногахъ; въ тоже время вошли двое господъ—доктора, какъ я узналъ впослѣдствіи,—и опершись о столъ, помѣщенный съ правой стороны, начали пристально смотрѣть на меня, а вслѣдъ за ними пришелъ еще одинъ господинъ, незнакомый мнѣ, но, повидимому, тоже слѣдователь. Они начали разговаривать между собою, показывая другъ другу футляръ отъ ножа, причемъ господинъ, котораго я принялъ за другаго слѣдователя, сказалъ: «*Да, но онъ долженъ быть меньше ростомъ*». Окончивъ разговоръ, всѣ ушли, бросивъ на меня довольно сочувственный взглядъ, но вскорѣ вернулись опять и стали въ прежнемъ порядкѣ, т. е. слѣдователи съ лѣвой стороны, а врачи—съ правой. Слѣдователь началъ допросъ, и я отвѣчалъ точно такъ-же, какъ и въ полиціи, нисколько не измѣняя своихъ показаній. Послѣ этого врачи удалились, а вслѣдъ за ними скоро ушли слѣдователи и секретарь. Я оставался одинъ минуты три или четыре, затѣмъ явились караульные и, освободивъ мнѣ ногу изъ цѣпи, отвели меня обратно въ камеру. При входѣ моемъ товарищи ожидали услышать отъ меня разсказъ о подробностяхъ допроса, но я не чувствовалъ никакого желанія разговаривать и молча легъ на постель: тогда они начали пѣть, какъ бы съ цѣлью отвлечь меня отъ мрачныхъ мыслей. Такъ прошли сутки, а на слѣдующій день меня посѣтилъ тюремный докторъ, который, пощупавъ мнѣ пульсъ, многозначительно произнесъ: «*О, это ничего, ничего!*» При другихъ я не показалъ, что понимаю этотъ намекъ; поэтому докторъ зашелъ вторично, когда со мной сдѣлалась легкая лихорадка, и, чтобы я лучше понялъ его [1]), обратился ко мнѣ съ вопросомъ: *ѣлъ-ли я*, на что я отвѣчалъ: *да*. Потомъ онъ спросилъ: *много?* и, получивъ отвѣтъ: *да, много*, снова повторилъ: «*О, это ничего, ничего!*» Предполагая, вѣроятно, что я все еще не достаточно понимаю въ чемъ дѣло, докторъ для моего успокоенія [2]) заручился еще содѣйствіемъ профессора Скар., который однажды въ сумерки, подъ предлогомъ посѣщенія заключенныхъ, зашелъ и въ нашу камеру. Черезъ посредство сопровождавшаго его надзирателя, онъ спросилъ, не желаетъ-ли кто посовѣтоваться съ докторомъ. При входѣ онъ и не взглянулъ на меня, какъ будто я совершенно незнакомъ ему. Такъ какъ желающихъ не оказалось, то я подошелъ съ просьбой полечить меня отъ боли въ горлѣ. Осмотрѣвъ его, профессоръ сказалъ мнѣ, очевидно, съ цѣлью не дать ничего замѣтить окружающимъ: «*Ахъ! да, у тебя испорченъ зубъ!*» хотя этого совсѣмъ не было. Затѣмъ, желая еще яснѣе показать свое участіе, онъ прибавилъ: «*Ничего, ничего!*» и поспѣшно ушелъ, убѣжденный, что я понялъ его. Хоть я и раньше не особенно

[1]) Изъ этихъ выраженій видно, какъ сильно было развито у несчастнаго чувство собственнаго достоинства.

[1]) Эти слова доказываютъ, что, подъ вліяніемъ психическаго разстройства, характеръ галлюцинацій вдругъ измѣнился у Фарина и онъ сталъ видѣть во врачахъ-экспертахъ своихъ горячихъ защитниковъ, подобно тому какъ раньше въ совершенно незнакомыхъ ему личностяхъ видѣлъ своихъ враговъ или влюбленныхъ въ себя. Только благодаря такому заблужденію онъ и рѣшился на полную откровенность съ врачами, тогда какъ до сихъ поръ упорно скрывалъ свое прошлое даже отъ товарищей и друзей.

[2]) См. предыдущее примѣчаніе.

тревожился насчетъ моего положенія, но теперь я сталъ надѣяться на успѣхъ. Между тѣмъ врачи, присутствовавшіе при допросѣ, заходили иногда, чтобы разспросить меня о разныхъ подробностяхъ; они, повидимому, тоже раздѣляли мои надежды. Въ одно изъ посѣщеній этихъ докторовъ, я замѣтилъ, что они, вмѣсто того чтобы войти въ камеру, вызвали черезъ надзирателя одного моего товарища по заключенію и начали съ нимъ разговаривать въ корридорѣ. Я догадался, что рѣчь идетъ обо мнѣ: они спрашивали, какъ я говорю, хорошо или дурно, не путаюсь ли въ словахъ; отвѣтовъ арестанта мнѣ не было слышно. Когда онъ вернулся, вызвали другаго, съ которымъ велся такой же разговоръ, потомъ позвали меня; мы ходили по корридору и разговаривали минутъ восемь или десять, послѣ чего врачи ушли, а я возвратился къ себѣ въ камеру.

Такъ какъ насъ осматривали каждый вечеръ, то *послѣ этого посѣщенія я вздумалъ притвориться сумасшедшимъ, скорѣе по совѣту другихъ, чѣмъ по собственному желанію*, хорошо сознавая, что это дѣлается для уничтоженія всякихъ послѣдствій. Поэтому я рѣшился продѣлывать глупости во время осмотра послѣ полуночи. При входѣ надзирателей, я вскочилъ какъ бы вслѣдствіе неожиданности и, посмотрѣвъ на дверь, гдѣ стоялъ помощникъ смотрителя, спросилъ его: «*не приходилъ ли за мною дядя, такъ какъ я хочу бѣжать, и мы условились съ нимъ, что онъ придетъ взять меня*». Не ожидая такого вопроса, караульный отвѣчалъ: «*Онъ придетъ завтра*», но я продолжалъ: «*Нѣтъ, мы уговорились, что сегодня*». Онъ больше ничего не сказалъ, а надзиратель, у котораго была свѣча въ рукахъ, близко подошелъ ко мнѣ, чтобы внимательнѣе посмотрѣть на меня; я взглянулъ на огонь, закативъ глаза, какъ будто я еще не проснулся; потомъ они ушли, и на утро явились врачи-эксперты, какъ мнѣ сказали про нихъ. Надзиратель отперъ камеру, и они стали ходить со мною по корридору и предлагать мнѣ вопросы, на которые я отвѣчалъ всякимъ вздоромъ, какой только могъ придумать [1]). Походивши нѣсколько времени, мы зашли въ комнату, гдѣ меня допрашивали, и усѣлись всѣ трое; тогда врачи велѣли мнѣ снова дать показанія относительно совершеннаго мною преступленія, а потомъ, послѣ небольшаго перерыва, спросили меня, знаю-ли я господина Викаріо, проф. Скаренціо и проф. Платнера. На этомъ допросѣ

[1]) Обратите вниманіе на это чрезвычайно любопытное подробное описаніе собственнаго притворнаго помѣшательства.

я съ помощью моихъ покровителей-слѣдователей выбралъ себѣ троихъ адвокатовъ и потому сталъ надѣяться на полный успѣхъ.

Замѣтивъ, что товарищи мои, просыпаясь утромъ, тотчасъ же начинали разсказывать другъ другу свои сны и радовались иногда, что эти сны предвѣщаютъ имъ хорошій исходъ дѣла, я сказалъ: «*Это вздоръ, чтобы сны могли предсказывать какой нибудь успѣхъ въ нашихъ дѣлахъ*». Тогда одинъ изъ заключенныхъ разсказалъ мнѣ, что когда онъ раньше сидѣлъ въ другой тюрьмѣ, то увидѣлъ однажды сонъ, и что бывшій въ той же тюрьмѣ старикъ не только назвалъ этотъ сонъ хорошимъ, но даже на основаніи его предсказалъ заключенному скорый выходъ изъ тюрьмы и вмѣстѣ съ тѣмъ посовѣтовалъ ему быть осторожнѣе, такъ какъ онъ рискуетъ снова попасть въ нее. Все дѣйствительно такъ и случилось: на слѣдующій день заключенный былъ освобожденъ даже безъ судебнаго разбирательства, а черезъ 24 дня его опять арестовали. Послѣ этого я сталъ обращать вниманіе и на мои сновидѣнія [1]). Въ первую же ночь я, сознавая, что сплю, увидѣлъ подъ моимъ окномъ садъ,—вдругъ пошелъ снѣгъ, при видѣ котораго я сказалъ себѣ: «вотъ зимою не было снѣга, а теперь, когда уже весна близка, снѣгъ идетъ большими хлопьями». По утру я разсказалъ свой сонъ товарищамъ, и они истолковали его въ томъ смыслѣ, что теперь судъ разсматриваетъ мои бумаги. Но я объяснялъ себѣ это иначе.

На слѣдующую ночь мнѣ приснилось тоже самое: снѣгъ шелъ такой сильный, что вѣтромъ его заносило даже въ окно, и я съ кѣмъ-то разговаривалъ объ этой новости. Въ другой разъ я увидѣлъ, что идетъ дождь, и едва только онъ пересталъ, какъ пошелъ снѣгъ и его нападало много. Проснувшись поутру, я узналъ, что дѣйствительно ночью былъ дождь, но я не могъ этого слышать изъ нашей камеры. Еще мнѣ приснилось, что я стою на берегу рѣки Тичино, въ которой вода сильно поднялась, и я очутился на деревянномъ, плохо устроенномъ мостикѣ черезъ нее, держа на рукахъ дѣвушку съ точно такими же глазами, какъ у дочери Ж... Она пристально смотрѣла мнѣ въ лицо, а я несъ ее съ нѣкоторымъ удовольствіемъ; пе-

[1]) Изъ этого видно, что кромѣ самыхъ сновидѣній, всегда отличающихся у помѣшанныхъ крайней живостью, нуженъ еще особый стимулъ—подражаніе,—чтобы заставить ихъ вопреки логикѣ и разуму, придавать значеніе тому, что прежде казалось имъ не стоющимъ вниманія. Подобный же случай былъ съ Карданомъ, который отрицалъ существованіе духовъ, а потомъ началъ вѣрить, что онъ самъ одержимъ какимъ-то духомъ или геніемъ.

рейдя мостъ и повернувъ налѣво, я очутился на маленьк площади, потомъ пошелъ въ улицу Ровелекка, гдѣ была лав Ж. Не найдя тамъ никого, я направился къ Боргоратто, гдѣ увидѣлъ мелочную лавку, изъ которой младшая Ж. вышла на встрѣчу своей сестрѣ. Въ другой разъ мнѣ приснилось, будто я хожу по огороду, совершенно запущенному; когда я спускался съ какого-то холма, то увидѣлъ два срубленныя подъ самый корень дерева, лежавшія на землѣ; въ то же время мнѣ показалось, что я стою рядомъ съ моей двоюродной сестрой и подаю ей двухъ или трехъ зябликовъ, которыхъ она принимаетъ молча; тутъ же я увидѣлъ множество птицъ, большихъ и маленькихъ, иныя изъ нихъ лежали на землѣ; меня въ особенности поразила одна большая птица, казавшаяся совсѣмъ мертвой. Гуляя по этому огороду, я будто бы поднялъ одну живую птицу, не очень большую, но чрезвычайно тяжелую, и, держа ее въ правой рукѣ, лѣвой началъ гладить, причемъ птица стала вырываться отъ меня; я старался ласками удержать ее и даже положилъ ей въ клювъ свой палецъ, причемъ она осталась спокойной и кроткой, точно ангелъ; только все хотѣла улетѣть. Потомъ, обернувшись, я увидѣлъ смотрѣвшую на меня хозяйку дома и отдалъ ей птицу, которую она взяла, съ улыбкой взглянувъ на меня, послѣ чего я ушелъ.

Кромѣ того, мнѣ снилось, что я нахожусь въ той самой комнатѣ, куда привели меня по выходѣ изъ Спротскаго дома. Я стоялъ прислонившись къ моей постели, поддерживая голову рукой, точно будто размышляя о чемъ-то, и не спускалъ глазъ со входной двери; черезъ нѣсколько времени изъ комнаты слѣва вышла женщина, державшая въ рукахъ суконный халатъ, и предложила мнѣ взять его, чтобы нарядиться въ костюмъ сумасшедшаго; при этомъ я хотѣлъ закричать, но не могъ, а она продолжала настаивать; я-же, дѣлая тщетныя усилія вскрикнуть, догадался тогда, что сплю, и мнѣ сдѣлалось страшно отъ мысли—ужъ не отнялся-ли у меня языкъ. Наконецъ я проснулся и такъ громко закричалъ: *нѣтъ*, что товарищи подбѣжали ко мнѣ, спрашивая, *что случилось*, и я окончательно проснулся.

Въ другой разъ мнѣ приснилось, что я иду рядомъ съ какимъ-то человѣкомъ, который несетъ гробъ на плечахъ, и мы разговариваемъ довольно мирно. Переходя площадь госпиталя, мы повернули къ дверямъ моей квартиры, гдѣ слѣва было окно въ погребъ, но безъ рѣшетки; тогда спутникъ мой вдвинулъ гробъ въ это окно такимъ образомъ, что только одинъ конецъ его виднѣлся въ отверстіе; затѣмъ мы разстались: я вернулся по

прежней дорогѣ, а онъ пошелъ въ ту улицу, что̀ была напротивъ дверей.

Вначалѣ мнѣ жилось не особенно дурно, какъ вдругъ изъ моей камеры взяли одного заключеннаго и замѣнили другимъ. При взглядѣ на этого человѣка, мнѣ показалось, что это долженъ быть мой врагъ, что̀ и подтвердилось потомъ. Такъ какъ я имѣлъ обыкновеніе обмѣниваться нѣсколькими словами съ нашимъ смотрителемъ и его помощникомъ во время ихъ посѣщеній, то вновь прибывшій, замѣтивъ это, сказалъ мнѣ: «*значитъ, дѣла идутъ не дурно*», какъ бы желая намекнуть, что я буду освобожденъ. Но я не обратилъ вниманія на такое его преимущество [1]), что̀ ему очень не понравилось и онъ сталъ пугать меня тѣмъ, что я нахожусь во власти итальянцевъ, говоря мнѣ: *Попался наконецъ и ты въ руки твоихъ палачей!* —*Почему же они палачи!*—возразилъ я —*развѣ у насъ нѣтъ правосудія?* — *Правосудія!* — вскричалъ онъ, смѣясь, — *вотъ еслибы пришли къ намъ австрійцы, тогда бы у насъ было правосудіе!*—*Что же, развѣ въ Австріи преступниковъ не наказываютъ смотря по степени ихъ виновности?*—спросилъ я.—*Хоть и наказываютъ, да не такъ строго, какъ здѣсь, гдѣ осуждаютъ людей безъ достаточныхъ уликъ!* отвѣчалъ онъ.— При этомъ я подумалъ про себя: а вы, вѣрно, мастера скрывать свои мошенническія продѣлки [2]). Другой заключенный, родомъ изъ Павіи, тоже прибавилъ: *Да, да, итальянцы—такая сволочь, что осуждаютъ даже безъ уликъ.* Потомъ принялся разсказывать свое прошлое, сколько разъ онъ былъ осужденъ и, присоединившись къ моему первому собесѣднику, вмѣстѣ съ нимъ сталъ хвалить Австрію. Разговоръ ихъ окончился пожеланіемъ, чтобъ австрійцы снова пришли къ намъ.

Въ эти дни даже въ тюрьмѣ распространился слухъ о томъ, что начались военныя дѣйствія. Потому-то заключенные и волновались такъ, разсчитывая, что когда австрійцы снова завладѣютъ страной, то сейчасъ-же отворятъ всѣ двери тюрьмы. Я возразилъ на это: *А въ случаѣ если побѣда останется на сторонѣ итальянской арміи, развѣ вы не надѣетесь получить снисхожденіе!*—*Какъ же, дожидайся снисхожденія отъ итальянцевъ!*—отвѣчали мнѣ товарищи: *теперь, когда ты попался къ*

---

[1]) См. раньше примѣчаніе относительно словъ, употребляемыхъ въ особомъ значеніи.

[2]) Какое странное противорѣчіе! Помѣшанный оказывается нравственнѣе здравомыслящихъ преступниковъ.

нимъ въ лапы, ты самъ увидишь, что тебѣ не выбраться отсюда. — Да, да, это правда! — сказалъ я и такимъ образомъ положилъ конецъ этому непріятному разговору, не желая нажить себѣ враговъ и въ тюрьмѣ.

Между тѣмъ, чтобы сократить время своего заключенія, я сталъ дѣлать по ночамъ еще большія сумасбродства въ надеждѣ на прекращеніе такимъ способомъ моихъ мученій. У меня при этомъ было только одно желаніе—увидѣть докторовъ, такъ какъ никто больше ко мнѣ не приходилъ, а я чувствовалъ потребность поговорить съ разсудительными людьми. По временамъ сталъ навѣщать меня профессоръ Л... и своимъ довѣрчивымъ обращеніемъ очень успокоивалъ меня, но по окончаніи его визита мученія мои опять возобновлялись.

Около этого же времени я убѣдился, что и директоръ тюрьмы, посѣщавшій насъ, старался всячески ободрить меня. Войдя въ камеру, онъ обращался ко мнѣ съ разспросами насчетъ моего притворнаго сумасшествія, дѣлалъ видъ, что вѣритъ мнѣ и уходилъ, радуясь за меня. Но однажды ночью я до такой степени неистовствовалъ, что караульный съ досады началъ даже грозить мнѣ; тогда пришелъ профессоръ Л... и, отведя меня въ сторону, посовѣтовалъ мнѣ не дѣлать сумасбродствъ и не стараться разбить себѣ голову, обѣщая и безъ того освободить меня.

Впрочемъ я уже не сомнѣвался въ этомъ; но мнѣ такъ надоѣдали товарищи и тѣ заключенные, съ которыми приходилось встрѣчаться на дворѣ во время прогулокъ, что съ цѣлью добиться ихъ молчанія я мѣшалъ имъ спать, поднимая ужасный крикъ послѣ ночнаго обхода; такимъ образомъ я будилъ ихъ и они потомъ долго не могли уснуть снова. Тѣмъ не менѣе дни свои я проводилъ довольно печально: главнымъ образомъ, тяжело мнѣ было оттого, что раньше я всегда съ ужасомъ думалъ о тюрьмѣ и теперь никакъ не могъ избѣжать подобнаго бѣдствія. Эти мысли приводили меня въ такое бѣшенство и до того отуманивали мою голову, что я въ самомъ дѣлѣ готовъ былъ помѣшаться [1]), еслибы меня не поддерживало воспоминаніе о моихъ покровителяхъ. Къ тому же я почти каждую ночь видѣлъ сны и мнѣ доставляло удовольствіе разбирать ихъ, причемъ мнѣ всегда казалось, что они предвѣщаютъ мое скорое освобожденіе.

[1]) Это выраженіе доказываетъ, что помѣшанный можетъ сознавать себя сумасшедшимъ, и служитъ опроверженіемъ народнаго предразсудка, раздѣляемаго и психіатрами, будто такого рода сознаніе является всегда признакомъ притворства больнаго.

Наконецъ, вопросъ о моей болѣзни долженъ былъ рѣшиться; профессора-эксперты собрались всѣ трое и стали испытывать мою силу, конечно, съ цѣлью найти въ этомъ доказательства моей мнимой болѣзни. Судъ, состоящій изъ «итальянской сволочи» какъ выражались мои товарищи по заключенію, распорядился приготовить экипажъ, и въ самый день Троицы двое какихъ-то господъ, показавшихся мнѣ чиновниками, потребовали меня черезъ надзирателя. Тотчасъ-же была отперта камера, и я послѣдовалъ за надзирателемъ. Меня посадили въ экипажъ и привезли въ больницу для умалишенныхъ; тутъ спутники мои, раскланявшись, уѣхали, а я остался здѣсь, гдѣ мнѣ лучше, нежели въ тюрьмѣ.

(Въ Павіанскомъ домѣ умалишенныхъ, 22 ноября 1866 г.).

II.

Литературныя произведенія помѣшанныхъ.

(Къ VII главѣ).

Какъ я уже говорилъ раньше, въ Пезарской больницѣ для умалишенныхъ по моей иниціативѣ былъ заведенъ дневникъ, родъ журнала, въ которомъ помѣщались біографіи душевнобольныхъ и статьи, ими самими написанныя. Впослѣдствіи такого рода журналы велись и въ другихъ домахъ умалишенныхъ—въ Реджіо, Палермо, Перуджіи, Анконѣ, Неаполѣ и пр.,—такъ что матеріалъ, могущій служить подтвержденіемъ моей теоріи, накопился очень большой, и я теперь затрудняюсь, что именно выбрать изъ него. Однако попробую это сдѣлать. Вотъ два номера *Газеты дома умалишенныхъ* въ Реджіо за 1875 годъ. Тамъ, между прочимъ, помѣщена біографія одного бѣдняка рабочаго, не получившаго никакого образованія, но подъ вліяніемъ умопомѣшательства высказывавшаго идеи, какъ будто заимствованныя у Дарвина. Подобный же случай былъ и въ моей практикѣ съ продавцомъ губокъ, о чемъ я уже говорилъ раньше. Привожу эту біографію цѣликомъ.

Дж. Р. изъ Модены находится у насъ въ больницѣ съ 1850 года, хотя и раньше, должно быть, страдалъ умственнымъ расстройствомъ лѣтъ 16. Природа совсѣмъ не одарила его красивой наружностью. Рахитикъ, нѣсколько сутуловатый, съ плоскимъ худымъ лицомъ, большими ушами, длинными рѣсницами, крупнымъ крючковатымъ носомъ, какъ будто стремившимся поцѣловать подбородокъ, и медленными движеніями,—онъ вызывалъ невольную улыбку при первомъ же взглядѣ на него. Но, узнавъ его поближе, имъ нельзя было не заинтересоваться, такъ какъ внѣ припадковъ бреда рѣчь его отличалась разсудительностью и остроуміемъ.

Прошлое его осталось для насъ темнымъ. Мы знали только,

что онъ холостъ, происходитъ изъ бѣдной чиновничьей семьи и какъ будто кое-чему учился. Помѣшательство у него было, очевидно, наслѣдственное: мать его, 84-хъ лѣтняя женщина, страдала маніей преслѣдованія, выражавшейся въ боязни, что ее изнасилуютъ или отравятъ. Сына своего она считала сумасшедшимъ, жалѣла его и справлялась о немъ. Можно думать, что и у ней помѣшательство было наслѣдственное, такъ какъ тетка ея съ материнской стороны умерла въ домѣ умалишенныхъ, а дядя лишилъ себя жизни.

Сынъ унаслѣдовалъ отъ матери не только самое сумасшествіе, но и форму его. Въ молодости онъ, должно быть, либеральничалъ и попалъ на замѣчаніе или подвергся гоненіямъ со стороны правительства герцогства Модены. Вслѣдствіе этого у него вѣроятно и явилась манія преслѣдованія, сопровождавшаяся слуховыми и зрительными галлюцинаціями. Ему почти постоянно слышались какіе-то ужасные звуки—грохотъ *разговорной трубы*, какъ онъ выражался — и представлялись ангелы, священники, женщины, кричавшія ему на ухо, черезъ трубы и рупоры, разныя оскорбительныя слова и угрозы. Больной называлъ ихъ *шпіонами инквизиціи* и увѣрялъ, что помощью таинственныхъ гальваническихъ нитей они распоряжаются всѣми его дѣйствіями, такъ что онъ совершенно лишенъ свободы. Тщетно старался онъ избавиться отъ нихъ, перемѣнивъ мѣсто жительства,—шпіоны, напротивъ, сдѣлались послѣ этого еще злѣе и многочисленнѣе. Однажды бѣднякъ увидѣлъ, какъ цѣлыя сотни ихъ спустились изъ трещины потолка и начали дуть ему въ уши съ такою силою, что онъ въ испугѣ убѣжалъ.

Впрочемъ, онъ говорилъ объ этихъ видѣніяхъ, только когда его спрашивали, да и то неохотно, какъ будто опасаясь даже упоминать о нихъ. Обыкновенно онъ проводилъ цѣлые дни, сидя гдѣ-нибудь въ уголкѣ съ опущенной головой, спокойный, неподвижный и равнодушный ко всему окружающему.

Однажды я спросилъ его, не занимался-ли онъ прежде какимъ-нибудь ремесломъ и, узнавъ, что онъ можетъ точить, предложилъ ему приняться опять за это занятіе. Онъ охотно согласился, особенно когда я обѣщалъ увеличить его порцію табаку и вина. Черезъ нѣсколько времени я поручилъ ему обучить токарному ремеслу одного глухо-нѣмаго юношу, и онъ съ успѣхомъ выполнилъ это порученіе. Потомъ я попробовалъ привлечь его къ участію въ спектаклѣ; но, хотя данная ему роль состояла лишь изъ нѣсколькихъ односложныхъ словъ и вполнѣ подходила къ его характеру, бѣднякъ не въ состояніи былъ ее выучить—до такой степени ослабѣла у него память.

*

И однако же,—кто бы могъ подумать!—въ этомъ больномъ слабомъ мозгу созрѣла стройная, логическая философская система. Какимъ образомъ подобныя идеи могли возникнуть и развиться въ нѣчто цѣльное у такого субъекта — для меня осталось непонятнымъ. Невозможно допустить, чтобы онѣ явились у него до болѣзни: при своемъ ограниченномъ умѣ, при полномъ отсутствіи научнаго образованія и скудныхъ познаніяхъ, развѣ могъ бѣдный рабочій получить подобныя идеи извнѣ, живя въ Моденѣ и притомъ 40 лѣтъ тому назадъ? Но еще невозможнѣе, чтобы онѣ могли явиться и окрѣпнуть до непоколебимой увѣренности уже послѣ болѣзни, когда несчастный находился подъ вліяніемъ галлюцинацій и бреда. Какъ бы то ни было, онъ оказался убѣжденнымъ, послѣдовательнымъ матеріалистомъ. Долгое время никто изъ насъ и не подозрѣвалъ этого. Но однажды, совершенно случайно, когда кто-то употребилъ слово *душа*, нашъ больной совершенно спокойно замѣтилъ, что души не существуетъ. «Въ мірѣ нѣтъ ничего кромѣ матеріи и силъ, ей свойственныхъ,—сказалъ онъ:—мысль является въ мозгу и составляетъ результатъ силы, подобной электричеству. Міръ есть матерія, а физическая матерія вѣчна, безконечна (не имѣетъ ни начала, ни конца); изчезаютъ только формы да индивиды: человѣкъ, какъ личность, послѣ смерти превращается въ ничто, а тѣло его претерпѣваетъ неизвѣстно какія измѣненія".

«Чѣмъ же вы объясните появленіе человѣка на землѣ»? спросили мы нашего больнаго.—«Послѣдовательными измѣненіями», отвѣчалъ онъ:—«сначала это былъ, можетъ быть, простой червякъ, который, послѣ цѣлаго ряда измѣненій, сдѣлался человѣкомъ» (совершенно Дарвиновская теорія!).—«Религіи выдуманы попами, продолжалъ онъ: «въ политическомъ отношеніи лучшее правительство есть республика, а въ гражданскомъ—установленіе полигаміи». Вообще, во всѣхъ его убѣжденіяхъ сказывался строгій, послѣдовательный, непоколебимый радикализмъ, что̀ составляло странный контрастъ съ его наружностью и болѣзнью.

Зимою 1882 года съ нимъ сдѣлался плевритъ очень опасной формы. Сначала онъ приписывалъ всѣ болѣзненныя явленія—кашель, боли, лихорадку—дѣйствію гальваническихъ токовъ, посылаемыхъ ему шпіонами, но съ усиленіемъ недуга чувство самосохраненія взяло верхъ и заставило нашего радикала измѣнить своимъ убѣжденіямъ: онъ отрекся отъ матеріализма и выполнилъ всѣ обряды римско-католической церкви, желая этимъ избѣгнуть возмездія со стороны Конгрегаціи, наводившей на него невообразимый ужасъ. Но «шпіоны» и «трубы» не давали ему покоя до самой послѣдней минуты. Онъ умеръ 60-ти лѣтъ.

Затѣмъ въ «Дневникѣ», который велся въ Сіенѣ, подъ руководствомъ доктора Фунайоли, мы находимъ чрезвычайно любопытную для психіатровъ статью одного изъ сумасшедшихъ, Фо...., — *Замогильныя записки.* Онъ описываетъ въ нихъ свою духовную жизнь, послѣ того какъ «оставилъ человѣческую оболочку, жилъ на землѣ въ образѣ духа, странствовалъ по городамъ и деревнямъ, поднимался надъ облаками и созерцалъ оттуда красоты природы во всевозможныхъ ея проявленіяхъ».

Чтобы эта статья была вполнѣ понятна читателю, намъ слѣдуетъ предварительно познакомиться съ ея авторомъ. По своимъ убѣжденіямъ онъ крайній спиритуалистъ и совершенно отчетливо представляетъ себѣ, что душа, отдѣлившись отъ тѣла, можетъ жить самостоятельною, безсмертною жизнью, между тѣмъ какъ матеріальная оболочка испытываетъ различныя превращенія и разлагается. Онъ допускаетъ награду и наказаніе для всѣхъ людей за ихъ хорошіе или дурные поступки, совершенные въ теченіе кратковременнаго пребыванія на землѣ. По его мнѣнію, грѣшники осуждены скитаться по землѣ въ образѣ духовъ, тогда какъ праведникамъ предоставлено наслаждаться блаженствомъ и вѣчнымъ спокойствіемъ на одномъ изъ безчисленнаго множества міровъ, наполняющихъ вселенную и называемыхъ звѣздами. Самъ онъ въ качествѣ грѣшника, *тѣло котораго совершенно погрязло въ грѣхахъ*, послѣ обезглавленія осужденъ оставаться на землѣ, но живетъ на ней безъ тѣла; видимая же для людей оболочка его есть только призракъ, и онъ можетъ подниматься на каждое облако, плывущее по небу. Голова его зарыта въ Корсикѣ, а тѣло покоится на кладбищѣ въ Пизѣ, поэтому онъ часто посѣщаетъ это кладбище, гдѣ бесѣдуетъ съ душами умершихъ, или молится и плачетъ на своей могилѣ, чтобы отдать послѣдній долгъ своему праху, который безъ этого остался бы неоплаканнымъ. Тамъ онъ остается подолгу, разговаривая съ растущими на могилѣ фіалками, задавая имъ вопросы, на которые онѣ отвѣчаютъ то нѣжно, то презрительно.

Больной въ настоящее время поправился настолько, что сознаетъ уже себя состоящимъ изъ души и тѣла. Но, по просьбѣ доктора Фунайоли, онъ описалъ свое психическое состояніе во время болѣзни. Это описаніе, помѣщенное въ «Дневникѣ», я и привожу здѣсь:

„Я умеръ! — Да, ангелъ смерти спустился ко мнѣ и нѣжно, точно любящая мать, отдѣливъ мою душу отъ тѣла, унесъ ее на своей безплотной груди. И вотъ, безъ страданія, безъ ужаса, душа

моя очутилась въ пространствѣ, чтобы начать блаженное существованіе, въ которомъ царствуетъ вѣчный миръ. О радость! Наконецъ-то я навсегда разстался съ этимъ разлагающимся отъ грѣховъ тѣломъ, съ этой жизнью, гдѣ спокойствіе существуетъ только въ книгахъ; подобно рабу, разорвавшему свои цѣпи и жадно вдыхающему свободный воздухъ, дотолѣ недоступный ему, душа моя могла поддаться теперь обаятельнымъ снамъ и дышать чистымъ свободнымъ воздухомъ безпечальнаго и безгрѣшнаго существованія.

„Я много грѣшилъ и много страдалъ въ жизни, но подобно тому, какъ усталый путешественникъ забываетъ всѣ трудности пути, вернувшись подъ тихій родимый кровъ, я теперь пѣлъ отъ восторга при мысли, что мое странствованіе, мои тревоги кончены и прежнія страданія не повторятся вновь. Однако, я не совершенно покинулъ этотъ міръ, нѣтъ, — я разговаривалъ, ѣлъ, пилъ, трудился, но это лишь такъ казалось, въ дѣйствительности же я не ѣлъ, не пилъ и не работалъ. Смертные говорили о моемъ тѣлѣ, какъ будто оно не было похоронено: они не знали, что это тѣло, употреблявшее пищу и питье, было лишь одинъ призракъ, обманывавшій ихъ зрѣніе. И какая разница между ними и мною! Тогда какъ я переносился съ мѣста на мѣсто, безпечно болтая и ни о чемъ не думая, преисполненный веселья и восторга, я видѣлъ ихъ печальными, озабоченными или погруженными въ тяжелыя размышленія. Тогда у меня являлась какая-то бѣшеная радость, отъ сознанія, что я уже не нахожусь среди нихъ.

„Я съ величайшимъ удовольствіемъ посѣщалъ кладбища и въ особенности одно, итальянское, гдѣ у меня было много знакомыхъ, подобно мнѣ, уже не принадлежавшихъ къ этому міру. Я навѣщалъ ихъ, и мы вели бесѣды, усѣвшись около какого-нибудь мраморнаго памятника, подъ тѣнью высокихъ кипарисовъ, или медленно, безмолвно бродили по кладбищу, погрузившись въ наши радостныя мысли.

„Иногда, завидѣвъ надъ вершинами вѣковыхъ кипарисовъ маленькое облачко, окрашенное въ разнообразные цвѣта послѣдними лучами заходящаго солнца и одиноко скользившее по безоблачному небу, мы летѣли къ нему и, помѣстившись на этомъ пушистомъ коврѣ, сіявшемъ всѣми цвѣтами радуги, смотрѣли оттуда на землю, любовались вѣчными красотами природы, которая совершенно равнодушно, безстрастно относится къ тому, какъ одни поколѣнія смертныхъ смѣняются другими, точно волны на морѣ. Мы смотрѣли также на голубыя горы, поднимающія свои величавыя вершины къ самому небу или на разстилающіеся у ихъ подошвъ холмы и долины, золотившіеся подъ яркими лучами заходящаго солнца, какъ бы съ сожалѣніемъ покидавшаго землю на цѣлую ночь и на прощаньи придававшаго ей тысячи разнообразныхъ прелестныхъ оттѣнковъ. Надъ нашими головами раскидывался лазуревый, вѣчный, спокойный небесный сводъ во всей его необъятности, тогда какъ издали до насъ доносились чудные голоса ангеловъ, пѣвшихъ своему Творцу „осанна!“ въ благодарность за доставленное имъ счастье и спокойствіе; мы присоединяли къ ихъ голосамъ свои собственные и, убаюканные пріятными мыслями, засыпали тамъ, на верху, вмѣстѣ со всей природой, чтобы въ грезахъ наслаждаться новыми удовольствіями.

„Я часто ходилъ на свою могилу, которую самъ убралъ цвѣтами,—мнѣ пріятно было видѣть сквозь землю, какъ гніетъ мое тѣло. Я садился на могильный холмъ, бралъ въ руки какой-нибудь цвѣтокъ, напр. фіалку, цѣловалъ его и говорилъ: о блаженный цвѣточекъ, получившій отъ Бога частицу чуднаго аромата, которымъ наполнено его небесное жилище, и сіяющій той-же чистой лазурью, которою Онъ одѣлъ небесный сводъ, скажи мнѣ, желалъ-ли бы ты измѣнить свою форму и, оставивъ свою рощицу, сдѣлаться человѣкомъ? На это цвѣтокъ отвѣчалъ мнѣ: для насъ достаточно и той радости, чтобы впродолженіи кратковременной жизни людей оживлять и наполнять своимъ благоуханіемъ ихъ жилища—какъ дворецъ короля, такъ и хижину крестьянина, а послѣ смерти того и другаго покрывать ихъ прахъ своимъ веселымъ и ароматическимъ покровомъ. У насъ нѣтъ желаній, но неужели ты, непомнящій себя отъ радости послѣ того, какъ пересталъ быть человѣкомъ, неужели ты думаешь соблазнить насъ, чтобы мы промѣняли наше мирное, невинное существованіе на лихорадочную, бурную и грѣховную жизнь смертныхъ? Такъ говорилъ цвѣтокъ, а я въ это время думалъ: подобно этой фіалкѣ, обращающей свою головку къ солнцу, я стану обращать свое лицо къ Богу и наслаждаться лучами его вѣчной любви. Я оплакивалъ свою смерть на своей собственной могилѣ, полагая, что такъ какъ всѣ мои близкіе перемерли и не осталось никого, кто могъ-бы погоревать обо мнѣ, то я обязанъ самъ отдать этотъ печальный долгъ своему праху. Смертные часто смѣялись надо мной и я слышалъ, какъ они потихоньку называли меня сумасшедшимъ. Ты самъ сумасшедшій, о человѣкъ, рожденный женщиной,—думалъ я тогда,—ты, дрожащій отъ страха при одномъ только имени твоей истинной единственной освободительницы смерти, которую ты изображаешь въ ужасномъ видѣ, хотя она такъ прекрасна, хотя она-то и есть настоящая жизнь. Да знаешь ли ты, что твое существованіе есть ничто иное какъ постоянная смерть, а моя смерть вѣчная жизнь?

„Я путешествовалъ, видѣлъ Пизу, Ливорно и другіе города, побывалъ также во Флоренціи, которую я зналъ прежде, когда чужеземные солдаты гордо ходили по ея прекраснымъ улицамъ и площадямъ, когда она съ распростертыми объятіями принимала своего короля, честнаго человѣка (Galantuomo), точно влюбленная невѣста, встрѣчающая своего жениха, и, наконецъ, когда она страдала и горевала о томъ, что въ этой борьбѣ изъ-за любви побѣда осталась на сторонѣ ея надменнаго соперника—Рима.—Пока я путешествовалъ смертные укоряли меня въ пренебреженіи къ моимъ дѣламъ, говорили, что я только даромъ ѣмъ хлѣбъ и пр. Но могли-ли они понять, что для меня пища одежда и проч. все это ничего не значило, что душа моя находилась въ слишкомъ блаженномъ состояніи, чтобы заниматься дѣлами, къ которымъ я теперь относился равнодушно“.

Въ той-же «Хроникѣ» есть прекрасная поэма въ стихахъ, написанная одной больной дамой, у которой поэтическое вдохновеніе появилось именно во время пребыванія ея въ домѣ умалишенныхъ *). Фактъ этотъ настолько любопытенъ для изученія психіатріи, что я считаю нелишнимъ привести здѣсь коротенькую біографію этой дамы.

Госпожа Х., по характеру очень живая особа 45 лѣтъ, замужемъ и любитъ своего мужа. Мать ея была чрезвычайно нервная женщина, и съ дѣвушкой еще до наступленія зрѣлаго возраста случались истерическіе припадки. Воспитаніе г-жа Х. получила серьезное, разумное, занималась изученіемъ французской и нѣмецкой литературы и всегда отличалась кроткимъ характеромъ. Замужъ она вышла 21-го года, благополучно родила двоихъ дѣтей, третьяго выкинула, но за все это время истерическіе симптомы не усилились, и физическое здоровье нисколько не пострадало. Довольная собой и своимъ общественнымъ положеніемъ, она жила спокойно, любимая мужемъ, дѣтьми, вообще какъ счастливая семьянинка, и жаловалась только на одинъ болѣзненный признакъ — слишкомъ большую чувствительность.

Затѣмъ, у ней вдругъ безъ всякой причины прекратилась менструація, что̀ продолжалось болѣе четырехъ лѣтъ, послѣ чего ее чаще обыкновеннаго сталъ мучить истерическій клубокъ и вмѣстѣ съ тѣмъ въ ея характерѣ и привычкахъ произошла значительная перемѣна: она сдѣлалась раздражительной и начала страдать безсонницей. Къ этому вскорѣ присоединились часто повторявшіеся припадки судорогъ истерическаго характера; больная жаловалась, что не можетъ какъ прежде заниматься умственнымъ трудомъ и что не чувствуетъ уже прежней любви къ мужу и дѣтямъ; она часто придиралась къ нимъ, обижала ихъ, безъ всякой причины впадала въ бѣшенство, отказывалась отъ пищи и только послѣ подобнаго припадка ажитаціи, продолжавшагося нѣсколько часовъ, къ ней возвращалось прежнее спокойствіе, хотя признаки извращенія чувствъ и аффектовъ оставались по прежнему.

Когда ее помѣстили въ больницу, она волновалась впродолженіи нѣсколькихъ дней, но потомъ, повидимому, успокоилась, такъ что ненормальное состояніе ея можно было замѣтить

*) Мы не переводимъ этой громадной поэмы, занимающей 15 страницъ текста, такъ какъ она не представляетъ ничего особенно выдающагося. Въ ней чрезвычайно подробно описывается Сіена, ея историческое прошлое, памятники и пр. *Пр. пер.*

только по двумъ важнымъ болѣзненнымъ признакамъ—безсонницѣ и галлюцинаціямъ. Послѣднія проявлялись у больной крайне своеобразно: всякій разъ, когда она лежала въ постели съ открытыми глазами, какъ будто погруженная въ религіозныя размышленія, ей вдругъ слышались голоса дѣтей, и она начинала звать ихъ, кричать, метаться въ постели, затѣмъ впадала въ страшное бѣшенство, сопровождавшееся обильнымъ потомъ. Она не узнавала сидѣлки, называла ее именемъ своей прежней горничной, приказывала ей приносить разныя вещи, бывшія у ней въ домѣ, и посылала съ разными порученіями къ мужу, къ дѣтямъ и пр. По окончаніи галлюцинацій, она какъ бы просыпалась отъ сна и не помнила, что съ нею было; только иногда продолжала воображать себя дома и удивлялась, видя вокругъ себя незнакомыя лица. Случалось, впрочемъ, что галлюцинаціи бывали непродолжительны и не особенно рельефны,—въ такомъ случаѣ у больной, даже во время припадка, являлось сознаніе обманчивости своихъ представленій.

Днемъ галлюцинаціи хотя и появлялись, но рѣдко; за то гораздо чаще бывали въ это время истерическіе припадки, въ особенности появленіе клубка, а также конвульсіи, головныя боли, нервная боль въ желудкѣ и пр.

Во время этихъ-то припадковъ, отъ которыхъ больная вылечилась потомъ, она и написала поэму «Сіена», помѣщенную въ *Хроникѣ Сіенскаго дома умалишенныхъ* за 1881 г.

Но особенный интересъ представляетъ *Дневникъ дома умалишенныхъ въ Пезаро*, такъ какъ это—первый изъ подобныхъ журналовъ въ Италіи, который ведется исключительно душевнобольными (съ 1872 года). Поэтому онъ можетъ служить неисчерпаемымъ источникомъ по части, такъ сказать, френопатической литературы. Въ ней преобладаютъ автобіографіи и біографіи, написанныя иногда чрезвычайно цвѣтистымъ языкомъ. Вотъ, напримѣръ, какъ изображаетъ свое душевное состояніе одинъ молодой человѣкъ, страдающій маніей самоубійства и нравственнымъ умопомѣшательствомъ (mania morale), что̀ не мѣшаетъ ему однако быть талантливымъ живописцемъ:

Противуволя (La controvolonta).

Противуволя—ужасная вещь, и я могу говорить о ней по опыту, слишкомъ даже горькому, потому что она отняла для меня всякую прелесть отъ окружающаго міра и превратила мою спокойную пріятную прошлую жизнь въ тяжкое и мучительное бремя. Вотъ о чемъ

въ сущности идетъ рѣчь: чтобы дѣйствительно жить въ этомъ мірѣ, для человѣка недостаточно только ѣсть и спать, ему необходимо также руководить своими способностями, нужно имѣть цѣль въ жизни и находить удовольствіе въ своихъ занятіяхъ. Но съ трудомъ влачить жалкое существованіе, не принимая никакого участія въ радостяхъ жизни, не стóитъ — въ тысячу разъ лучше умереть или утратить всякое самосознаніе. Именно такая исторія случилась и со мной. Привыкшій къ тихой и спокойной жизни, я вдругъ увидѣлъ себя вовлеченнымъ въ водоворотъ жестокихъ страданій; бѣдный мозгъ мой, потрясенный такой нелѣпостью, отказался работать какъ прежде, я не могъ уже свободно разсуждать о моихъ дѣлахъ и отсюда-то именно родилась противуволя или стѣсненіе естественной свободы человѣка, невозможность работать и дѣйствовать, точно будто какая-то матеріальная сила связываетъ индивидуальность. У меня нѣтъ теперь достаточной власти надъ собою, чтобы дать моимъ поступкамъ желательное для меня направленіе, вслѣдствіе чего являются страхъ, тоска, отвращеніе къ жизни. Вначалѣ я чувствовалъ какое-то неопредѣленное безпокойство, мучительную тяжесть, затѣмъ эта сила росла, становилась все могущественнѣе, настойчивѣе, такъ что наконецъ уничтожила во мнѣ всякое довольство и заставила проводить время въ самой томительной скукѣ. По ночамъ я не могъ спать, засыпая обыкновенно на часъ или на два, а дни сдѣлались для меня мучительнымъ препровожденіемъ времени, такъ какъ я рѣшительно не знаю, чтó дѣлать съ собой, куда приклонить голову, какое направленіе дать моимъ мыслямъ—и все по мидости противуволи. Я слышу разговоры о семейномъ счастіи, о душевномъ спокойствіи, объ удовлетвореніи самолюбія, о взаимной привязанности между людьми, но самъ я не могу испытывать ничего подобнаго; медленно измѣряю я часы, и вся моя забота состоитъ въ томъ, чтобы скучать по возможности меньше. Поэтому я попросилъ-бы произвести сильную реакцію въ моемъ мозгу и позволить мнѣ увидѣться съ семьей. Благодѣтельное потрясеніе могло бы принести мнѣ громадную пользу: жестокое душевное волненіе погубило меня, другое волненіе, только въ иномъ родѣ, могло-бы спасти меня. Я уже столько лѣтъ не видѣлъ своей семьи, и господинъ директоръ понимаетъ, какъ это непріятно. Если я дѣлалъ какія-нибудь несообразности, то это зависѣло отъ злого рока (fatalita), во власти котораго я нахожусь, а не отъ моего характера, всегда считавшагося превосходнымъ, чтō также слѣдуетъ принять въ соображеніе.

Л. М. № 110.

Далѣе, въ высшей степени оригинальны сдѣланныя больными описанія своихъ товарищей, какъ напр. слѣдующій очеркъ, вышедшій изъ-подъ пера бывшаго судебнаго пристава, страдающаго душевнымъ разстройствомъ и галлюцинаціями. Несмотря на это, онъ не только поэтъ, но еще и хорошій піанистъ и вообще составляетъ крупную литературную силу между сотрудниками этого замѣчательно интереснаго журнала:

Наблюденія надъ окружающими.

Я провелъ почти всю зиму среди помѣшанныхъ и потому имѣлъ возможность сдѣлать нѣсколько наблюденій надъ привычками и поведеніемъ нѣкоторыхъ изъ нихъ. Полагая доставить этимъ удовольствіе нашему начальству, я вздумалъ въ точности описать ихъ, насколько позволяютъ мои слабыя силы, и чтобы пристыдить У..., который говоритъ, что еслибы я прочелъ свою статью вслухъ, то ее приняли бы за одно изъ тѣхъ объясненій, какія даются проводниками по сералямъ. Кто наиболѣе заслуживаетъ вниманія, такъ это одинъ субъектъ, вѣчно стоящій неподвижно, прислонясь къ стѣнѣ—зовутъ его С...... Другой постоянно покрытъ грязью съ головы до ногъ и цѣлый день съ наслажденіемъ возится въ нечистотахъ. Третій, нѣкто Л..., чрезвычайно толстый, только и дѣлаетъ, что третъ себѣ голову одной рукой. С.... вѣчно потираетъ руки и безпрерывно ходитъ по одному направленію, 10 шаговъ впередъ и 10 шаговъ назадъ, причемъ кричитъ, призывая всѣхъ святыхъ. Другой неподвижно сидитъ на мѣстѣ, вертитъ головой и часто улыбается. Нѣкто С. П. постоянно толкуетъ о своихъ милліонахъ, о фабрикахъ и машинахъ, которыя онъ устроитъ по выходѣ изъ больницы въ январѣ 1875 года, какъ ему кажется, хотя онъ, вѣроятно, очень скоро отправится въ страну, гдѣ нѣтъ ни печали, ни воздыханія, такъ какъ разбитъ параличемъ. Кривой Б.... забавляется цѣлые дни тѣмъ, что третъ два камешка, одинъ о другой, и при этомъ вѣчно бормочетъ что-то себѣ подъ носъ. Нѣкто М., отставной морякъ, говоритъ громкимъ голосомъ, воображая себя на кораблѣ, готовомъ отправиться въ дальнее плаваніе. С... считаетъ себя командиромъ полка и дѣлается похожимъ на звѣря, когда ему противорѣчатъ, въ особенности, когда кто нибудь шутя скажетъ, что на него хотятъ надѣть намордникъ. Другой, по прозванію Италія, всегда выпачканный сажей, кричитъ цѣлый день и быстро ходитъ, потирая себѣ голову обѣими руками, вертится и произноситъ слова: «стой! стой»! Нѣкто П.... воображаетъ себя важнымъ господиномъ и разсказываетъ, что у него есть множество обширныхъ помѣстій; онъ потихоньку уходитъ каждую ночь и возвращается утромъ изъ дальнихъ странствій. Нѣкто X...., прозванный горбуномъ, извѣстенъ за интригана и лжеца и представляетъ настоящій типъ Вискарделло или Риголетто,—онъ вѣчно старается обмануть всѣхъ и питается одними пирожками. Луна— это старый обжора, который никогда не можетъ насытиться; у него есть наклонность къ воровству и онъ крадетъ что попадется, но въ особенности платки. Онъ считаетъ себя Блаженнымъ Джироламо. Нѣкто Романо, бывшій въ военной службѣ, грязенъ съ головы до ногъ и тоже склоненъ къ воровству. М.... прогуливается въ одиночествѣ, увѣряетъ, что онъ теперь связанъ, а когда узы эти разрѣшатся, думаетъ улетѣть въ Елисейскія поля, въ чистилище, въ адъ, вообще куда ему захочется. Донъ В.... держитъ себя гордо и величественно, воображая, что онъ—римскій Папа, именующійся Силеномъ Первымъ, и горе тому, кто вздумалъ бы оспаривать его могущество. Онъ раз-

сказываетъ, что заключенъ сюда своими врагами, но что вскорѣ онъ отправится въ Римъ, гдѣ его встрѣтятъ со всею помпою, подобающею римскому первосвященнику. Антоніо, несносный болтунъ, и ненасытный обжора, тоже не прочь украсть, что плохо лежитъ, и хлопочетъ только о томъ, какъ бы поѣсть, покурить и поиграть. Нѣкто Ф., лѣтъ пятидесяти, долгое время остается спокойнымъ, потомъ съ нимъ дѣлается бредъ: онъ въ бѣшенствѣ ходитъ по корридорамъ, говоря, что не желаетъ идти укрощать бури, и въ концѣ-концовъ начинаетъ спокойно играть камешками. В. Р..., впавшій въ совершенно безсмысленное состояніе, вѣчно грозится убить всѣхъ, но не убиваетъ даже блохи. Одинъ тосканецъ, весьма склонный къ онанизму, кричитъ во все горло, что его голодъ неутолимъ, хочетъ обидѣть всѣхъ, но никто на него не обижается, и всѣхъ называетъ могильщиками; онъ воображаетъ, что ѣстъ вдвое противъ другихъ. Л..., бывшій прежде живописцемъ, говоритъ мало, но если примется разсуждать, то самъ чортъ ничего не разберетъ. Б. Л. прислонится къ стѣнѣ и стоитъ по цѣлымъ днямъ, не говоря ни слова. Л.... представляетъ изъ себя министра или депутата, цѣлый день бесѣдуетъ съ воображаемыми личностями, а въ концѣ-концовъ перевязываетъ себя чулкомъ, повторяя это 70 или 80 разъ въ день. Наконецъ М. воображаетъ себя Наполеономъ I, какимъ-то великимъ талантомъ, героемъ и всегда хочетъ поставить на своемъ; у него есть дурная привычка—давать волю рукамъ. Р.... каменьщикъ, скупъ до крайности, торгуетъ всѣмъ и готовъ задушить кого только можно, лишь бы добыть денегъ. М., по прозванію Кобылка, до крайности любопытенъ, живой, надоѣдливый и болтливый; у него на совѣсти есть кровавое преступленіе и даже еще противуестественное; онъ сдѣлался ханжей, работаетъ въ кухнѣ, но не забываетъ и своихъ четокъ, не даетъ людямъ покоя вѣчными просьбами. Донъ Л.... страстный курильщикъ, цѣлый день ходитъ по галлерeѣ, человѣкъ надменный и скупой, считаетъ позоромъ, что такую талантливую личность, какъ онъ, держатъ въ заперти, и грозится, что начальствующіе дадутъ въ этомъ строгій отчетъ, когда онъ выйдетъ. Пинакkіа, по прозванію Контрефорсъ, бывшій прежде папскимъ солдатомъ — типъ шута, бываетъ вполнѣ доволенъ, когда ѣстъ или куритъ, всегда вмѣшивается въ разговоры и постоянно переходитъ отъ одного аргумента къ другому. М. А. отличный работникъ, всегда готовый услужить, нѣсколько времени остается спокоенъ, потомъ болѣзнь его проявляется громкимъ крикомъ, оглашающимъ галлереи, и съ нимъ тогда опасно заговорить. Н. Д. М..., прозванный адвокатомъ, старается придать себѣ важный видъ, подходящій къ этому прозвищу, никогда не молчитъ и не успокоивается и всегда наровитъ поставить на своемъ. Ф..., осужденный уже за драку и за кражу мѣшка, совсѣмъ сумасшедшій теперь, разговариваетъ самъ съ собою и думаетъ только о ѣдѣ, питьѣ и куреніи. В..., прозванный котомъ, злой и жестокій человѣкъ, былъ прежде военнымъ, часто прогуливается по двору съ озабоченнымъ видомъ, при малѣйшемъ противорѣчіи готовъ начать ссору и пустить въ ходъ кулаки. С. Ж., бывшій столяръ, очень красивой наружности, носитъ длинную бороду, служилъ прежде въ папскихъ драгунахъ, но теперь лишился разсудка и потому въ разговорахъ его нѣтъ никакого смысла. Р.... раздражителенъ и похожъ на звѣря; озлившись, кусается точно гіена, и слѣды его зубовъ остаются на долго. Домениκъ Б., прозванный Рaтапланомъ, имѣетъ привычку говорить всѣмъ дерзости и съ утра до вечера раздаетъ благословенія. Кромѣ того, у насъ есть компанія игроковъ, которые играютъ съ утра до вечера; среди нихъ первыя мѣста занимаютъ Покуполино, Пачино, Маркино и Градара.

Если пожелаютъ читатели, можно составить множество біографій и привести еще не мало другихъ наблюденій. Что же касается служителей, то я предоставляю поговорить о нихъ при случаѣ тѣмъ, кого это ближе задѣваетъ.

Б. Ж. № 18.

Вообще, больные не особенно дружелюбно относятся къ своимъ товарищамъ, когда описываютъ ихъ въ прозѣ или въ стихахъ. Но вотъ одинъ очеркъ того-же автора нѣсколько въ иномъ родѣ:

Семья увеличилась.

«Новый жилецъ нашъ, прибывшій сюда мѣсяца два тому назадъ—премилый оригиналъ, лѣтъ 40, большой говорунъ, весельчакъ, носитъ волосы спущенными на глаза, одѣвается въ длинное пальто и ходитъ въ туфляхъ, такъ что при подобномъ костюмѣ ему можно-бы избавить себя отъ труда надѣвать кальсоны. Онъ куритъ цѣлый день, ѣстъ и пьетъ, какъ военный, и бѣда, если кто не исполнитъ его приказаній—онъ сейчасъ приходитъ въ бѣшенство. Бѣдняга воображаетъ себя великимъ человѣкомъ, обладателемъ несмѣтныхъ сокровищъ и очень могущественнымъ, выражаетъ желаніе распустить насъ всѣхъ по домамъ и всегда бываетъ очень веселъ, а когда разговариваетъ, то кричитъ до такой степени громко, что его можно слышать на разстояніи сорока шаговъ.

«Интересенъ былъ его пріѣздъ къ намъ: едва лишь онъ вошелъ во дворъ, какъ началъ осматриваться кругомъ и съ важнымъ видомъ выразилъ желаніе побывать вездѣ, чтобы убѣдиться, не измѣнилось-ли что-нибудь со времени его послѣдняго посѣщенія. Осмотромъ этимъ онъ, повидимому, остался доволенъ. Стоило посмотрѣть тогда, какого дипломата онъ изъ себя разыгрывалъ—точно будто настоящій синдикъ, находящійся при исполненіи важныхъ обязанностей.

«Онъ обѣщалъ всѣмъ и каждому должности, такъ что его можно было принять за министра какого-нибудь государства, и дѣйствительно, чтобы вполнѣ походить на важную особу, ему не доставало только кареты, запряженной парой лошадей, лакея-мавра и трубача.

«Говоря это, я вовсе не желаю подсмѣяться надъ его бѣдствіемъ, тогда я самъ показался бы смѣшнѣе его; но такъ какъ онъ, повидимому, счастливъ, а я нѣтъ, то я и позволяю себѣ подобныя размышленія.

«Очень интересенъ онъ бываетъ, когда разсказываетъ о своихъ несчастіяхъ: звукъ голоса у него мѣняется, онъ подмигиваетъ глазами, бьетъ себя въ грудь съ видомъ полнаго довольства и, наконецъ, съ крикомъ бросается на диванъ. Однако, все это не мѣшаетъ ему чрезвычайно аккуратно являться къ обѣду и ужину. Видно, что даже воспоминанія о прошломъ не оказываютъ вліянія на его желудокъ. Счастливецъ!»

Б. Ж. № 18.

III.

Литературныя произведенія маттоидовъ.

(Къ IX главѣ).

Я уже говорилъ, какія разнообразныя темы берутъ маттоиды для своихъ сочиненій. Хотя всего болѣе ихъ интересуютъ политика, теологія и поэзія, но они занимаются также математикой, физикой, даже гистологіей и клинической медициной. Приведу нѣсколько примѣровъ.

Вотъ передо мною сочиненіе въ двухъ большихъ томахъ, подъ заглавіемъ *Новая патологія на античныхъ началахъ*, гдѣ, съ помощью нелѣпыхъ и запутанныхъ цитатъ, авторъ пытается свести всѣ болѣзни къ эллипсису.

Даже буквы должны имѣть эллиптическую форму, по его мнѣнію,—какъ и всѣ предметы вообще.

«Запахи и вкусы—говоритъ изобрѣтатель *Новой патологіи*—тоже необходимо размѣстить на эллиптической шкалѣ, такъ какъ у нихъ есть абстрактный фокусъ—пріятное или непріятное ощущеніе, ими вызываемое. Кому неизвѣстны эллиптическія свойства теплоты? Самыя совершенныя существа, какъ человѣкъ и ангелы, образуютъ эллипсисъ. Человѣкъ состоитъ изъ души и тѣла, эллиптически связанныхъ между собою. Всѣ ткани состоятъ изъ четырехъ веществъ, которыя, смотря по тому, преобладаетъ-ли въ нихъ артеріальное или лимфатическое начало, проникаютъ въ различныя ткани въ большей или меньшей степени.—Кости тоже лимфатическаго происхожденія, какъ это замѣчается при ихъ варкѣ, и состоятъ изъ оболочекъ лимфатической, артеріозной, известковой или желудочной (ventrale) и фиброзной или венозной» и т. д.

Нечего и прибавлять, что авторъ вѣритъ въ духовъ, въ пророческіе сны и т. д. Тѣмъ не менѣе это—одинъ изъ извѣстнѣйшихъ врачей-практиковъ въ средней Италіи.

Другой медикъ-геометръ, нѣкто Ж., написавшій *Руководство для врачей-практиковъ, выведенное изъ принциповъ синтетической физики*. По его мнѣнію, всѣ болѣзни происхо-

дятъ отъ избытка теплоты или свѣта, причемъ послѣдній производитъ на организмъ охлаждающее дѣйствіе; пьяницы подвержены тифу по той причинѣ, что алкоголь содержитъ въ себѣ промежуточный свѣтъ (luce interstiziale); кровопусканія уменьшаютъ количество теплоты и даютъ больному возможность пользоваться избыткомъ свѣта и т. под.

Далѣе, въ числѣ медиковъ, слѣдуетъ упомянуть еще объ авторѣ сочиненія, носящаго такое лаконическое заглавіе: «О тайнобрачныхъ, ихъ физіологическомъ дѣйствіи, ихъ типахъ, ихъ вліяніи,—какъ полезномъ, такъ и вредномъ,—на твердыя тѣла и на жидкія, на растенія, животныхъ и на человѣка. Физико-экспериментальное переизслѣдованіе съ систематическими таблицами, раздѣленное на двѣ части по причинамъ фотографическимъ и медико-аграрнымъ и посвященное двумъ коллегамъ, занимающимся такими вопросами, уважаемымъ господамъ F. Z. и P. Z.».

Но вотъ и сочиненіе врача-клинициста, который изобрѣлъ людей-*центавровъ*. Онъ лечитъ почти всѣ болѣзни кровопусканіями то изъ одной руки, то изъ другой, то изъ обѣихъ, причемъ перевязываетъ оперируемый членъ краснымъ или зеленымъ снуркомъ и, не смотря на то, слыветъ за хорошаго врача-консультанта въ одномъ изъ большихъ итальянскихъ городовъ.

Слѣдуетъ также упомянуть о трехъ врачахъ (одинъ изъ нихъ пользуется громадной извѣстностью), излечивающихъ холеру какими-то невинными солями, и еще объ одномъ, впрочемъ, довольно талантливомъ медикѣ, не лишенномъ научныхъ познаній, который запруживалъ наши псевдо-ученые журналы статьями о болѣзняхъ кожи, гдѣ изобилуютъ курьезы вродѣ *подвижной* теплоты, діагноза прокаженныхъ посредствомъ измѣренія ихъ ушей и т. под.

Въ заключеніе, укажу еще на одного врача, пользующагося репутаціей превосходнаго анатома и замѣчательнаго практика, который открылъ, между прочимъ, что у нѣкоторыхъ племенъ сосудистыя пятна составляютъ физіологическую особенность и что проказа (pellagra) есть послѣдствіе онанизма.

Еще не такъ давно профессоръ Z. издалъ книгу подъ заглавіемъ: «*Словарь эклектическаго универсальнаго самоизслѣдованія* или цвѣтъ науки и богатое собраніе прекрасныхъ, благородныхъ и полезныхъ свѣдѣній по всевозможнымъ отраслямъ знанія—физикѣ, философіи и литературѣ, кратко, точно и ясно изложенныхъ, выбранныхъ изъ множества книгъ, трактующихъ о наукѣ, искусствахъ и литературѣ, и распредѣленныхъ по научнымъ отдѣламъ въ каждой статьѣ. Компиляція, составляющая плодъ 30-ти лѣтнихъ трудовъ Z.». Книгу эту расхвалили журналы того времени, находя, что она заполняетъ пробѣлъ въ нашей литературѣ. Насколько справедливъ такой отзывъ, можно убѣдиться изъ содержанія книги. Въ ней сообщается между прочимъ, что вода въ естественномъ состояніи есть твердое тѣло, что материкъ Америки появился на поверхности океана въ недавнее время, что берлинская лазурь добывается изъ гусеницъ, что большая часть газовъ образовалась изъ жидкости, выдѣляемой камнями, и что «магнитъ содержитъ въ себѣ много, желѣза и масла, а такъ какъ хлористыя соединенія составляютъ основаніе фосфора, то этимъ обусловливается способность магнита горѣть».

Въ Казале и до сихъ поръ еще здравствуетъ одинъ знаменитый человѣкъ, сдѣлавшій великое открытіе въ области математики. Онъ написалъ трактатъ подъ заглавіемъ: «*Истинная, практически полезная геометрія, неизвѣстная лучшимъ математикамъ*, одобренная во всемъ объемѣ Королевской Академіей Наукъ въ Миланѣ, въ засѣданіи 7 февраля 1861 года. Изслѣдованія автора предлагаются на судъ разумныхъ итальянцевъ не-математиковъ, любящихъ покровительствовать талантамъ и не относящихся презрительно къ людямъ, работающимъ для преуспѣянія науки и для доказательства квадратуры круга».

Произведеніе это авторъ посвящаетъ Наполеону III, заявляя при этомъ, что онъ уже много лѣтъ страдаетъ подъ гнетомъ притѣсненій... Какъ-бы вы думали—съ чьей стороны? Со стороны туринской академіи, а также со стороны Planá и цѣлой арміи математиковъ, не удостоившихъ никакого вниманія представленныя на судъ ихъ открытія—результатъ полумилліона вычисленій (неизданныхъ).

Кромѣ того, у автора есть еще неизданное сочиненіе, въ которомъ рѣшаются 135 задачъ помощью совершенно новыхъ способовъ; оказывается, однако, что онъ считаетъ математиковъ Ломбардскаго института недостойными обладанія подобнымъ сокровищемъ; но учащаяся молодежь можетъ воспользоваться имъ, уплативъ 30 франковъ за право чтенія, и авторъ предлагаетъ ей сдѣлать это, чтобы убѣдиться въ неосновательности пріемовъ, употреблявшихся до сихъ поръ въ высшей геометріи.

Къ числу маттоидовъ-графомановъ принадлежитъ также нѣкто С..., человѣкъ лѣтъ 40, желчнаго темперамента, страдающій хореей личныхъ мускуловъ. Онъ сынъ извѣстнаго ученаго, противъ воли былъ отданъ въ духовную семинарію и, выйдя изъ нея 16-ти лѣтъ, еще не сложившійся ни умственно,

ни нравственно, написалъ сочиненіе въ 360 страницъ, хотя и одобренное иностранными журналами, но на этотъ разъ несправедливо. Кромѣ того, онъ составилъ по образцу обычныхъ въ средніе вѣка компендіумовъ, сокращенное руководство по всѣмъ наукамъ, входящимъ въ курсъ свѣтскихъ и духовныхъ учебныхъ заведеній, заявивъ при этомъ, что оно написано подъ вліяніемъ вдохновенія свыше и должно считаться лучшею книгою въ цѣломъ мірѣ. «Давно уже чувствовался недостатокъ въ такомъ образцовомъ руководствѣ, которое разрѣшало бы задачу задачъ изобрѣтеніемъ принципа изъ принциповъ». Уже изъ этого повторенія однѣхъ и тѣхъ-же словъ, представляющаго оборотъ рѣчи, употребляемый обыкновенно помѣшанными, идіотами и первобытными народами, можно сдѣлать извѣстное заключеніе объ умственныхъ способностяхъ автора; но ненормальность ихъ будетъ еще яснѣе, когда мы узнаемъ, что открытый имъ принципъ заключается въ томъ, что природа «является безъ лицъ въ трехъ лицахъ» (trinitá della natura).

Положимъ, для воспитанника семинаріи это еще не особенно патологическая идея, такъ какъ подобнаго взгляда придерживались многіе въ средніе вѣка и въ томъ числѣ Данте, слѣдовательно эта идея уже не новая; но курьезны тѣ доводы, какими авторъ подтверждаетъ ее: «если бы мнѣ возразили—говоритъ онъ,—что въ природѣ господствуютъ не 3 лица, а 4 или 5, то я отвѣтилъ-бы имъ на это стихомъ Данта:

Словамъ ихъ не давай значенья—и мимо проходи.

Черезъ нѣсколько времени этотъ субъектъ, перемѣнивъ тему своихъ изслѣдованій, превращается въ ярагo поклонника Ламартина, хотя не забываетъ вмѣстѣ съ нимъ возвеличивать и себя. Онъ издалъ сочиненіе, гдѣ доказывается, что Ламартинъ—величайшій человѣкъ своей эпохи, а послѣ него первое мѣсто принадлежитъ автору сочиненія, который, при помощи изобрѣтенной имъ формулы—«во всемъ есть Богъ»—содѣйствовалъ возрожденію человѣчества и процвѣтанію наукъ, такъ какъ этой новой формулы только и не доставало, чтобы дать синтезъ сотворенія міра.

Далѣе, въ моей коллекціи находятся сочиненія по философіи, одно нелѣпѣе другаго. Есть даже трактатъ о *психографіи*—совершенно новой философской системѣ, на которую я указывалъ уже раньше, и кромѣ того бечисленное множество стихотворныхъ произведеній, которыхъ я впрочемъ не стану касаться здѣсь, такъ какъ ими уже и безъ того много занимаются сатирическіе журналы: *Fanfulla* и *Pasquino*. Мимоходомъ упомяну лишь объ одной трагедіи: «Жена-убійца», написанной привратникомъ. Это ничто иное какъ разбиравшійся недавно въ Тревизо процессъ, изложенный псевдо-Альфіеріевскими стихами.

Наконецъ, есть еще много произведеній маттоидовъ-публицистовъ, предлагающихъ разныя крайнія мѣры относительно государственнаго благоустройства. Въ числѣ ихъ особенно много экономистовъ, которые выступаютъ съ различными проэктами въ видахъ улучшенія финансовъ Италіи. Между прочимъ по этому вопросу мнѣ попалась брошюрка съ такимъ заглавіемъ:

«*Объ универсальномъ ростовщичествѣ* какъ причинѣ нарушенія экономическаго равновѣсія въ наше время,—разсужденія, почтительнѣйше предложенныя однимъ избирателемъ на благоусмотрѣніе его превосходительства, предсѣдателя Совѣта и министра финансовъ, господина Марка Мингетти, съ цѣлью доказать необходимость, возможность, удобство и справедливость *патріотическаго займа въ четыре милліарда только за одинъ процентъ со ста*, какъ единственное средство противодѣйствовать ростовщичеству банковъ и добиться прочнаго равновѣсія въ балансѣ, а черезъ это и уничтоженія принудительнаго курса безъ увеличенія или измѣченія налоговъ».

Таково полное заглавіе брошюры. Средство это основано на добровольной подпискѣ или скорѣе принудительномъ займѣ черезъ посредство богатыхъ евреевъ. Нѣчто, какъ двѣ капли воды сходное, предлагается также въ брошюрѣ подъ заглавіемъ: «Какимъ образомъ доставить министерству финансовъ и торговлѣ милліардъ, а вслѣдъ затѣмъ и другіе милліарды“.

---

*

III.

Графоманы преступники (Манжіоне, Детомази, Біанко, Гито, Санду).

(Къ IX главѣ).

Но едва-ли не большую важность представляетъ изученіе тѣхъ графомановъ, которые изъ мнимо-литературной сферы переходятъ часто въ область политики и законовѣдѣнія. Я назову ихъ графоманами сутягами, политиканами или, вѣрнѣе, преступниками. Обыкновенно всѣ они обладаютъ даже особымъ почеркомъ, какъ я доказалъ это въ *Архивѣ Психіатріи*. Примѣровъ такого рода накопилось за послѣднее время даже слишкомъ много. Начнемъ съ

Манжіоне. Это человѣкъ, повидимому, совершенно здоровый, хотя изрѣдка у него бываетъ временный параличъ нижней половины тѣла, но лишь на короткое время и притомъ безъ потери сознанія. Онъ съ любовью отзывается о своихъ защитникахъ на судѣ и объ ухаживавшемъ за нимъ въ больницѣ кураторѣ; обыкновенно бываетъ здоровъ и чувствуетъ себя дурно лишь въ исключительныхъ случаяхъ, передъ наступленіемъ грозъ, отличается хорошей памятью и кроткимъ, ласковымъ характеромъ. Только въ недавнее время, вслѣдствіели тюремнаго заключенія или волненій по поводу процесса, у Манжіоне начали появляться настоящіе маніакальные приступы, но они исчезли послѣ того, какъ его отдали на попеченіе доктора Фіордиспини.

Перепробовавъ различныя ремесла, онъ 15-ти лѣтъ бѣжалъ изъ дома, скитался нѣсколько времени и потомъ жилъ на средства своей сестры; послѣ того, онъ вздумалъ жениться и сдѣлалъ это безъ согласія отца. Въ 1848 г. онъ участвовалъ въ возстаніи и въ 1851 г. попалъ за это въ тюрьму. Въ 1860 г. Манжіоне снова принималъ участіе въ борьбѣ за освобожденіе

родины и служилъ Гарибальди проводникомъ, но вслѣдствіе ссоръ то съ національной гвардіей, то съ своими начальниками, принужденъ былъ удалиться. Тогда онъ сталъ переходить отъ одного занятія къ другому—строилъ мосты, дѣлалъ кирпичъ, пахалъ землю, служилъ при кладбищѣ и всюду оказывался умнымъ, дѣльнымъ, честнымъ работникомъ, но въ то-же время крайне неуживчивымъ человѣкомъ; у него была положительно страсть къ ссорамъ и тяжбамъ, въ которыхъ лишь самый поводъ бывалъ иногда справедливымъ, все же остальное являлось слѣдствіемъ мелочной, чисто безумной пунктуальности. Претензіи свои онъ излагалъ въ пространныхъ запискахъ, а если была возможность, то и въ печатныхъ статьяхъ.

Этихъ послѣднихъ у меня теперь подъ руками 23 штуки, и всѣ они по содержанію почти одинаковы. Въ нихъ авторъ то жалуется на нѣкоего Фачоли, который обѣщалъ поставлять ему уголь по одной цѣнѣ, а потомъ назначилъ другую; то укоряетъ супрефекта въ томъ, что тотъ не принялъ его сторону въ борьбѣ съ комунальными совѣтниками Вараподіо; то, наконецъ, оправдывается въ преступленіяхъ, будто-бы взведенныхъ на него врагами, или представляетъ на судъ общественнаго мнѣнія свои личные споры съ разными лицами. Я не стану перечислять здѣсь всѣхъ произведеній Манжіоне; скажу только, что, судя по ихъ многочисленности, можно смѣло утверждать, что онѣ составляли главное его занятіе и стоили ему большихъ расходовъ. Онъ самъ сознавался, что; впродолженіе 11 лѣтъ, ежемѣсячно тратилъ не менѣе 175 руб. чтобы отвѣчать своимъ клеветникамъ, а въ процессѣ противъ синдика Джуссо показалъ въ числѣ убытковъ сумму въ 250 рублей, употребленныхъ на составленіе различныхъ бумагъ и копій, хотя у него было четыре безплатныхъ переписчика. И это вполнѣ понятно, если принять во вниманіе, что Манжіоне сообщалъ публикѣ всякія мелочи, его касающіяся, напр. сколько фунтовъ хлѣба онъ съѣдаетъ въ день, и печаталъ все, что попадалось ему подъ руку—даже счета своего сапожника. Стоило только кому-нибудь косо взглянуть на него въ кофейной или, принимая партію кирпичей, ошибиться на одну дюжину, чтобы онъ тотчасъ-же принялся строчить статьи по этому поводу и ухитрился найти тутъ связь съ своими главными недругами—гражданами Вараподіо. Одинъ вполнѣ достовѣрный свидѣтель выразилъ даже такое предположеніе, что Манжіоне покушался убить графа Джуссо лишь за его отказъ прочесть написанную имъ брошюрку: «*Блоха и Левъ*».

Характеристическія особенности произведеній Манжіоне составляютъ:

Во 1-хъ—масса мелочныхъ подробностей, заступающихъ здѣсь мѣсто фанатизма, свойственнаго другимъ маттоидомъ, и постоянное употребленіе двухъ или трехъ эпитетовъ къ каждому слову.

Во 2-хъ—повтореніе стереотипныхъ оборотовъ и фигуральныхъ выраженій, напр. подъ *Блохою* онъ разумѣетъ себя, какъ самъ-же поясняетъ, а *Левъ* служитъ у него эмблемой могущества различныхъ синдиковъ, съ которыми онъ боролся.

Въ 3-хъ—употребленіе разнообразныхъ шрифтовъ и страсть къ подчеркиванію словъ; такъ, въ прокламаціи на имя короля, расклеенной имъ по улицамъ Рима за нѣсколько часовъ до покушенія, на 27 строкахъ употреблено 7 разныхъ шрифтонъ. Забавно, что тутъ-же онъ помѣстилъ списокъ своихъ сочиненій, хотя эта прокламація писалась наканунѣ задуманнаго имъ преступленія.

Въ 4-хъ—съ психологической точки зрѣнія эти произведенія ненормальны потому, что въ нихъ преобладаютъ идеи мегаломаньяка: онъ далъ государственное устройство Италіи, онъ одинъ только честный человѣкъ и пр. Когда Никотера замѣтилъ Манжіоне, что онъ самъ отчасти виноватъ въ своихъ несчастіяхъ, такъ какъ былъ слишкомъ неуживчивъ и сварливъ, тотъ возразилъ на это: «Нѣтъ, мои несчастія слѣдуетъ приписать моей твердой и неизмѣнной любви къ родинѣ, моему стремленію къ гражданскому и моральному прогрессу, неподкупной честности, необыкновеннымъ *сверхъестественнымъ* дарованіямъ, деликатности, искреннему великодушію и непритворной гуманности, а въ особенности моему постоянству въ страданіяхъ и надеждахъ и добродѣтельному образу дѣйствій». Въ *Pulce e Leone* онъ называетъ себя„ наиболѣе гонимымъ и преслѣдуемымъ изъ политическихъ дѣятелей Италіи“.

Въ 5-хъ,—кромѣ мегаломаніи у него всюду проглядываетъ еще идея преслѣдованія и это понятно: такъ какъ никто не признаетъ за нимъ величія, то ему поневолѣ приходится быть въ разладѣ со всѣми. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ, подобно прежнимъ императорамъ, считаетъ всякую обиду, нанесенную ему лично, оскорбленіемъ государства и придаетъ преувеличенное значеніе каждой мелочи, его касающейся. Онъ жалуется не только на притѣсненія всякаго рода—вымогательство, шпіонство,—но даже на то, что его собирались убить, отравить, сжечь живымъ въ собственномъ домѣ.

Въ 6-хъ—изобиліе мелочныхъ, ненужныхъ подробностей, напр. «съ 21-го числа и до сегодня,—пишетъ Манжіоне (*Pulce e Leone*) я довольствовался только $2^1/_2$ фунтами хлѣба, даннаго мнѣ въ кредитъ Броно Раньеро, который ссужаетъ меня также 15 сольди (20 коп.) въ день, причемъ я распредѣляю ихъ такимъ образомъ: 7 сольди на бобы или чечевицу, 3—на тѣсто, 3—на масло и 1—на уголья». Въ другомъ сочиненіи, говоря о томъ, что впродолженіе 3 мѣсяцевъ ему пришлось существовать на 13 сольди въ день, онъ перечисляетъ—чтó именно покупалъ на нихъ ежедневно.

Въ 7-хъ,—полнѣйшее отсутствіе логичности, недостатокъ всегда замѣтный въ сочиненіяхъ душевно-больныхъ, даже наиболѣе разсудительныхъ. Такъ, Манжіоне относитъ къ числу преслѣдонаній не только вполнѣ невинные поступки окружающихъ, но даже самыя ходатайства о немъ и вообще все, чтò дѣлалось изъ желанія облегчить его положеніе. На судѣ онъ горячо опровергалъ чрезвычайно полезное для себя показаніе свидѣтелей, что онъ находился въ возбужденномъ состояніи послѣ того, какъ совершилъ преступленіе, и съ негодованіемъ протестовалъ противъ высказаннаго кѣмъ-то подозрѣнія въ томъ, что приписываемыя ему сочиненія написаны не имъ самимъ, хотя это не могло повліять на исходъ процесса.

Не смотря на то, у Манжіоне были далеко не дюжинныя способности, и все, за чтò только онъ ни брался (а вѣдь занятія его отличались крайнимъ разнообразіемъ), доказывало его дѣловитость. Между прочимъ, исключительно лишь благодаря ему, городское общество пріобрѣло лишнихъ 8 тысячъ руб. при продажѣ земель. Сообразительность свою онъ не разъ доказывалъ и на судѣ: такъ, когда его уличили въ ложномъ показаніи относительно данной ему графомъ Джуссо пощещины, онъ возразилъ—это была моральная пощечина. Кромѣ того, онъ, подобно другимъ преступникамъ, утверждалъ, что не имѣлъ намѣренія убить графа, а хотѣлъ только его ранить, тѣмъ болѣе, что и ударъ былъ нанесенъ не кинжаломъ, а простымъ ножемъ. Наконецъ, нужно замѣтить, что Манжіоне отличался замѣчательной честностью и безкорыстіемъ. Жизнь онъ всегда велъ самую скромную, отказывалъ себѣ во всемъ и нерѣдко буквально голодалъ по нѣскольку дней. Когда правительственный инспекторъ навѣстилъ его, то засталъ въ постели доведеннымъ лишеніями до крайней степени истощенія и однакоже не могъ убѣдить его взять предложенные ему 25 руб. Точно также онъ не хотѣлъ пользоваться пособіемъ отъ хозяина дома, гдѣ жилъ, и объявилъ, что приметъ помощь только отъ правительства, обязаннаго, по его мнѣнію, позаботиться о немъ.

Детомази, 38 лѣтъ, родомъ изъ Асти, *графоманъ съ наклонностью къ плутовству*, хотя и не отличается никакими особенностями въ физическомъ отношеніи, но подверженъ галлюцинаціямъ отдѣльныхъ чувствъ.

Вотъ нѣкоторыя черты изъ его прошлаго.

Отецъ его, въ высшей степени честный человѣкъ, умеръ отъ апоплексіи; сынъ съ дѣтства приводилъ въ отчаяніе всѣхъ домашнихъ своими проказами. Въ молодости онъ былъ боленъ менингитомъ, а позднѣе—сифилисомъ и кромѣ того въ одной схваткѣ съ полиціей получилъ сильный ударъ въ голову. Пьянствовалъ и развратничалъ Детомази ужаснѣйшимъ образомъ и постоянно мѣнялъ занятія, такъ что въ 33 года онъ уже успѣлъ побывать лакеемъ, столяромъ, хозяиномъ кафе, приказчикомъ, коммисіонеромъ, служителемъ въ банкѣ, содержателемъ кабачка, шелководомъ, актеромъ, фокусникомъ и даже испробовалъ свои силы на литературномъ поприщѣ въ качествѣ драматическаго и комическаго писателя. Впродолженіи этого времени его не разъ арестовывали за присвоеніе чужаго имени и за мошенничество въ картахъ. Когда онъ узналъ, напр., что жена ему измѣнила, онъ смертельно ранилъ ее, попалъ за это подъ судъ, но былъ оправданъ и черезъ полгода женился снова. Занявшись потомъ разведеніемъ шелковичныхъ червей, онъ накупилъ ихъ сѣмянъ, за которыя не заплатилъ денегъ, былъ привлеченъ за это къ суду и просидѣлъ 4 мѣсяца въ тюрьмѣ. Затѣмъ, въ 1873 году его отправили въ домъ сумасшедшихъ, гдѣ онъ съумѣлъ, со свойственною ему ловкостью, пріобрѣсти расположеніе служителей: помогая имъ въ работахъ и благодаря этому пользуясь иногда отпускомъ, онъ наконецъ скрылся.

Черезъ два года Детомази въ пьяномъ видѣ сломалъ себѣ руку и снова попалъ въ больницу для умалишенныхъ; въ началѣ у него не было замѣтно никакихъ болѣзненныхъ признаковъ кромѣ безсонницы и горделиваго отношенія къ окружающимъ; но потомъ съ нимъ сдѣлался припадокъ временнаго помѣшательства, продолжавшійся часа три-четыре, во время котораго онъ кричалъ и постоянно говорилъ безстыдныя рѣчи, но, придя въ себя, не помнилъ, что̀ съ нимъ было. Послѣ этого у него обнаружились припадки настоящей эпилепсіи, повторявшіеся три раза, не смотря на постоянное употребленіе бромистаго калія и атропина.

По выходѣ изъ больницы, онъ снова попадалъ то въ тюрьму, то въ домъ умалишенныхъ. Тутъ-то мнѣ и пришлось выслушать его исповѣдь, причемъ я убѣдился, что этотъ человѣкъ

совершенно лишенъ нравственнаго чувства: какъ мошенническія продѣлки, такъ и любовныя похожденія свои онъ считалъ не только дозволенными, но даже похвальными поступками. Часто повторявшіеся припадки эпилепсіи настолько разстроили его умственныя силы, что онъ, упоенный нѣкоторымъ успѣхомъ своей комедіи, дававшейся въ Миланскомъ циркѣ, и отзывами мелкихъ газетъ,—вообразилъ себя призваннымъ къ чему-то великому и составилъ планъ соціальной реформы, на основаніи теоріи, нѣсколько сходной съ Дарвиновской теоріей половаго подбора. Такъ, онъ предполагалъ, между прочимъ, раздѣлить всѣхъ дѣвушекъ на три категоріи: самыхъ молодыхъ, сильныхъ и красивыхъ запереть въ гаремъ и дать имъ въ мужья наиболѣе здоровыхъ, пылкихъ молодыхъ людей; потомки ихъ мужскаго пола должны поступать въ солдаты, а женскаго—тоже въ гаремъ. Не обладающимъ физическою красотою дѣвушкамъ предоставляется выходить за-мужъ за кого угодно, а безобразныя обязаны сдѣлаться публичными женщинами и отдаваться первому встрѣчному безъ всякой платы.

Идеи свои Детомази вздумалъ однажды проповѣдывать на площади и, перейдя отъ теоріи къ практикѣ, пытался изнасиловать одну женщину, но былъ тотчасъ же арестованъ. Чтобы яснѣе представить всю нелѣпость взглядовъ этого маттоида, я приведу здѣсь отрывки изъ своего разговора съ нимъ. Когда я спросилъ его, неужели мошенничество кажется ему хорошимъ дѣломъ,—онъ отвѣчалъ мнѣ: «Да вѣдь это только по вашимъ глупымъ законамъ мои поступки кажутся дурными, а я самъ не считаю ихъ такими. Мнѣ деньги нужны для блага другихъ, для того, чтобы пропагандировать мой планъ возрожденія человѣчества».

В. Но вѣдь вы тратите же деньги и для себя лично?

О. Совсѣмъ нѣтъ, я все отдаю тѣмъ женщинамъ, которыхъ хочу привлечь на свою сторону, и для этой цѣли я даже продалъ платье, доставшееся мнѣ послѣ отца.

В. Слѣдовательно, чтобы достать денегъ, вы не остановитесь ни передъ чѣмъ, даже передъ убійствомъ?

О. Конечно, я не прочь бы убить какого-нибудь богача. Чтобы ввести мою систему, мнѣ необходимо много денегъ, нѣсколько милліоновъ, и я увѣренъ, что рано или поздно они будутъ у меня,—я думаю объ этомъ день и ночь.

В. Кто-же дастъ вамъ такія деньги?

О. Правительство или государство въ благодарность за изобрѣтенную мною систему.

В. Но развѣ вамъ не приходитъ въ голову, что ваша те-

орія должна быть нелѣпа, если всякій разъ, какъ вы пытаетесь осуществить ее на практикѣ, васъ арестуютъ?

О. Это случается вначалѣ при всякомъ нововведеніи. Чтобы новыя идеи проникли въ общество, нужно бороться за нихъ, а потомъ уже дѣло пойдетъ безъ труда. Когда міръ убѣдится въ моей правотѣ, я получу награду, а всѣ, кто преслѣдовали меня, будутъ наказаны.

Далѣе, когда я замѣтилъ Детомази, что если онъ не измѣнитъ своего поведенія и въ будущемъ, то ему придется постоянно переходить изъ тюрьмы въ домъ умалишенныхъ, а оттуда обратно въ тюрьму, онъ отвѣчалъ:

— Все это правда, я и самъ знаю, что врежу себѣ, но какъ только меня выпустятъ отсюда, я опять примусь за прежнее. Та-же самая штука выходитъ у меня и съ пьянствомъ,—я сознаю, что мнѣ вредно пить и все-таки пью. Измѣнить своей натуры я не могу и рѣшился или умереть въ тюрьмѣ, или привести свой планъ въ исполненіе.

В. Неужели вы не считаете преступленіемъ изнасиловать женщину?

О. Какое-же это преступленіе! Мущина обязанъ выполнять свое назначеніе, а законы ваши должны быть измѣнены согласно съ моими требованіями. Говорю вамъ, что настанетъ время, когда на моей сторонѣ будетъ и правительство, и король. Обольстить женщину, по моему, даже похвально.

В. Зачѣмъ-же вы убили свою жену, когда ее обольстилъ другой?

О. Замужнюю женщину не слѣдуетъ трогать... она должна быть неприкосновенна.

Въ дополненіе этого діагноза, упомяну еще о сочиненіяхъ Детомази, которыми онъ занимался постоянно въ тюрьмѣ и въ больницѣ, лишь изрѣдка только удѣляя часть времени на выдѣлку прелестныхъ шкатулочекъ. Между этими сочиненіями есть прозаическія и стихотворныя. Въ первыхъ сказывается иногда оригинальность—напр. юмористическій списокъ болѣзней, которыми страдалъ авторъ, но вообще они лишены какихъ-бы то ни было литературныхъ достоинствъ. Между стихотвореніями есть очень недурныя, какъ напр. «Цвѣты».

Цвѣты.

По саду и рощамъ гуляя,
Нарвалъ я цвѣтовъ для тебя;
Прими мой букетъ, дорогая,
Укрась имъ, другъ милый, себя.

И роза въ немъ есть межъ цвѣтами—
Эмблема твоей красоты —
Вплети ее межъ волосами:
Она хороша, какъ и ты.

Есть въ немъ и фіялка лѣсная—
Стыдливый прелестный цвѣтокъ—
Украситъ онъ вѣрь, дорогая,
Твой скромный душистый вѣнокъ.

Есть лилія также въ букетѣ,
Чиста и невинна какъ ты,
Ахъ, вспомни о бѣдномъ поэтѣ
При видѣ ея красоты!

Какъ небо, цвѣты голубые
Нарвалъ я еще для тебя—
Пускай незабудки лѣсныя
Разскажутъ тебѣ про меня.

Характерную же особенность всѣхъ произведеній этого поэта-эпилептика составляютъ болѣзненный эротизмъ и теолого-коммунистическія бредни.

Опредѣлить, какой именно формой умопомѣшательства страдалъ Детомази—чрезвычайно трудно; но не подлежитъ никакому сомнѣнію, что это былъ психически ненормальный человѣкъ, доказательствомъ чего служитъ отсутствіе у него осязательной и болевой чувствительности, полная потеря нравственнаго чувства, обиліе безсмысленныхъ и безнравственныхъ сочиненій, а также нелѣпая теорія соціальной реформы и, наконецъ, его чудовищный эротизмъ — это послѣднее обстоятельство любопытно въ томъ отношеніи, что организмъ Детомази былъ крайне истощенъ вслѣдствіе пьянства и множества болѣзней, какъ временныхъ, такъ и постоянныхъ, напр. сифилисъ, гонноррея, эпилепсія и алкоголизмъ. Психическое разстройство выразилось у Детомази въ сложной формѣ: онъ былъ въ одно и то-же время нравственно-помѣшаннымъ, эпилептикомъ (хотя эпилепсія навѣрное обусловливалась злоупотребленіемъ спиртными напитками), маттоидомъ-графоманомъ и мономаньякомъ.—Природа, какъ видите, смѣется надъ нашими классификаціями, и еслибы мы вздумали строго держаться ихъ, то навѣрное надѣлали-бы массу ошибокъ.

Мишель Біанко 44-хъ лѣтъ, геометръ, служилъ сначала въ министерствѣ финансовъ, а потомъ, когда его уволили, поселился на родинѣ и впродолженіи нѣсколькихъ лѣтъ велъ ожесточенную борьбу съ капелланомъ и другими духовными лицами изъ-за того, что тѣ не дозволяли ему загородить входъ въ церковь заборомъ и сложить возлѣ нея навозъ, что онъ считалъ себя вправѣ сдѣлать, такъ какъ домъ его былъ рядомъ

съ церковью. Онъ затѣвалъ не разъ тяжбы по этому поводу и всегда проигрывалъ ихъ, но это не убѣдило его въ неправильности иска, а только заставило прибѣгнуть къ самоуправству. Съ тѣхъ поръ Біанко положительно началъ преслѣдовать капеллана и священниковъ, такъ какъ, по его мнѣнію, духовныя лица утратили всякій raison d'être въ наше время; онъ не давалъ имъ проходу на улицѣ и одного изъ нихъ даже оскорбилъ дѣйствіемъ, за что и понесъ должное наказаніе. Однако это не заставило его угомониться: онъ входилъ въ церковь съ трубкой, расклеивалъ у дверей ея возмутительныя прокламаціи и даже пытался поджечь ее, за что попалъ наконецъ въ тюрьму. По произведенному надъ нимъ, медицинскому изслѣдованію, онъ оказался почти совершенно нормальнымъ физически, но очевидно поврежденнымъ умственно: чувствительность (affettivita) у него была нѣсколько понижена, кромѣ того, замѣчались частыя подергиванья личныхъ мускуловъ. Онъ презрительно относился къ родинѣ, выказывалъ полное равнодушіе къ своей семьѣ и говорилъ, что любитъ только Италію вообще. Относительно религіозныхъ вопросовъ, онъ держался крайне радикальныхъ убѣжденій такъ что даже самыя насилія надъ священниками казались ему доказательствомъ гражданской доблести на томъ основаніи, что въ конституціонной Италіи духовенство не должно быть терпимо.

Тщетно старались убѣдить его въ противномъ, доказывая, что священники приносятъ пользу, какъ духовные наставники народа; онъ упорно стоялъ на своемъ, что въ настоящее время попы совершенно не нужны, что Туринъ, гдѣ ихъ особенно много, гибнетъ именно благодаря имъ, и что будь онъ главою государства—ихъ скоро не осталось-бы ни одного. Религію Біанко считалъ однако необходимой, и только служители ея казались ему чѣмъ-то излишнимъ. Такъ какъ доводы свои онъ основывалъ зачастую на безсмысленной игрѣ словъ, (какъ напр. *функція* и *фикція*) или на личномъ неудовольствіи, то глубокихъ искреннихъ убѣжденій въ немъ нечего и предполагать, а настойчивость его въ преслѣдованіи священниковъ объясняется просто однопредметнымъ помѣшательствомъ. Впрочемъ у него есть и другая манія—обращаться всюду съ петиціями и просьбами: онъ подавалъ ихъ и королевскому прокурору, и въ различныя министерства, и королю, и наконецъ, даже самому папѣ.

Уже самый фактъ подачи такого множества объемистыхъ прошеній заставляетъ предполагать, что Біанко принадлежитъ къ тѣмъ несчастнымъ субъектамъ, которые, вообразивъ себя

преслѣдуемыми, чувствуютъ неудержимую потребность описывать свои несчастія и тратятъ на это цѣлыя горы бумаги, чего здравомыслящій человѣкъ, конечно, не сталъ бы дѣлать. Кромѣ того, въ сочиненіяхъ Біанко всюду ясно обнаруживается пунктъ его помѣшательства—ненависть къ священникамъ и жажда мести имъ. Что-же касается изложенія, то оно страдаетъ обычными у графомановъ недостатками—непослѣдовательностью, отсутствіемъ логики, страстью къ игрѣ словами и подчеркиванію ихъ. Любопытную черту этого графомана составляетъ его отвращеніе къ устной рѣчи: всегда готовый написать цѣлые томы показаній, онъ упорно отказывался давать ихъ на словахъ, такъ что даже на вопросъ, за что его посадили въ тюрьму, отвѣчалъ, указывая на груды исписанной бумаги: «прочтите это и узнаете». Впрочемъ, этой особенностью отличаются всѣ маттоиды, о чемъ мы уже говорили раньше.— Біанко былъ отпущенъ на свободу и черезъ нѣсколько дней выстрѣлилъ два раза изъ пистолета въ бѣднаго сельскаго священника.

Карлъ Гито, 41 года, высокаго роста, голова мокроцефала съ приплюснутымъ лбомъ и вдавленнымъ черепомъ на лѣвой половинѣ, вслѣдствіе чего замѣтна ассиметрія лица и головы. Нѣкоторые врачи отрицали, впрочемъ, этотъ послѣдній признакъ, другіе же считали его несущественнымъ, тѣмъ болѣе что подобныя неправильности строенія черепа бываютъ даже у людей замѣчательно умныхъ. Съ своей стороны я замѣчу, что важность какой-бы то ни было аномаліи у помѣшанныхъ никакъ нельзя отрицать лишь на томъ основаніи, что она встрѣчается иногда у здоровыхъ людей, иначе психически больными пришлось бы считать только субъектовъ, страдающихъ настоящимъ безуміемъ или бѣшенствомъ. Так и должно быть.

Гито родился въ семьѣ гугенотовъ-фанатиковъ. Дѣдъ его съ отцовской стороны, врачъ, между прочимъ доказалъ свой религіозный фанатизмъ тѣмъ, что далъ своимъ сыновьямъ странныя имена Лютера и Кальвина. Наслѣдственную склонность къ умопомѣшательству онъ легко могъ получить отъ своихъ родныхъ: у тетокъ дѣти всѣ болѣе или менѣе страдали душевными болѣзнями; одинъ изъ его двоюродныхъ братьевъ, геніальный музыкантъ, умеръ сумасшедшимъ; двоюродная сестра съ 15-ти лѣтъ впала въ религіозную мономанію, а дядя въ старости лишился разсудка. Отецъ Карла, Лютеръ Гито, считался, впрочемъ, смирнымъ, хорошимъ человѣкомъ, и только относительно религіозныхъ вопросовъ выказывалъ безумный фанатизмъ,—считалъ себя

напр. соединившимся со Христомъ даже матеріально. Однако и онъ умеръ вслѣдствіе припадковъ бреда. Изъ сыновей его у двоихъ черепъ былъ неправильной формы, а третій доказалъ свою жестокость тѣмъ, что на судѣ съ яростью нападалъ на брата. Что-же касается Карла, то его уже давно считали страдающимъ религіознымъ помѣшательствомъ, и ненормальность его умственныхъ способностей была оффиціально констатирована врачами-психіатрами, за много лѣтъ до убійства президента.

Въ Нью-Іоркѣ Гито прожилъ два или три года—на счетъ своихъ родственниковъ или знакомыхъ будто бы для изученія юридическихъ наукъ; затѣмъ, вернувшись въ Чикаго, продолжалъ вести тотъ-же образъ жизни паразита. Предположеніе его издавать религіозную газету «Теократъ» не осуществилось, такъ какъ въ печати было высказано, что одного этого названія достаточно, чтобы изданіе не пошло. Относительно религіи Гито держался того мнѣнія, что для церковной реформы необходимо уничтожить сначала всѣ храмы.

Черезъ нѣсколько времени Гито однакоже самъ сдѣлался приверженцемъ и миссіонеромъ одной изъ безчисленныхъ въ Америкѣ сектъ, изъ членовъ которой его, впрочемъ, скоро исключили за неприличное поведеніе въ храмѣ. Вслѣдъ затѣмъ и братъ выгналъ Карла изъ своего дома за его интриги. Тогда ему пришлось посидѣть въ тюрьмѣ по обвиненію въ присвоеніи чужаго имущества и въ мошенничествѣ. Обвиненіе основывалось, между прочимъ, на томъ, что, задумавъ читать лекціи въ различныхъ городахъ, онъ въ объявленіяхъ называлъ себя великимъ законовѣдомъ изъ Чикаго и не платилъ въ гостинницѣ за свое содержаніе.

Прозанимавшись усердно мѣсяцевъ пять, Гито, наконецъ, приготовился въ адвокаты и нѣкоторое время зарабатывалъ по 2,000 долларовъ въ годъ. Онъ заказалъ себѣ тогда визитныя карточки, на которыхъ называлъ себя совѣтникомъ и знаменитымъ прокуроромъ.

Далѣе онъ присвоилъ себѣ еще титулъ почтеннаго теолога и когда его укоряли за это, объяснялъ свой поступокъ тѣмъ, что въ тюрьмѣ онъ встрѣтилъ законовѣда, сдѣлавшаго тоже самое. Странное оправданіе!

Около этого времени Гито женился на нѣкоей Анни и вначалѣ жилъ съ нею мирно, но потомъ сталъ дурно относиться къ женѣ и однажды заперъ ее въ кабинетъ уединенія, такъ что бѣдная женщина едва не задохнулась тамъ. Послѣ этого между ними состоялся формальный разводъ. Въ 1878 году

Гито вздумалъ читать лекціи въ Нью-Іоркѣ и на первой-же изъ нихъ устроилъ скандалъ: объявивъ, что предметомъ лекціи будетъ *«существованіе ада»*, онъ вмѣсто того началъ говорить о пришествіи Христа и черезъ четверть часа исчезъ съ каѳедры, прежде чѣмъ негодующіе слушатели успѣли выразить свой протестъ по поводу такого обмана.—Позднѣе онъ напечаталъ однако относительно существованія ада брошюру, не представляющую никакого интереса.

Живя въ Нью-Іоркѣ безъ опредѣленныхъ занятій, Гито сталъ весьма часто появляться въ пріемной президента и все добивался личнаго свиданія съ нимъ. Никто не обращалъ на это особеннаго вниманія, хотя просителя считали помѣшаннымъ, такъ какъ онъ выражалъ желаніе получить мѣсто то министра въ Австріи, то консула въ Ливерпулѣ или Парижѣ, а въ своихъ письменныхъ прошеніяхъ развивалъ мысли, доказывавшія ненормальное состояніе его умственныхъ способностей и къ тому-же еще никогда не подписывалъ ихъ. Къ прошеніямъ обыкновенно прикладывался печатный текстъ рѣчи, будто-бы произнесенной имъ въ Нью-Іоркѣ, хотя этого не было въ дѣйствительности. Кромѣ того, нерѣдко присылалъ президенту письма такого содержанія: «Скорблю о борьбѣ, которая завязалась между вами и сенаторомъ С. Правда на вашей сторонѣ, будьте стойки, я обѣщаю вамъ свою помощь и поддержку патріотовъ. Удѣлите мнѣ нѣсколько минутъ для личныхъ переговоровъ».

Манеры Гито представляли смѣсь рабскаго смиренія и смѣшнаго чванства. Серьезно относиться къ нему можно было лишь съ перваго взгляда; но поговоривши съ нимъ, вы скоро убѣждались, что это человѣкъ ненормальный, добивающійся извѣстности во что-бы-то ни стало и думающій только о томъ, чтобы занять собою прессу. Свидѣтель Шау показывалъ на судѣ, что Гито уже много лѣтъ тому назадъ говорилъ ему о своемъ страстномъ желаніи прославиться какимъ-бы то ни было способомъ,—если не подвигомъ, то хотя преступленіемъ, причемъ указалъ на Буса, убійцу Линкольна. А когда свидѣтель возразилъ, что за это полагается смертная казнь, Гито отвѣчалъ: «Это уже вопросъ второстепенный».

Служившій у Гито впродолженіе года секретарь говорилъ, что онъ весьма щедръ былъ только на обѣщанія, но не платилъ никогда, и что въ столѣ у него хранилась куча фальшивыхъ денежныхъ росписокъ. Бумаги онъ тратилъ громадное количество, такъ какъ писалъ постоянно. При разговорѣ онъ никогда не смотрѣлъ въ лицо своему собесѣднику, и глаза его вѣчно бѣгали по сторонамъ. Онъ предполагалъ, что сдѣланные имъ

долги будутъ уплачены самимъ Богомъ, въ награду за его успѣшную проповѣдническую дѣятельность, хотя въ то-же время позволялъ себѣ чисто мошенническія продѣлки, напр. отдавалъ въ закладъ бронзовыя вещи подъ видомъ золотыхъ, удостовѣряя свою личность визитной карточкой, которую потомъ незамѣтно бралъ назадъ, и передъ друзьями хвастался своей ловкостью.

Рѣшившись убить президента, Гито предварительно осмотрѣлъ тюрьму, въ которой ему предстояло сидѣть за это преступленіе, а по совершеніи его, прежде всего сталъ хлопотать о томъ, какъ-бы отправить въ газеты извѣщеніе объ этомъ событіи. Зятю своему онъ разсказывалъ, что мысль убить Гарфильда явилась у него шесть недѣль тому назадъ.

«Я уже легъ въ постель—говорилъ онъ—но еще не спалъ, какъ вдругъ меня осѣнило вдохновеніе, говорившее мнѣ, что я долженъ убить Гарфильда и тѣмъ положить конецъ затрудненію, въ какое поставлена республиканская партія.—Вставъ поутру, я забылъ про это внушеніе свыше, но затѣмъ сталъ думать о немъ каждый день и чѣмъ больше думалъ, тѣмъ сильнѣе убѣждался, что самъ Богъ повелѣваетъ мнѣ убить господина Гарфильда. Ненависти у меня къ нему никакой не было; напротивъ, я уважалъ его, но мнѣ казалось, что ему необходимо сойти со сцены для блага страны и что этого желаетъ народъ». Когда Гито напоминали, съ какимъ негодованіемъ отнесся народъ къ его преступленію, онъ отвѣчалъ, что идеи его непонятны толпѣ. Судебному слѣдователю онъ сказалъ: «Я былъ убѣжденъ, что исполняю волю Божію, но, можетъ быть, я ошибся; мнѣ думается теперь, что Богу не угодно было, чтобы Гарфильдъ умеръ; теперь-же будь у меня даже возможность повторить покушеніе, я не сдѣлалъ-бы этого. Если-бы самъ Богъ назначилъ президенту умереть, то онъ не остался-бы въ живыхъ. Пистолетъ былъ хорошо заряженъ и рука у меня не дрогнула, я стрѣлялъ почти въ упоръ, такъ что лишь одно божественное провидѣніе могло спасти президента.—Онъ не умретъ, я въ этомъ увѣренъ и сожалѣю о причиненныхъ ему страданіяхъ. Отнынѣ всякая попытка убить его не будетъ имѣть успѣха, потому что, если это не удалось мнѣ, то никакая пуля уже не страшна ему. Значитъ, такъ предназначено свыше, и надо покориться волѣ неба».

Другимъ Гито говорилъ, что выстрѣлилъ въ президента съ цѣлью спасти республику.

Въ числѣ бумагъ, найденныхъ у него въ моментъ совершенія этого кроваваго дѣла, было слѣдующее заявленіе:

«*Въ Бѣлый Домъ*».

«Трагическая смерть президента составляетъ для меня печальную необходимость вслѣдствіе моего желанія соединить республиканскую партію и спасти республику. Жизнь человѣческая имѣетъ мало цѣны. Во время войны тысячи храбрыхъ людей падаютъ мертвыми, не вырвавъ не одной слезы. Я предполагаю, что президентъ хорошій христіанинъ, и потому ему лучше будетъ въ раю, чѣмъ здѣсь на землѣ и пр. Я—законовѣдъ, теологъ и политикъ. Я—демократъ изъ демократовъ; у меня приготовлено нѣсколько такихъ заявленій для печати, и оставлены у Вече (Bece), гдѣ репортеры могутъ видѣть ихъ. Я отправляюсь въ тюрьму».

Впродолженіи разбирательства на судѣ, онъ безпрестанно перебивалъ своихъ защитниковъ и всячески оскорблялъ ихъ, или-же просилъ, чтобы ему назначили другихъ адвокатовъ, обѣщая заплатить имъ... изъ общественныхъ суммъ.

Когда-же ему было предоставлено слово, онъ заявилъ: «Я прерывалъ адвокатовъ и судей потому, что мнѣ нужно было высказать факты громадной важности, имѣющіе цѣлью разъяснить кто изъ насъ—я, или самъ Богъ—нанесъ первый ударъ; на этомъ основаніи я придаю особенное значеніе своимъ запискамъ. Физически я гадокъ, нравственно-же обладаю мужествомъ, когда мнѣ помогаетъ Богъ. Я исполнилъ то, о чемъ говорили газеты, но я не сдѣлалъ-бы этого, если-бы не получилъ повелѣнія отъ Бога: я всегда былъ служителемъ Бога. Онъ руководилъ моими поступками, какъ нѣкогда жертвоприношеніемъ Авраама; тѣ, кто нападаютъ на меня, будутъ наказаны смертью.—Пускай присяжные рѣшатъ — прибавилъ онъ потомъ—дѣйствовалъ-ли я по наитію свыше».

Въ другой разъ Гито, сравнивая себя съ апостоломъ Павломъ, сказалъ: «Подобно ему, я стараюсь привести міръ въ содроганіе. У меня, какъ у него, нѣтъ ни золота, ни друзей, и подобно ему, я окруженъ дикарями». Далѣе онъ заявилъ, что наитіе, подталкивавшее его на убійство Гарфильда, продолжалось двѣ недѣли, впродолженіе которыхъ онъ не могъ ни спать, ни ѣсть, пока не совершилъ кроваваго дѣла, но послѣ того спалъ отлично, хотя и находился въ тюрьмѣ. На вопросъ, что такое наитіе, Гито отвѣчалъ: «Разумъ находится тогда во власти высшаго божества и не управляетъ поступками человѣка. Вначалѣ меня ужаснула самая мысль убить кого-ни-

будь,—продолжалъ онъ —но послѣ я убѣдился, что это было истинное вдохновеніе. Невозможно, чтобы я былъ сумасшедшій: Богъ не избираетъ своихъ служителей среди сумасшедшихъ. Онъ охранялъ меня, и потому я не былъ ни разстрѣлянъ, ни повѣшенъ. Въ концѣ концовъ Богъ накажетъ своихъ заклятыхъ враговъ». Правда, на судѣ передъ присяжными Гито старался выдать себя за помѣшаннаго, но ему и не оставалось ничего другаго послѣ того, какъ эксперты отвергли его увѣреніе, что онъ дѣйствовалъ по наитію свыше, подъ вліяніемъ болѣзненнаго, неудержимаго аффекта. Однако изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы онъ былъ въ здравомъ умѣ: всѣ умалишенные, кромѣ страдающихъ маніей самоубійства, непремѣнно прибѣгаютъ къ различнымъ уловкамъ для своего оправданія и пускаются на всякія хитрости, лишь-бы спасти свою жизнь. А Гито даже и не приходилось прямо лгать — онъ только преувеличивалъ какъ свое безуміе, такъ и свои мрачно-горделивыя, религіозныя представленія, натолкнувшія его на преступленіе. Свойственную-же ему сварливость онъ выказывалъ на судѣ даже какъ будто помимо своего желанія, такъ какъ нападалъ и на тѣхъ, кто доказывалъ его психическое разстройство, и на тѣхъ, кто опровергалъ это. Самыхъ горячихъ сторонниковъ своихъ онъ оскорблялъ непозволительнымъ образомъ, называя ихъ дураками, невѣждами и пр. Адвокату своему (Сковилю) Гито прямо сказалъ: «Ты такой-же сумасшедшій, какъ и я». Доставалось такъ-же и присяжнымъ, хотя ихъ-то именно и слѣдовало расположить въ свою пользу.

Когда обвинитель указалъ на испорченность Гито въ отношеніи нравственности, тотъ возразилъ ему на это: «Я всегда былъ хорошимъ христіаниномъ; если я нарушилъ супружескую вѣрность, съ цѣлью отдѣлаться отъ женщины, которую не любилъ, и задолжалъ нѣсколько сотъ долларовъ, то подобные факты нисколько не вредятъ моему доброму имени». Эти слова доказываютъ смутность нравственныхъ понятій подсудимаго.

Тутъ-же на судѣ выяснилось, до какой степени было развито у Гито чисто бѣшеное тщеславіе.—Такъ, онъ, точно какой-нибудь знатный баринъ, съ важностью объявилъ присяжнымъ, въ какіе именно дни у него бываетъ пріемъ посѣтителей: кромѣ того, онъ не разъ высказывалъ передъ публикой такія вещи, которыя только усиливали раздраженіе противъ него, напр. что на Рождество онъ получилъ отличный обѣдъ и множество цвѣтовъ и фруктовъ, присланныхъ ему дамами, что въ слѣдующіе дни посыльный доставилъ ему до 800 писемъ, что нѣкоторыя дамы изъ высшаго общества просили у него

автографовъ, называя его великимъ человѣкомъ, но онъ остался къ этому равнодушенъ, наконецъ, что ему присланы деньги, около тысячи долларовъ... Вѣроятно, кто-нибудь просто подшутилъ надъ нимъ, а онъ этимъ хвастался!!!

Когда на судѣ стали разбирать сочиненіе Гито *Книга истины*, онъ вскричалъ: «это есть результатъ божественнаго вдохновенія!» и пришелъ въ страшную ярость, когда ему указали на позаимствованія изъ статьи одного автора, тоже маттоида. Въ числѣ другихъ курьезовъ, любопытно признаніе Гито, что онъ нарочно купилъ пистолетъ съ ручкой изъ слоновой кости, хотя и стоившій дороже, такъ какъ зналъ, что его станутъ показывать публикѣ.

Немногіе врачи, признавшіе Гито душевно-больнымъ, указывали въ числѣ другихъ признаковъ ненормальности и на его почеркъ, совершенно сходный съ тѣми образцами почерка графомановъ, которые были приведены мною въ «*Архивъ Психіатріи*». Вотъ какъ онъ подписывался:

Многіе изъ врачей психіатровъ, положительно отрицавшихъ помѣшательство Гито, сдѣлали это, конечно, на томъ основаніи, что у него не замѣчалось той классической формы безумія, которая выражается рѣзко-опредѣленными признаками, а была лишь промежуточная свойственная маттоидамъ степень душевнаго разстройства, съ примѣсью религіозной и горделивой мономаніи, затемненной однако склонностью къ плутовству, такъ рѣдко встрѣчающейся у помѣшанныхъ въ полномъ смыслѣ слова и такъ часто у маттоидовъ. Этой склонностью Гито обладалъ въ такой сильной степени, что она ни на минуту не измѣнила ему, какъ втеченіе всей его предыдущей жизни авантюриста, такъ и во время процесса, что̀, конечно, могло ввести врачей въ заблужденіе при постановкѣ діагноза.

Дѣйствительно, нельзя не изумляться находчивости и сообразительности, обнаруженнымъ Гито на судѣ. Когда экспертъ Діамондъ сказалъ, что для рѣшенія вопроса о томъ, страдаетъ-ли извѣстный субъектъ умопомѣшательствомъ, необходимо

очень долго наблюдать за нимъ и что самъ онъ слишкомъ недостачно изучалъ душевныя болѣзни, чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, не рискуя ошибиться,—обвиняемый тотчасъ-же замѣтилъ ему: «Это самое лучшее изъ всего, что вы здѣсь говорили».—Когда послѣ указанія Гито на божественное заступничество, сохранившее его отъ повѣшенія и разстрѣлянія, его спросили, разсчитываетъ-ли онъ и впослѣдствіи избавиться отъ смертной казни, онъ отказался отвѣчать. Умопомѣшательство свое онъ сначала отрицалъ, а потомъ началъ настаивать на немъ; но убѣдившись, что то и другое невыгодно для него, сталъ избѣгать прямыхъ отвѣтовъ и, наконецъ, объявилъ, что предоставляетъ рѣшеніе этого вопроса экспертамъ. На замѣчаніе, что подсудимый не убилъ-бы Гарфильда, еслибы тотъ назначилъ его консуломъ, онъ возразилъ —«нѣтъ, убилъ-бы во всякомъ случаѣ», хотя раньше говорилъ противное. Мошенническія и безнравственныя продѣлки свои Гито, какъ мы уже видѣли, считалъ не заслуживающими вниманія пустяками, а когда ему указали на сдѣланные имъ долги, то онъ, нимало не смущаясь, воспользовался этимъ, чтобы подразнить предсѣдателя, надъ которымъ постоянно издѣвался, и сказалъ ему: «Я открыто просилъ денегъ у перваго встрѣчнаго, и онъ давалъ мнѣ, если могъ. Когда вамъ будутъ нужны деньги, вы также можете занять у меня».

Основываясь на томъ фактѣ, что Гито выказалъ большую ловкость и корыстолюбіе, когда изъ тюрьмы написалъ Камерону письмо съ просьбой прислать 100 долларовъ, причемъ доказывалъ, что имѣетъ право на вознагражденіе, пожертвовавъ собою для его партіи,—экспертъ Календеръ отрицалъ въ подсудимомъ всякое умственное разстройство». Это письмо, сказалъ онъ, служитъ несомнѣннымъ доказательствомъ здравомыслія Гито, такъ какъ онъ выказываетъ въ немъ не только большую сообразительность при выборѣ лица, у котораго проситъ денегъ, но и умѣнье подкрѣпить свою просьбу вѣскими аргументами. Но, по моему, ни эта разсчетливость, ни прежнія мошенническія продѣлки, не опровергаютъ умопомѣшательства Гито. Въ своемъ журналѣ «Архивъ Психіатріи» я уже доказалъ вмѣстѣ съ Альбертотти и Перотти, какъ часто психическое разстройство встрѣчается именно у мошенниковъ и проявляется не во время суда только, но и гораздо раньше, примѣръ чего мы, впрочемъ, уже видѣли въ Детомази. Уловки и хитрости, употребляемыя такими субъектами во время судебнаго разбирательства, всего чаще во вредъ себѣ, я, напротивъ, объясняю именно тѣмъ, что у нихъ склонность къ при-

творству не сдерживается разсудкомъ и что вслѣдствіе своей ненормальности, они чувствуютъ и разсуждаютъ обо всемъ иначе, нежели здоровые люди. Къ тому-же разряду явленій относится замѣчаемая у истеричныхъ полу-паралитиковъ и алкоголиковъ наклонность ко лжи, притворству и клеветѣ. Наконецъ, экспертъ Макъ-Дональдъ высказалъ мнѣніе, что помѣшанные, считающіе себя вдохновенными, дѣйствуютъ безъ заранѣе обдуманнаго намѣренія, не заботясь о послѣдствіяхъ и не стараясь избѣжать отвѣтственности, а между тѣмъ Гито поступалъ какъ разъ наоборотъ.

Въ опровերженіе этого мнѣнія, достаточно припомнить приведенные нами выше эпизоды изъ біографій Мале, Бозизіо, Детомази, Лазаретти и даже самого Савонаролы.

Изъ всѣхъ этихъ примѣровъ читатели, надѣюсь, убѣдились въ существованіи особой резновидности помѣшанныхъ или полупомѣшанныхъ, людей крайне раздражительныхъ и до такой степени тщеславныхъ, жаждущихъ извѣстности, что они готовы добиваться ея всѣми способами, но чаще всего покушеніемъ на жизнь коронованныхъ или важныхъ особъ. Впрочемъ, я не сказалъ здѣсь ничего новаго. Тѣмъ-же вопросомъ занимались и другіе врачи, и я, какъ мнѣ кажется, только обстоятельнѣе разобралъ подобные случаи, къ сожалѣнію, слишкомъ многочисленные. Не мало приведено ихъ, между прочимъ, у Тардье въ его «*Судебно-медицинскихъ этюдахъ помѣшательства*». Для большей полноты моего изслѣдованія я приведу нѣсколько примѣровъ изъ этого сочиненія.

Передъ нами нѣкто Бушъ-Гильтонъ 59-ти лѣтъ, изъ хорошей семьи. Одинъ изъ его братьевъ былъ помѣшанный. Въ молодые годы ему пришлось нѣсколько разъ сидѣть подъ арестомъ за бродяжничество и мошенническія продѣлки. Во время революціи 1831 года онъ сражался во главѣ отдѣльнаго отряда, причемъ самъ произвелъ себя въ полковники, а по окончаніи военныхъ дѣйствій потребовалъ, чтобы за нимъ оставили это званіе и дали ему вознагражденіе въ 75 т. р.

Не добившись ни того, ни другаго и желая привлечь къ себѣ общее вниманіе, онъ принялся всячески досаждать правительству и распространялъ гнусныя сатиры на Людовика-Филиппа. Съ толпою такихъ-же недовольныхъ, Гильтонъ ходилъ по улицамъ, продавалъ мазь, сдѣланную изъ костей и крови убитыхъ на полѣ сраженія, а затѣмъ ихъ трости, зонты

и т. под. Арестованный за это два раза, онъ такимъ образомъ добился желанной извѣстности.

Чтобы избавиться отъ воображаемыхъ враговъ, онъ поставилъ у оконъ дома, гдѣ жилъ, куклы въ солдатскихъ мундирахъ, а во дворѣ сталъ держать своихъ любимыхъ козъ и колотилъ каждаго, кто осмѣливался заявить ему, что такъ нельзя поступать. Кромѣ того, онъ вздумалъ возвести стѣну на чужой землѣ и конечно долженъ былъ сломать ее послѣ цѣлаго ряда тяжбъ; всѣмъ сосѣдямъ своимъ онъ задолжалъ, но платилъ имъ только одними оскорбленіями.

Потомъ Гильтонъ отправился въ Англію и, услыхавъ, что туда долженъ пріѣхать Людовикъ-Филиппъ, просилъ у Лондонскаго лорда мера позволенія арестовать короля какъ своего мнимаго должника. Когда-же пріѣздъ короля замедлился, то Гильтонъ, вообразивъ, что Людовикъ-Филиппъ боится встрѣчи съ нимъ, послалъ во Францію формальную жалобу на короля, адресованную его собственному министру внутреннихъ дѣлъ. Главное занятіе этого графомана состояло въ писаніи писемъ, просьбъ, петицій, пасквилей и пр.; онъ писалъ всегда, вездѣ, по всякому поводу и безъ всякаго повода, писалъ королю, въ различныя правительственныя учрежденія, депутатамъ и даже сосѣдямъ, причемъ конечно тратилъ цѣлыя горы бумаги, хотя былъ такъ бережливъ на нее, что не оставлялъ неисписаннымъ ни одного уголка, а строки располагалъ и вдоль, и поперегъ, и наискось. Почеркъ у него крупный, но четкій, орѳографическихъ ошибокъ много, выраженія всегда рѣзкія и грубыя.

Наружность у Гильтона отталкивающая, глаза плутовскіе, говоритъ онъ плавно и заканчиваетъ фразы громкимъ смѣхомъ, постоянно употребляетъ клятвы и увѣренія «честнымъ словомъ», обвиненія умѣетъ ловко парировать. Такъ напр. въ судѣ онъ приводилъ въ свое оправданіе такого рода доводы: «У меня было столько процессовъ, что теперешній можетъ доставить мнѣ только одно удовольствіе. Я отзывался непочтительно о королѣ не изъ личной ненависти, но чтобы хотя на бумагѣ излить свой гнѣвъ на испытываемыя мною несправедливости. Въ мошенничествѣ меня обвинили съ тою цѣлью, чтобы лишить награды за услуги, оказанныя отечеству» и т. д.

Замѣтивъ, что эксперты склонны признать его умалишеннымъ, Гильтонъ заподозрилъ въ нихъ сообщниковъ заговора, устроеннаго съ этой цѣлью противъ него королемъ, и написалъ ему: «Ваше Величество прислали ко мнѣ троихъ господъ, чтобы убѣдить меня, будто я сошелъ съ ума, изъ чего я заключилъ о существованіи заговора съ намѣреніемъ выдать меня за помѣшаннаго. Если сонъ Вашего Величества улучшился съ тѣхъ поръ, какъ я въ тюрьмѣ, то Ваше Величество будете спать еще лучше, когда меня казнятъ». А судьѣ онъ написалъ: «Я прибылъ во Францію для того, чтобы досадить Людовику-Филиппу, когда онъ увидитъ меня среди сражающихся. Здѣсь я попался въ западню. У васъ остается только одно средство избавиться отъ меня—дать мнѣ яду.» И мало по малу онъ дѣйствительно сталъ думать, что его хотятъ отравить.

Талантливый адвокатъ Санду добился выдающагося положенія только благодаря своимъ заслугамъ, но потомъ за какіе-то промахи былъ уволенъ отъ службы. Онъ обратился тогда за помощью къ министру Бильо, своему бывшему товарищу, и тотъ нѣсколько разъ давалъ ему пособія, но, замѣтивъ въ немъ разстройство умственныхъ способностей, отказался отъ него совершенно. Послѣ этого Санду началъ преслѣдовать министра просьбами, униженными и въ то же время угрожающими, при чемъ ссылался именно на прежнюю помощь, какъ на что-то обязательное и въ будущемъ. Его помѣстили въ больницу, гдѣ, послѣ тщательной экспертизы, врачи признали его помѣшаннымъ. По выходѣ оттуда, онъ снова сталъ подавать то раболѣпныя до крайности, то надменныя до безумія прошенія: называя себя въ нихъ главою несуществующей партіи, жаловался что его хотятъ убить, вслѣдствіе чего грозилъ, что прежде онъ самъ убьетъ министра, хотя его же умолялъ исполнить свою послѣднюю волю и похоронить въ назначенномъ имъ мѣстѣ. Нашлись знаменитые адвокаты, въ томъ числѣ Фавръ, съумѣвшіе придать этому дѣлу государственное значеніе. Когда начались общіе выборы, Санду вообразилъ, что Карно постарается провести его въ депутаты отъ Парижа, затѣмъ сталъ мечтать о какой-то необыкновенно блестящей женитьбѣ, которая ему предстоитъ, и собирался писать большое сочиненіе о демократіи, чтобы попасть въ члены парижской академіи. По временамъ онъ жаловался, что крысы обгрызли ему голову, что одна половина тѣла у него слабѣе другой и покушался на самоубійство. Характерную особенность его составляетъ громадное число написанныхъ имъ въ тюрьмѣ и на свободѣ сочиненій и писемъ, переполненныхъ постскриптами, подчеркнутыми словами и всегда буквально одинаковыхъ по содержанію. Не смотря на такіе явные признаки ненормальности, многіе укоряли Бильо за его равнодушіе къ судьбѣ несчастнаго Санду. Вскрытіе обнаружило у него въ мозгу весьма серьезныя поврежденія, происшедшія отъ менингита, и тогда только большинство убѣдилось въ психическомъ разстройствѣ бѣднаго адвоката.

Нѣкто М. А. выдавалъ себя за профессора Оксфордскаго университета, одержавшаго побѣду надъ 300 кандидатами и получающаго 20 тыс. рубл. жалованья, хотя совсѣмъ не владѣлъ англійскимъ языкомъ и плохо зналъ латинскій; но онъ изобрѣлъ такой способъ обученія, съ помощью которого даже незнающій англійскаго языка могъ преподовать его. Живя въ Лондонѣ, М. А. познакомился съ одной княгиней и вообразилъ, что она влюблена въ него, хотя та вскорѣ даже отказала ему отъ дома. Онъ издалъ тогда объемистый томъ мемуаровъ, гдѣ обвинялъ княгиню въ похищеніи у него портфеля; затѣмъ писалъ обличительныя статьи противъ министра и подавалъ докладныя записки то въ парламентъ, то въ палату лордовъ. Одинъ изъ этихъ послѣднихъ обѣщалъ даже автору сдѣлать по поводу его записки интерпеляцію, но въ это самое время М. А. вдругъ переѣхалъ въ Парижъ, гдѣ его принялъ подъ свое покровительство капелланъ императора.

Послѣ паденія имперіи М. А. обратился къ Лиможскому епископу; однако тотъ сразу понялъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, и отправилъ просителя въ больницу для умалишенныхъ. По выходѣ оттуда М. А. началъ процессъ противъ епископа.

Впослѣдствіи онъ замѣшался въ какую-то полубонапартистскую полуреспубликанскую шайку и, вообразивъ, что напалъ на слѣдъ обширнаго заговора, сообщилъ объ этомъ министру Лефрану, который сначала отнесся къ М. А. серьезно и обѣщалъ разсмотрѣть его тяжбы, но потомъ, убѣдившись въ помѣшательствѣ мнимаго профессора, помѣстилъ его въ больницу Св. Анны. М. А. ябедничалъ тамъ директору на всѣхъ больныхъ, а выйдя изъ больницы, сталъ писать въ правленіе доносы на директоровъ.

Въ заключеніе приведу еще одинъ любопытный примѣръ, взятый мною изъ брошюры профессора Морселли «Геній дома умалишенныхъ».

Виргилій Антонелли считался у себя на родинѣ, въ Мархіи, нѣкотораго рода литературной знаменитостью, хотя стихи его не отличаются особыми достоинствами, точно такъ же какъ и написаная имъ автобіографія. Жизнь этого маттоида-графомана сложилась крайне печально, отчасти по его собственной винѣ. Вотъ какъ описываетъ ее Морселли: «Поступивъ на корабль юнгой, въ 1861 году, онъ черезъ 6 лѣтъ былъ подвергнутъ дисциплинарному взысканію, а потомъ въ 1867 г., уже будучи матросомъ, просидѣлъ 8 мѣсяцевъ въ тюрьмѣ за самовольную отлучку съ цѣлью побывать въ Ментанѣ. На слѣдующій годъ онъ опять дезертировалъ, но его поймали и приговорили къ суровому наказанію, которое однако было отмѣнено судомъ, признавшимъ Антонелли *экзальтированнымъ*.

«Въ 1869 г. онъ присужденъ былъ къ дисциплинарному взысканію за ругательную статью противъ журнала «Dovere» и за дурное поведеніе. Тутъ ему часто усиливали наказаніе, — сажали на цѣпь, оставляли на хлѣбѣ и на водѣ и, наконецъ, предали военному суду, который приговорилъ его еще къ двумъ годамъ тюремнаго заключенія. По дорогѣ въ тюрьмѣ Антонелли повздорилъ съ карабинерами и по жалобѣ ихъ Верховный совѣтъ Адмиралтейства увеличилъ ему наказаніе на шесть мѣсяцевъ.

«Наконецъ, послѣ цѣлаго ряда другихъ дисциплинарныхъ наказаній, онъ въ 1873 году былъ уволенъ въ чистую отставку и, вообразивъ себя теперь вполнѣ свободнымъ гражданиномъ, сталъ вести жизнь праздношатающагося, ни мало не заботясь о гражданскомъ кодексѣ законовъ. Но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ бѣднякъ просидѣлъ опять 6 недѣль подъ арестомъ въ Реджіо Эмилія, какъ неимѣющій опредѣленныхъ занятій. Потомъ его отправили на родину, откуда онъ ушелъ въ 1874 г. и снова попалъ въ тюрьму Мачерато, гдѣ его продержали болѣе полугода. Выпущенный на свободу, Антонелли отправился въ Римъ, но тамъ его задержали за бродяжничество и послѣ непродолжительнаго ареста вернули домой. Черезъ нѣсколько времени ему снова пришлось посидѣть въ тюрьмѣ за оскорбительное письмо, адресованное супрефекту, послѣ чего судъ приговорилъ его къ отдачѣ подъ надзоръ полиціи на полгода. Вслѣдъ затѣмъ онъ, какъ бродяга и праздношатающійся, попалъ уже въ послѣдній разъ въ тюрьму, откуда самъ попросилъ, чтобы его перевели въ больницу для умалишенныхъ. Тамъ онъ скоро ужасно надоѣлъ всѣмъ своими дерзкими выходками и стараніемъ перессорить больныхъ между собою, такъ что въ маѣ 1877 года его перевезли въ другую больницу».

Здѣсь-то и наблюдалъ его проф. Морселли.

«Больной обыкновенно бываетъ спокоенъ — пишетъ онъ — и только по временамъ обнаруживаетъ сильную ажитацію, но какъ въ томъ, такъ и въ другомъ состояніи у него проявляются однѣ и тѣ-же странныя идеи: онъ считаетъ себя душевно-больнымъ, окончательно потерявшимъ разсудокъ, и въ то-же время непонятымъ геніемъ, первостатейнымъ, неистощимымъ писателемъ. Поэтому у него одновременно существуютъ какъ бы два борющіяся между собою сознанія, изъ которыхъ каждое заставляетъ его думать и дѣйствовать различнымъ образомъ. Когда верхъ берутъ здравыя понятія, М. А. сознаетъ, что онъ человѣкъ не-

нормальный, что представленія его ложны, поведеніе нелѣпо, а мрачныя мысли составляютъ результатъ болѣзненнаго возбужденія; когда же побѣда остается на сторонѣ этого послѣдняго, М. А. впадаетъ въ мизантропію, бредитъ своимъ величіемъ, начинаетъ въ волненіи бѣгать по комнатамъ и громко бранить всѣхъ негодями, лицемѣрами, іезуитами... Впродолженіе обоихъ этихъ періодовъ онъ постоянно пишетъ обличенія на своихъ враговъ, причисляя къ нимъ всякаго, кто занимаетъ въ обществѣ выдающееся положеніе по своему богатству, титуламъ или дарованіямъ. Какъ соціалистъ и крайній демократъ, М. А. ненавидитъ аристократовъ и постоянно называетъ себя несчастнымъ геніемъ, терпящимъ гоненія отъ всѣхъ *сатраповъ*, господствующихъ въ странѣ. Письменныя произведенія его чрезвычайно многочисленны, такъ какъ сочинительство — его главное занятіе; въ 1882 году онъ писалъ напримѣръ три романа заразъ, изъ которыхъ одинъ назывался: «Путешествіе изъ Анконы въ Римъ», другой—«Завѣщаніе священника» и третій—«Убитый графъ». Плодовитость его изумительна: за послѣдніе мѣсяцы онъ написалъ нѣсколько эпизодовъ изъ своей скитальческой жизни, изслѣдованіе относительно «Обученія пролетаріевъ-рабочихъ» и вмѣстѣ съ тѣмъ принималъ дѣятельное участіе въ «Журналѣ дома умалишенныхъ въ Мачерато», для многихъ номеровъ котораго составлялъ ежедневную хронику больницы съ передовыми статьями, шарадами, юмористическими очерками и проч. Ко всему этому необходимо еще присоединить несмѣтное число записокъ, обращенныхъ то къ директору, то къ членамъ своей семьи, гдѣ высказывались самыя задушевныя мысли автора. Кромѣ того, онъ сочинялъ письма, петиціи и прошенія отъ имени другихъ больныхъ и служителей, избравшихъ его своимъ секретаремъ. М. А. обѣщалъ написать также комедіи и трагедіи для нашего маленькаго театра, устроеннаго въ больницѣ. Составленный имъ по моей просьбѣ списокъ всѣхъ его произведеній вышелъ до того длиненъ, что я не рѣшаюсь привести его цѣликомъ и укажу лишь на особенно характерныя заглавія:

Тайны чудовищной жестокости въ морской службѣ или *Ретроградный прогрессъ XIX столѣтія*, соч. въ 5 частяхъ.

Корабельный юнга—поэма въ риѳмованныхъ октавахъ.

Романтическій сборникъ—одинъ томъ.

Избранныя письма—одинъ томъ.

Пауперизмъ въ Италіи и средства къ его уничтоженію—поэма.

Скучающій холостякъ—юмористическая пьеса въ 5-ти дѣйствіяхъ.

Переводы съ латинскаго (?).

Сонеты, эпиграммы, акростихи, шарады, загадки, ребусы и пр.

Статьи, напечатанныя въ различныхъ журналахъ, какъ напр. въ *Il Dovere*, *Corriere di Marche* и проч.

«Авторъ очень высокаго мнѣнія обо всѣхъ этихъ произведеніяхъ; и дѣйствительно, хотя въ нихъ всегда встрѣчается перефразировка однѣхъ и тѣхъ же идей, хотя нерѣдко онѣ оставляютъ многаго желать со стороны ясности изложенія, но въ нихъ проявляется иногда увлекательное краснорѣчіе и—что еще удивительнѣе—замѣтна строгая логичность, свидѣтельствующая объ умѣньи автора достигать главной цѣли—убѣдить читателей въ своихъ необыкновенныхъ дарованіяхъ и въ роковой силѣ печальныхъ обстоятельствъ, омрачившихъ этотъ свѣтлый умъ. Своими сочиненіями М. А. не только думаетъ прославить себя, но и опозорить своихъ безчисленныхъ воображаемыхъ враговъ, ухитрившихся столько времени продержать его въ тюрьмахъ. При этомъ онъ однако не скрываетъ, что ему не достаетъ знаній по части соціологіи и что убѣжденія его шатки; въ самомъ дѣлѣ, они до того неустойчивы, что М. А. легко доказать, помощью логическихъ доводовъ, нелѣпость его поступковъ и безсмысленность проводимыхъ имъ идей, напр. относительно соціализма, интернаціонализма и пр. Подъ вліяніемъ такихъ доводовъ, онъ нерѣдко сознаетъ неосновательность своего предположенія, будто все общество вооружилось противъ него, причемъ даже самъ объясняетъ свои заблужденія и странные поступки разстройствомъ своихъ умственныхъ способностей, которое вызвано роковыми случайностями его жизни, исполненной треволненій всякаго рода.»

V.

Аномаліи черепа у великихъ людей.

(Къ XI главѣ).

Я уже говорилъ раньше о такихъ аномаліяхъ и теперь прибавлю лишь нѣсколько новѣйшихъ наблюденій въ томъ же родѣ, заимствованныхъ у Канестрини, Мантегацца, Фохта и др. Кромѣ того я самъ подробно изслѣдовалъ черепъ Вольты и нашелъ въ немъ, при замѣчательной красотѣ формы и несомнѣнно большей противъ обыкновеннаго емкости [1]), многія изъ тѣхъ осо-

---

[1])

Емкость черепа Вольты . . .	1865	куб. сантиметровъ.
„ глазницъ „ . . .	55	„
Окружность черепа „ . . .	570	милиметровъ.
Ширина лба „ . . .	120	„
Показатель черепной „ . . .	775	„
„ вертикальный . . .	720	„
„ черепно-глазничный . .	33	„
„ черепно-спинальный . .	22	„
Емкость черепа Бруначчи . . .	1700	куб. сантиметровъ.
„ „ Петрарки . . .	1602	„
„ „ Фузиньери . . .	1602	„
„ „ Данте . . .	1493	„
„ „ Фосколо . . .	1426	„
„ „ Св. Амвросія . . .	1792	„
„ „ Скарпа	1455	„
„ „ Романьози . . .	1819 (?)	„

Изъ этой таблицы видно, что емкость черепа Вольты—наибольшая; средняя-же емкость, по Калори, считается для итальянцевъ 1551, а по Делоренци 1554. Средній вѣсъ мозга Гадди принимаетъ въ 600, но большинство—въ 500.

Окружность черепа Св. Амвросія . .	533	м. милиметровъ.
„ „ Бруначчи . .	550	„
„ „ Фузиньери . .	544	„
„ „ Петрарки . .	540	„
„ „ Фосколо . . .	530	„
„ „ Данте . . .	520	„
„ „ Доницетти . .	574	„
„ „ Беллини . .	550	„

бенностей, которыя, по мнѣнію антропологовъ, составляютъ принадлежность низшихъ расъ, какъ напр. выпуклость шиловидныхъ отростковъ, малая извилистость вѣнечнаго шва, слѣды средняго лобнаго шва, тупость лицеваго угла (73°) и въ особенности сильные черепные склерозы, доходившіе мѣстами до 16 миллиметровъ, отчего зависѣлъ и значительный вѣсъ черепа—въ 753 грамма. Изъ наблюденій другихъ изслѣдователей мы узнаемъ, что у Манцони, Петрарки и Фузиньери лобъ былъ покатый, что у Байрона, Фосколо, Хименеса и Доницетти найдено сращеніе черепныхъ швовъ; затѣмъ мы убѣждаемся въ субмикроцефаліи [1]) Розари, Декарта, Фоскола, Тиссо, Гвидо Рени, Гофмана и Шумана; находимъ склерозы у Доницетти и костный гребень между крыловиднымъ отросткомъ и основною частью затылочной кости у Тидемана.

Къ такимъ же ненормальностямъ слѣдуетъ отнести темянную трещину, найденную у Фузиньери, ассиметрію черепа Биша, Романьози, Канта, Шеневи и Данте, (причемъ у послѣдняго было найдено еще и неправильное развитіе лѣваго темяннаго бугра и присутствіе двухъ бугорковъ на лобной кости), плажіоцефалію [2])—у Бруначчи и Макіавелли, несоразмѣрно выдающійся лобъ (68°) у Фосколо и ультрадолихоцефалію [3]) у Фузиньери (показатель 74), составляющую разительный контрастъ съ обычной у венеціанцевъ ультрабрахицефаліей [4]) (пок. 82 и 84), ультрадолихоцефалію О'Коннора (73), тогда какъ показатель въ среднемъ выводѣ для ирландцевъ даетъ 77; присутствіе средней затылочной ямы у Скарпа и, наконецъ, множество особенностей строенія черепа Канта, обыкновенно не встрѣчающихся у нѣмцевъ, какъ напр. ультрабрахицефалія—88,5, плоскій черепъ (показатель высоты 71,1) непропорціональность верхней части затылочной кости, вдвое болѣе развитой, чѣмъ нижняя, и слишкомъ уже малая лобная дуга, сравнительно съ темянной.

На основаніи такихъ данныхъ и въ виду того, что геніальныя способности часто развиваются въ ущербъ какимъ нибудь психическимъ сторонамъ, мы можемъ сдѣлать предположеніе, что геніальность сопровождается аномаліями того самаго органа, на которомъ зиждется слава генія. Чтобы такой выводъ не по-

---

[1]) Малый размѣръ черепа.
[2]) Сплющенный черепъ.
[3]) Крайняя степень удлиненія черепа.
[4]) Крайне укороченный черепъ.

казался слишкомъ смѣлымъ, мы, кромѣ приведенныхъ выше наблюденій, укажемъ еще на многіе другіе факты, напр. водянку желудочковъ мозга у Руссо, гипертрофію мозга у Кювье, менингитъ у Гросси, Доницетти и Шумана, отекъ мозга у Либиха и Тидемана. У этого послѣдняго Бишофъ нашелъ, кромѣ значительнаго утолщенія костей черепа, особенно лобныхъ, еще и уплотненіе твердой мозговой оболочки, прилегающей къ кости, утолщеніе и поврежденіе паутинной оболочки, а въ мозгу—явные признаки атрофіи. Вагнеръ нашелъ у клинициста Фукса перерывъ роландовой борозды, происшедшій отъ пересѣченія ея на поверхности мозга образовавшейся аномальной извилиной, случай до того рѣдкій, что онъ встрѣчается по Джіакомини—одинъ разъ на 356, а по Гешелю—одинъ разъ на 632 вскрытія. Мозгъ Сварпа вѣсилъ только 1066 грам. Вагнеръ и Бишофъ нашли вѣсъ мозга знаменитыхъ германскихъ ученыхъ ниже средней цифры, принятой для германцевъ, хотя это обусловливалось, можетъ быть, преклоннымъ возрастомъ ихъ и болѣзненнымъ состояніемъ въ послѣдніе годы жизни, какъ напр. у Либиха (70 л.)—1352 гр. и Деллингера—1207 ф., умершихъ отъ чахотки [1]).

У Вагнера приведены слѣд. данныя относительно вѣса мозга Геттингенскихъ ученыхъ:

Дирише . . .	математикъ	54-хъ лѣтъ	1520 гр.
Фуксъ . . .	медикъ	52 „	1499 „
Гауссъ . . .	математикъ	78 „	1492 „
Германъ . .	философъ	51 „	1358 „
Гаусманъ . .	минералогъ	77 „	1266 „

Бишофъ для ученыхъ Моноко нашелъ такія цифры:

Германъ . .	геометръ	60 лѣтъ	1590 гр.
Пфейферъ . .	медикъ	60 „	1488 „
Бишофъ . .	медикъ	79 „	1452 „
Мельхіоръ-Мейеръ	поэтъ	79 „	1415 „
Губеръ. . .	философъ	47 „	1499 „
Фальмейеръ .	химикъ	74 „	1349 „
Либихъ . .	„	70 „	1352 „
Тидеманъ. .	„	79 „	1254 „
Гарлессъ.		40 „	1238 „
Деллингеръ		71 „	1207 „

Наибольшій вѣсъ мозга (1925—2222 гр.) найденъ былъ у неизвѣстныхъ личностей.

Точно также измѣреніе мозговаго пояса дало наибольшія цифры для личностей съ ограниченными способностями.

У клинициста Фукса поверхность мозга занимала	22,1005	квадрат.	сент.
„ Гауса „	21,9588	„	„
И при томъ-же вѣсѣ у неизвѣстной женщины	20,4115	„	„
У простаго рабочаго	18,7672	„	„

(Бишофъ *«Вѣсъ мозга у человѣка»* 1880).

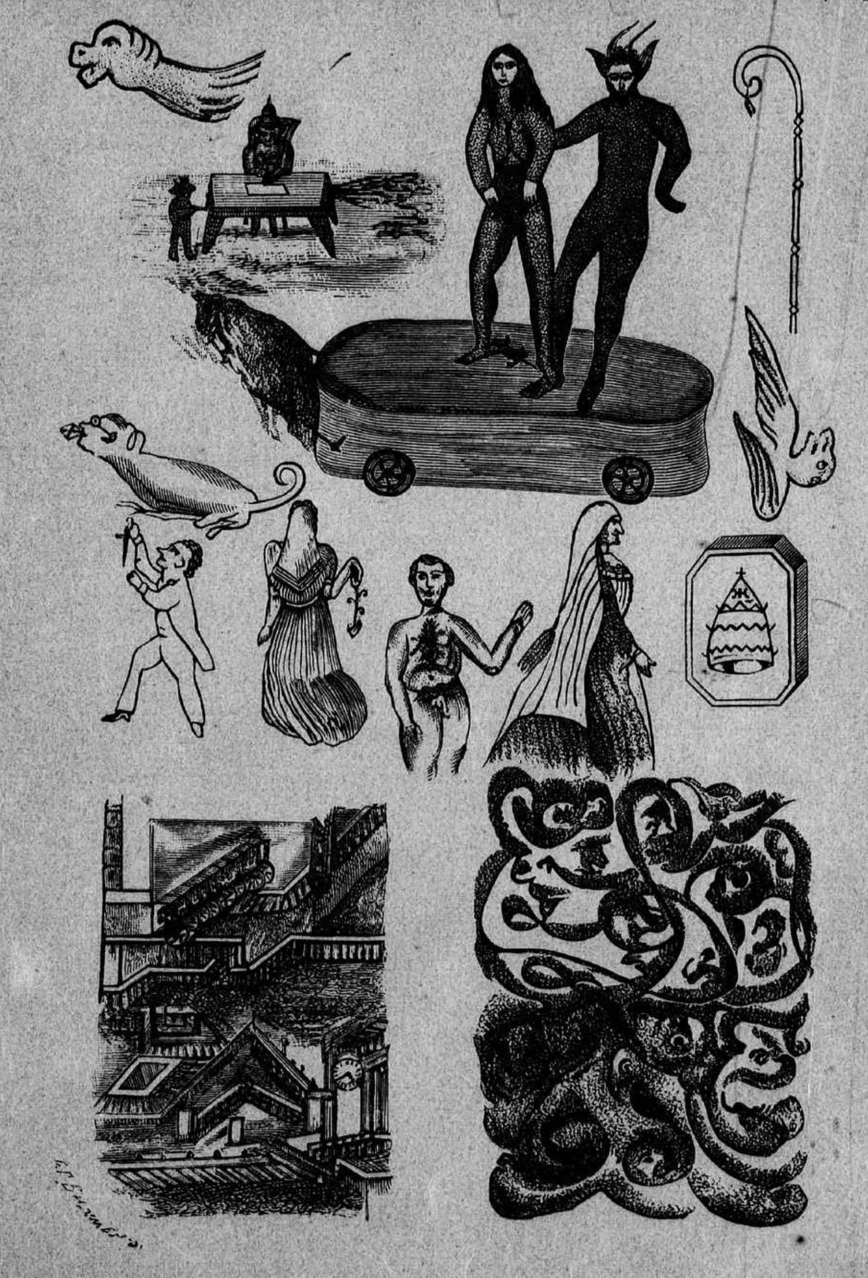
Емкость черепа Канта была 1740 к. с.—на 40 к. с. больше противъ средней емкости у германцевъ.

[1]) Во Франціи Ле-Бонъ, изслѣдовавшій 26 череповъ геніальныхъ французовъ, какъ напр. Буало, Декарта, Журдана и др., нашелъ у наиболѣе извѣстныхъ изъ нихъ емкость въ 1732 к. с., тогда какъ у древнихъ обывателей Парижа она была только 1559; въ настоящее время едва лишь 12 на сто парижанъ представляютъ емкость выше 1700 к. с. У геніальныхъ же людей 73 на сто обладаютъ емкостью больше этой средней цифры

Стр. 175 строка 21 сверху *вмѣсто*: специальныя *слѣдуетъ*: соціальныя

Стр. 217 строка 13 сверху *вмѣсто*: него *слѣдуетъ*: у него

Стр. 224 строка 1 и 2 сверху *вмѣсто*: но даже Леона дю-Ваша, переведенными на французскій языкъ, благодаря субсидіи а также *слѣдуетъ*: но даже переведенными на французскій языкъ благодаря субсидіи Леона дю-Ваша, а также

въ

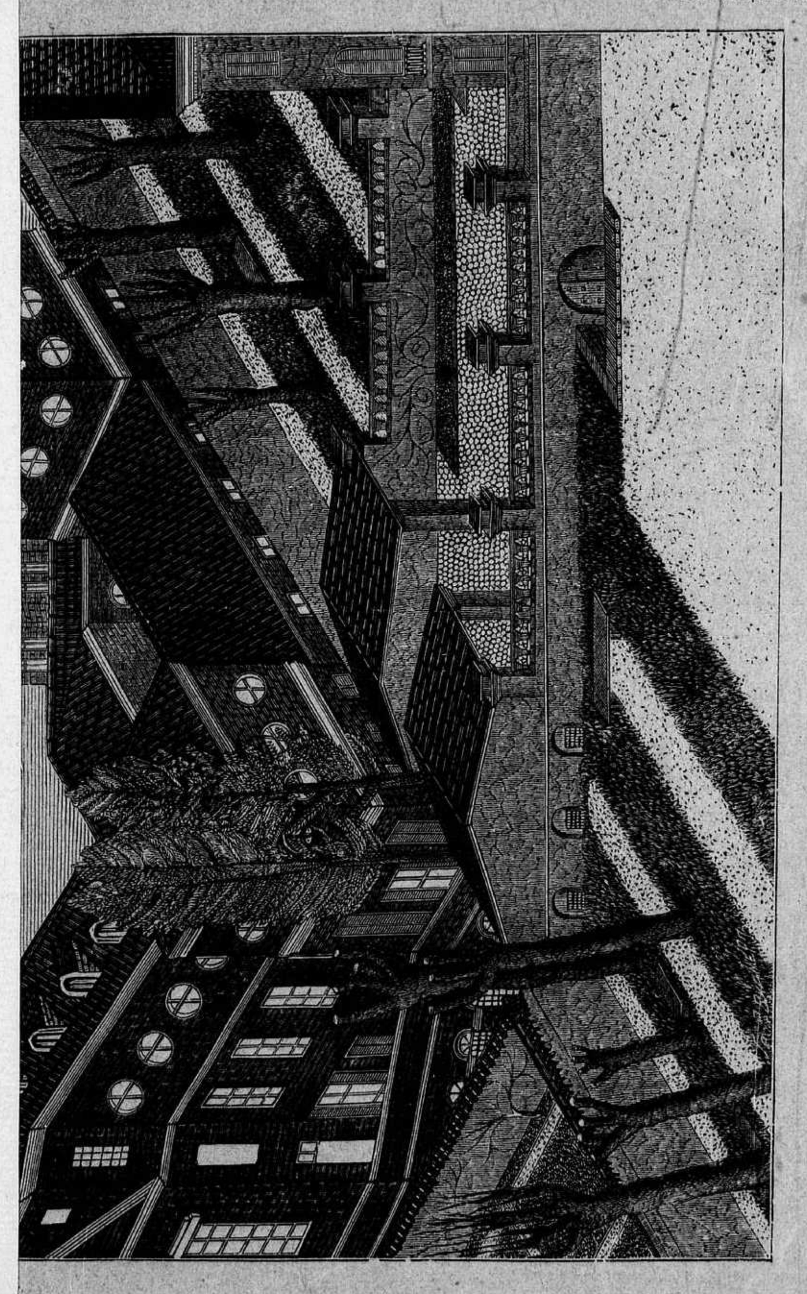
Дозволено цензур. Спб., 13 Марта 1885 г. Тип. Тов. „Обществ. Польза", Б. Подъяч., № 39

Таблица II.

Дозволено цензур. Спб., 13 Марта 1885 г. Тип. Тов. „Обществ. Польза“, Б. Подьяч., № 39.

Таблица III.

...но цензур. Спб., 13 Марта 1885 г. Тип. Тов. „Обществ. Польза", Б. Подъяч., № 39.